Александр Золотая Грива.

Unknown

SHOUT
SHARE
IT

- Андрей Ильин. Александр Золотая Грива.
  -

Андрей Ильин. Александр Золотая Грива.

Боярин Твердослов неспешно обходит двор. Раннее утро, ещё роса не успела растаять, прохладно. Именно в это время он любит обойти хозяйство, всё посмотреть, проверить, дать указания, ежели надобно, тумаков надавать лодырям. Боярину за полсотни лет, он тяжёл и важен, как и подобает в его возрасте и положении. Высок и прям, но плечи уже немного обвисли. Круглое румяное лицо обрамляет окладистая борода. Волосы по многолетней привычке длинные, аккуратно и ровно уложены на спину и плечи, словно закрывают шею от сабельного удара, как кольчужная сетка. Длинные сильные руки важно сложёны на выпуклом животе. Сощурив голубые глаза и чуть сдвинув брови внимательно смотрит по сторонам. Боярин очень чистоплотен, строго следит, что бы на дворе скотина не оставляла лепёшек, а земля была полита водой. Всю траву по углам дворовые безжалостно выдирают с корнем и не дай боги, чтоб кто ни будь по малой нужде сходил на дворе — таких боярин приказывал пороть безжалостно.

Сегодня Твердослов не увидел непорядка и даже немного расстроился — всё чисто, прибрано, даже куры разбежались при виде грозного владыки и затаились в темноте просторного курятника. Боярин вздохнул полной грудью вкусный утренний воздух, неспешно повернул к терему. Под каблуком с подковкой заскрипело — старый ржавый гвоздь попал. Твердослов с натугой наклонился, повертел в руке желёзку. Короткие толстые пальцы без усилий разогнули гвоздь. Повернулся к кузне, собираясь крикнуть коваля — непорядок, как вдруг донёсся возмущённый вопль:

— А-а… ты самый умный?! Щас накидаем плюх … ухи капустняком станут!

С грацией осадной башни Твердослов развернулся. Строгому хозяйскому взору предстала картина вопиющего беспорядка — четверо подростков торопливо молотят крупного мальчишку. Тот уворачивается, бьёт в ответ, но чаще достаётся всё-таки ему. Из носа течет красное, под глазом грозовой тучкой темнеет синяк, от холщовой рубахи висят клочья.

— А ну, козявки, прекратить драку! — по-медвежьи взревел Твердослов, — не то …

Кучка дерущихся мгновенно рассыпалась и всё пятеро замерли столбиками — боярина побаивались и уважали. Четверо

встали в ряд, недовольно зыркая из-под нахмуренных лбов, а пятый вытирает потное круглое лицо порванным подолом рубахи. Руки заметно дрожат.

— Ну? — грозно спросил боярин, — чего опять не так?

— Этот валенок нас дурными обозвал! — крикнул самый щуплый, Вышко, — как он смеет!?

— Врёт он, дядя Твердослов, не обзывался я! — отозвался тот, кого только что поколотили. Он уже почти успокоился и говорит ровно, негромко. — Они от зависти ярятся, меня учитель греческого хвалит, а им пеняет, что учить не хотят…

— Нет, обзывал… — упрямо повторил Вышко.

— Тихо! — прекратил спор боярин, — мне всё ясно. Ступайте всё в горницу, а ты Алекша, на задний двор.

Мальчишки послушно побрели куда сказали, а Твердослов сёл на лавку, задумался. Те четверо, что дрались — княжеские дети: Всеслав, Глеб, Мстислав и Вышеслав. Пятый — боярского роду, Александр. Отец погиб в сражении, мать померла ещё раньше от болезни. Мальчишка вырос не по годам крупным, сильным, но воинской наукой вроде как брезговал. Всякий раз, когда боярин заглядывал в клеть, где зубрили ромейскую премудрость мальчишки, он видел там только склонённую светловолосую голову Алекши — княжеские дети предпочитали невсамделишные битвы на заднем дворе. Мальчишка не отрывал голубые глаза от очередной книги, от усердия пришлёпывал губами. Твердослов только головой качал, видя такое прилежание. А Алекша ничего не замечал и читал, читал. Особенно нравились сказы о древних героях, о битвах и великих завоеваниях. Алекша часами, не отрываясь, читал о державах прошлого. Но вот странность — нигде не сказано, почему всё древние державы исчезли. Что стало причиной, непонятно. Алекша читал, перечитывал, но ничего не находил. Спрашивал ромейского учителя — мнется, что-то невнятно бормочет, словно боится чего. Надобно разбираться самому…

По указу великого князя Владимира дети знатных семей обязаны учиться грамоте и другим разным наукам. Для этого из Византии князь привёз учёных ромеев, в основном из своих русичей, долго живших в Царьграде и хорошо знающих ромейский язык и порядки. Одну из таких школ и открыли при дворе боярина Твердослова в маленьком городке Вышеграде. Родители знатных отпрысков отнеслись к затее великого князя с осуждением. Сами они всё поголовно были неграмотны, как неграмотными были и их отцы и деды и потому считали, что прожить можно и так. Что бы написать письмо, достаточно кликнуть грамотного жида или купца из наших, им положено

такое уметь. А мы, соль земли русской, и без этой дряни заморской хороши, всё могем, всё знаем … боярские жёны в голос ревели, отдавая сыновей в непонятное и страшное учение. Они думали, что грамота — это опасное и страшное колдовство, чародейство. Беспутный князь хочет всём привить заморскую заразу, а особенно уморить их боярских бедных детушек…

Твердослов усмехнулся, вспоминая всё те причитания и жалобы, что пришлось выслушать от боярынь. Глупым бабам, ни разу за всю жизнь не бывавшим дальше околицы города, невозможно объяснить, почему грамота необходима. Он и сам только недавно понял, в чём смысл княжеской задумки. Ромей Афанасий, что поселился в его тереме, объяснил так:

— Что нужно, боярин, что бы из парубка воина сделать? Учить! Сначала палкой махать, потом тупым мечом. Доспехи правильно надевать, бегать в них, даже спать. Обучиться стрельбе из лука, арбалета, владеть секирой, саблей, булавой и ещё всяким оружием, ты это лучше меня знаешь. От постоянных и трудных упражнений крепнет тело и дух, подросток становится мужем, мужает! Но не только силой крепок муж, но и умом. Бык в стократ сильнее любого, но у вас даже дети ими управляют, потому что умнее. А ум тоже надо тренировать, без нагрузки он чахнет, слабеет и вовсе пропасть может. Ты ведь и сам таких, которые без ума, знаешь. А князю надобны умные. Он державу строит, а им её крепить!

Боярин не возражал. Ему много раз приходилось участвовать в стычках с печенегами, воевал смолоду и знал, что первыми в схватках гибнут глупые. Без ума долго не живут. Великий князь Владимир стал великим не по наследованию, а по уму. Он с варягами по всей Европе прошёл, в Царьграде служил в гвардии базилевсов. Был и простым воином, и дружины водил в бой, и при дворе царьградском всего повидал. Твёрдо усвоил - государству необходимы образованные сановники, без них развалится.

Алекша вытер нос, уныло побрёл на задний двор. Длинные светлые волосы упали на плечи, на лицо. Знает, для чего боярин отправил туда. На заднем дворе отроки занимались воинской наукой. Назначенный Твердословом дядька, бывший дружинник князя, обучал подростков секретам боя с мечом и секирой. Только до настоящих мечей дело ещё не дошло, умения нет, потому рубились мальчишки деревянными палками, по весу точь в точь, как меч. Если науки давались Алёшке хорошо, то дрался он плохо. Нет, постоять за себя мог, простых мальчишек в потешных сражениях побивал. Но ведь он вместе с княжичами, а тех учили держать меч раньше, чём ходить. Для них Алекша стал « болванкой» — так называли деревянные фигурки воинов, которых

рубили тупыми мечами. Дядька молча сунул в руки тяжёлую дубину и мотнул головой — давай, мол, рубай …

Однажды вечером, когда всё уже спали, Алекша тихо пробрался в комнату, где хранятся книги. Недавно купцы привезли новых и ему страх, как захотелось прямо сейчас посмотреть. Осторожно пронёс горящую лучину, приладил на подставку. Одна книга была почерневшей от копоти, обгорелой — видать, не просто купцы добирались до Киева, пришлось и мечами помахать. Мальчик тихо вздохнул, вспоминая, как сам изо всех сил молотил « болвана», аккуратно раскрыл книгу. Он читал по ромейски ещё не очень быстро и поэтому не сразу понял, о чём речь. Неизвестный автор рассказывал о герое древней Греции по имени Александр. Он завоевал всю землю, покорил племена и создал державу, которой не было равных! А учителем у него был древний мудрец Аристотель. « И тогда люди понимали, что наукам обучаться надобно, — подумал Алекша, — но и без драки не обходились. Всё нужно». Оторвался от книги, когда в маленьком окошке, затянутом бычьим пузырём, посветлело. Прилёг тут же, на лавку, сразу заснул…

Незаметно подкралась ранняя осень. На деревьях появились жёлтые листья, рассветы обзавелись холодным ветерком. Приближается пора праздников и свадеб. Твердослов решил повезти мальчишек в Киёв, князю показать, да и самому пора поговорить с ним. Добираться долго, хорошо, если дотемна успеют, а то придётся ночевать в лесу. Собрались загодя и, когда восток побледнел, отправились. Кони идут неторопливой рысью, только изредка помахивают хвостами. Лес не поле, животных не беспокоят насекомые, прямые лучи жаркого солнца. Алекша был не очень хорошим наездником, потому сёл на самого старого и спокойного коня. Княжичи сидят на рысаках, одеты нарядно, у каждого небольшой меч болтается на поясе. Алекше меча не дали. Под насмешливыми взглядами княжичей и дворни боярин Твердослов молча протянул мальчику засапожный тесак — большой клинок в локоть, в простых деревянных ножнах. Такие тесаки носят обычно в сапоге, потому и называли — нож. Негоже мужчине, пусть малому и неумелому, совсем без оружия, вот и получил тесак, от барсуков отмахиваться.

— Ежели улитки нападут, оборонимся или нет? Как думаешь, Митя? — задумчиво спросил Вышеслав брата.

— Конечно, — уверенно ответил Мстислав, — Алекша не даст нам погибнуть лютой смертью, всех равликов поубивает.

— Ох, не знаю, не знаю… — лицемерно вздохнул Вышеслав, — Алекша богатырь известный, но ведь и улитки зверюги страшенные. Ох, боюся я, боюся!

Глеб и Всеслав ржут во всё горло, слёзы вытирают, едва с коней не падают. Украдкой хихикают дворовые и даже Твердослов улыбается в густую бороду. Алекша стоит красный, как варёный рак, вертит в руке громадный нож, не зная, что делать. Твердослов подошёл, сунул нож в правый сапог и мотнул головой — в седло!

— По коням! — зычно скомандовал боярин и маленький отряд тронулся.

Алекша вскоре забыл о конфузе и любопытно осматривался. Вокруг лес, тёмный, старый, с буреломами и оврагами. Дремучая чащоба простирается по всей Киевской Руси и только по берегам рек стоят города и селища, большие и малые. Дорога от Вышеграда до Киева длинна, но не опасна — князь начисто вывел всех разбойников в киевских лесах. До него такого не удавалось никому. Владимир поступил просто — назначил малую дружину в поиск. Приказал всём купцам, крестьянам немедленно рассказывать обо всех подозрительных людях назначенному воеводе, а кто умалчивал, тому голову рубили. Немедля выступала дружина по каждому сигналу. Воины не брали разбойничков в полон — рубили беспощадно всех, в доказательство выполненной работы собирали оружие и резали уши. Привозили воеводе, показывали. Вначале было вовсе князь приказал рубить головы и везти на показ, но подумал и отменил приказ — больно хлопотно головы мешками возить в Киёв, да и куда их потом девать? Снова в лес отвозить? Решили, что с ушами подручнее будет. Так в одно лето избавились от самых наглых, остальные убежали подальше. Дороги стали безопасны и это тут же сказалось на торговле — купцы и крестьяне сбавили цену на товар, стали больше покупать и продавать. Княжеский казначей только руки довольно потирал, потому что поступлений в казну князя стало чуть не в два раза больше.

Алекша оживлённо вертел головой. Вот знакомая трава, лечебная, а вот плохая, такой хорошо стрелы натирать, зверя сразу лишит сил. Он слушал пение невидимых птиц, смотрел на игру солнечных пятен на листве и совершенно забыл, куда и зачем едет. Да и чего ему, сироте, задумываться о поездке, его в Киеве никто не ждёт. Вдруг прямо над ухом раздался страшный волчий вой! Алекша всполохнулся, нелепо замахал руками. Пытаясь удержаться в седле, глупо задёргал ногами и перестал чувствовать стремена. Вокруг захохотали, свистнула плеть. Конь под Алекшей взбрыкнул, помчался по дороге, вломился в кусты.

Мальчик потерял поводья, вцепился в гриву и изо всех сил сжал ногами конские бока. Лошадь несколько раз больно зацепилась за сучья, ударилась и совсем сбесилась. Нелепо

выбрасывая ноги и высоко вскидывая зад, стала как-то боком ломиться сквозь кусты, бросилась прямо, не разбирая пути. Через несколько мгновений вынеслась на маленькую круглую полянку и поскакала вперёд, снова вломилась в гущу и скачка продолжилась. Алекша сжал глаза, закрыл рукой. Его бросало, больно колотило о стволы, острые ветки норовили разорвать лицо и выбить глаза. Он вцепился рукой и ногами и молил всех богов, что б не дали свалиться. Внезапно лошадь резко стала. Как в странном сне, мальчик почувствовал, что его отрывает от сёдла и он летит вперёд и вверх. Несколько раз что-то жёсткое и колючее зацепило за штанину, слышен треск. « Сейчас упаду и погибну!» — мелькнула паническая мысль. Почувствовал приближение тверди, инстинктивно сжался.

Он рухнул на землю, толстый слой мха спружинил, подбросил. Покатился по склону, несколько раз больно стукнулся о корни — снова ухнул в пропасть, как почудилось. Лететь до дна второй ямы оказалось дольше. Ударился оземь так, что дыхание вырвалось с коротким стоном и пропало… вокруг темно … страшное зелёное чудовище молча душит толстыми лапами. Влажные, пахнущие болотом, гнилью, они зажимают лицо, давят грудь. Жить осталось — от вдоха до выдоха. Алекша рванулся что было сил … и обнаружил, что он стоит на малюсенькой полянке, почему-то на коленях. Поспешно поднялся, огляделся. На лицо налипло травы, стряхнул. Быстро повернул головой туда-сюда — никого. Вокруг тихо, неслышно пения птиц, стрёкота насекомых. Тишина такая, словно жизнь навсегда ушла отсюда и только он, единственный здесь, стоит и оглядывается. Вокруг густой тёмный лес. Сверху робко пробиваются редкие лучики солнца, словно тонкие жёлтые прутики. Прохладно, влажно и тихо. Алекша вспомнил дурацкую шутку княжича, как всём стало весело и такая обида взяла, что решил не возвращаться обратно, а идти самому. « Сам доберусь до Киева, не маленький. А с этими больше не пойду, ведь опять смеяться начнут. Да и вообще, ну их»! - подумал он и неторопливо побрёл – как ему казалось! - к Киеву.

Медленно шёл наугад, туда, где меньше кустов и хоть немного видно. Сучья раздирают одежду, тяжёлые влажные ветви хлещут по лицу. Тучи кровожадных комаров облепили так, что невозможно открыть глаза как следует, приходиться постоянно нелепо махать руками, вытирать лицо и размазывать по щекам собственную кровь. Больно, гадко и сыро… Это продолжалось бесконечно долго, Алекша уже перестал понимать, куда и зачем он идёт. Он устал, проголодался. Захотелось сесть и зарыдать от безысходности, только вот некуда — кругом сырой мох и прелые

прошлогодние листья. Почти ничего не соображая, вываливается на маленькую полянку и от неожиданности чуть было не падает — кусты внезапно кончились. С трудом открыл заплывшие глаза, стёр с лица густой кровавый слой комаров и огляделся. Вокруг него всё тот же лес, только отступил на десяток шагов. В середине поляны стоит толстый корявый дуб. Старый ствол покрыт чёрной сморщенной корой, уходит ввысь и раскидывается над поляной широким зелёным покрывалом. Листья не шевелятся на слабом ветерке, словно тоже из дерева. Мальчик облегчённо вздохнул и побрёл к дубу. Шёл медленно, загребая сочную траву мокрыми сапогами. Заплывшие от комариных укусов глаза едва различали толстые корни, наполовину выбравшиеся из земли, упавшие ветки и какие – то странные грибы на тонких ножках. Прошёл вокруг дуба, выбирая место получше. Вдруг ощутил лёгкое касание чего-то острого. Дёрнулся от неожиданности, отскочил и с трудом разлепил щёлки глаз. Прямо перёд лицом в воздухе висит странный предмет, вроде сучка, только на него какой-то шутник надел старый истлевший сапог. Рядом ещё и ещё. Алекша сделал шаг назад и раздвинул веки пальцами — по-другому глаза уже не открывались — посмотрел вверх.

Прямо перёд ним в неподвижном тёплом воздухе висит три скелета. На жёлтых костях сохранились клочья одежды, у одного разорванный сапог еле держится на ноге, а из него выглядывают сгнившие пальцы с острыми ногтями. Жёлто – серые черепа склонены к земле, неподвижно глядят на Алекшу чёрными глазницами. Сквозь рёбра видно, что неизвестных повесили не за шею, как обычных висельников, а дубовыми крючьями за ребро. Так умирают долго и мучительно. Слетаются вороны и начинают безжалостно долбить твёрдыми клювами лицо. Особенно воронам нравятся глаза — с одного удара пробивают закрытые веки и ещё живой человек чувствует, как у него выбивают сначала один глаз, потом другой. Затем настает черёд мерзких зелёных мух. Они слетаются неизвестно откуда тучами, облепляют всё тело и торопливо пьют ещё свежую кровь, тут же спариваются и откладывают яйца, а человек ещё жив. И так продолжается долго, очень долго …

Ветер дунул чуть сильнее. Один скелет медленно, с тихим скрипом повернулся, будто возжелал получше рассмотреть несчастного человечка, посмевшего забрести в гости. Алекше не было страшно. От усталости и голода чувства притупились, только лёгкое беспокойство, что забрёл куда-то не туда и даром такое не пройдёт. Так и стоял, нелепо придерживая грязными пальцами распухшие от комариных укусов веки. « Ну и пусть, — устало подумал мальчик, — что будет, то и будет. Подумаешь,

скелеты. Кости на ниточках!» Медленно повернулся и побрёл прочь. Нисколько не удивился, когда на самом краю полянки обнаружил еле заметную тропку. Не оглядываясь на скелетов, пошёл по ней, авось куда выведет.

Смеркалось. Алекша с трудом различал тропку, шёл скорее на ощупь, ногами чувствуя утоптанное. В маленьком тусклом солнечном пятне заходящего солнца заметил лечебную травку, торопливо поднял, растёр в ладонях. Почувствовав резкий запах кислого, налепил на закрытые глаза и так минуту постоял неподвижно. С трудом разлепил веки. В глазах режет и щиплет, но опухоль немного спала и он уже может смотреть, не поднимая пальцами век, словно дурак, обкусанный дикими пчёлами. Настроение сразу поднялось, захотелось есть. Живот громко, на весь лес, квакнул. Голодные кишки в ответ тоненько зарычали, поддерживая требования хозяина, на что-то там нажали и рот мальчика наполнился густыми, вязкими слюнями. Алекша завертел головой, словно пытаясь найти что-то съестное, как будто он в лавке с харчами, но вокруг только темнеющий лес. Вздохнул, пошёл дальше — тропа куда ни будь выведет. Незаметно совсем стемнело. Тьма свалилась такая, что не видно вытянутой руки. Что-то глухо взвыло, дико хохотнул филин в вышине. Вдали высветились горящие жёлто-синим цветом глаза, наверно, ночного чудовища!

Алекша от страха присел на корточки, как кот на песок и судорожно провёл руками по влажной траве в надежде отыскать хоть палку. Вместо палки рука наткнулась на гнилой гриб. Ничего не соображая, сдавил. В ладони мерзко чавкнуло, холодная жижа потекла между пальцами. Рот раскрылся для испуганного вопля, уже воздуха набрал … как вдруг горящие глаза чудовища сдвинулись вплотную, словно оно внезапно сильно окосело, затем один глаз полез вверх и погас, а второй уплыл вбок. « Светлячки, фу ты! — понял Алекша с несказанным облегчением, — разругались, козявки несчастные. Хорошо, что быстро, а то пришлось бы … не знаю что делать!» Он повертел головой — вокруг появилось множество светящихся точек, маленьких, почти незаметных и больших. Они медленно перемещаются по земле, в воздухе, некоторые поднимаются ввысь и исчезают. «Ну, если уж жуки ничего не боятся в лесу, то мне-то уж и подавно не стоит пугаться», — приободрился мальчик. Он даже улыбнулся нелепому страху перёд ночным лесом и храбро сделал шаг. К лицу припало что-то лёгкое, с капельками влаги и чьи-то малюсенькие ножки быстро пробежали по щеке. Смахнул паутину вместе с паучком и пошёл, но теперь уже вытянув руки. Некоторое время так и шёл, обтирая ладонями всё листья на

кустах и собирая паутину, высохших козявок и сухие листья. Среди блёклых огоньков светлячков вспыхнул один, яркий, рыжий. Он не исчез, не уплыл в сторону, а горел ровно, сильно.

«Костёр!» — чуть не закричал Алекша, бросился вперёд и немедленно врезался лбом в сосну, которая нарочно встала прямо у него на пути. Сверху посыпалась труха, иголки, рядом в темноту упала шишка. Громко охнув, Алекша сделал два неверных шага назад и … огонёк пропал! В панике мальчик метнулся вправо, влево, даже зачем-то подпрыгнул. Огонёк снова появился, видно дерево заслонило и теперь Алекша буквально впился глазами в далёкую рыжую точку. Он медленно направился в сторону огонька, нелепо разводя руки, что бы не наткнуться ещё раз. Вот так, смешно помахивая расцарапанными руками и поминутно оступаясь на корнях, прошёл шагов сто, прежде чём вышел на обширную поляну с высокой, в пояс, травой. По середине поляны стоит скособоченная изба, облитая бледно-голубым лунным светом. Рыжий огонь тихо изливается из маленького окошка и манит домашним тёплом и уютом. Кажется, что там, внутри, сидит маленькая добрая старушка, вяжет шерстяные носки при свете лучины, а в ещё горячей печке доходит гречневая каша в чугунке. Алекша так живо представил себе это, что едва не залился слезами от жалости к самому себе. Не разбирая дороги, напрямую кинулся к избушке, стоптанные каблуки звонко простучали по ступеням высокого крыльца. Нога цепляется за выступ. Твёрдый деревянный пол выскальзывает из-под усталых ног.

Глупо размахивая руками, мальчик врезался головой в дверь и с ужасным грохотом влетел в избушку. По инерции пробежал ещё пару шагов, наткнулся на широкий деревянный стол. Что-то тускло блеснуло, подпрыгнуло и упало на пол. Громкий звук бьющегося глиняного горшка или тарелки заставил сжаться детское сердце от страха и стыда. Алекша замер в нелепой позе, вцепившись в край стола руками. Мгновение постоял неподвижно, потом, не меняя стойки, быстро огляделся.

В комнате никого. Под стеной широкая лавка, возле натопленной печи стоят ухват, кочерга и несколько пузатых чугунков. Под низким потолком, на поперечной балке, висят пучки трав, какие-то веники, белеют оструганные палочки. С сильно бьющимся сердцем подошёл к лавке, сёл. Ещё раз огляделся и, окончательно убедившись, что в избе никого, глубоко вздохнул — слава богам, нет свидетелей позора! Зыркнул по сторонам. Острые глаза углядели тёмный бок закопчённого горшка возле заслонки. Алекша с шумом втянул носом воздух — каша! Гречневая и, похоже, с мясом! Он крепко сжал пальцами

край лавки, удерживая себя от сильнейшего желания немедленно вскочить и кинуться к горшку с кашей. « Нельзя, чужое, — принялся уговаривать он сам себя, — чужое брать нехорошо».

« А если очень хочется!» — крикнул внутри его другой голос.

« И тогда нельзя», — ответил первый голос, но как-то слабовато.

« А может, тут вовсе никого не будет. Сварили хозяева каши и ушли в лес, а там сгинули. Ведь бывает же так!!!» — снова завопил второй голос.

« Нет, не бывает», — строго ответил первый.

« Нет, бывает, — сварливо возразил второй, — бывает, бывает … редко! Но сейчас именно тот случай! Так что не валяй дурака, садись и ешь, пока не остыло, а то с голоду помрёшь!!!»

« Заткнись, негодяй!» — выкрикнул первый голос.

« Сам заткнись! Сам негодяй!! Я есть хочу, я умираю от голода!!!» — заорал второй голос так, что Алекша подскочил чуть не до потолка и бросился к горшку. Крышка слетела, словно сброшенная могучим ураганом. Правая рука со скоростью атакующей гадюки цапнула деревянную ложку, а левая с молниеносной грацией питона обхватила горшок и со всей силой прижала к груди. Алекша ещё не дошёл до стола, как правая рука сама, не спрашивая хозяина, зачерпнула ложкой тёплой каши и поднесла ко рту. Рот распахнулся и восхитительная каша с мясом оказалась в желудке … Алекша сообразил, в чём дело, только когда ложка заскребла по дну горшка. Мальчик с трудом поднялся из-за стола, заглянул в горшок и увидел, что он совершено пуст. « Ни стыда, ни совести ...» — подумал он, но как-то вяло.

« Ага! — радостно подтвердил второй голос. — Зато нажрался»!

Алекша медленно поплёлся к печке, с трудом залез на полати.

Он проснулся от негромкого бормотания. Раздалась торопливая дробь шагов по дощатому полу избушки, глухо звякнул чугунок и снова бормотание. Алекша с минуту лежал неподвижно, будто пытаясь понять причину странных звуков, а на самом деле просто трусил — козе понятно, пришли хозяева и сейчас его обнаружат! Что будет…

Медленно, очень медленно повернулся. Голова с копной густых пшеничных волос чуть-чуть приподнялась… В полумраке раннего утра по избушке мечется маленькая горбатенькая старушка, разговаривает сама с собой и размахивает тоненькими крючковатыми ручками. Седые волосы неопрятно торчат в разные стороны из-под выцветшего платка, длинный нос загнут, будто

наконечник багра и беспрестанно втягивает воздух. От этого бормотание старухи всё время прерывается мощным сопением и фырканьем. На мгновение Алекша увидел лицо и душа улетела в пятки — выпученные от злости глаза горят багровым огнём, длинные жёлтые клыки щёлкают так, что попадись им оглобля — перекусят на раз. « Попал! — с тихим ужасом подумал он, — вот это бабка! Слыхал о такой, но видеть не приходилось. И вот наконец, сподобился! Что делать, что делать, а?» Медленно стал опускать голову, локти непроизвольно раздвинулись и старый горшок, бог знает как оказавшийся на полатях, с ужасным грохотом и звоном падает на пол. В избе словно гром грянул — бабка замерла на месте, развела руки в стороны, присела и нелепо разинула клыкастый рот. Горящие огнём глаза впились в несчастный горшок, затем медленно поднялись к полатям. Синие глаза Алекши раскрылись до предела, отведённого природой, кровь отхлынула от круглого лица и волосы зашевелились…

— Так это ты мою кашу съел, безобразник? — скрежетнули жёлтые клыки Бабы-Яги.

Алекша не смог раскрыть смёрзшийся рот, только кивнул.

— Ага, а чём мне теперь завтракать, тобой? — грозно спросила старуха.

— Нет! — сразу вернулся голос, — я вам другую сварю.

— А ты умеешь? — удивилась бабка.

— Умею, хорошо умею, — торопливо заверил страшную бабульку Алекша, — и щи умею, было бы из чего.

— Это верно, — усмехнулась Баба-Яга и ещё раз внимательно посмотрела на мальчика. Глаза медленно стали угасать, клыки наполовину спрятались. Сёла на лавку возле стола и вполне мирно сказала:

— Ну ладно, слазь с печи, не трону.

Алекша торопливо спустился на пол, замер, не зная, что делать дальше.

— Я не хотел есть вашей каши …— начал он оправдываться, но старуха бесцеремонно оборвала:

— Ну да, и целый чугунок съел. Нехотя, да?

Алекша вспотел от стыда и страха, развёл руки и тяжело вздохнул.

— Ну вот что, — сказала Баба-Яга, — назвался груздём, полезай в кузов. Крупа в мешке, соль на полке, а мясо по лесу бегает. Я пока подремлю, а ты тут подсуетись, чтоб мне позавтракать. Да побыстрей, а не то сам в каше окажешься!

— Да! — пискнул Алекша и стремглав кинулся из избы.

Отбежал шагов сто, прежде чём остановился перевести дух и подумать. Мясо и правда бегает по лесу, но ведь просто так

голыми руками не возьмёшь. Алекша завертел головой, отыскивая хоть простую палку или камень. Камня не нашёл, а вот палку подобрал быстро. Полдня прошло в бестолковой беготне по кустам. Куропатки выскакивали из-под ног, обнаглевшие зайцы отбегали на несколько шагов, останавливались и насмешливо смотрели, как беспомощный человечек продирается через кусты, потом ещё отбегали и снова наблюдали, как неуклюжее существо пытается на них, лесных жителей, охотиться с палкой. Наконец Алекша в полном изнеможении упал на траву и залился горькими слезами. Он и не предполагал, что простая охота на зайцев окажется такой трудной. Выплакавшись, обессилено прислонился к здоровенному пню, задумался — не может быть, чтобы не нашлось способа достать зайца. Он попробовал тихо подкрадываться к косому, но тихим его подкрадывание было только для него самого — заяц сразу чуял несчастного охотничка и лениво отскакивал в сторонку. Недалёко, шагов на пять-шесть. А потом Алекша и вовсе наткнулся на лисью нору. Оттуда раздалось раздражённое тявканье и разозлённая лисица бросилась на незваного гостя. Пришлось срочно уносить ноги на ближайшую сосну. Мальчик забрался повыше и снова задумался — опять ничего не вышло. Он уже не думал о бабке, стало не до неё. Где-то глубоко в душе стало зарождаться странное чувство злости на самого себя, свою беспомощность, слабость и неумелость. « Ну почему я ничего не умею, а? — глотая злые горькие слёзы, думал Алекша, рассматривая в кровь расцарапанные руки, разорванную одёжку боярича, в которой ехал в Киёв. — Любой простолюдин забавы ради охотится на лесных кур и зайцев, это же самоё простое, а я? Только на улиток могу, да и то … на раненых или престарелых!» Горькие слёзы вскипели и испарились на злом лице. Алекша спрыгнул с дерева и решительно направился к лисьей норе. Теперь он знал, что надо делать…

Лисица услышала громкий топот, обернулась — прямо к её норе снова направляется глупый человеческий детёныш. Надо его непременно наказать, чтобы неповадно было шататься по чужому лесу и она бросилась навстречу с громким злым тявканьем. Человеческий детёныш немедленно кинулся прочь в кусты и лисица с радостью поняла, что уж сейчас она непременно догонит и искусает дурака. Оставалось ещё чуть-чуть, как вдруг прямо из-под ног человека выскочил толстый серый заяц. Охотничий инстинкт лисицы мгновенно сработал, она бросилась на зайца — прыжок, ещё и вот глупый неуклюжий толстяк забился в зубах. Алекша краем глаза заметил, как лиса схватила зайца и быстро потащила в нору. Мальчик развернулся и с громким криком

бросился на лисицу. Та от неожиданности подпрыгнула, но зайца не выпустила — это всё-таки глупый маленький человечек, чего бояться? Но когда глупый человечек больно огрел по спине тяжёлой палкой и замахнулся ещё, лисица бросилась наутёк. Побежала обратно через те же кусты. Здоровенный заяц сильно мешал — цеплялся за ветки, путался под передними лапами, а проклятый человеческий детёныш не отставал и со всех сил лупил палкой по лисьей спине. Наконец зверь не выдержал — лисица разжала зубы и стремглав бросилась прочь от злого детёныша человека. Алекша схватил задушенного лисицей зайца и, не чуя ног от радости, побежал к избушке Бабы-Яги. Первое, самоё маленькое задание у него получилось!

Стараясь не загреметь чём-нибудь, осторожно пробрался к печи. Бабка лежит на полати, отвернувшись, но Алекша почему-то уверен, что она всё видит и знает. Чувствуя, что невольно краснеет от пережитого позора, принялся неуклюже потрошить зайца. Кое-как содрал шкуру, выбросил внутренности и промыл очищенную тушку. Залили воды в чугунок, бросил туда зайца и поставил в огонь. Его ни чуть не удивило, что печка горит и не гаснет. Когда мясо сварилось, в бульон засыпал крупу и снова в печь. Он так старался приготовить вкусно, что не заметил, как потемнело в маленьком оконце. В избушке тоненько зазвенели комары, самый храбрый впился острым хоботком в шею с явным намерением напиться Алекшиной кровушки. Мальчик звучно хлопнул ладошкой и комариный герой откинул лапки. От хлопка бабка завозилась, вроде как только проснулась, и громко, с волчьим завыванием, зевнула.

— Ну что, отрок, получилась каша или как? — спросила Баба-Яга, насмешливо глядя на Алекшу.

— Получилась, бабушка, получилась, — торопливо заверил её « отрок», — мой руки и садись за стол.

— Чего мыть? — подозрительно спросила Баба-Яга.

— Руки … м-мыть, — заикаясь от страха, повторил Алекша, — мой учитель называл это хорошими манерами.

— Ага, хорошие манеры, значит, — повторила Баба-Яга, — ну-ну, а ещё что говорил тебе учитель?

— Что нельзя локти на стол класть, чавкать и рыгать, — тихо сказал Алекша.

— А что, правильно, — вдруг согласилась Баба-Яга. — Я вот, бывало, приду в гости, к подругам, сядем мы за стол поужинать, так поговорить невозможно, так всё чавкают и это, как оно … рыгают! Ну, никакого тебе уважения и внимания. Обидно!

Алекша накладывает полную миску разваристой гречневой каши. Рядом, на чистую дощечку — аккуратно нарезанное заячье

мясо.

— Садитесь кушать, уважаемая бабушка, — вежливо пригласил он Бабу-Ягу.

Бабка прислонилась спиной к стене. Благодушно посмотрела на Алекшу:

— Ну, молодец, молодец, хорошую кашу сварил. Я такой давно не ела. Только чего ты по лесу бродишь, — спросила она, — по делу или заплутал?

Баба-Яга подобрела, глаза утратили багровость, светились розовым и даже страшные клыки куда-то спрятались. Алекша ободрился и рассказал ей свою нехитрую историю. Бабка молча выслушала, потом достала откуда-то лучину и начала задумчиво ковырять в зубах.

— Так ты, значит, учиться любишь. Это хорошо, — сказала она, — только ведь не любят грамотных и знающих.

— Почему? — удивлённо спросил Алекша.

— Не знаю, — ответила Баба – Яга, — не любят и боятся, почему, сама не пойму. Я ведь тоже не в лесу родилась, под пнём завелась. Тоже учиться нравилось, всё на лёту схватывала. Научилась разбираться в травах, колдовство узнала, да вообще много чего, а человеческую натуру так и не понимаю. За то, что много знаю, меня и …, ну, в общем, стала жить одна в лесу. Глупые селяне меня богиней смерти прозвали. Я и правда многое знаю о жизни и смерти, но ведь не богиня же. Эх, да что с дураков взять! Ладно, отрок, ложись покудова спать, а там видно будет. Утро вечера мудрёнее, — бабка махнула рукой и опять с завыванием зевнула.

Короткая летняя ночь показалась Алекше длинной с неделю. Проворочался до рассвета, тихонько вышел на крыльцо и замер в изумлении … чёрный колдовской лес залит неземным жёлто-розовым светом восходящего солнца. Темно-зелёные ели светятся изумрудным цветом и кажутся гигантскими драгоценными камнями удивительной формы. Тонкая паутина покрыта маленькими капельками росы, висит между ветвей бриллиантовым ожерельем. И высокая трава тоже сплошь усыпана маленькими драгоценными камешками, и даже корявая изба Бабы-Яги вроде как выпрямилась и помолодела. Когда Алекша вернулся в дом, густой запах каши ударил, как неожиданно брошенная в лицо пуховая подушка. Показалось, что весь воздух состоит из запаха гречневой каши с мясом. Бабка уже сидит за столом и деловито накладывает кашу в глубокую тарелку.

— А ты уже умылся, хлопчик? — ехидно спросила она, едва Алекша появился возле стола. Мальчик проглотил голодную

слюну и побежал на улицу к бочке с водой…

После завтрака Баба-Яга удобно расположилась на лавке, опять достала откуда-то острую лучину и принялась усердно ковыряться в зубах. Несколько раз пристально взглянула на Алекшу, словно видела впервые. Отбросила лучину и сказала:

— Ну, вот что, отрок, у князя при дворе тебе пока делать нечего. Кто ты такой? Никто! И зовут тебя никак! Надобно ещё знаний набраться, да силёнки не помешает, потому что умных не любят, сильных боятся, а умных и сильных уважают, вот так.

— Где ж я в лесу-то ума наберусь? — буркнул Алекша.

— Наберёшься, если захочешь, — насмешливо ответила Баба-Яга. — Ты вот что, ты не сиди сиднем, а отправляйся в лес да найди мне травы зверобоя.

— Тю!— разочарованно махнул рукой Алекша, — чего её искать-то! На любой поляне полно.

— Не тюкай, не тот зверобой. Мне нужен настоящий, он не на каждой поляне растёт и не во всякое время, — нахмурилась Баба-Яга. — Тот, что ты знаешь, дрянь, им только коров лечить. А я покажу тебе настоящий, а как попробуешь его, так поймёшь, почему зверобоем назвали. Слушай сюда…

Когда кроваво-красное солнце пошло в закат, Алекша вышел из избушки Бабы-Яги. За плечами болтается заплечный мешок с куском ржаного хлеба, мясом и парой луковиц. Ещё там закопчённый котелок, ложка, трут и кресало. Бабка могла дать и больше, но то ли поскупилась, то ли посчитала, что остальное добудет сам, не маленький. Скорее, последнее. Алекша вновь оказался на той самой тропинке, что привела его в дом Бабы-Яги. В быстро темнеющем лесу показалось настолько неуютно и страшно, что он стал оглядываться, выискивая подходящую по размеру палку — мало ли что. Некстати вспомнил о трёх скелетах висельников, они где-то рядом и неизвестно, чём занимаются по ночам. Вооружившись громадной суковатой дубиной, Алекша почувствовал себя гораздо уверенней. Водрузил самодельную палицу на плечо и бодро зашагал в чащу. Очень быстро стемнело так, что не стало видно на бросок камня, но тропку различал хорошо и потому шёл быстро. Через десяток шагов деревья расступились и поляна трёх висельников открылась перёд Алекшей. Хотел обойти стороной страшный дуб, но вокруг в траве столько ям и кочек, что пришлось идти прямо. Приблизился к дереву на несколько шагов и вытянул шею, пытаясь узреть скелеты. Нету их!

« Ну, нет и ладно, — подумал Алекша, — может, их сняли. Или сами упали».

« А может, слезли и теперь тебя дожидаются, где ни будь в

кустах, а? — ответил второй голос, — ночка-то самая что ни есть для злодейства и колдовства!»

« Да пошёл ты! Не может такого быть, суеверия всё это и сказки, — мысленно ответил Алекша второму голосу. — Бояться надобно живых, а не мёртвых». Последнюю фразу Алекша слышал от учителя, ромея, он проповедовал им на уроках веру, которую называл истинной, а всё остальные суевериями. И сейчас важно повторил слышанное.

« Ну-ну, блажен, кто верует», — ответил второй голос тоже чужой умностью.

В темноте громко хрустнула сухая ветка, потом вторая, третья… Алекша понял, что кто-то или что-то идёт навстречу. На всякий случай взял поудобнее дубинку. Жиденькие кусты на краю поляны колыхнулись, ветви раздвинулись и три скелета висельников выбрались на освещённую лунным светом поляну.

— Здравствуйте, — глупо произнёс Алекша. Сам ощутил нелепость сказанного, но что делать при встрече со скелетами, он не знал. Скелеты вроде как удивлённо переглянулись. В костяных руках у всех сжаты те самые крюки, на которых они висели. Самый высокий скелет громко клацнул щербатой челюстью. Слаженно, как по команде, подняли крюки и ринулись на мальчика. Алекша хотел задать дёру, но инстинкт решил иначе — сражаться, потому что бежать в чёрном лесу некуда; ещё неизвестно, что в чащобе скрывается. Первый скелет уже опускал крюк на голову мальчику, когда Алекша опомнился и со всей силы ударил дубинкой. Скелет неожиданно легко переломился пополам и кости с тихим стуком рассыпались по земле. Но следующие двое так легко не дались. Они разошлись в разные стороны и напали — один сбоку, другой со спины и пока Алекша бился с одним, второй до крови разбил ему спину и голову острым крюком. Залило глаза, вдобавок скелеты стали так, что мальчик оказался на освещённом луной пятачке, а скелеты прятались в кустах — ветки служат дополнительной защитой от ударов. Алекша понял это и торопливо отступил назад. Скелет вышел за ним. Оставшийся в кустах что-то предостерегающе лязгнул щербатой челюстью, однако первый не прислушался к совету и ринулся в битву. Алекша получает два очень болезненных удара в левое плечо. Левая рука повисла вдоль тела. Но правой так дал по костяной башке, что скелет буквально рассыпался на косточки.

Третьему такой поворот дела не понравился, он стал пятиться, явно намереваясь удрать, но теперь уже рассвирепевший от боли Алекша ринулся вперёд и третий скелет под градом ударов превращается в кучку костей …

Чуть не плача в голос от боли, проклиная всё на свете и особенно бабку с её заданиями, он тащился по тёмному лесу, совершено не обращая внимания на кромешную тьму вокруг, подозрительное уханье и рычание. Нечто волосатое, тёмное, с душераздирающим воплем бросилось под ноги — не глядя, пнул, несколько раз приложил дубиной и пошёл дальше, нимало не интересуясь, что там такое. Он не запомнил, сколько вот так шёл, ориентируясь по кроваво-красной звезде, что видел на ночном нёбе сквозь ветки и листву. Наконец, лес внезапно оборвался и огромная поляна, края которой не видно, раскинулась перёд ним. Луна вышла из редких облаков, высокая трава покрылась серебром лунного света и колдовское сияние трав коснулось лица мальчика. После почти полной темноты леса даже сощурился, свет резал глаза. Тот необыкновенный зверобой, что нужен Бабе-Яге, растёт где-то здесь. Алекша принялся во всё глаза рассматривать траву, но что увидишь при луне! Понадобилось чуть не на карачках облазить всю огромную поляну, прежде чём уткнулся носом в знакомые фигурные листья зверобоя. Только вот цветки у этой травы были не жёлтыми, как обычно, а ярко-рыжими, словно янтарь с кровью. Тащиться среди ночи обратно не хотелось. В центре поляны Алекша заметил старое высохшее дерево и решил под ним переночевать. Набрал сухих сучьев и маленький костёр весело разогнал тьму. Алекша согрелся, захотелось есть и пить. Поколебавшись — спать тоже хочется — решил всё-таки поужинать. По влажному запаху определил ручей, набрал в котелок воды. Бросил в кипящую воду куски холодного мяса, что бабка положила в мешок, для вкуса добавил травы. Ночная тишина прерывается только потрескиванием сгорающих сучьев и бульканьем в котелке. Сон навалился с такой силой, что даже голод отступил. Мальчик сёл на тёплую землю и закрыл глаза … видит, как некто огромный, чёрный и страшный приблизился к костру. Когтистая волосатая лапа сжалась в кулак и поднялась к самому ночному нёбу, что бы со страшной силой опуститься на голову Алекши, но вдруг замерла. Слабый ветерок донёс запах мясной похлёбки. Ночное чудище повернуло шишкастую башку, шумно сглотнуло слюни. Горящие багровым светом малюсенькие глаза забегали туда-сюда, несколько раз останавливаясь то на мальчишке, то на котелке. Чудище тихонько рыкнуло и повернулось к костру. Волосатая лапища аккуратно снимает котелок с прогоревшего до углей костра, но котелок ещё горячий и чудище, нетерпеливо бурча, ставит его на землю…

Чуть дыша, не в силах пошевелить ни ногой ни рукой, Алекша смотрел на чудовище и понимал, что жить ему остаётся всего ничего — съест ночное чудище его похлёбку, а потом и за

него примется. Запах варёного мяса, да ещё с ароматными травами, коснулся его и осторожненько пробрался внутрь. В желудке заворочалось, квакнуло, кишки подхватили визгливым поросячьим хором и зверский голод поднялся во весь рост.

« Смотри, — закричал он, — какое-то чудо немытое хочет сожрать твой честно заработанный ужин! Чего сидишь, дай ему по грязной роже!»

« Но ведь он большой и страшный, — дрожащим голоском ответил Алекша, — он сильнее меня».

« А ты что, проверял? — снова закричал голод, — врежь по роже, горящих угольев сыпани на башку и побыстрей, а не то я тебя съём!»

Алекша вдруг ощутил, что голод начинает и вправду грызть его внутренности. Страх исчез, его место заняла обида, что он, такой маленький и слабый, прошёл ночью так далёко, сделал всё, что наказала бабка и вот теперь какой-то волосатый урод хочет всё отнять, да ещё и убить! Мальчик метнулся к костру, зачерпнул обеими ладонями горячих углей и швырнул в рожу чудищу. Свалявшаяся от жира шерсть моментально вспыхнула соломой. Алекша подхватил дубину и со всей силы ударил по шишкастой башке. Дерево сухо треснуло, две половинки разлетелись в разные стороны. Мальчик замер, в отчаянии понимая, что без оружия ему конец. От неожиданности и дикой боли в обожжённой голове чудище заревело так, что земля затряслась. Удар жалкой дубинкой оно даже не почувствовало. Огонь медленно сползает ниже, вот уже до пояса охвачено пламенем. Чудище бросилось на землю, начало бешено кататься, но ничего не помогало и тогда оно вскочило и бросилось бежать. Громадный огненный ком с громким топотом помчался над землёй, искры полетели во всё стороны. Живой костёр быстро исчез вдали и только страшный рёв обожжённого чудовища ещё слышится, но вскоре затих.

Алекша с криком подхватился, вскочил и дикими глазами обвёл поляну — никого! Костёр тихо догорает, какие-то козявки трещат в ночи и равнодушные ко всему звёзды тускло смотрят с ночного нёба. « Приснилось, — с облегчением понял Алекша, — это сон, просто сон. От голода, наверное». Достал из-за голенища сапога ложку, повернулся к костру — похолодевшие пальцы разжались! Котелок с похлёбкой исчез! «Значит, не приснилось, — прошептал он, — значит, всё было на самом деле. А как же…» Тут заметил котелок, стоящий рядом на земле. « Фу ты, чёрный бог мару навёл, всё-таки приснилось. Или нет, я ведь вроде с костра котелок не снимал, или снимал? А, ладно!» Поднял остывший котелок и зачерпнул полной ложкой. Варево

получилось таким вкусным, что он не заметил, как съел всё. И даже не обратил внимания на странный привкус похлёбки. После ужина сон снова навалился неодолимой силой и Алекша заснул, где сидел.

Что-то холодное упало на лицо и быстро скользнуло за шею. Алекша в панике дёрнулся, дико изогнулся и быстро лапнул за шиворот — ничего, просто крупная капля росы сорвалась с ветки и попала за ворот рубахи. Остатки сна слетели, как сухие листья под порывом ветра. Алекша медленно поднялся с земли. Вокруг всё та же поляна, тот же лес. Костёр догорел и серый пепел невесомым прахом укрыл маленький кусочек выжженной земли. Увидел несколько странных больших следов, вырванную с корнями траву, словно некто очень крупный топтался и прыгал вокруг костра, не решаясь подойти ближе. Несколько мгновений Алекша рассматривал следы, потом махнул рукой — ну топтался кто-то, ну и что? Его же не тронул и ладно. Да и вообще, бабка говорила, что здесь лес странный и обитатели его какие-то чудные. Одним словом, уходить отсюда надо, тем более, что травы нужной нашёл. Быстро собрался и побежал к избушке — брести пешком почему-то не хотелось.

Баба-Яга встретила радостным криком:

— А-а, чую, выполнил задание, нашёл нужную травку! Заходи, заходи…

Алекша достал из-за пазухи завёрнутый в чистую тряпку пучок травы, развернул на столе.

— Так, так… — склонилась Баба-Яга. Длинный крючковатый нос дёрнулся туда-сюда несколько раз и застыл.

— Это чего? — осведомилась она.

— Трава зверобой, — ответил Алекша, — как ты и просила.

— Не просила, а велела, — сварливо ответила Баба-Яга, — и не один стебелёк. И без дикого чеснока, этого добра у меня и так хватает!

— Какой чеснок? Чеснок я с мясной похлёбкой сварил и съел, — растерялся Алекша.

— Да, так-так… — сказала Баба-Яга, внимательно всматриваясь в мальчика, — сварил, значит. Ну и как похлёбка?

— Вкусная, — испуганно пискнул Алекша. Он уже понял, что вместо чеснока впотьмах сунул в горшок зверобой.

— А ну, рассказывай, как варил! — потребовала Баба-Яга.

Алекша всё подробно рассказал, не забыл и о чуде лесном, которое припёрлось на ужин. Бабка внимательно слушала, когда мальчик начал говорить о драке с лесным чудом, одобрительно кивала, а потом и вовсе стала хохотать. Алекша сбился, он и так перепугался, что съел бабкину траву, а тут ещё смех непонятный.

— Ты говори …ха-ха… говори, не смотри на меня, — сказала она дребезжащим от смеха голосом, — продолжай…ха-ха … повествование!

Совершенно сбитый с толку смехом, Алекша рассказал до конца и растерянно замолчал. Баба-Яга вытерла сухоньким кулачком слёзы и без сил опустилась на лавку.

— Ну, молодец, — сказала она, — просто герой… Ты хоть знаешь, что сделал, а?

— Не-а…— мотнул головой Алекша. Он по настроению старухи догадался, что ничего страшного не натворил и беды не будет. — А что?

— Ты сварил собранный в полнолуние зверобой с мясом медведя, после полуночи в ключевой воде. Ветки омелы в костёр бросал?

— Ну… вроде да, там дров мало было, я всё подряд бросал. Какие-то пучки тонких веток с листиками…

— Вроде да! — передразнила Баба-Яга, — знахарь хренов! Ты по дурости сделал отвар медвежьей силы. А чудо лесное — это чугайстырь. Он запах почувствовал и прибежал, захотел на халяву зельем чудесным попользоваться, что б ещё сильнее стать, да ты…ха-ха … помешал! И как ты сумел с ним справиться, такой мелкий?

— Углей горячих зачерпнул да в рожу, — ответил Алекша, — волосы загорелись, он и давай метаться, а потом и вовсе убежал.

— Да-а, повезло тебе, — сказала Баба-Яга и молча уставилась на него.

— Вы, бабушка, не сердитесь, я могу ещё раз сбегать ….

— Не надо, — оборвала его причитания Баба-Яга, — ещё раз … будет аж через год. Да и травка эта мне не очень-то и нужна.

— А чего ж тогда? — растерялся мальчик.

— Для тебя старалась, — ответила Баба-Яга, — ты учиться хотел, вот я и начала учить, да ты оказался чересчур смышлёный и сам всё сделал. Теперь слушай хорошо.

Баба-Яга встала. Сморщенное старушечье лицо построжело.

— Отвар зверобоя с медвежатиной даёт человеку силу большую. Но она сама себя не покажет, тебе её надо … как бы понятнее… понемногу на себя брать.

— Как это? — удивился Алекша.

— Ну, мал ты ещё, понимаешь? Вот чугайстырю в самый раз. Он, если б твоё варево выпил, сразу стал сильнее вдвое. А тебе расти надо, двигаться, с тяжёлым управляться, тогда сила в тебе и появится, а сейчас она вроде как спит в тебе, понял?

— Понял, — упавшим голосом ответил Алекша, — камни тяжелённые поднимать надо, лес рубить да брёвна на горбу

таскать.

— Вот-вот, правильно понял. А чего невесёлый?

— Да я думал ….

— На халяву, верно? — ехидно спросила Баба-Яга, — мол, напился отвару чудесного и всё, сразу сильнее всех стал. Так?

— А чо? Ты ж сама сказала, что чугайстырь вдвое сильнее стал бы!

— Так то чугайстырь, тварь неразумная и нечеловеческая! Великий Род, создатель всего, только человеку указал путь, на котором поднимется над всеми! Человек богом способен стать, если захочет! Вообще может всё!

— Да, слыхал я такое, — махнул рукой Алекша, — ромей учёный рассказывал.

— Слыхал, да не осознал, дурень, — ответила Баба-Яга, — твой учёный ромей родился глупым и дурным. Ну, как всё. Но не захотел таким оставаться, выучился, а мог бы, как остальные, прожить жизнь дурнем радостным…

Алекша вспомнил, с какой неохотой шли на учёбу его сверстники и с какой радостью бежали смотреть бродячего скомороха с медведем. Тот кривляется, заставляет медведя кувыркаться, ходить на задних лапах и кланяться. Народ вокруг потешается, радостно смотрит на кривляния, бросает скомороху мелкие деньги. Люди не понимали, что негодяй регулярно избивает медведя, что б боялся и слушался, а клыки вырвал и теперь кормит мишку хлебным мякишем и толчёным мясом. Простолюдинам важно само зрелище, в суть не вникают. А ещё вспомнил, с какой завистью обсуждают богатую одежду и доспехи знатных бояр и витязей. Завидуют, не осознавая, что богатство пришло в результате каторжного труда без выходных и праздников, а витязь потому витязь, что день и ночь упражняется в воинском искусстве.

Каждый может достичь того малого, что именуется богатством и славой, только трудиться неохота. Вот если б какой волшебник дал на халяву, или эликсир чудесный найти — рядом с домом, а ещё лучше прямо на печке, под подушкой — вот тогда да!

— … на учёбу да на работу никто не спешит, — продолжала меж тем говорить Баба-Яга, — зато всё хотят, не заработав, есть, пить и сладко спать. Нет такого и не будет!

— Ладно, бабушка, понял я, — сказал Алекша.

— А раз понял, то вот тебе второе задание. Есть такая трава, боярышник называется. Хорошая трава, если знать, как пользоваться. Так вот, пойдёшь в лес и нарвёшь её. Тут недалёко болото одно есть, за ним каменная россыпь. Вот там этот

боярышник и растёт. Выкопаешь из земли с корнем и принесёшь, тринадцать штук. Да смотри, не свари на ужин!

— Не буду, я запомнил, — покраснел Алекша.

— Ну, вот и хорошо, — ответила Баба-Яга, — да и ни к чему тебе эта трава, в смысле тебе в ней пользы нет.

— А кому есть? — полюбопытствовал мальчик.

— Мне! — рявкнула Баба-Яга, — мне польза, а какая — увидишь, ежели принесёшь! Стой, вот ещё что… — остановила уже убегающего мальчишку, — насчёт чугайстыря … ты ведь его не убил, а только напугал и сильно обозлил, так что смотри по сторонам-то, чугайстыри злопамятны.

— Ладно, — крикнул на ходу Алекша, — буду смотреть!

Через пять минут он уже забыл о чугайстыре и мчался сломя голову, что бы успеть до темноты туда и обратно. Деревья мелькают, как доски в заборе, когда бежишь, не чуя ног, удирая с полной пазухой яблок от бдительных хозяев сада. Алекша не глядя перепрыгивает валуны, коряги или не в меру вспученные корни могучих деревьев. Казалось, так и будет бежать, пока не наткнётся на нужную бабке траву.

Болото сообщило о приближении тягучим запахом гнили, водорослей. Зловонное дыхание накрыло Алекшу тяжёлым влажным облаком, мерзко запищали комары, что тучей кинулись напиться свежей крови. Остановился, застегнул ворот и раскатал рукава рубахи, но болотные кровососы всё равно находили незащищённые места и безжалостно впивались тонкими хоботками. Пришлось срочно наломать веток и отмахиваться обеими руками. Немного помогло. Так, нелепо размахивая руками над головой, Алекша осторожно вступил в зыбкую топь. Очень скоро почва под ногами стала такой непрочной, что пришлось забыть о комарах. Подобрал толстый сук, начал пробовать дорогу. Если получалось чересчур зыбко, то укладывал палку и по ней полз до кочки. Вот так, переползая от одной до другой, добрался до середины. Вымок весь, набрал полную рубаху жидкой дряни, в которой копошатся пиявки, головастики и какие-то козявки. Кое-как почистился, хотел даже мыться, но передумал — чего вымываться, если переть через болото ещё столько же? Отдохнул, перекусил бабкиной снедью, что дала в дорогу, отправился дальше.

А дальше стало ещё хуже — сплошная вода в локоть, а под ней — жидкая грязь. Встать на ноги - верная смерть, потому что жижа затягивает сразу и с такой силой, что не выберется никто. Тонут всё, даже самые сильные, не тонут только умные, потому ни лось, ни медведь, ни какой другой лесной зверь к топи близко не подойдёт. Алекша выломал второй сук, толще и длиннее,

положил на вонючую воду и, держась за него, осторожно пополз. Передвигался медленно, иногда с головой погружаясь в жидкую гадость и выныривая с жабой на голове и пиявками на ушах. Через несколько минут стал похож на жуткое болотное создание, от которого с воплем убежит любой … давно потерял счёт времени, руки, ноги и шея, облепленные пиявками, потеряли чувствительность и просто двигались, перемещая остальное тело вперёд. Уже не помнил, для чего здесь и куда движется, только одна единственная мысль билась в мозгу — двигаться, двигаться, не обращая внимания ни на что, и он полз и полз, уже не видя ничего залепленными грязью глазами и только угадывая чутьём направление…

Тяжёлая, как дубовый гроб, палка грюкнула, звук показался Алекше странным — не чавкающим, как должен быть, а звонким, словно грязь вдруг отвердела и превратилась в камень. Дрожащие пальцы кое-как соскребли грязь с одного глаза. Сквозь мутную пелену тускло блеснуло. Сморгнул, провёл ладонью ещё раз и увидел, что палка лежит на округлом боку мокрого камня. Несколько секунд Алекша не понимающе смотрел — откуда на болоте камни? И только потом дошло — нет болота, кончилось! Забарахтался, пытаясь встать, но одеревенелое от укусов пиявок тело плохо слушалось. Стал бешено крутиться по земле, сдирая присосавшихся гадов вместе с кусочками кожи о мелкие острые камешки. Застоявшаяся кровь побежала по жилам, кое-как воздел себя на ноги. Грязь на лице успела высохнуть на солнце и теперь стянула кожу чудовищной маской монстра из страшной сказки. Упал на колени и, почти ничего не видя, руками нащупал влагу. Ополоснул лицо, отдирая присохшие кусочки грязи, встал и огляделся.

Зловонное болото за спиной, а перёд ним раскинулась каменистая равнина. Кое-где торчат жалкие кустики, редкая трава клочками расположилась на каменных россыпях, словно юрты кочевников в бескрайней степи. Далёко впереди громадные валуны разлеглись странным полукругом, будто великан разложил для забавы. Идти дальше уже не было сил. Алекша побрёл к воде, разделся и начал отмывать присохшую грязь. Холод медленно проник внутрь, расползся по всему телу. Алекша медленно раскрыл глаза, почувствовал, что ещё немного и окончательно замёрзнет. Заворочался, кое-как сёл. Обнаружил, что совершенно голым сидит на холодных камнях, рядом чувствуется гнилое дыхание болота, а из-за спины тянет сухим тёплом каменной пустыни. Пошарил вокруг, нащупал одежду. Чистая, высохшая. Он сразу вспомнил, что сам стирал её и аккуратно раскладывал на камнях для просушки. Разложил,

прилёг отдохнуть.

Спать не хочется, но и идти дальше при слабом свете луны тоже не решался — мало ли что! Поднялся, с хрустом и завыванием потянулся и … увидел маленький огонёк. Далёко впереди кто-то разжёг костёр, маленькая рыжая точка мерцает на грани видимости. Алекша торопливо оделся. Ноги сами понесли вперёд, мелкие камешки захрустели под сапогами. Вскоре огонь приблизился так, что уже можно было рассмотреть отдельные сучья в аккуратно сложённой рядом кучке, но хозяина костра не видать. Алекша остановился, в растерянности завертел головой, не понимая, в чём дело, как вдруг тяжёлый удар сотряс землю, словно великан ударил кулаком — чудовищных размеров чугайстырь спрыгнул с большого камня, огромная тень легла прямо под ноги мальчику. На плече чугайстыря болтает рогатой головой убитый олень. Алекша словно примёрз к земле, не в силах сделать шаг, только ошеломлённо хлопает глазами. Сразу вспомнил предостережение Бабы-Яги. Всмотрелся … Это же тот самый чугайстырь, что хотел отнять у него зверобой! И без того страшная рожа стала ещё страшнее — шерсть обгорела, шкура покрыта волдырями и язвами, волосы остались только на макушке, торчат безобразными клочьями. Чугайстырь случайно задевает ветку, глухо рычит от боли. Лесное чудище одним взмахом лапы раздирает оленя, внутренности выпадают на траву. Чугайстырь жадно пожирает сырое мясо вместе с шерстью и костями. Чавканье и хруст раздались такие, будто трёхголовый дракон ест в три горла.

« Ну всё, влип! Этот гад лесной наверняка сидит прямо на траве боярышника или рядышком — закон подлости! — дожидается дурака вроде меня, — подумал Алекша. — Осталось только выйти и сказать — я тот самый, что обжёг тебе рожу и вообще хотел убить. Привет!»

Досада на самого себя, свою слабость и неумелость, на Бабу-Ягу с её невыполнимыми заданиями захлестнули мальчика. Он медленно поворачивается, собираясь удрать по-быстрому … под ногой предательски хрустит! Мальчик замер, но уже поздно — чугайстырь сразу насторожился, чавканье прекращается, челюсти останавливаются. Горящие злобой маленькие глазки подозрительно смотрят в темноту. Безобразно широкие ноздри раздуваются, тварь вдыхает полную грудь. Запах человека чугайстырь чует сразу, да вдобавок того самого, что в прошлый раз причинил такую боль! Чудище отбрасывает недогрызенную тушу оленя, кривые ноги подбрасывают тело вверх. Свирепый рык оглашает лес. Рёв так силён, что Алекшу оглушило, смяло и отшвырнуло на пять шагов. В панике, ничего не соображая, он

бросается бежать, впопыхах спотыкается и падает на камни. В глазах поплыло, радужные круги окрасили весёлым светом ночной мир, а сзади нарастают торопливые бухающие шаги чудовища. Мальчишка без памяти и только животный страх за жизнь заставил подняться и бежать. Всё равно куда, но двигаться, а не лежать, покорно ожидая смерти.

Алекша кинулся прочь, но от страха и сильного удара совершенно забылся и бросился обратно, прямо чугайстырю в лапы. Тот не ожидал, растерялся на мгновение. Этого хватило, чтобы юркий мальчишка проскочил почти между кривых ног чудища. Оно запоздало махнуло лапищей, но попадает по собственной коленке, да так, что кости захрустели. Чугайстырь хрипло взвыл от злости и досады, сгоряча поворачивается за проклятым мальчишкой. В коленке предательски хрустит и чудище с маху ляпается задом прямо на мелкие и острые, как иглы, камни. Злобный рёв меняется кабаньим визгом, чугайстырь нелепо и смешно дёргается, доставая болючие камешки из волосатого зада…

Лапа чугайстыря не достала Алекшу, но воздушная волна ударила в спину так, что он снова упал, перекувыркнулся через голову и растянулся во весь рост. От удара в голове зазвенело, тьма на секунду застилает глаза. « Теперь всё!»— мелькнуло в мозгу. Темнота пропадает, в глаза плещет рыжим светом костра. В этом неправдоподобно ярком огне Алекша видит раскидистый кустик боярышника — маленький, с созревающими продолговатыми ягодками и тонкими листочками. Не раздумывая, цапнул куст, вскочил. Тут же в затылок ударило злобным рёвом рассвирепевшего до крайности чугайстыря, а зловонное дыхание чуть не лишило сознания. Алекша кинулся было прочь, но куда? Впереди и с боков большие камни с редким колючим кустарником, а сзади злобное чудище. Понимая в смертной тоске, что теперь не уйти, он всё же бросился вперёд, прямо на камни, надеясь, что успеет запрыгнуть повыше, прежде чём чугайстырь достанет его. Куда там! С торжествующим прерывистым рёвом, похожим на страшный смех, чугайстырь небрежно машет тыльной стороной лапы. Край жёсткой, как дерево, лапищи цепляет Алекшу, его с силой швыряет на острые грани камня...

Его непременно должно было бы убить, но на пути встретился куст. Жёсткий, колючий и такой же холодный, как тот гранит, на котором вырос. Такие растения крепко держатся за жизнь, мало кто может даже ветку сломать у такого. Жёсткие сучья дружно сжимаются, нежданный наглец летит прочь. Алекша полетел так, словно его пнул неведомый великан. Размахивая

руками и ногами, вытаращив глаза, он взлетел по широкой дуге и растерянный чугайстырь только проводил его выпученными глазами. Шмякнулся на землю, как жаба на песок, в шагах двадцати от чугайстыря. Дыхание вышибает из груди, лёгкие сводит судорогой. Беспомощно разевая рот, пытается глотнуть воздуха - не получается! Наконец, с криком выдыхает, отбитые лёгкие судорожно развёртываются, вбирая пыль с воздухом. Громко охнул от боли во всём теле и бросился бежать что есть сил. В нём вновь проснулась надежда на спасение, это дало силы и заглушило боль. Чугайстырь горестно взвыл, что опять не получилось поймать гадёныша - больно шустрый! - кидается в погоню. Тяжкие удары по земле и хруст снова раздаются за спиной Алекши. Он мчится изо всех сил, но понимает, что не уйдёт, чугайстырь быстрее. В отчаянии наддал ещё, увидел, как впереди блеснуло. В слабом свете полного месяца разглядел какую-то палку с искоркой на конце — копьё! Короткое, охотничье, как оно сюда попало, бог его знает, но рассуждать некогда — схватил, развернулся и швырнул в чугайстыря…

... Алекша был плохим учеником на тренировках с мечом и копьём, но тренер, старый вояка, оказался очень хорош, потому что даже такого неумеху, как он, сумел хоть чему-то научить — копьё пролетело пару саженей и вонзилось в горло. По инерции чугайстырь сделал ещё несколько шагов, почти вплотную подойдя к мальчишке, сипло рыкнул и ухватил копьё обеими лапами. С силой вырывает …

Водопад чёрной горячей крови хлынул на Алекшу. Залил его с головы до ног, ослепил, горячая и густая жижа забивает нос и рот. Алекша отскакивает в сторону, поспешно вытирает лицо. Сквозь мутную пелену видит страшного чугайстыря — тот лежит неподалёку, неподвижный, в луже собственной крови, вывернутые лапы широко раскинуты. Короткое охотничье копьё, брошенное неумелой рукой, попало именно туда, куда надо — в шейную артерию. Рассвирепевший чугайстырь вырвал лезвие, кровь из рваной раны вылилась за несколько мгновений. Алекша стоял, ещё не совсем понимая, что произошло, под ногами чавкает кровавая жижа и сам он весь в крови, хоть выжимай. Посмотрел по сторонам — вокруг чёрная ночная тишина, слабая бледность поднимается на востоке. Огромная туша чугайстыря вспучивает землю безобразным горбом. Мир затих, замер, удивлённый неправдоподобной победой мальчишки над лесным чудищем. Только сейчас Алекша начинает осознавать, что произошло. Вместе с пониманием наваливается усталость, боль в разбитом теле даёт о себе знать. И странная пустота, будто выложился весь, без остатка на драку с чугайстырем. Так и есть! С трудом

вытаскивая ноги из кровавой грязи, подходит к поверженному чудищу. Копьё заметно тянет руку к земле. Кустик боярышника скрывается за пазухой, копьё волочит по земле, держа за конец, как простую палку.

Он прошёл шагов сто, когда взгляд цепляется за тёмную, неопрятную кучу. Подходит ближе. Труп человека, мужчины. Руки ноги неестественно вывернуты, переломаны, головы нет, всё тело будто в камнедробилке побывало. « Чугайстырь изломал, — понял Алекша, — видно, тот самый.» Видит валяющийся неподалёку лук с порванной тетивой, секиру на длинной рукояти и чудом уцелевший колчан стрел. Труп издаёт неприятный запах. Алекша, морщась и отворачиваясь, осторожно снимает широкий кожаный пояс с ножом, заплечный мешок. Понял, что именно этот безымянный охотник спас ему жизнь, вернее, его копьё. Решил хоть как-то отблагодарить неизвестного — до утра рыл могилу ножом и секирой, землю выгребал руками. Солнце стояло уже высоко, когда последняя горсть земли легла на могильный холмик. Мальчик недолго постоял над могилой и медленно побрёл обратно к проклятой Бабе-Яге — чтоб она провалилась! — которая опять даст ему какое ни будь невыполнимое задание.

— Вернулся-а-а …, да ещё и с травой!? — радостно и одновременно удивлённо встретила его Баба-Яга, — ну, молодец, проходи. А я уж и не ждала — добраться до боярышника в это время трудно, да и с чугайстырем не каждый справиться, а сказать по правде — так никто.

— Так ты меня на смерть посылала? — угрюмо осведомился Алекша.

— Нет, ну что ты! После того, как ты зверобой добыл, я в тебя поверила, но сомнение — малюсенькое такое — ещё оставалось. Ну и как ….

— Вот твоя трава, — перебил Алекша Бабу-Ягу, — забирай.

Старуха жадно ухватила засохший невзрачный кустик, чёрная крылатая тень развевающегося платка заметалась по избушке. Загремели горшки, заслонка на печи громко грюкнула, вспыхнул неровный рыжий отсвет огня. Чугунок с варевом скрывается в красной пасти печи, Баба-Яга оборачивается к Алекше. Сморщенное старушечье лицо румянится, глаза блестят. Баба-Яга вроде как помолодела. Алекша сидит на лавке, равнодушно уперевшись спиной в бревенчатую стену и не обращает никакого внимания на старуху. Заметив, что суета прекратилась, лениво спрашивает:

— Ну и что?

— А ни че! — радостно отвечает Баба-Яга, — буду пить, умываться, в новую жизнь собираться!

— Это как? — удивился Алекша.

— Вот так! Травка, что ты добыл, не зря зовётся боярышником. Если её вовремя сорвать и правильно приготовить, то всякая красавицей станет.

— Да ладно тебе, всякая, — усомнился Алекша, — а возраст?

— А что возраст? Это личина наша стареет, а сами всегда молоды, — ответила Баба-Яга, — подрастёшь поймёшь.

Алекша во всё глаза смотрел, как обрадованная Баба-Яга бегает по избушке, суетливо потирает маленькие сухие ладошки и что-то бормочет сам себе под кривой нос.

— И какая же новая жизнь у тебя будет? — осторожно интересуется он.

— Ну, какая… — Баба-Яга садится на лавку, кокетливо одёргивает драные лохмотья, что заменяют платье. Поправила платок, сложила руки на коленках, будто стеснительная девица, — оденусь, приукрашусь и замуж схожу. За приличного мужчину! – чуть смущённо сообщила она.

Алекша разинул рот и выпучил глаза.

— Да, замуж! — сварливо повторяет старуха, — и нечего пялиться и разевать пасть. Надоело мне в лесу, понятно? Я тут двести лёт живу, обрыдло всё! Кругом одни лешие да кикиморы болотные … Поживу среди людей, а там видно будет.

— Ну, да… оно конечно… — кивнул Алекша. От изумления он едва ворочал языком. Усталость и сон как рукой сняло. Покрутил головой и отправился к ручью, смывать кровь и грязь.

Проснулся Алекша вечером, когда багровеющий шар светила уже наполовину провалился в земную твердь. Умирающая заря разлилась по земле, словно хотела удержаться за траву и деревья, но прозрачные жёлто-розовые руки соскальзывают, не в силах терпеть немыслимую тяжесть солнца и заря медленно сходит на нет. По избушке разливается странный, ни на что не похожий запах. Именно эта непохожесть и разбудила мальчика, что спал мертвецким сном на дубовой лавке. Алекша поднялся, закрутил головой, отыскивая источник чудного запаха. Спутанные золотые волосы всколыхнулись светлым облаком, несколько засохших травинок упало на пол. Баба-Яга сидит за кривобоким столом, торжественно смотрит на закопчённый горшок. Именно из него исходит тот странный запах, что разбудил Алекшу. Краем глаза Баба-Яга заметила движение и, не отрывая глаз от горшка, предупредила:

— Не вздумай отвлекать глупыми вопросами. В жабу превращу!

— Воняет сильно, — бурчит Алекша, — спать невозможно.

— Пахнет, а не воняет, — поправила Баба-Яга, зыркнув

глазищами в его сторону и снова уставилась на зеленоватый дымок, медленно подымающийся из горшка. — Вот только попробуй мне всё испортить!

Алекша сёл, с хрустом в суставах потянулся. Спросонья не рассчитал, кулак врезался в стенку так, что избушка едва заметно дрогнула. Громко затрещало. Испугался, сразу сгорбился и сложил ручки на коленках.

— Эк тебя прёт, — с неудовольствием заметила Баба-Яга, — выгонять уже пора, а то домишко мой разнесёшь.

— Я? — пискнул Алекша.

— Ты, ты, кто ж ещё? — ответила вопросом на вопрос Баба-Яга, — вон и рубаху уже прорвал.

Алекша испуганно осмотрел себя и увидел, что рубашка в плечах и вправду разошлась по швам, а рукава, ещё недавно свободно болтавшиеся на худых руках, натянулись и больно сдавливают.

— Что это, бабушка? — жалобно спросил он Бабу-Ягу, — болезнь неведомая, да? Опухаю?

— А-а, сразу бабушкой стала, как испугался, — усмехнулась та, — и голосок такой тоненький жалобный … не пухнешь ты, а сила в тебе просыпается! Забыл, что натворил?

Алекша недоверчиво осмотрел себя ещё раз. « Неужто правда, — подумал он, — что во мне сила появляется. Хорошо, что медвежатины поел. А если бы улитка сварилась?»

— Эй, богатырь дико растущий, — окликнула Баба-Яга, — у меня тебе третье задание есть.

— Какое такое задание? — баском спрашивает Алекша. Он выпрямился и строго посмотрел на бабку.

— Но-но, шнобель-то не задирай сильно высоко, — усмехнулась Баба-Яга, — а то сломаешь, у меня потолок низкий. Варево моё дойдёт только к ночи. Надо мне, что б никто не нашкодил.

— Да кто ж тебе в лесу помешать может? — удивился Алекша, — ты ж того, р-раз и в жабу!

— Это тебя или таких, как ты, в жабу. Но тут имеются такие чуда, что мне с ними не справиться. Необходима грубая мужская сила, а я барышня … почти, — проскрипела старая карга.

— Ты барышня, как … а, ну да, правильно, — прикусил язык Алекша, потому что вовремя вспомнил, что перёд ним не простая старуха. — И чего же барышня опасается?

— Здеся, неподалёку, на полянке, стоит старый дуб. Когда-то давно повесили на нём трёх разбойников. Были они при жизни злюш-шие, лютые. Повесили не просто, а живьём зацепили крючьями за рёбра. Померли в страшных мученьях и с тех пор их

скелеты нападают по ночам на всех подряд. А недавно повадились ко мне ходить. Вот от них и защити меня.

— А-а, вон что, — махнул рукой Алекша, — так я их уже убил.

— Как можно убить то, что и так мёртво? — удивилась Баба-Яга. Даже на горшок с драгоценным зельем смотреть перестала.

— Ну, побил я их, — неуверенно ответил Алекша, — палкой.

— И что?

— Рассыпались они.

— Рассыпались они! — передразнила Баба-Яга, — дурак ты. Их кости соединяются вновь после полуночи.

— Так что ж делать? — растерялся Алекша. Он вспомнил, как трудно далась ему та победа, как скелеты избили его чуть не до полусмерти. Только чудом удалось отбиться!

— Как быть, бабушка? — спросил он, теряя всю свою самоуверенность.

— Я тебе не бабушка … э-э … ну, скоро, — окрысилась Баба-Яга, — а делать вот что. Разобьёшь их — вон у тебя секира какая — сложишь кости в мою ступу и размелешь в пыль, потом в печь и всё дела, понял?

— Понял.

— Вот и ладно. А теперя ты собирайся на последнюю битву, а я на печь. Залезу, что б горшок с зельем не опрокинули.

Подхватила чугунок, ловко забралась на полати.

Ждать пришлось недолго — как только тьма окончательно затопила поляну Бабы-Яги и всё углы в её избушке укрылись чернотой, за дверью негромко грюкнуло и мерный стук заполнил тишину, словно тысячи маленьких лошадок начали бегать кругами по деревянной арене. Скелеты нетерпеливо топчутся у входа, но дверь не открывают. Алекша весь взмок в ожидании, но мертвецы почему-то входить не желали. « Дверь! — вдруг вспомнил он, — я же её поленом подпёр, что б никакая тварь не влезла ночью». Алекша всегда плотно закрывал дверь в избушку, даже если заходил ненадолго — не любил, когда по избе свободно разгуливают ежи, барсуки и прочие хорьки, да ещё каждый норовит залезть в карман или за пазуху. Баба-Яга не обращала внимания на непрошеных гостей, а ему не нравилось. И вот теперь привычка запирать дверь обернулась против него самого. Помялся нерешительно, взглянул на печь — старухи не видать — отложил в сторону приготовленную секиру. В дверь застучали сильнее. Алекша подбежал, ногой отшвырнул полено и опрометью кинулся обратно.

В дверь ударило так, что створка едва не раскололась. Мешая друг другу, стуча костями, как скоморохи деревянными ложками

на свадьбе, скелеты врываются в избушку. Первый выбегает на середину, останавливается. Блестящий череп медленно поворачивается, в глазных впадинах загораются багровые огоньки. Странный и страшный взгляд замирает на мальчике. Скелет шагает, костяная рука поднимается для удара. Алекша, не сводя вытаращенных глаз с непрошеных гостей, лапнул секиру, но рука поймала только воздух — секиры не было! Оглянулся и видит в полумраке, что оружие лежит на столе, прямо за спиной скелета. Он сам оставил секиру там, когда отпирал дверь. Получилось, что защищаться нечем! Первый скелет подходит. Почти не соображая от страха, мальчик хватает старухино тряпьё на лавке, швыряет прямо в горящие глазницы. Скелет опасливо дёргается и это спасает Алекшу — острый дубовый крюк бьёт в бок, остриё попадает точно в кожаный пояс. Ударил точно, очень сильно, но острый клюв не смог пробить толстую кожу. Кривясь от боли, Алекша бросается вперёд, секира сама прыгает в руки. Тём временем скелет освобождается от тряпья и опять кидается в атаку, но теперь Алекша ждал этого. Размахнулся и со всей силы ударил секирой сверху вниз. Тяжёлое, острое лезвие с громким хрустом раскалывает череп, грудную клетку и обломки костей сыпятся на пол. Дубовый крюк по инерции падает прямо на ногу, мальчик едва не закричал от боли — остриё попало на палец.

Остальные скелеты, что неподвижно наблюдали за схваткой, выхватывают крюки. Успевают сделать только один шаг, как Алекша оказывается перёд ними. Он не стал ждать, когда враги начнут атаку. Бросается вперёд, секира опускается и поднимается. Звуки ломающихся костей и свист воздуха заполняют тесную избушку, затем всё стихает. Алекша несколько мгновений смотрел на рассыпанные по полу обломки костей, затем без замаха вонзает секиру в пол. Торопливо собирает остатки трёх скелетов. Выволакивает из угла тяжелённую дубовую ступу, метлой сгребает кости на лопату, сыпет внутрь. Пест от ступы больше походил на дубину великана и Алекша смутно удивился, как это мелкая старушка — Баба-Яга — могла управляться с такой тяжестью? Несколько минут, обливаясь горячим потом и напрягая всё силы, он долбит кости. Выгребает крошево руками на лопату, засыпает в печь. Дров в печке не оказалось. Заметался по избушке, собрал всё и затолкал в топку. Дрожащими от волнения руками достал кресало и принялся торопливо стучать. Как назло, искра не желала высекаться. Он упорно бил и бил, по пальцам потекла кровь … трут задымил, малюсенький огонёк робко подпрыгнул и уцепился зубками в берёсту. Алекша набрал полные лёгкие и, страшно раздувая щёки, подул. Огонёк пропал на мгновение и вдруг возник снова,

огромный, с кулак. Жадно набросился на берёсту и, пока не сожрал её совсем, Алекша сунул его в печь в дрова. Сверху заботливо прикрыл пучком травы. Огонь весело выскочил из переплетения травинок, побежал по сучьям, торопливо захватывая побольше, пока можно.

Под дровами что-то шевельнулось. Алекша быстро закрывает заслонку. Несколько секунд ничего не происходит, только огонь весело трещит. Но вот в заслонку стукнуло, потом сильнее, ещё сильнее. Наконец двинуло так, что печь вздрогнула и сажа посыпалась. Алекша упёрся обеими руками в заслонку. Изнутри что-то толкало и билось в металл, будто человек пытается выбраться наружу. Заслонка нагрелась, руки больно жжёт, но мальчик упорно не отпускает — хорошо запомнил слова Бабы-Яги, что кости скелетов надо непременно сжечь, иначе они оживут. В раскалённую заслонку ударило в последний раз, всё стихло. Алекша отошёл на шаг, вытянутые руки готовы схватить и удержать заслонку, но в печи только гудит пламя. Заслонка не двигается, накалилась докрасна. Он сделал несколько шагов назад, обессилено опустился на лавку. Ладони жжёт огнём, но Алекша ничего не чувствует. Рядом незаметно оказалась Баба-Яга, молча ставит на стол горшок — мол, давай, суй руки. Алекша опускает ладони в прохладную воду и боль от ожогов исчезает. Не вытаскивая рук из воды, привалился к стене, глаза закрылись сами собой.

Разбудило негромкое постукивание и пение. Несколько мгновений слушал необычные звуки. С удивлением обнаружил, что лежит на печке, на мягких шкурах, а невнятное пение доносится откуда-то снизу. Осторожно приподнялся, взглянул вниз — какая-то незнакомая женщина расставляет глиняные тарелки на столе и при этом тихонько напевает под нос. Алекша протёр глаза. Громко спрашивает:

— А что вы тут делаете?

— На стол накрываю, — нисколько не смутившись, отвечает незнакомка. Она оборачивается и Алекша видит молодую женщину, но что-то в ней такое … ну, вроде как смутно знакомое. Он уставился на неё, не зная, что сказать, потом строго произносит:

— Не хозяйничайте в чужом доме!

Женщина промолчала, только усмехнулась. И вот эта усмешка вдруг показалась настолько знакомой, что у Алекши помимо воли вырвалось:

— Баба-Яга!?

— Не баба и не яга, — ответила женщина, — но … мы были знакомы с ней.

Алекша спрыгнул с печи, подошёл ближе и потрясённо уставился на красавицу, что ещё вчера была страшилищем:

— Вот это да! Теперь я понимаю, почему ту травку боярышником прозвали.

Он ещё раз оглядел Бабу-Ягу и спросил:

— А как теперь тебя называть? Бабой или бабушкой нельзя!

—Ну, имя я себе ещё не выбрала, — засмеялась она, — это потом. Ты садись, поёшь, — и придвинула ему тарелку с кашей.

— Да я…— замялся Алекша, — руки вот… — и попытался спрятать их за спину.

— Что руки? — удивилась она, — вымой и садись за стол.

Алекша вдруг ощутил, что не чувствует боли от вчерашних ожогов. Посмотрел на ладони и не поверил глазам — там, где вчера были темно-красные язвы, сейчас обыкновенная кожа без единой царапины. Бросился на улицу, к бочке с дождевой водой, сполоснул — снова ничего, ладони как ладони. Сёл за стол и тихо сказал:

— Спасибо.

— Да не за что, — весело ответила Баба-Яга, — это тебе спасибо, за то, что для меня сделал. Не всякий сумел бы.

— И куда ты теперь? — спросил Алекша.

— В город пойду, — ответила Баба-Яга, — замуж схожу — давно уже не была — за приличного мужчину, а там видно будет.

— Ага, замуж, — согласился Алекша. « А чего ей в лесу сидеть, — подумал он, — такая быстро какого вдовца окрутит и будет жить-поживать, а как надоест, обратно в лес вернётся. А может, и нет!»

Они стояли на залитой солнечным светом поляне и смотрели, как старая избушка на курьих лапах медленно исчезает в чаще после приказа Баба-Яга уходить в лес. Толстые птичьи лапы медленно поднимаются и опускаются, деревянные бока качаются в такт шагам. С громким хрустом ломаются молодые деревца, кустарник сминается и медленно, неохотно вытягивается, будто в сомнении — вдруг опять пойдут по нему, тогда не стоит подниматься совсем.

— Найти-то потом сможешь? — тихо спросил Алекша.

— Смогу, — грустно ответила Баба-Яга, — она далёко не уйдёт. Жалко оставлять вот так без присмотра, вот и отправила в чащу. Следующим лётом навещу, — смахнула она слезу, повернулась и пошла прочь. Алекша поправил секиру на поясе, пошёл следом. Подошли к перекрёстку двух лесных дорог, остановились.

— Ну, мне в Киёв, — сказала Баба-Яга, — а тебе?

— А я обратно пойду, к Твердослову, — ответил Алекша, — в

Киеве делать нечего.

— Ну, ладно. Будешь в Киеве, заходи на Подол, спроси Настасью — это я. Помогу, чём смогу, — сказала на прощание Баба-Яга.

— Так тебя Настасьей звать? — удивился Алекша.

— Раньше так звали, — ответила Баба-Яга, — до того, как в лес ушла. Теперь возвращаюсь, значит, снова так будут.

— Ладно, боярышня Анастасия, обязательно зайду, — улыбнулся Алекша.

Настасья подмигнула. Коротко взмахнула руками. Внезапно налетел сильный порыв ветра, подхватил, закружил вместе с листьями, травой и быстро понёс прочь.

— Заходи! … — донеслось из-за вершин деревьев.

Когда на землю улёгся последний из поднятых ветром листьев и окружающий лес снова замер в торжественной неподвижности, Алекша медленно побрёл по лесной дороге. Честно говоря, ему вовсе не хотелось возвращаться обратно к боярину Твердослову, но куда деваться круглому сироте? Вот и шёл он, сшибая прутиком мухоморы, останавливаясь возле каждой муравьиной кучи и подолгу рассматривая, как злые и быстрые муравьи тащат к себе в дом полуживую добычу. Он так увлёкся рассматриванием битвы муравьёв с гигантским жуком, что не заметил, как за его спиной появилось двое с оружием. Один замахнулся мечом, потом презрительно скривился и опустил руку. Второй поднял шишку. Твёрдая, почти каменная, шишка больно стукнула по затылку. Алекша схватился за ушибленное место, быстро повернулся. Рука ухватила секиру … и замерла — в горло, как раз там, где проходит яремная жила, упёрлось блестящее остриё меча. Взгляд Алекши пробежал по лезвию, перешёл на толстую от мускулов руку и встретился с глазами, серыми, холодными.

— Ну? — буркнул обладатель серых глаз.

— Че ну? — тихо спросил помертвевший Алекша.

— Рассказывай, кто такой и что делаешь в лесу? — негромко сказал второй. Он спокойно смотрел в глаза мальчика, руки сложил на груди, но Алекша ощутил, что этот второй гораздо опаснее того, что мечом тычет в горло. Секунду помедлил, рассматривая незнакомцев. Тот, что с мечом, невысок, волосы обстрижены скобкой, под горшок. Одет просто, в холщовые штаны и плохо выделанный кожаный доспех. Круглое губастое лицо заросло редкими волосами и сплошь покрыто следами комариных укусов. Второй, судя по всему, старший, выше и сильнее. Одет в добротный доспех с нашитыми на кожу стальными пластинами, на голове шлем. Из-под стального обвода на плечи спускаются

две толстые косы. Лицо чисто выбрито, что удивительно в лесу. Правую щёку наискось пересекает сине-красный уродливый шрам.

— Ну, что молчишь, язык не гнётся? — с угрозой спросил шрамолицый, — так я сейчас по-другому спрошу.

— Да я …— и Алекша коротко соврал о том, как отстал от ватаги купцов, ехавших в Киёв. Правду решил не говорить, мало ли что.

— Так ты, значит, купчишка, да? Отошёл по малой нужде и потерялся в чаще, верно я понимаю? — с недоброй ухмылкой уточнил шрамолицый.

— Да чего с ним базары разводить, — подал голос тот, что держал меч у горла Алекши, — ты посмотри, Шрам, чей пояс на нём и секира. А копьё? Это ж Медведя!

— Верно говоришь, Волос, — ответил тот, кого назвали Шрамом, — а откуда у тебя они, а? В кустиках нашёл?

Тут Алекша решил уже не врать и рассказал правду о том, как нашёл пояс, секиру и копьё. Незнакомцы молча выслушали рассказ. Шрам мотнул головой и тот, кого он назвал Волосом, убрал меч.

— А че, это на Медведя похоже, — зачесал он в затылке всей пятернёй, — одному пойти на чугайстыря — это по нему.

— Похоже, — согласился Шрам, — но надо проверить. Вяжи руки ему, на шею верёвку и пошли к атаману.

Губастый с готовностью замотал руки мальчика обрывком лыковой верёвки, обернул вокруг шеи, несильно затянул и конец зажал в грязном кулаке.

— Сейчас пойдёшь с нами и не вздумай рыпаться, хлопец! Наш атаман проверит твою сказку и ежели наврал, умирать будешь долго, — медленно произнёс Шрам.

— А ежели не соврал, то быстро, ха-ха! — заржал Волос.

— Всё может быть, атаман решит, — сказал Шрам и шагнул в чащу. Алекша получил сильный пинок от губастого, не удержался и почти повалился следом.

Шли долго. Алекша устал перелазить через поваленные стволы, выворотни. Это вообще непросто, а со связанными руками и вовсе трудно. Потом спустились в глубокий овраг, долго шли по самому дну и, наконец, подошли к бревенчатому частоколу. Брёвна с острыми концами стоят плотно, как зубы молодого волка и только сбоку виднеется узкая лестница. Опустили с частокола после того, как Шрам махнул рукой. Алекше развязали руки — теперь не убежишь — и подтолкнули к лестнице. Поднимаясь, он чувствовал, как на него недобро смотрят стражи частокола и сердце сжималось от нехорошего предчувствия.

Входят в просторную избу. За низким столом сидят двое — оба широкоплечие, в хороших доспехах, волосы зачёсаны назад и перехвачены тонким ремешком. Один постарше — лицо в морщинах, волосы с сединой. Выделяется большой нос, перебитый точно посредине. Второй моложе, волосы чёрные, глаза быстрые, тоже чёрные, лицо в мелких ямках — переболел оспой. Обращаясь ко второму, Шрам произнёс:

— Вот привели, по лесу шатался.

— Серьёзная причина притащить сюда, — хмыкнул черноглазый.

— Да нет… — замялся Шрам, — Волос хотел его сразу… того, а я подумал, что лучше тебе показать…

Было видно, что он побаивается черноглазого и потому мямлит. Тот, что постарше, молча рассматривал Алекшу. На мгновение задержал взгляд на поясе, рассмотрел секиру.

— У мальчишки пояс Медведя. И секира, — медленно сказал густым басом.

— А-а … и ты, Шрам, решил, что такой шибздик завалил Медведя и потому его надо притащить сюда, так? — засмеялся черноглазый.

— Ну да… э-э, то есть, нет, — забормотал Шрам. Он совсем растерялся, вспотел. Покосился на Алекшу. Лицо налилось злобой. Раскрыл рот, намереваясь сказать ещё что-то. Черноглазый не дал.

— Ладно, Шрам, молодец, правильно сделал. Сейчас разберёмся с мальчишкой, это недолго, а ты иди, иди ...

— Ага … — облегчённо вздохнул Шрам и попятился к двери.

Мужчины несколько мгновений рассматривали Алекшу, потом тот, что постарше спросил низким густым басом:

— Ну, рассказывай, кто такой, как зовут и откуда взялся в лесу.

И Алекша рассказал, умолчал только про лесную колдунью — их не любят простые люди, а тут явно именно такие. Его выслушали. Некоторое время молчали, затем обладатель густого баса произнёс, обращаясь к молодому:

— Похоже на правду, как думаешь, Удал?

— Вроде да, — скривился тот, — но ты сам знаешь, Ревун, что это ничего не меняет.

— Негоже невинную душу губить, — насупился тот, кого назвали Ревун.

— Дело твоё, — махнул рукой Удал, — но ты знаешь наши правила, — и вышел из избы.

Ревун громко вздохнул, посопел, с сомнением посмотрел на Алекшу. Тот почувствовал, что сейчас решается его судьба —

жить ему дальше или нет. Где-то в животе появился холодный ком тревоги, стал разрастаться. Рука помимо воли медленно потянулась к секире. Ревун это сразу заметил, беззлобно усмехнулся:

— Ишь, какой герой.

— Герой не герой, но резать себя, как барана я не дам, — твёрдо сказал Алекша.

— Добро, только резать тебя я не собираюсь. Во всяком случае, без твоего согласия.

— Это как? — растерялся Алекша.

— А вот так! — засмеялся Ревун. — У нас правда такая — кто к нам пришёл, становиться одним из нас или умирает. Хочешь смерти, ладно, я дам тебе умереть с оружием в руках. Нет — становись таким, как мы.

Алекша молчал. Он не хотел становиться лесным разбойником, кем без сомнения, был этот человек и всё остальные здесь. Но и умирать тоже не желал. Вспомнил, как ромей, что обучал их разным наукам в доме боярина Твердослова, часто говорил им странные слова: « Не бывает безвыходных положений. Думайте и решение найдётся». Остряки, из тех, что любят трепаться по каждому поводу, сразу начинали шутить про вход и выход, что есть у каждого, но Алекша всегда воспринимал слова учителя всерьёз.

— А вы тут всегда живёте? — спросил он, — я заметил, что частокол новый, народец в шалашах живёт, в землянках. И эта избёнка недавно поставлена.

— Да так, — пожал крутыми плечами Ревун, — на лето. К зиме перебираемся в другое место.

« Болота схватывает морозом и княжеские дружинники могут подойти к лагерю, — понял Алекша, — потому на зиму и уходят дальше от города. Так, так…»

— Хорошо, буду одним из вас, — сказал Алекша. Он опустил голову, весь поник, будто решение далось ему нелегко.

— Ну и добро, — ответил Ревун, — нам смышлёные нужны. Пройдёшь испытание, посвятим тебя в вольные люди.

— Какое испытание? — насторожился Алекша.

Ревун объяснил ему, что разбойником или вольным человеком, так они называли себя, становятся не сразу, а после того, как докажешь своё умение и удаль в разбойном ремесле. « Кровью хотят повязать, — понял Алекша, — ладно, посмотрим…»

Идти «на дело» Алекша сразу отказался, мотивирую тем, что не умёл и слаб. Ревун на удивление быстро согласился, но немедленно предложил заняться столь нелюбимой Алекшей тренировкой. Среди разбойников были бывшие княжеские

ратники, к одному из них, по кличке Дубина, Ревун и послал его…

Вначале был мощный храп, потом появились огромные полустоптанные сапоги. Алекша сначала услышал рёв и бульканье, потом едва не упал, когда споткнулся о раскиданные в стороны ноги, когда искал Дубину — именно так звали его нового учителя. От храпа всё кузнечики на полверсты вокруг сдохли, а громадные грязные сапожищи достают голенищами едва ли не до пояса. Лишь присмотревшись, Алекша понял, что это они просто на холмике стоят. Обладатель громкого храпа и владелец сапог лежит на траве, широко раскинув толстые руки. Спит, густой запах браги, исходивший из разинутой пасти, объяснил Алекше, почему. Вздохнул, осторожно толкнул спящего. Ещё раз… Когда толкать надоело — Дубина по прежнему храпит и воняет на весь лес перегаром — Алекша отходит на пару шагов. После короткого разбега со всей силы пнул. Храп прекращается, спящий открывает один глаз. Алекша отскочил в сторонку и запрыгал на одной ноге — другая болела так, словно со всей дури ударил по дубовой колоде.

— Че надо? — раздался хриплый рёв.

Дубина трудно открыл оба глаза, сосредоточил их на Алекше и опять заревел:

— Ну-у!

Кривясь от боли, Алекша сказал:

— Ревун прислал. Велел, что б ты меня обучил секирой правильно рубить.

С полминуты Дубина бессмысленно смотрел в одну точку.

— Так иди в лес и руби, — пожал плечами, — как надоест, вернёшься.

— Ревун велел научить сражаться секирой, — поправился Алекша, — ты умеешь это.

— А-а, — почесал в затылке Дубина, — ну тогда сбегай за бражкой, я опохмелюся и начнём … эта… сражаться!

Выхлебав огромную кружку браги, Дубина превратился в совершенно другого человека — весёлого, доброго и обаятельного. Он доходчиво объяснил Алекше, как и что надо делать, показал, как правильно держать тяжёлую секиру и отправил к ближайшему дубу отрабатывать силу удара. Алекша полдня молотил несчастный дуб. Земля вокруг усыпалась желудями и опавшими листьями. Когда руки окончательно отказались слушаться приказов, мокрая рукоять сама выскальзывала из ладоней, Алекша без сил опустился рядом. Несколько минут сидел неподвижно, пережидая тупую боль в руках, потом поплёлся в землянку отдыхать…

Так продолжалось недели две. Дубина оказался обычным пьяницей, поэтому его доброта пропадала, как только иссякал источник браги. Не опохмелившись, он превращался в зверя — орал, кидался с кулаками на всякого, кто попадал под горячую руку. Особенно доставалось, естественно, Алекше. Правда, юркий мальчишка научился ловко уворачиваться от неповоротливого мужика, но иногда доставалось по-полной — как-то раз Дубина запустил сапогом. Громадный сапожище полетел, словно камень из катапульты и непременно убил бы мальчишку, если бы по пути не врезался сначала в сухое деревце. Сушняк разлетелся в щепки и сапог просто свалился на Алекшу, но и этого оказалось достаточно — мальчишка свалился без памяти и очнулся только к вечеру…

Алекша так старался молотить секирой, что Дубина дважды менял сломанное топорище. Дни шли за днями. И вот красавец дуб превратился в обгрызенный сучок с ветками и жалкими остатками листьев. Руки уже не чувствовали боли, ладони отвердели, движения стали точными. Как-то раз Дубина притащил побитый панцирь. Кое-как приладил его на дерево и мотнул лохматой башкой — руби, мол, посмотрим. Алекша пару раз взмахнул секирой, примериваясь. Панцирь, хоть и порубленный в нескольких местах, сделан из толстой, хорошей стали. Настоящий боевой доспех и прорубить его с одного раза трудно, но надо, особенно сейчас, когда за спиной сопит Дубина, подошёл Ревун и с ним ещё несколько разбойников и с интересом смотрят. Двое, похоже, даже поспорили, сумеет он прорубить доспех или нет. Алекша несколько раз вдохнул и выдохнул, поднял секиру высоко над головой обеими руками. Зрители застыли в ожидании. Секира на мгновение замерла в вышине и … медленно опустилась. Алекша обернулся — Ревун разочарованно плюнул, разбойники засмеялись, один полез за пазуху, доставая проигранные деньги, хмурый взгляд останавливается на мальчишке. Дубина налился дурной кровью, угрожающе засопел … Алекша бьёт неуловимо быстро, тяжёлая секира с коротким звяком ударяет в панцирь. Лезвие пробивает толстую сталь, входит глубоко в ствол. Дерево вздрогнуло, сорвалось несколько листьев и медленно закружились в воздухе…

Немая сцена длилась несколько секунд. Первым очнулся Ревун. Подошёл ближе, чёрные глаза неторопливо пробежали по панцирю, торчащей из него рукояти секиры. Громко крякнул в густые усы, махнул рукой Дубине:

— А ну-ка, Дубинушка, достань-ка секиру, хочу взглянуть на броню.

Дубина торопливо подбежал, ухватил топорище одной рукой

и потянул, потом обеими, снова дёрнул — секира не шла. Поплевал на ладони, упёрся ногами в землю и потянул изо всех сил. И без того красная с непрерывного перепоя рожа страшно налилась кровью. Глаза полезли на лоб, щёки затряслись. Алекше показалось, что Дубина сейчас лопнет или обделается по большому. Раздался громкий, раздирающий скрип и лезвие наполовину вылезло. Мгновенно вспотевший Дубина растерянно оглянулся на мальчишку, рукоять выскользнула из потных ладоней.

— Вот … тово, — промычал, — не идеть, зараза …

— Ага, — кивнул Ревун, — дай-ка мне…

Сдавил ручищами секиру, потянул и она нехотя поползла навстречу. Прорубленный панцирь горестно скрежетнул, упал на траву. Ревун поднял, внимательно осмотрел — кованое железо в палец толщиной пробито на всю длину лезвия секиры, как лист лопуха. Ещё раз посмотрел на секиру, панцирь, потом повернулся к Алекше. Разбойники стоят, отвесив челюсти до земли. Первым очнулся тот, что поставил на мальчишку:

— Бабки гони, а то по балде надаю, — ласково произносит он и двумя пальцами захлопывает пасть проспорившему. Тот, недовольно бурча, сует ему горсть серебра и уходит прочь. Выигравший подбрасывает монетку в ладони, весело кричит Алекше:

— Молодец, хлопец, если захочешь научиться стрелять из лука — подходи. Меня Лучкой зовут.

— Ну и че? — спросил Дубина, — я вот тово …

— Да ни че, — машет рукой Ревун, — пей брагу, дрыхни, от тебя больше ничего не надо.

— Дык мне за работу полагается…

— Бочка с брагой знаешь где? Она вся твоя!

— Ага! - радостно крякает Дубина и торопливо бежит хлебать вонючую брагу, пока есть. А заодно сообщить всём, что бочка не чья-то, а евонная. И что наградили его, Дубину, за доблестный труд!

— Та-ак, — повернулся Ревун к довольно улыбающемуся Алекше, — ну, идём.

Вышли на небольшую полянку, где обычно Ревун тренировал разбойников. Посредине поляны возвышается странное деревянное сооружение — на торчащем бревне закреплены палки на разной высоте. Алекша не раз видел, как разбойники рубят бревно мечами и секирами, а оно крутится и надо успеть увернуться от палки, в которые вставлены обломки кос и серпов. Те, кому не удавалось, получали глубокие порезы и падали, обливаясь кровью — Ревун заставлял работать без доспехов.

Ревун вывел Алекшу на середину, повернулся к нему лицом и коротко приказал:

— Руби!

— Чего? — не понял он.

— Руби, — повторил Ревун, — меня руби.

— Да как, — растерялся Алекша, — я не могу!

— Руби!! — рявкнул Ревун, — представь, что я враг и руби, ну!

— Ну ладно, — пожал плечами Алекша, — раз вы так хотите.

Он размахнулся и несильно рубанул секирой наотмашь. Ревун принял удар на защищённую железом правую руку, отбил, а левой небрежно дал по губам. Алекша отдёрнулся от внезапной боли, губы сразу надулись, по подбородку потекла кровь.

— Руби! — снова приказал Ревун.

Алекша вытер окровавленный подбородок рукавом, взвесил секиру в руке, словно примериваясь, коротко и быстро взмахнул. Остро отточенное лезвие сверкнуло на солнце и обрушилось сверху на незащищённую голову Ревуна. Он не отклонился, как ожидал Алекша, а поднял закованную в сталь руку вверх и резко опустил. Лезвие секиры негромко звякнуло о железо, соскальзывает, по инерции идёт к земле и тянет за собой. Алекша непроизвольно шагает вперёд и наклоняется. Ревун поворачивается, ладонь в жёсткой кожаной рукавице тяжко прикладывается к затылку. Алекша взмахивает руками, как голубь крыльями и взлетает, но не вверх, а вниз, прямо в утоптанную до твёрдости камня, землю. Когда поднялся, размазывая по расцарапанной роже грязь пополам со слезами и кровью, Ревун невозмутимо стоит на том же месте и спокойно смотрит на него.

— Ещё рубить? — хрипло спрашивает Алекша.

— Угадал, — отвечает Ревун и коротко встряхивает седой гривой — давай быстрее, не тяни кота за хвост.

На этот раз Алекша не стал махать секирой абы как. Он несколько раз перекинул оружие из правой руки в левую, сделал пару обманный движений и только после этого быстро и очень сильно ударил. « Сейчас ты получишь, гад!»— подумал он …

Ревун снова принимает атаку на руку. Коротко звенит железо о железо. Отступает вбок, рука выворачивается и секира вырывается из ладони Алекши. Она непонятным образом оказывается у Ревуна. Тот мгновение насмешливо смотрит на растерявшегося мальчишку, потом несильно тычет ладонью в лоб. Алекша как стоял, так и брякнулся на землю, растопырив руки и с открытым ртом. Получилось не больно, зато смешно и унизительно. Ревун небрежно швыряет секиру. Подходит к

сидящему в пыли мальчишке, без тени усмешки произносит:

— Рубишь сильно, хорошо, но вот умения, ухватки у тебя нет. Неуклюж ты, понял?

— Понял, — ответил Алекша.

Вытер нос, спросил:

— Когда начинать?

— Завтра, — улыбнулся Ревун, — сегодня отдыхай.

Почти месяц прошёл с того дня, как Алекша попал к разбойникам. Он полностью освоился в лагере. Поскольку в разбойничьих набегах не участвовал, выполнял разную мелкую работу — колол дрова, топил самодельную печку и штопал одежду. Не очень хорошо, но лучше всё равно никто не умёл. Однажды, после очередного набега, в лагерь принесли раненого Дубину. Шайка разбойников налетела на купеческий караван как обычно, неожиданно, но охрана оказалась хороша — завязался бой, которого разбойники всегда старались избегать. Малочисленная охрана была отлично обучена и хорошо вооружена. Бой длился долго, около часа, прежде чём разбойникам удалось перебить всех стражников. Троих потеряли, Дубина тяжело ранен, зато в жадные руки разбойников попала богатая добыча — меха, золото, заморское оружие. Дубина один дрался против четверых. Он управился, но самого посекли в нескольких местах, обломок стрелы застрял в ноге. Его кое-как перемотали тряпками, притащили в лагерь. Когда Алекша подошёл, он лежал на траве, бледный, как утопленник и почти не дышал. Было видно, жить Дубине оставалось немного.

— Жаль, — сказал подошедший Ревун, — хоть и пьянь, но мужик хороший. Надо будет похоронить его по-людски …

— Не торопитесь, я, может, сумею его вытащить, — неуверенно прервал Ревуна Алекша, — пусть в землянку отнесут.

Ревун вопросительно посмотрел на стоящего рядом атамана. Удал пожал плечами, кивнул. Дубину утащили в землянку. Алекша кинулся собирать развешанные на потолке своей землянки травы. Из укромного угла достал взвар, чёрный и холодный, как могила зимней ночью. Бегом принёс, снял глиняную крышку. Запах мертвечины пошёл такой, что собравшиеся любопытные бросились прочь, зажимая носы. Срезал острым ножом неумело намотанные тряпки. Промыл водой страшно открытые раны, стараясь не задевать голое мясо, принялся густо мазать омерзительно пахнущей гадостью. Перевязал чистыми тряпками так, что бы края ран прижимались друг к другу. Теперь надо напоить целебным отваром, но впопыхах Алекша забыл вскипятить воды. В панике заметался по лагерю, отыскивая костёр. Увидел, как на краю поляны на огне

исходит паром котёл и чуть не завизжал от радости. Со всех ног бросился к нему, моля всех богов, что бы в нём была просто вода. Когда трава начала закипать, за спиной раздался гнусавый голос:

— Ты чего в моём котле всякую дрянь варишь? Я для тебя воду кипятил? А ну, пошёл отсюда, гадёныш!

Алекша обернулся. За спиной стоит какой-то лохматый дядька и орёт дурным голосом, размахивая здоровенным мослом. Вроде как лосиной ногой с остатками мяса. В другой ситуации вежливый Алекша, конечно же, извинился за то, что взял чужое, ещё бы и котёл помыл, но не сейчас! Когда мужик ухватил палку, на которой подвешен котёл над огнём, собираясь выплеснуть целебное варево, Алекша перехватил руку, вывернул и коротко ударил в лицо. В воздухе мелькнули грязные лапти. Разбойник отлетел в одну сторону, а обглоданный мосол — в другую. Мужик быстро поднимается. Кровь из разбитого носа густо течет по усам, бороде, тёмные капли падают на землю.

— Ну, ладно, — злобно шипит разбойник. В руках появился меч, грубый и некрасивый, но тяжёлый, отточенный и потому, как разбойник держит его, видно - пользоваться умеет.

Сжимая меч обеими руками, быстро шагает вперёд, бьёт крест-накрест. Алекша едва успевает выхватить секиру, с которой не расставался ни на минуту. Раздался звон железа и кто-то восторженно заорал:

— А-а, драка! Давненько не было!

Разбойник в лаптях обрушил на Алекшу град сильных ударов. Он едва успевал увёртываться и ни разу не ударил в ответ — ещё надеялся объяснить, что вода нужна для спасения жизни, это недоразумение, он всё исправит… когда острый кончик меча сверкнул прямо перёд глазами и едва не рассёк кровяную жилу на шее, Алекша понял, что объяснения не нужны — его сейчас просто убьют из-за горшка воды. Отбив очередной удар, перехвати секиру остриём к противнику — до этого отбивался обухом — и стал сражаться всерьёз. К тому же мужик разозлился по настоящему, его достали многочисленные зрители своими шуточками, что не может правиться с сосунком, ещё немного и мальчишка отрежет ему уши тупым топором, нос, потом ниже, ещё ниже…

Удары становятся злее, чаще. Алекша почувствовал, что ещё немного и более опытный разбойник найдёт брешь в его обороне и тогда дело закончится одним ударом. Отбивает замах, делает быстрый выпад и ловит меч в выемку между топорищем и лезвием. Выворачивает, рвёт на себя и меч рыбкой выскальзывает из потных ладоней. Зрители замерли, кто-то восторженно ахает:

— Во даёт пацан!

— Ага, а старый козёл машет мечом, как бабка ухватом!

Алекша шагает назад, собирается поговорить с мужиком, прекратить глупый поединок — какое там! Тот стремглав бросается за мечом, опять кидается в драку, истошно выкрикивая проклятия. Вопли оборвались, словно разбойник внезапно давится слюнями. Алекша с разворотом отбивает удар, секира сверкает в лучах вечернего солнца и голова дурака катится по траве. Обезглавленное тело по инерции делает ещё несколько шагов, рушится на землю.

— Да-а …эх, ядрёна вошь… — послышалось из толпы зрителей, — красавчик парень!

Алекша мгновение тупо смотрит на безголовое тело, потом вспоминает, зачем он здесь и бросается к котлу — трава должна уже свариться!

— Чего он в котёл-то лезет? — раздался удивлённый голос.

— Жрать захотел после драки! — уверенно ответили из толпы.

Не обращая внимания на умников, снимает котёл с палки, бегом уносит в землянку. Торопливо процеживает, осторожно, по чуть-чуть заливает отвар в полуоткрытый рот Дубины. Когда осталось с пол горшка, лицо Дубины порозовело, веки затрепетали. За спиной удивлённо присвистнули.

— Не свистеть, — злобно зашипел Алекша, — примета хреновая!

— Всё, всё, не свищу! — успокаивающе ответил знакомый голос.

Мальчик обернулся и увидел удаляющуюся спину Удала — атамана разбойников.

После этого случая Алекшу стали уважать и уже относились как к равному. Всё-таки лечить, тем более вытащить умирающего почти с того света из разбойников никто не умёл. Ну, разве что лист подорожника к царапине приложить или жгут намотать, чтоб кровью не изошёл — вот и всё врачевание, а тут такое! Особенно всех поразило, что после того случая Дубина совсем перестал пить. Пробовали предлагать, но особо настойчивым Дубина дал в рыло и попытки напоить прекратились. К мальчишке теперь относился как отец родной — проверял, накормлен ли, одет, обут и следил, чтоб никто не обидел. Алекшу не обижали. Его признали бойцом и человеком, обладающим редким умением врачевать. Первое среди мужчин вообще всегда ценится, а второе качество просто незаменимо для людей, ежедневно ставящих жизнь на кон.

И часто проигрывающих.

Однажды в лагере появился маленький юркий человечек. Его

никто не знал, поскольку лицо замазано грязью, волосы свисают на глаза так, что непонятно, как он всё видит перёд собой. Быстро юркнул в землянку Удала и также быстро, словно крыса в половодье, убежал оттуда. Однако после него атаман Удал не торопился выходить. По лагерю распространился слух, что на днях по лесной дороге пойдёт богатый купеческий караван с заморским товаром. Добра много, на всех хватит, но и охрана большая, наскоком не возьмёшь, вот атаман и не торопится, думает. Разбойники весело обсуждали предстоящее дело, торопливо приводили в порядок оружие и ждали. Когда Удал собрал всех лихих людишек и объявил о выступлении, Алекшу и Дубину Ревун отвёл в сторонку.

— Завтра с рассвета будем брать купчишек за живое, — сказал, чуть понизив голос, — вам двоим в драку без особой нужды не соваться, ждать в стороне.

— Дык как же…— растерялся Дубина, — а добыч!

— Будет тебе добыч, — отмахнулся Ревун, — не обидим. Для тебя главное — мальчишку сберечь. Охрана у обоза сильная, побьёт многих и нам целитель до зарезу нужен будет, понял?

— Разумею, — важно ответил Дубина. Задумчиво поскрёб затылок:

— Но добыч… тово, чтоб не обидели!

— Да сказал уже, отвяжись, — бросил Ревун, уходя.

Погасло пламя, серый пепел укрыл горячую землю, звёзды сникли, узкая полоска зари высунула нос за край земли, из предрассветной тьмы медленно выбрались странные существа. Заросшие мхом, травой, отовсюду торчат кривые веточки болотных кустов, они неспешно направляются к спящим людям, всякий раз замирая, когда кто-то шевелился во сне или начинал бормотать. Двое, назначенные в ночную стражу, дремлют. Тяжёлые головы склонены на копья и только третий страж ещё борется со сном. Сквозь полудрёму он видит, как странные существа приближаются к лагерю, но его это совершенно не обеспокоило — на грани сна и реальности он просто не осознаёт возможной опасности. Кажется, что это лес сжимается вокруг спящих, играет с ними перёд тем, как наступит солнечный день. Лесное существо наклонилось над спящим, в мохнатой лапе блеснула сталь и часовой бесшумно валится на траву. Тяжёлый запах крови ползёт по холодку рассветного воздуха, ноздри дремлющего затрепетали. Ещё не понимая, в чём дело, вздрагивает всём телом и нечленораздельно орёт:

— Э-э-а-а!

Страшный вопль взлетает над лесом и обрывается коротким всхлипом. Разбойники срывают с себя куски мха, тряпки с травой

и ветками и, уже не скрываясь, режут спящих. От дикого крика часового многие проснулись, но не всё поняли, что происходит. Вставали, шатаясь ото сна, непонимающе оглядывались, протирая глаза, а разбойники, быстрые и злые, как голодные волки, сноровисто и скоро режут полусонных. Караванная охрана состоит из бывших княжеских ратников и профессиональных наёмников. Они даже спали, не снимая брони, а мечи и секиры ложили рядом, под руку. Эти быстро поняли, что произошло. Случилось то, чего так опасался атаман — профессиональные солдаты сразу сбиваются в строй, передний ряд закрывается щитами, давая возможность остальным вооружиться. Стража перестраивается в двухрядную фалангу и наступает в направлении возов с товаром, где оказалось большинство разбойников — торопились начать грабёж и где ожесточённое сопротивлялись сами купцы. Напавшие оказались зажаты с двух сторон. Разбойник не солдат, ему жизнь важнее всего. Удал, сражавшийся в первом ряду, сразу заметил, как его люди один за другим начали убегать, бросая оружие и броню.

— Всё ко мне, прочь от телег! — грозно крикнул он чуть не на весь лес. Некоторые ещё быстрее побежали, но большинство всё-таки собралось вокруг атамана.

— До боя! — крикнул Удал и первым бросился в сечу с охраной каравана.

Дубина молча наблюдал за боем со стороны. Стоять спокойно он, понятно, не мог — дёргался, подпрыгивал, размахивал руками, то бледнел, то страшно багровел. Тогда Алекше казалось, что пьянчуга прямо сейчас умрёт от избытка чувств. Ему тоже трудно просто смотреть на бой, где одного за другим убивали его знакомых и товарищей. Он не особо сдружился с разбойниками, но всё же считал их своими. Дубина уже начинал рубаху на груди рвать, когда наметился слабенький перевес разбойников. Стражники медленно отступают к лесу, простодушный Дубина начинает тихонько повизгивать от счастья, чувствуя близкую победу … как вдруг из-за спин отступающих раздался страшный рёв. Громадного роста мужик, весь в железе и с двумя огромными топорами медленно выходит из-за деревьев. Было непонятно, откуда взялся такой — не то спал до сих пор в кустах и ничего не слышал, не то ждал в засаде и в нужный момент пошёл в бой, только охранники каравана встретили его появление восторженными криками и с удвоенной силой начали махать мечами. Разбойники дрогнули. Удал сразу почувствовал перелом в настроении. Понимал, что ещё одно мгновение и его вшивое воинство побежит — они ж на грабёж рассчитывали, не на кровавую драку. Двумя ударами сшибает особенно наседавшего

на него стражника, молча бросается на нового противника. Сшибка произошла почти сразу — великан к тому времени расчистил себе дорогу среди разбойников двумя топорами, вышел прямо на Удала. Тот ударил одновременно мечом и щитом, великан отбил, но не совсем удачно — меч зацепил-таки и кольчуга на груди окрасилась красным. Великан коротко рыкнул, топоры замелькали в воздухе со скоростью крыльев ветряной мельницы в ураган…

Тут Дубина не утерпел и бросился в бой. Он орал, выл и махал секирой направо и налево и от каждого удара кто-то валился убитым или раненым. Стражники, увлечённые двобоем, спохватились поздно — разбойники набросились на них, как волки на добычу и сеча закипела с новой силой. Алекша уже не мог стоять без дела. Он оказался единственным, кто просто смотрел. Не раздумывая, подбегает ближе. В бой ввязываться не стал, у него никакой брони, одна холщовая рубаха. Хватает валявшийся на земле чей-то лук и колчан стрел. Торопливо натягивает тетиву, целится. Сплетённая из турьих жил тугая нить коротко гудит. В шагах двадцати стражник падает на землю. Сделал ещё десяток точных выстрелов, после чего меткого лучника заметили и двое стражников бросаются к нему. Алекша спокойно подпускает обоих, в упор всаживает каждому по стреле в глаз. Бросает лук, в руках появляется секира — колчан пуст. Бой продолжается. Всё оглядываются на поединок атамана разбойников и великанского стражника из караванной охраны. Алекша тоже смотрит и чувствует, что Удал слабеет. Ещё немного, поймут остальные и тогда беда. Вмешиваться в двобой нельзя, это Алекша знал с детства, но если один из противников намного сильнее, то это уже не поединок равных.

Один из стражников догадался, зачем подросток в холщовой рубахе бежит к поединщикам, бросается наперерез. Алекша ловко уворачивается. Взмах секирой и стражник без памяти катится в траву — мальчик ударил обухом. Он подбежал, когда Удал уже стоял на одном колене и едва отбивался. С торжествующим рёвом стражник занёс над головой выщербленный топор, удерживая обеими руками — второй сломался — когда несильный для такого быка удар со звоном сбивает железный шлем на глаза. Великан выругался и вынужденно повернулся. Мальчишка, в одной рубашке, изо всех сил колотит секирой по доспехам. Роста мальчишке не хватает, он смешно подпрыгивает, стараясь достать секирой по голове. Именно это нелепое скаканье взбесило стражника. Одной рукой поправил сбитый шлем, вторая заученным движением отбила удары. Громадный щербатый топор неспешно поднялся, чтобы через мгновение рухнуть на

незащищённую голову мальчишки …

От сильного удара по затылку мечом плашмя глаза великана чуть не выпали на землю. Рассвирепевший стражник обернулся. Его настоящий противник, атаман разбойников, твёрдо стоит перёд ним. Обломок щита валяется под ногами, меч зажат в обеих руках. Разбойничий атаман насмешливо посмотрел в глаза сквозь прорезь в шлеме, меч сверкнул в замахе. Сильные и точные удары обрушиваются на оторопевшего стражника, каждый прорубает брешь в броне. Панцирные пластинки, кольца кольчуги сыпятся на землю, хлыщет кровь. Великан инстинктивно отступает на шаг, чтобы уйти от града опасных ударов, но тут проклятый мальчишка снова лезет в драку. Разбойничий гадёныш так бьёт по затылку, что искры из глаз сыпятся, как звёзды в августовскую ночь. Стражник с рёвом ударил топором наотмашь. Рука заметно чуть заметно дрогнула и великан понял - надоедливый пацан больше не будет досаждать. Чтобы покончить с мальчишкой, понадобилось пара мгновений, но именно они и решили исход поединка. Атаман вложил всё силы в последние удары. Его меч прорубил-таки и панцирь, и кольчугу. Зазубренное остриё рассекло рёбра и достало сердце. Стражник-великан на секунду замер с поднятым топором, словно не веря в смерть, рухнул на землю, будто из него вынули стержень, на котором всё держалось.

— А-а-а ! — дико закричали разбойники. Замахали топорами и мечами так, будто сил прибавилось втрое. Ошеломлённые неожиданным исходом поединка, охранники каравана бросали оружие и убегали в лес. Разбойники торжествующе орали, свистели, но вдогон не бросались — зачем? Главное — грабёж и он вот-вот начнётся!…

Алекша неподвижно лежит на траве. На бледном лице застыло выражение удивления — как так, неужели я умер? Дубина бессмысленно суетится, приседает, разводит руками. Сам едва ли не бледнее, губы трясутся, лицо искривилось, как перёд рыданием. Пал на колени и замер, не зная, что делать. Прихрамывая и морщась от боли, подходит Удал. Смотрит на неподвижное тело. Окровавленной рукой вытирает пот с лица, негромко произносит:

— Слышь, Дубина, если мальчишка умрёт, тебя за ноги к двум берёзам привяжут, потом отпустят и ты взлетишь к богам. В разные стороны.

В ответ Дубина только трясёт головой, разводит руки. Он и сам понимал, что вина его, ведь приказали же — не оставлять мальчишку, а он? По безжизненному лицу Алекши пробежал муравьишка, шевеля сяжками. Постоял немного и маленькие лапки снова замельтешили, унося блестящее тело прочь. На

мгновение муравей замер, потом заинтересованно остановился на верхней губе. Сяжки вопросительно посекли воздух и он шмыгнул прямо в ноздрю — а чего там? Надо проверить! Лицо мальчика скривилось, он дёрнулся и громко, на весь лес чихнул. Открыл глаза, вскочил и принялся яростно чесать нос. Дубина от неожиданности свалился на землю. Маленькие глаза выпучились, как у жабы, а рот раскрылся так, будто его обладатель собрался проглотить поросёнка целиком.

— А-а?…— невнятно протянул он, потом радостно: — А-а-а!

Алекше наконец удалось выдуть проклятую козявку. Тщательно вытерся, только после этого обратил внимание на орущего Дубину.

— Чего кричишь-то, а? — спросил, удивлённо оглядываясь.

—Дык ты это… от смерти лютой меня спас! — промычал радостный Дубина. Он опять становится на колени, улыбается во всю немалую пасть.

— Как это? — с сомнение произносит Алекша, — тебя вроде рядом не было.

— Ты ожил! — благоговейно говорит Дубина.

Алекша кивает.

— Ну … это да, большая радость. Только причём тут твоя смерть, да ещё лютая?

— То я ему пообещал, если ты не выживешь, — раздался голос атамана.

Алекша обернулся. Перёд ним стоит Удал, без кольчуги и панциря, неумело перевязанный чистыми тряпками. Правой рукой опирается на обломанную секиру.

— Спасибо за помощь, но я ….

— Ты справился бы сам, — торопливо перебил атамана Алекша.

Удал рассмеялся.

— С тобой вышло быстрее. Только в следующий раз всё-таки делай то, что приказали. А сейчас давай к раненым, много их.

На краю поляны, за возами, разложили на земле раненых разбойников. Из купцов и охранников никого не было — добили, что б свидетелей не оставалось. Алекша сразу начал вправлять выбитые кости, накладывать самодельные шины на переломы. Раны обрабатывал заранее приготовленными отварами из целебных трав и туго бинтовал чистыми тряпками. Работа шла так быстро и ловко, что атаман и его помощник Ревун только переглядывались. Удал оглянулся, отыскал глазами Дубину и поманил его пальчиком.

— Слышь, Дубинушка, если ещё раз оставишь мальчишку без присмотра и мы лишимся такого лекаря — пеняй на себя.

Дубина так затряс головой, соглашаясь, что мелким дождиком посыпалась труха и опилки из волос, бог его знает как попавшие туда. Когда Алекша закончил перевязки, Дубина подошёл к нему и важно заявил:

— Вожак приказал охранять тебя и оборонять от всякой напасти, потому как ты лекарь и целитель. Всегда держись меня, вот так.

— Ага, только вот ручку приделаю к твоей жо… — согласился Алекша. — Ты лучше поучи меня ещё, что б я с секирой управлялся ловчее, больше толку будет.

Закончилась тёплая, ранняя осень. Прибавилось жёлтых и красных листьев, ночи стали холоднее. Уже на полях не осталось ничего, крестьяне собрали последние колосья. Освободившись от трудов, люди стали чаще ездить в город за товаром и каждый набег приносил больше добычи. Но и риска стало больше. Удача ещё сопутствовала ватаге Удала, он вовремя чуял опасность и выводил людей из-под удара. А они становились всё чаще. Князь, обеспокоенный нападениями разбойников на купеческие караваны, начал посылать и старшую дружину на поиски и они не всегда были неудачными. Правда, удары чаще приходились на мелкие шайки, прячущиеся в лесу рядом с городом, но бывало, что попадалась и крупная дичь. Дружина великого князя состоит из лучших воинов. Прекрасно вооружённый, обученный, закалённый в непрерывных боях и походах, такой воин стоит десятка простых ратников. Даже малая числом дружина, в два десятка воинов, может легко уничтожить в открытом бою ватагу разбойников в сотню мечей. Княжеские воеводы рассылали малые дружины по окружным лесам. Воины опрашивали жителей местных деревень, хуторов и никто не смёл скрыть правду о княжеского дружинника. Молчуны обретали красноречие на колу…

В лагере разбойников снова появился маленький проворный человек. Горбатенький, кривоногий, он суетливо прошмыгнул в шалаш к атаману, пошептал там, выскочил и исчез в высокой траве, как потревоженная гадюка. Разбойники сразу стали довольно переглядываться, укладывать дорожные мешки и готовить оружие. Всё знали — не сегодня-завтра набег на толстых купчишек и добыча будет большой. Так всегда бывало после появления горбатого лазутчика. На этот раз всё сложилось не так, как обычно. Неожиданно напасть на стоянку каравана не удалось, не успели вовремя подойти. Раздражённый первой неудачей, Удал приказал устроить засаду на дороге перёд мостом. План атамана был прост — внезапно напасть с двух сторон, оттеснить охрану к реке и уничтожить. Опасность такого плана заключалась

в том, что в случае неудачи разбойники сами рисковали оказаться прижатыми к воде. Речка хоть и узкая, но достаточно глубокая, в броне не переплыть. Ревун высказал осторожное сомнение в затее атамана, но Удал настоял на своём и разбойничья ватага спешно отправилась к переправе.

Самые медлительные ещё только подходили к месту засады, когда запыхавшийся дозорный прибежал с сообщением, что караван на подходе. Банда разделилась на две половины. Первую возглавил Ревун. Увёл своих людей на другую сторону, а Удал с остальными затаился в длинной канаве вдоль дороги. Алекше и в этот раз запретили участвовать в налёте, да он и не настаивал — не хотел проливать напрасно кровь своих. Разбойничье дело ему очень не нравилось, но бросить шайку и уйти не мог. Старательный и услужливый до тошноты Дубина не оставлял ни на минуту. Они спрятались в кустах на невысоком пригорке и молча смотрели, как вдали показались первые возы. Громадные ломовые лошади бодро тащат нагружённые доверху телеги, колышутся пышные гривы, длинные хвосты со свистом секут неподвижный воздух, отгоняя приставучих слепней и мух. Подкованные копыта, размером с тарелку, врезаясь в сухую землю, оставляют глубокие следы. Возницы тоже как на подбор — здоровенные, у каждого из-за спины торчит рукоять огромной секиры. Алекша едва рот не раскрыл, засмотревшись на невиданных коней и только краем глаза скользнул по телегам. Показалось странным, что всё закрыты широкими полотнищами, края аккуратно заправлены. Под плотной тканью топорщилось и вроде шевелилось, как поросята в мешке. Оглушительный свист со скоростью выпущенной из арбалета стрелы промчался над обозом. Разбойники, дико вопя и размахивая руками, бросились с двух сторон на обоз. Алекша ожидал, что, в караване начнётся паника, беспорядок. Ничего подобного. Изумлённо увидел, как звероподобные возницы, словно по команде, натянули вожжи, ломовые кони стали, как вкопанные. Холщовые рубахи слетели на землю, сверкнула на солнце броня, в толстых руках появились громадные секиры. На телегах зашевелилось, полетели в разные стороны тряпки, холстины. На землю спрыгнули княжеские дружинники в полном вооружении!

Залихватские крики разбойников как отрезало. Вместо них раздались растерянные вопли, разбойники смешались, но было поздно. Передние, самые быстрые, сразу попали под безжалостные удары. Остальные остановились, беспорядочно заметались. Дружинники без суеты построились в ряд, закрылись прямоугольными красными щитами и ряд двинулся навстречу атакующим, при этом левый край заметно выступил вперёд и стал

как бы загибаться, отрезая разбойников от леса. Алекша замер, не в силах отвести глаз. Он впервые в жизни увидел дружинников великого князя в бою. Закованные с головы до ног в железо, в остроконечных шлемах, укрытые алыми щитами, они показались ему сказочными великанами. Огромные двуручные мечи, которые не каждый может просто поднять, казались хворостинами, так легко дружинники управлялись с ними одной рукой. Каждый удар рассекал разбойника чуть не надвое вместе со щитом и доспехами. Сухая земля залилась кровью, страшно разрубленные трупы валяются в пыли тут и там, а из дружинников никого даже не ранили! Понятно, что конец шайки атамана Удала близок. Алекша растерянно смотрел на побоище. Он не знал, то ли убегать, то ли остаться, как вдруг за спиной раздалось мощное сопение, короткий рёв и топот. Алекша обернулся — прямо на него мчится Дубина, размахивая тяжёлой секирой. Мальчик торопливо отскочил в сторону. Дубина промчался мимо. Простодушный мужик забыл о строгом наказе атамана и бросился в битву. Алекша выскочил из кустов, крикнул:

— Стой, Дубина, пропадёшь!

Какое там! Дубина мчался напролом, прямо в самую середину драки, при этом дико орал и размахивал секирой. Кто-то из княжеских дружинников услышал, обернулся. Увидел бегущего прямо на него разбойника с секирой, неторопливо воткнул меч в землю. Железные руки поднялись за спину, достали странный лук на палке. Небольшой, с очень толстой тетивой. Дружинник вложил короткую стальную стрелу в выемку, навёл. « Самострел!» — догадался Алекша. Он видел такое оружие на княжеском дворе, его ещё называли заморским словом арбалет. Самострелы были большой редкостью, их мало кто умёл делать и потому ценились очень дорого. Пускал короткую стальную стрелу с такой силой, что пробивала любой доспех насквозь. Не спасал ни панцирь, ни щит, ни булатная кольчуга. Но и управиться с таким чудовищем мог не всякий — очень трудно натягивать тетиву, плетённую из железной проволоки. Стальной штырь с коротким свистом рассёк воздух, насквозь пробил грудь Дубины. Над головой Алекши вжикнуло, раздался глухой удар. Дерево за спиной содрогнулось, полетели листья. Дружинник неспешно подошёл, ногой в красном сапоге небрежно перевернул убитого. Поднял голову и его глаза сквозь прорезь шлема встретились с глазами Алекши. Бой к этому времени уже закончился, дружинники добивали раненых, так как князь приказал разбойный люд в полон не брать.

Окованная железом рука неторопливо поднялась и указала на торчащий в дереве штырь. Не сводя глаз с самострела, Алекша

боком приблизился, несильно дёрнул. Штырь сидит в осине мёртво, даже не сдвинулся. Дёрнул сильнее, ещё, наконец упёрся ногами и потянул изо всех сил. Штырь недовольно скрипнул. Алекша ещё раз потянул и железный прут оказался у него в руках.

— Добро! — неожиданно басом прогудело над ухом.

Алекша обернулся — на вытянутую руку от него стоит тот дружинник с самострелом.

— Добро, — произнёс ещё раз, — за то, что дорогую стрелу достал. За это жив останешься… Но и только! — зловеще добавил.

Руки стягивает волосяная верёвка, хлыст обвивает шею и сильная рука тащит пленника к возам. Дружинники сбились в кучу, живо обсуждают подробности сражения с разбойниками, хвастаются трофеями. Один заметил Алекшу, крикнул:

— Кремень, почто полоненка взял? Князь не велел!

— Да пацанёнок, с нами не дрался, чего там! А мне батрак нужен, за свиньями глядеть, — лениво ответил дружинник. Дёрнул за верёвку, недовольно буркнул: — Шибче копытами шевели!

Красное усталое солнце наполовину тонет в земле, Алекша сидит на холодном полу сарая. Рядом ещё несколько холопов устраивают на ночь. Когда вели в сарай, успел рассмотреть обширный двор, добротный дом в два этажа и сараи со скотом. Дружинник по имени Кремень богат. Спать на холодной земле не хотелось. Алекша огляделся, но всю солому подгребли под себя холопы. Их здесь трое. Один издевательски заметил:

— Тебе подстилка не нужна. Ты в лесу и так привык спать, как зверь. Соломка нам нужна, людям. И глазищами не зыркай, а то вышибу!

И смачно харкнул ему на остатки рубахи. Кровь вскипела в жилах, огненной волной ударила в голову. Алекша ухватил за грудки, со всей силы швырнул. Холоп пролетел через весь сарай и с маху врезался в бревенчатую стену. Дерево негодующе хрустнуло, пыль с трухой посыпалась с потолка. Холопа отбросило обратно, он упал на спину. Широко раскинутые руки дрогнули несколько раз, больше холоп не шевелился. Сатанея от обиды, Алекша поворачивается к остальным …

Выйдя рано утром на крыльцо, княжеский дружинник Кремень увидел странную картину — дверь сарая, в котором ночевали холопы и пленник, широко распахнута. Поддерживая друг друга, выходят двое, в рваных рубахах, с синяками на всё лицо. Третий чего-то замешкался в дверях. Раздаётся глухой хлопок, словно поленом стукнули по подушке. Третий холоп, нелепо размахивая руками, как гусь на взлёте, помчался по двору.

Споткнулся о корыто для свиней и с размаха шмякнулся в лужу, до полусмерти напугав хряка, мирно почивающего в самой серёдке. Кабан истошно заверещал, бросился бежать, дворовая девка с воплем шарахнулась в курятник, оттуда донеслось паническое кудахтанье, полетели куры, перья, что-то упало, загремело. Шум, вопли …

— Это чего! — грозно заревел Кремень, — это что такое, мать вашу! Сбесились сранья? Я вам покажу, где раки с перьями зимуют!

Крики как ножом обрезало, только куры ещё долго всполошено кудахтали и обиженно взвизгивал хряк, жалуясь свиноматкам на людское свинство. Несмотря на дородность, Кремень легко сбегает с крыльца и направляется к сараю. Там уже собралась вся дворня. Два здоровенных холопа выволокли сопротивляющегося Алекшу. Остатки рубахи разорвались, клочья застряли в толстых пальцах. Сумел вывернуться, подставил ногу, локтем двинул в ухо и один холоп летит на землю. Второй широко размахивается, намереваясь дать в лоб. Алекша складывает пальцы в щепоть, коротко тычет в живот. Холоп придушенно охает, тощий зад с деревянным стуком врезается в утоптанную землю. В собравшейся толпе сверкнули вилы, кто-то замахивается топором.

— Не сметь! — рявкнул Кремень, — опустить оружие! Всё прочь, за работу!

Недовольно бурча, холопы разбредаются. Кремень молча разглядывает стоящего перёд ним пленника. Алекша остался в одних холщовых портках, по пояс голый. Кремень с видом знатока рассматривает телосложение. Он знал, какие мышцы толстеют от упражнений с мечом, секирой и булавой, какие от метания копья. Пленник выглядел очень хорошо, как боец.

— Ладно, — буркнул Кремень, — к свиньям не пойдёшь. К другому приставлю.

По взмаху руки приблизились два гридня.

— В оружейную, — приказал он, — дать броню, палку и к старшине. Тот знает, что делать.

« Вот и замкнулся жизни круг, — философски думал Алекша, примеривая старые побитые доспехи, — опять за « болвана» для боярских деток». Невесело примерил деревянный щит и дубовую палку, заменяющую меч. Гридню надоело стоять в душной оружейной. Он широко размахивается, потная ладонь, как мокрая тряпка, шлёпает по затылку.

— Пшел отсюдова, оборва!

От неожиданности Алекша шагает вперёд, шлем съезжает на глаза. Второй гридень хмыкает, смачный плевок шлёпается на

пол. Алекша медленно поворачивается, ладонь поправляет шлем.

— Выходи первым против меня, мешок с навозом. Этой палки, — показал он глазами на дубинку в руке, — для тебя как раз хватит.

— Эт завсегда можно, — цедит сквозь зубы гридень, — ежели Кремень дозволит.

Вышли на задний двор, под неяркое осеннее солнце. Толстая корявая берёза ещё укрывала наготу жёлтыми листочками, но большая часть осеннего наряда уже лежит на земле. Алекша становится в середину жёлто-коричневого ковра, оглядывается. Посмотреть на полонённого разбойника сбежалась вся дворня. Появился Кремень. В красной шёлковой рубахе, рукава закатаны до локтей, на запястьях золотые браслеты. Чёрные просторные штаны заправлены в красные остроносые сапоги. По случаю прохладного дня поверх рубашки надета соболья безрукавка. Мельком глянул на Алекшу, спросил, не обращаясь ни к кому:

— Где Гоняло, мой старший гридень?

Из толпы дворовых выходит невысокий парень в кольчуге, подпоясан широким кожаным ремнём. На боку меч в простых деревянных ножнах. Белобрысый, курносый, даже глаза светло-жёлтые. Лицо пересекает наискось тонкий багровый шрам от половецкой сабли.

— Слушаю, хозяин, — коротко кланяется старший гридень.

— Вот тебе « болван», — окая, гудит басом Кремень, — учи своих. «Болвана» не калечить и не убивать, понял?

— Понял, хозяин, — ещё раз поклонился Гоняло.

— Ну, тогда приступай, — махнул рукой Кремень.

Гоняло опять склонился. Разогнулся, только когда красная рубаха хозяина скрылась за углом.

— Эй, Говняло … или как там тебя … назначь вон того, косорылого, — крикнул Алекша, не давая раскрыть рта старшему гридню.

В толпе дворовых кто-то ахнул — оскорбление услышали всё. Гоняло сильно побледнел, желваки забегали под кожей, как растревоженные мыши. С трудом раздвинул бескровные губы:

— Хозяин велел не убивать, но … это последняя просьба приговорённого к смерти? Уважу!

— Уважь, уважь, ага, — торопливо сказал Алекша. Понимал, что, несмотря на приказ Кремня, гридни всё равно забьют насмерть, не сегодня, так завтра, хотел побыстрее всё закончить, потому и оскорбил так явно.

— Я должен этому мешку с навозом, — ткнул пальцем на того гридня, что ударил его в оружейной, — верно, косорылый?

Весь красный от злости, гридень только мотнул головой.

Просьба « болвана» для Гонялы ничего не значила. Рука потянулась к мечу и жёсткая, вся в мозолях, ладонь легла на рукоять, но что-то в бесшабашных глазах полонённого разбойника насторожило. Старший гридень не то что бы испугался, просто … решил не торопиться и потому кивнул тому, кого пленник назвал косорылым — начинай, мол. Гридень не спеша, вразвалочку пошёл на Алекшу, на ходу вытаскивая меч и нехорошо улыбаясь. Всё было рассчитано на публику и дворня дружно загомонила, посыпались шуточки, подбадривающие выкрики и советы, как быстрей расправиться с наглым лиходеем. Гридень так занят вниманием дворовых, особенно девок, что едва не раскланивается на ходу. На пленника с простой палкой и деревянным щитом даже не смотрел, а зря. Алекша сжался, как стальная пружина, тело окаменело в предчувствии короткой смертельной схватки. Замер и только глаза неотрывно следят за руками гридня, двигались, как и он. Гридню остался ещё шаг до дистанции боя. Продолжает улыбаться, встряхивать чубом. Шлем залихватски сдвинут на затылок…

Алекша ставит ноги чуть шире. Странная одеревенелость, что охватила вначале, исчезает. Тело снова обретает гибкость, появляется сила. Слегка прогибается вперёд, рука выбрасывается вперёд и словно выстреливает дубовой палицей. Со скоростью камня, выпущенного из пращи, шипастое утолщение врезается в голову гридня, проламывает не защищённый висок. Короткий хруст, выплеск крови и мёртвый гридень медленно валится на землю. Подбадривающие крики дворни как ножом срезает. Наступает мёртвая тишина. Алекша отступает на шаг, на всякий случай оглядывается. Всюду белеют застывшие лица. Не только любопытные дворовые, но и стражники на стенах смотрят на него, в кузне ковали оставили работу, вышли во двор скотники и всё, всё. На удивление, не во всех глазах читается осуждение или злоба. Показалось, что некоторые смотрят одобрительно. « Видать, не всём нравился этот охламон. Гоняло тоже не отец родной каждому. Посмотрим, что дальше», — подумал Алекша. Он вопросительно глянул на старшего гридня.

— Ну, примёрз?

— Нет, не примёрз, — с трудом разомкнул восковые губы Гоняло, — теперь мой черёд долг вернуть.

Поглубже надвинул шлем, закрылся щитом, сплошь оббитом железными пластинами и осторожно двинулся на Алекшу. Вдруг раздался окрик:

— Эй, Гоняло, у мальчишки только палка в руках и щит деревянный. Не стыдно тебе, витязь славный?

Всё оборачиваются, как по команде. Возле распахнутых

дверей кузни стоит коваль. Неторопливо вытирает жилистые закопчённые руки о кожаный передник. Старая бычья кожа скрипит в громадных кулаках, будто жалуется на трудную жизнь и грозится вот-вот разорваться. Коваль насмешливо смотрит на старшего гридня, презрительно плюет.

— Он не ровня мне, а полоняник и лиходей! — цедит сквозь зубы Гоняло.

— Верно, — согласился коваль, — но ведь ты на двобой с ним идёшь, у тебя меч, а у него только палка. Не срамно?

Коваль был уважаем за справедливость и прямоту. Он и хозяину, княжескому дружиннику, правду в глаза говорил и Кремень прислушивался к ковалю. К тому же мастер — золотые руки, его половина Киева знает. Старший гридень чует, что большинство собравшихся на стороне проклятого кузнеца.

— Дай меч гадёнышу! — рычит на ближайшего гридня. Тот нехотя вытаскивает из ножен свой меч, швыряет, не глядя.

Алекша отбрасывает щит — всё равно не умёл им хорошо владеть — ловит быстрым движением. Теперь в одной руке зажат меч, в другой — дубовая палица.

— Да он оберукий! — удивлённо произнёс кто-то в толпе дворовых.

— Ничего. Коваль сказал, что наш Гоняло — витязь славный, — важно ответил другой голос.

— Во драка-то будет, — восторженно добавил третий, — эх, ядрёна мать!

Как-то незаметно, словно само собой, образовался круг, откуда ни возьмись, появились добровольцы из стражников, что образовали живое ограждение. Алекше показалось, что сбежались даже свиньи, потому что из толпы явно слышалось хрюканье и недовольный визг. Внезапно налетает порыв холодного осеннего ветра. Сухие листья закружились в воздухе, взлетели и опали, словно занавес. Ледяное дыхание приближающейся зимы немного остудило разгорячённых близкой дракой дворовых, зато Гоняло разозлился ещё больше.

— Всё, хватит, балаган тут устроили! — заорал старший гридень. Наклонил голову, так что глаза теперь смотрели в узкую щёлку между краем щита и железным наплывом на лобной части шлема. Руку с мечом отвёл назад для удара концом ближе к земле и шагнул вперёд.

Отбросив ненужный щит, Алекша почувствовал себя свободней. Его не волновал исход предстоящего поединка — он при всяком раскладе останется рабом княжеского дружинника. А раба каждый волен убить или искалечить, по Русской правде, своду законов, за убитого раба платят маленькую виру — штраф

несколько медных монет. Коза на рынке стоит дороже. Но отдавать жизнь за просто так он не собирался. Крепко сжал меч, палицу и приготовился к последней драке. Первый удар отбивает легко. Самый простой — сверху вниз, чуть наискось, в левое плечо. Рубанул встречным наотмашь, шаг вправо и быстрый ответный удар палицей. Гоняло подставляет щит, отбивает, но щит заметно откидывает, так что край врезается в окружье шлема. Железо громко звенит. Из толпы дворовых раздались выкрики — восторженные и в ответ злые, разочарованные:

— Эх, ядреныть, как Гоняло по кочану заполучил! Готовь, паря, лобешник под щелбаны!

— Да пошёл ты… Гоняло щас разгонится и даст твоему гадёнышу, по задницу в землю вобьёт!

— Не-а, не вобьёт, не поспеет. Пацан вон как палкой лупит, ровно шаман в бубен… щас твой Говняло копыта отбросит!

Алекша действительно бил мечом и палицей быстро, мощно, бил без перерыва, не отходя и не отскакивая в сторону для красивого, но бесполезного манёвра. Его старая броня не выдержит и одного удара, просто рассыплется и тогда точно конец. Он живёт, пока старший гридень не достанет его мечом хоть раз. Гоняло отбивался изо всех сил. Лицо раскраснелось, пот льётся потоком, даже портки мокрые, спина исходит паром, а проклятому разбойнику хоть бы что — дырявая броня свободно пропускает свежий осенний воздух, лохмотья рубахи не греют разгорячённое тело, а бьёт, гад, так, что в голове гул стоит и рёбра жжёт огнём … если старший гридень бился, что бы прибить дерзкого раба, то есть просто так, то Алекша сражался за свою жизнь и честь. Для него это последний и самый главный бой. Он вложил в него всё и потому победил …

Гоняло отвык от таких упорных схваток, начал быстро уставать. Пот заливает глаза, не даёт видеть противника, а смахнуть горячую волну нет возможности — удары, острые, режущие, от меча и гулкие, проламывающие, от палицы, сыпятся, как горох из худого мешка. Посечённый на куски щит гнусно дребезжит после каждого удара, плечо онемело, не чувствует. Кровь из порезов заливает грудь, течет за пояс, теперь медленно ползёт по ногам, в сапогах громко чавкает. Чувствуя, что приходит позорный конец, Гоняло отбросил ненужный щит, перехватил меч обеими руками. Алекша только этого и ждал. Один к двум — соотношение проигрышное. Поймал меч противника в крест, остриё наискось врубилось в рукоять палицы и застряло. По толпе дворовых пролетел общий вздох. Всё поняли, что схватке конец. Мальчишка разжал левую руку, дубовая палица повисла на мече Гонялы, неудержимо потянула

вниз. Алекша дважды взмахнул мечом. Сначала на землю упали обе руки, меч и палица. Потом покатилась голова старшего гридня.

В наступившей тишине громом прозвучал скрип кожаного передника кузнеца. Он зачем-то опять начал вытирать руки, повернулся и массивная фигура скрывается в темноте кузни. Не говоря ничего, дворовые расходятся в разные стороны, незаметно исчезают в сараях. Только гридни остались. Они глупо смотрят на обезглавленное тело бывшего начальника, переглядываются. Наконец один, самый сообразительный, срывается с места так, что грязные пятки замелькали, будто лапы белки в колесе — помчался сообщить Кремню о происшедшем. Кремень пришёл не скоро. В алой рубахе он явился, аки красно солнышко, неспешно и важно. Дворовые всё попрятались, страшась хозяйского гнева, охрана на стенах усердно всматривается вдаль, словно вот-вот налетят на подворье с дикими воплями и визгом кочевники, хотя им, стражникам, дальше соседского забора ни чёрта не видно. Кремень аккуратно обходит кровавую лужицу, что натекла с убитых. Встает на бревно. Качается с пятки на носок, новые красные сапоги дружно поскрипывают, ветерок веет приятным запахом неношеной кожи. Мозолистая пятерня поднимается к затылку. Сдвигает соболью шапку на брови, так что глаза почти закрыло, осматривает побоище. Ничего не выражающие глаза останавливаются на пленном разбойнике.

Алекша сидит на перевёрнутой колоде для рубки мяса. Рядом валяются меч и дубовая палица. Старые доспехи небрежно брошены рядом и вообще вид у пленника такой, будто он после обеда отдыхает, ещё б соломинка между зубов торчала. У Кремня аж кулаки зачесались. Однако он никогда не решал даже пустяшное дело сгоряча. Вот и сейчас — кулаки разжались, толстый указательный палец лёгонько тычется в соболиный ободок шапки, так что она съезжает на затылок. Солидно, как подобает хозяину, прокашливается.

— Вижу, не того болваном назначил, — пробасил, покачиваясь с пятки на носки. Красные сапоги весело заскрипели, соглашаясь с хозяином. — И кого ж мне теперь старшим гриднем ставить, а?

— Холуёв хватает, — отозвался Алекша, — найдёшь. Меня не вини, всё видели, что я защищался.

Кремень грозно сдвинул брови.

— Дерзить вздумал! Мне!?

— Разбойник… — пожимает плечами Алекша. Послюнявил листок подорожника, приложил к царапине на плече. Кремень с трудом удержался, что бы не зарубить наглеца, но вообще-то

лиходей прав, ведь князь строго запретил брать разбойников в полон. Теперь он никто и всяк волен его убить, даже последний холоп выше. Такому терять нечего.

— Эй! — рявкнул Кремень на весь двор.

Тотчас раздался грохот сапог, откуда ни возьмись, появился потный от страха гридень. От избытка усердия он всё никак не может остановиться, топчется на месте и «ест» глазами хозяина.

— Здеся я! — орёт во всё горло.

Кремень брезгливо морщит нос, качает головой.

— Вижу, вижу, усердный ты мой. Покличь-ка сюда кузнеца.

— Слушаюсь!!!

Гридень поворачивается, вопит, что ест сил, на весь Киёв:

— Кузне-ец!!!

От усердия раздулся, побагровел, только что на забор не вскочил, как петух и руками не захлопал. В кузнице прекратился железный перезвон, из багровой полутьмы выплыла жилистая фигура кузнеца. Чёрные от сажи крепкие руки упираются в бока.

— Слушаю, хозяин.

Кремень мотнул головой так, что соболиная шапка съезжает набок.

— Цепь, ошейник … К тебе в кузню, будет работать.

Для верности тычет пальцем на Алекшу.

— Лады, будет цепь с ошейником, — ухмыльнулся коваль. На грязном лице сверкнули белые ровные зубы. Отпустил кожаный передник, о который снова начал было вытирать ладони, весело машет рукой:

— Заходи, хлопец, примерять обнову!

С тех пор пленный разбойник стал жить в кузнице. Днём работал помощником кузнеца, на ночь на него надевали цепь с ошейником. Ужинал той же похлёбкой, что готовили свиньям и ложился спать на лавку возле тёплой печи. Утром вставал, отодвигал лавку и приступал к работе. Примерно три-четыре раза в неделю новый старший гридень заставлял его работать «болваном». Алекша не дерзил, соглашался. Надевал сразу два доспеха, кожаный и железный, который сам сделал из остатков ненужного железа и выходил на задний двор, где гридни готовились до боя. Дрался Алекша жестоко. Лупил гридней от всей души, не жалея дубовых палок и их доспехов, которые сам же и ремонтировал потом. Гридни злились, пытались несколько раз подстеречь, но всё попытки избить его окончились ничем — проклятый разбойник никогда не расставался с тяжёлой дубиной и самодельным панцирем. Пробовали жаловаться Кремню — бесполезно. Кремень только посмеивался в чёрную бороду, согласно кивал. Наоборот, приказал старшему гридню чаще

устраивать учебные бои с пленным разбойником, что б стража, а гридни в основном несли сторожевую службу, не толстела на боярских харчах, а набиралась боевого опыта в сражениях с настоящим разбойником. Конечно, и Алекше доставалось по первое число. Приходилось и ему вправлять по ночам выбитые суставы, зашивать раны. Очень пригодилось умение варить лечебные снадобья, потому часто вспоминал лесную колдунью добрым словом, а траву для лечебных зелий принесли дворовые девки. Молодой разбойник выглядел куда привлекательнее в глазах женской половины, чём кисло-пресные стражники и дворовые холопы. А когда изготовленный Алекшей отвар избавил хозяйскую дочку от прыщей, чуть ли не красавицей сделал, даже Кремень стал относиться к нему добрее, а бабьё так и вовсе было готово на любые услуги.

… к середине января, когда лютый мороз становится абсолютным властелином Руси, когда вороны, посмевшие взлететь над заснежёнными полями, замерзают налёту и падают на стылую землю ледяным комком, боярские гридни взбунтовались. Наотрез отказались биться один на один с «бешеным болваном» — именно так гридни прозвали между собой Алекшу. Старший гридень беспомощно разводил руками — ни уговоры, ни угрозы уже не действовали. На обильных свиных харчах полонённый лиходей обрёл прямо таки кабанью силу. Частые драки ни на жизнь а на смерть с ненавидящими гриднями превратили его — не гридней! — в настоящего бойца и теперь всякий бой заканчивался победой разбойника. Кремень молча выслушал жалобу старшего гридня, долго барабанил корявыми сильными пальцами по столу, шумно дышал в бороду. Когда повернулся к старшему гридню, на боярском лице было написано крупными буквами — гнать надобно тебя, старший, вместе со всеми твоими гриденятами, однако вслух сказал так:

— Лады, тогда один к трём. А ежели и так не пойдёт, опять жалобиться станут, то я тебя на цепь посажу. Вместо разбойника и лиходея.

Охраняющие вход в боярские покои стражники видели, как старший гридень выполз из горницы задом наперёд и долго пятился, будто испуганный рак, пока не оступился на лестнице. Грохнуло, стальной шлем с кастрюльным шумом поскакал по ступенькам, а сверкающий панцирь, которым так гордился старший гридень, подло заскользил вниз, к выходу, весёлым звоном оповещая всех — вот как мой хозяин летит, быстрее всех!

Весна в том году наступила, как разбойничий набег — вдруг и сразу. Ещё утром холод властно рисовал узоры на дорогом оконном стекле, от его тяжёлой поступи трещали деревья, озёра

прикинулись ледяными черепахами и тихо-тихо сидели под прозрачными панцирями, а к полудню солнце как очнулось — принялось торопливо рубить жёлтыми мечами лучей снежное покрывало земли. Наглые сугробы, толстые и важные, словно боярские животы, в одночасье заскромничали, стали прямо на глаза худеть, сморщиваться. Старые корявые сучья, сброшенные деревьями прошлым лётом, выперли наружу, как рёбра на тощей корове. Жестокий тиран — мороз тихо убрался восвояси, на вершины далёких гор, свесил оттуда толстые щупальца ледников и затих, с неодобрением наблюдая за беспорядком наступающей вёсны. На смену строгой твёрдости льда пришло тихое коварство воды. По-змеиному бесшумная и холодная, она проникла во всё щели, заполнила ямы, погреба, забралась под умирающий снег и терпеливо ждала, когда беспечный путник наступит, провалится и тогда наброситься, дабы промочить растяпу до костей. К концу недели снег окончательно исчез со двора. Теперь от забора до забора привольно раскинулось море толстой чёрной грязи. Холопы набросали валежин, чтоб можно было ходить, не пачкаясь, но сделали это кое-как, лишь бы было. Мокрое дерево к утру леденело, становилось скользким. Теперь любимым развлечением дворни стало наблюдать, как мужики и бабы ходят по валежинам, поминутно оступаясь в грязь. Особый восторг вызывало падение женской части дворовых. Мужичьё просто заходилось от хохота, когда какая нибудь баба соскальзывала и валилась в грязь, высоко задирая ноги, при этом особым успехом пользовались толстые, дебелые бабищи пудов эдак под семьдесят.

Как-то воскресным вечером Кремень решил пройтись по двору, оглядеть хозяйство да заодно проведать пленника. Дверь в старую кузницу бесшумно отворилась — смазали петли, черти заботливые, невольно подумал Кремень — и разношенные красные сапоги тихо ступили на сухой земляной пол. Под дальней стеной, на лавке, как и ожидал Кремень, лежит полонённый разбойник, которого пленником вообще-то уже никто не считает. Лежит, закинув руки за голову. Невольно бросается в глаза, как бугрится мышцами широкая грудь. Чуть слышно захрустел маленький уголёк под сапогом. Пленник неторопливо вынул руки из-под кудлатой головы, лениво вытянул и опустил — здоровенные-то какие! Лавка по-старчески хрустнула, зазвенела цепь. Пленник поднялся во весь рост и удивлённый Кремень невольно отступил на шаг — вчерашний сопляк превратился в молодого парня ростом и статью, как у самого Кремня, а боярин высок и крепок телом, как и положено старшему дружиннику великого князя.

— Здоров будь, боярин, — вежливо приветствовал Алекша.

— Божьей помощью, — буркнул Кремень, — живу, пряники жую.

Неспешно повертел головой, вроде как оглядывая хозяйским оком кузницу, а на самом деле высматривая место, где почище — не пристал боярину разговор стоя. Только кузня не палата, резной лавки нет. Увидал на наковальне заготовку для меча, взял.

— Чья работа?

— Моя. От начала до конца, — ответил Алекша.

— Неплохо, — повертел он блестящее лезвие, — неплохо. И кузнец тебя хвалит. Кстати, где он?

— В корчму пошёл, чего-то там с друзьями отмечает.

— Ага. Ну, лады… как придёт, скажешь, чтоб цепь-то с тебя снял. Хватит уже.

— Спасибо, боярин, — поклонился Алекша, — только чего кузнеца-то ждать, я и сам могу.

Не спеша намотал цепь на левую руку, дёрнул. Толстый кованый гвоздь длиной с ладонь выскочил из дубового брёвна, как его кувалдой с другой стороны вышибли. Затем взялся за железный ошейник, одна рука подалась вверх, другая вниз — ошейник переломился, как куриная нога.

— Железо плохое, перекалённое, — зашвырнул цепь в угол.

Боярин только крякнул. Выходит на улицу. Холодный весенний воздух пополам с запахом свежего свиного навоза заполнил боярскую грудь, вырвался на волю грозным рёвом:

— Панас, чёртов свинопас, ко мне-ё!!!

Загремело, громко хлопнула дверь. С пристройки, будто кипятком ошпаренный, вылетает плотный такой, почти круглый, мужик. Полотняная рубаха пузырём, волосы дыбом во всё стороны, одна нога в валенке, другая босая.

— Здеся!!! — выпалил он, тараща глаза.

— Ты, Панасушка, хорошо ли за свинюшками моими смотришь, а?

— Как за родными детушками, боярин! — клянётся мужик.

— Ага, ага… разбойник полонённый, что в кузне — он ведь на твоих харчах живёт, да? — до того раздобрел, что цепи рвёт движением плеча.

— Кушаньем его не обижаю, боярин, как приказывали.

— Ну так вот, Панас, — гремит глас боярский, — я сейчас пойду на хряка своего любимого посмотрю и ежели он, хряк мой, не будет таким же здоровым, как лиходей полонённый, — боярин перевёл дух, — то ты, Панас, сам за хряка будешь, покудова всё свиноматки не опоросятся!!! — по-медвежьи ревёт Кремень.

Стихли раскаты грома боярского голоса и в наступившей тишине притихшие дворовые услыхали, как коротко взвыла жёнка

свинаря.

Ручьи талой воды незаметно унесли март, уже апрель тихо исчезал вместе с последним снегом. Однажды утром, когда ленивое солнце только наполовину выползло из дальнего леса и нехотя разбросало худые жёлтые руки лучей во всё стороны, произошло пустяковое, на первый взгляд, событие, но именно оно в корне изменило всю дальнейшую жизнь Алекши. На вечер пятого дня недели весь Киёв ходил мыться. Бани начинали топить с утра. По улицам медленно растекался берёзовый дым, он проникал во всё щели, затаивался в углах, на чердаках и подвалах. Воздух так переполнялся этим запахом, что, когда исчезал, людям казалось, что чего-то не хватает. Некоторые так и топили печи берёзовыми поленьями круглый год. Странно, но Алекша не любил горячую баню. Вечером он спокойно ложился спать, рано вставал и шёл в остывшую баню мыться. Так было и сегодня. Усталый, умиротворённый вышел из тесной бани. В крестьянских полотняных портках, в обрезных валенках на босу ногу и по пояс раздетый. В каждой руке держал по большой дубовой шайке. Как-то бесконечным зимним вечером, от скуки, смастерил и теперь всегда ходил с ними в баню. Шайки получились тяжёлыми, корявыми, ну, бочки с ушами, но зато сделано своими руками и Алекша втайне очень гордился своей «бочкотарой».

Холодный воздух маленькими морозными коготками радостно вцепился в распаренное тело, стал грызть, кусать, вроде как стая маленьких игривых щенков решила поиграть с человеком. Алекша расправил плечи, вытянул руки в стороны, медленно поднял вверх. Дубовые шайки изо всех сил потянули вниз, мышцы вздулись буграми по всему телу. Алекша напряг мускулы и тяжёлые шайки словно подбросило в светлеющее нёбо. Алекша потянулся, по-волчьи подвывая … кто-то вдруг громко охнул. Медленно опустил руки, обернулся — налево, в открытом окне боярская дочь. Васильковые глаза смотрят, не мигая, ротик полуоткрылся и сама боярышня неподвижностью стала похожа на восковую фигуру. Из-за голого плеча по-скоморошечьи выглядывает круглое лицо девки прислужницы — рот до ушей, подмигивает сразу обоими глазами, пальцами показывает такое, что Алекша сразу ощутил утреннюю свежесть.Тут боярышня опомнилась, со всей силы сунула локтем девку в пузо, захлопнула окошко.

Кто что видел и как доложил, неизвестно, только в полдень между Кремнём и его женой состоялся разговор. Боярин только присел на резную лавку в горнице, как туда ворвалась жена. Боярыня, сама будучи древнего рода, важностью и дородностью

не обладала, была малорослой, но подвижной и скорой в делах и мыслях. Великанского росту Кремень влюбился в крошечную красавицу сразу, любил до сих пор и потому всегда слушался беспрекословно. Но годы берут своё. И сейчас, едва распахнулась дверь и боярского слуха достиг скорый перестук каблучков, Кремень поморщился. По топоту благоверной определил, что настроение у неё очень плохое. Вслед за дробью сапожек боярыни слышатся странные шлёпки, словно боярыня гуся на поводке ведёт. Кремень скосил глаза — его маленькая жена тащит за собой зарёванную дворовую девку, прислужницу дочки.

— Вот! — тонким голоском выкрикнула боярыня, — слушай! Говори, чума … — и больно ущипнула служанку.

Дебелая девка щипка даже не заметила. Утёрлась подолом сарафана, вдохнула полную грудь воздуха и забубнила. Уже через минуту Кремню показалось, что по горнице летает огромный, непрерывно жужжащий шмель. Глаза стали закрываться, отяжелевшая голова склонилась на грудь. Из полудрёмы вывел визгливый крик:

— Да что ты за отец такой! Тебе на всё наплевать, даже на собственную дочь!

Кремень вздрогнул.

— Да не сплю я, не сплю … гм … задумался.

— Пошла прочь, дура! — боярыня звонко хлопнула маленькой ладошкой по толстой харе девки. Служанка торопливо развернулась, шлёпающие шаги стихли за дверью.

— Ну что?

— Так ни чего ж не было! — удивился Кремень, — зачем шумела?

Тоненький голосок боярыни сорвался на писк:

— Ни-и-и было!!! А голым из бани выходить — это что? Это как!?

— Да не голым, в портках он был, — отмахнулся Кремень, — и в баню пошёл спозаранку. Ты лучше узнай, чего наша дура с самого сранья у окошка торчит.

— Я узнаю, я всё узнаю! Твоя дочь влюбилась в злыдня и лиходея — с тебя как с гуся вода! — затопала маленькими ножками боярыня.

Кремень недовольно завозился на лавке.

— Да не лиходей он. Ну, был в шайке разбойничьей, да. Но ведь никто ж не видал, разбойничал или нет. И в полон он сдался, не противился, иначе жив бы не был. Ведёт себя тихо, не балует, исполняет всё, что ни скажу. А по нашей правде такой человек разбойником не считается и казнить его не за что.

Боярыня, севшая было рядом на лавку, вскочила. Карие глаза

пожелтели, засверкали. Застрекотала, как сердитая белка.

— Как же тихо, когда двое соседских девок с животами ходят, да и наши, смотрю, тоже что-то толстеть начали!

— Неужто он всех? Да ну…— усомнился Кремень, — а если и так, то что? Они ж сами, дуры, лезут. И вообще, — махнул рукой, — это дело такое, независимое. У него жёны-то нет, вот и … А у меня есть, вот и …

Боярыня покраснела, отвернулась.

— Успокойся, золотко моё, — погладил Кремень громадной ладонью маленькую голову жёны, — скоро князь посольство посылает к ромеям. Я тоже поеду. Заберу с собой и всё дела.

Но с посольством не получилось, чего-то там не сошлось. Что бы окончательно не ссориться с женой, Кремень решил избавиться от Алекши по-другому. С началом лёта многие купцы уходили к ромеям за товаром, с расчётом, что к осени вернуться. Путешествие вниз по Днепру, затем вдоль побережья Чёрного моря очень опасно и потому всём отбывающим караванам требовалась многочисленная охрана. Ратные люди, оставшиеся не у дел, охотно соглашались на службу у торговцев. Вот к такому и пристроил Алекшу Кремень. Звали купца Колун. На торгового человека он был похож меньше всего — длинный, жилистый, лицо продолговатое, резко сужающееся к острому подбородку. Несмотря на тёплый день, одет в кожаную куртку, под которой видно кольчугу. Сам в прошлом не то солдат, не то разбойник, Колун разбирался в военном деле и потому придирчиво рассматривал парня. Он не стал ничего говорить Алекше, только мотнул головой — давай, мол, на корабль. Отошёл в сторонку, поманил Кремня.

— Парень вроде ничего, но каков в деле?

— Лучший, — заверил Кремень, — не сомневайся.

— А если лучший, чего отдаёшь? — ухмыльнулся Колун.

— Не твоё дело, — окрысился боярин, — говорю тебе, лучший. И не отдал бы тебе, да вот … Ну, короче, берёшь или нет?

— Ладно, беру, беру ... Эх, говорил я тебе, Кремень, не женись, морока одна, — вздохнул Колун.

— Да что ты, понимаешь ли, бормочешь тут… — заревел боярин так, что на пристани народ начал оглядываться.

— Ну всё, всё, не рычи, — замахал длинными руками Колун, — хороший парень, вижу. Ты лучше вот что мне скажи…

Колун схватил боярина за локоть и повёл в сторону, что-то тихо и быстро заговорил про цены, сколько и какого товару купит князь, чего такого особенного хотят жёны боярские

Алекша впервые в жизни ступил на палубу корабля. Ему ещё

никогда не приходилось плавать на таком большом судне. Хоть и вырос на реке, но, стыдно сказать, даже Днепр ни разу не переплывал на лодке. Широкие палубные доски едва слышно скрипнули, передалось мерное покачивание судна. Алекша сразу почувствовал зыбкость, отсутствие земной твёрдости. Невольно вспомнил спор двух мудрецов древности — кем считать плывущих, живыми или мёртвыми, ведь от смерти их отделяет два дюйма. На лавках, вдоль бортов, сидят и лежат звероватого вида мужиков. Угрюмые морды в шрамах, у каждого на поясе меч или громадный нож. Рубахи расстёгнуты до пупа, рукава закатаны. Мужики враждебно посматривают на новенького. Алекшу это нисколько не смутило, тем более не напугало — таковы всё разбойники, а команда купеческого судна только из таких и может состоять, потому как нормальные люди по домам сидят. Развернулся и решительно зашагал в сторону ближайшей портовой корчмы. Вернулся через несколько минут. Не говоря ни слова, расставил кувшины на свободной лавке, разложил жареное мясо на чистой холстине, луковицы, хлеб. Посмотрел на мужиков.

— Угощайтесь, ребята.

Они переглянулись. Один, рыжий, с серьгой в ухе, видимо старший в команде, крякнул и приказал:

— Давай!

Когда команда выпивала и закусывала, Алекша сидел в стороне. Нарезал мясо, подливал в кружки. После выпивки мужики сразу подобрели. Когда кувшины опустели и не осталось ни кусочка мяса, рыжий важно вытер рот рукавом, склонил голову набок. Обвёл карими глазами палубу, словно искал, чего ещё выпить и закусить, посмотрел на Алекшу.

— Ну, добро, уважил. С чём пришёл, как звать?

— С вами пойду к ромеям. Колун на службу взял. Зовут Александр, можно Алекша, — ответил он.

— А с боярином у тебя какие дела?

Алекша оглянулся на берёг. Кремень и Колун продолжали оживлённо обсуждать что-то. Колун размахивает руками, убеждая в чём-то боярина, тот трясёт головой и ухмылялся.

— Уже никаких, — отмахнулся Алекша, — служил ему.

— А раньше? — допытывался рыжий.

— А раньше тебе лучше не знать, — чуть резче, чём положено, ответил Алекша.

— Да отстань от парня, Рыжий, — отозвался один из матросов. Сплюнул за борт, вытер рот нечистым платком.

— Видно, что хлопец не из монахов, как и мы, так чего пытать? Кремень — человек правильный, сам знаешь, дерьмо не подсунет.

Налетел порыв ветра, судно качнулось, кусок паруса залопотал, как собака ушами. Рассохшийся за зиму деревянный настил громко заскрипел. Рыжий мельком глянул на парус, ответил недовольно:

— Дело предстоит опасное. Надо знать человека.

— Так узнаёте, — мирно ответил Алекша, — я артельный порядок знаю и монахом точно никогда не был.

— Ладно, — хлопнул его по плечу Рыжий, — добро, устраивайся. Перёд выходом покажу твоё место за вёслами.

Отправляться предстояло уже на следующее утро. Колун запретил пить, гулять и вообще уходить от судна, поэтому ночь всё провели на корабле. Команду струга опытный Колун набрал из новгородских ушкуйников, проще говоря, из разбойников, временно оказавшихся не у дел. Гулять эти ребята умели, так что запрёт был нужен. Алекша устроился на палубе вместе со всеми, но сон долго не шёл. Волны чуть слышно плескали за бортом, судно качалось, по-старчески поскрипывало и кряхтело. Пронзительно-холодные звёзды смотрели в лицо не мигая. Алекша долго глядел в тёмную бездну ночного нёба, словно хотел прозреть будущее, но чёрное покрывало так и не открыло тайны…

Уснуть не получилось. Уже рассвело. Лежать на жёсткой палубе надоело. Тихо поднялся, сошёл по сходням на берёг. Умылся холодной речной водой до пояса, растёрся жёсткой холстиной докрасна и почувствовал себя отдохнувшим. Тихо, что б никого не разбудить, стал подниматься по скрипучим доскам. В рассветной тишине что-то громко захлопало. Он оглянулся — черно-рыжий петух неуклюже взлетел на торчащее бревно. Неодобрительно глянул одним глазом на человека, что посмел подняться раньше его, встопорщил перья, вытянулся и со всей петушиной силой кукарекнул. Истошный вопль стрелой понёсся над водной гладью, ударился о берёг и вернулся обратно слабым отголоском. Один из матросов сёл, сонно пробормотал:

— Убил бы гада крикливого.

Краешек рыжего солнца едва выглянул из-за верхушек деревьев на левом берегу, когда купеческий струг вышел на середину реки. Большой грязный парус развернулся во всю ширь, слабо лопотнул на утреннем ветерке и бессильно обвис, как уши старой больной собаки. Вдоль бортов чернеет ровный ряд отверстий. Длинные свежеструганные вёсла дружно опустились в мутную воду, оттолкнулись. Струг скрипнул деревянными суставами, бесполезный парус стыдливо уполз вверх... Путешествие Алекши в Византию началось. Сегодня путь из Киева до Стамбула прост, займёт несколько часов, а тогда это было длинное и очень опасное путешествие и не всё из него

возвращались. Команда грёбла весь день, с небольшими перерывами на перекус. Во время еды на корму, за руль становился Колун и правил судном по ветру. Держал строго середины реки и внимательно смотрел по сторонам — не покажутся ли разбойничьи лодки. Первые два дня у Алекши побаливала спина с непривычки, всё-таки работал вёслами целый день! Ладони горят огнём, плечи ломит, а в спину словно кто раскалённую иглу воткнул. Терпел, вида не показывал, зато ел за троих и ещё добавки просил. Рыжий только посмеивался, глядя, как молодой парень уплетает кашу с мясом.

Так прошла неделя. Через пороги тащили корабль на руках и плыли дальше. Уже подходили к устью. Рыжий всю дорогу не переставал удивляться — столько плывут и ни одна собака на них не залаяла.

— Ты бы заткнулся, — посоветовал Колун, — накличешь.

И накликал…

В этот день всё не ладилось с самого утра — кто-то разбил горшочек с солью, тут же выяснилось, что больше соли нет ни у кого. Едва вышли на середину реки, поднялся сильный встречный ветер, пришлось снимать парус и идти только на вёслах. К полудню ветер усилился так, что гребцы выбивались из сил, а струг почти не продвигался. Колун хмуро огляделся по сторонам. Мутная вода бешено пляшет вокруг судна, ветер срывает пенные шапки, уносит неведомо куда. Тонкая чёрная полоска, появившаяся на горизонте ещё утром, превратилась в жирную небесную змею, улёгшуюся точно в месте соединения нёба и земли и сейчас казалось, что чёрная кожа змеи втягивает голубое нёбо, облака и саму землю.

- Левый борт табань ... прямо греби!!! - заревел Колун.

Струг развернулся бортом под волну и споро пошёл к левому берегу. Вода по правому борту заколотила сильнее, ветер стал злобно швырять брызги пополам с пеной на гребцов, но разгорячённые тяжёлой работой люди нисколько не огорчились. Наоборот, улыбались, чувствуя влажную прохладу на горячих спинах. Алекша сидел возле правого борта. Холодная вода выплеснулась на днище струга, залила сапоги. Ногой отшвырнул вещевой мешок, оглянулся - до берега осталось всего ничего, камень добросишь, но река словно сбесилась - тугие волны бьют в борт, будто каменные ядра, судно трещит, жалуясь богам на нелёгкую жизнь, никак не хочет идти быстрее. Весло на половину погружается в тёмную воду, уключина визжит и лязгает голодным волком, того гляди, выплюнет проклятое весло. Когда облило с головы до ног и промёрзли до костей, улыбаться перестали. Воды в струге набралось по колено, нехитрые пожитки команды

всплыли и теперь болтаются под ногами. Всё гребут как бешеные, даже Колун сёл за весло, помогая самому слабому, но берёг всё равно едва ползёт навстречу. Алекша замёрз так, что спина одеревенела и перестала чувствовать обжигающую ледяным холодом речную воду. Он вдруг понял, что если сейчас перестанет грести, то замёрзнет до состояния сосульки, потому что тепла не осталось, оно идёт только от зажатого в ладонях вёсла. Вода добралась до лавки и скоро под задницей захлюпало. Оглянулся в тревоге и в этот момент струг врезался в берёг.

- Всё за борт! - рявкнул Колун.

Алекша прыгнул вместе со всеми на отмель, крепко ухватился за борт.

- Раз! - крикнул Колун. Крепкие руки рванули струг и он, тяжелённый от воды, чуть-чуть выполз из реки.

- Два! - ещё на полкорпуса.

- Закрепить! - Рыжий метнулся с пеньковым канатом в руках к ближайшему дереву, обмотал и запутал мудрёным узлом. Остальные без особой команды бросились черпать воду и собирать пожитки.

Молча собрались под громадной раскидистой ивой. Мужики в команде подобрались как на подбор - здоровые, калёные. Не обращая внимания на холодный ветер, с хохотом и грубыми шутками стали снимать мокрое бельё, выкручивать. Развешивать на просушку не захотели - и так высохнет. Алекша быстро разделся, выжал рубаху, штаны, вылил воду из сапог. Успел одеться только до половины, как вдруг над ухом свистнуло, раздался короткий полустон - полухрип и прямо в лицо плеснуло горячим. Ни мгновения не раздумывая, прыгнул за секирой, подхватил щит. Сразу две стрелы воткнулись, едва он успел закрыться. Кто напал, откуда - сразу не понять, потому стали в круг, укрылись щитами. Алекша поправил съехавший на глаза шлем, огляделся из-за кромки щита. Никого не видно, только ветер треплет сучья, рвёт листья и траву. Внезапно истошный вопль заглушил всё звуки и две дюжины оборванцев с оружием в руках бросилось в атаку. Ушкуйники разом повернулись к неприятелю, дико закричали в ответ, кинулись навстречу. Грохнули удары мечей и топоров о щиты, вскрикнули первые раненые.

Алекша побежал было вместе со всеми, но вспомнил, что первый крик раздался с противоположной стороны, остановился. Обернулся и сразу отпрыгнул - прямо в лицо летит палица! Рукоять слегка задела, под глазом запекло и тонкая струйка потекла по щеке. Жар бросился в лицо, ярость нахлынула штормовой волной. Сжал крепче секиру, укрылся щитом. Из

кустов поднимают трое, быстрым шагом идут навстречу. Принял удар на щит, ответил. Двое начали бить с боков, один заходит со спины. Алекша швырнул щит в голову одному, меч второго принял на секиру, рубанул в ответ. Острое тяжёлое лезвие пробило деревянный щит, как бумажный и врубилось прямо в лоб. Рванул секиру на себя, перехватил обеими руками, обрушил на второго. Тот успел подставить меч, но это не спасло - лезвие коротко хрустнуло, ломаясь, разрубленная голова разломилась на две половинки. Всё произошло за считанные мгновения, третий, тот, что начал заходить со спины, даже не понял, что произошло, почему его соратники вдруг попадали на землю, всё в крови, а их противник - один! - жив здоров, да ещё и щит отбросил, с одной секирой остался.

Алекша нехорошо улыбнулся, шагнул вперёд. Разбойник отступил, опасливо оглянулся - основная драка идёт сзади и пока оттуда никто не вышел, не идёт на помощь ни ему, ни противнику. Приподнял щит, так что между краем и шлемом осталась узкая щёлочка, всмотрелся - перёд ним стоит ещё совсем молодой парень, ну мальчишка почти, с таким биться стыдно, так, отмахнуться и идти дальше. Но этот мальчишка держит секиру как матёрый воин, руки и грудь в буграх мышц, он почти походя убил двоих, а они были лучшими в шайке! Что за чудо такое? Алекша перебросил секиру с руки в руку, оценивающе посмотрел на противника. Перёд ним стоит крепкий мужик, до тридцати, не раз битый жизнью и врагом, в добротной броне. По осанке, прямой спине и ещё чему-то неуловимому понял, что перёд ним не простой бродяга, а воин, живущий разбоем. Он вождь этой шайки, наверняка установил в банде железную дисциплину, держит твёрдой рукой и пока цел, разбойники не побеждены. " Серьёзный дядя, - подумал Алекша, - а я ... эх, хорошо штаны успел натянуть!" Сильный порыв холодного ветра ожёг голую грудь, кожа пошла пупырышками, мышцы окаменели. Пальцы сжались на черёмуховой рукояти секиры.

Крики сражающихся усилились, но кто побеждает, непонятно. Атаману разбойников внезапно стало стыдно - перёд ним полуголый мальчишка с топором и пусть он зарубил двоих его лучших людей, но ведь он - воин, а стоит и раздумывает. Атаман выпрямился, отшвырнул щит, взял меч обеими руками и сделал шаг вперёд. Они прыгнули навстречу друг другу одновременно, будто по единой команде. Меч и секира рассекли ледяной воздух и столкнулись, как две молнии. Меч звенел громко, победно, секира отвечала глухо, угрожающе. По голой груди Алекши потекла кровь из ран. Атамана пока спасала броня, но недолго. От беспощадных, злых ударов железо трещало, рвалось, резкий

скрежет возвещал, что оно не в силах защитить хозяина. Атаман ощутил, как чужая сталь пробивает грудь, ломает рёбра и вот-вот достанет сердце. Отскочил назад, парировал свирепый удар...

Алекша ощутил, что ярость ушла, осталась только холодная расчётливость. Он рубился с опасным противником спокойно, как с деревянным "болваном" на дворе боярина Твердослова. Пользуясь тем, что нет тяжёлых доспехов, ловко уклонялся от ударов, уходил в сторону и бил по кровавым пробоинам в панцире. Тяжёлое лезвие секиры врубалось в багровые дыры, кровь брызгала во всё стороны, ледяной ветер жадно хватал её и уносил прочь. Поймал мгновение, когда главарь разбойников отвёл руку для удара наотмашь. Атаман ослабел, замешкался чуть-чуть. Промедление стоило жизни. Тупой конец секиры своротил ему челюсть, так что остатки зубов разлетелись веером. Вторым ударом лезвие глубоко рассекло шею. Изрубленный, окровавленный, атаман валится на холодный песок. Алекша медленно опустил секиру, провёл ладонью по горячему лбу. Смутно удивился, что лоб сухой, опустил глаза. Широкая грудь залита кровью, своей и чужой, стекает на штаны, они напитались так, что блестят. Напряг и распустил мышцы - всё целы, боли нет, значит кровь из мелких неопасных порезов, можно не обращать внимания. Сражение ушкуйников с разбойниками ещё продолжалось. Кое-кто из новгородцев увидел победу Алекши, торжествующе заорал и они нажали на врага с удвоенной силой. Искать рубаху и кольчугу некогда, Алекша подхватил чей-то щит, твёрдым шагом спокойно подошёл к месту схватки...

Напавшие видели, как бесславно погиб их предводитель с двумя ближайшими помощниками от руки полураздетого мальчишки. Ушкуйники, наоборот, приободрились и усилили натиск. Звон мечей и секир загремел с новой силой, сразу несколько голосов торжествующе заорало и последние разбойники пали в бою. От рук таких же, только нанятых на службу. Когда Алекша приблизился, последний упал на холодную землю под ударами сразу троих. Колун, дравшийся в первых рядах, вытер вспотевший лоб, весело подмигнул и вразвалочку пошёл к месту стоянки. От него просто веет радостью и счастьем - наконец-то подрался как следует! Команда струга расположилась на земле, совершенно не обращая внимания на холод и ветер. Ушкуйники перевязывали друг другу мелкие раны, порезы, шутили и смеялись, словно только что закончилось представление скоморохов. Никто серьёзно не пострадал, отделались ушибами и царапинами. Громко кричали, пересказывая друг другу, как лихо дрались с негодяями, посмевшими напасть на мирных купцов - это о себе! - и как они,

мирные купцы, с божьей помощью, расправились с лиходеями. Прошло едва десять минут, а всё уже врали и хвастались напропалую. Алекша сорвал несколько стебельков целебной травы, растёр с листьями подорожника, приложил к порезам и замотал чистой тряпкой. Накинул рубаху, кожаную куртку - горячка боя прошла, чувствовался холод.

- Ты неплох. Твердослов не соврал, - раздался голос, - дерёшься, как нечистая сила.

Алекша поднял голову - перёд ним стоит Колун, одобрительно качает лохматой головой.

- Чего это нечистый, - обиделся Алекша, - я моюсь. Вот и сейчас пойду, отмою кровь.

- Не сердись, так говорится, - ответил Колун. - У ромеев вера в бога Христа, всё остальные считаются нечистой силой. Эти боги или демоны очень сильны.

Алекша поднялся.

- Я знаю, - ответил он, - читал в книгах ромейских.

- Так ты ещё и грамотный! - поразился Колун. От великого удивления он даже отступил на пару шагов. - Ну вот это да-а! А Твердослов не сказал, паразит. Крепкий, говорит, парень, в дороге такой понадобится. И всё. Может, ты ещё и счёту обучен, а?

- Математику знаю, - с достоинством ответил Алекша, - могу записывать цифры арабскими знаками, могу ромейскими.

Колун разинул рот, выронил секиру - ещё держал в руке - да прямо на ногу...

- Ух, ядрёна... во как... ну, дела!

Он отошёл ещё на шаг, чуть наклонил голову набок.

- Ну так ты... это... больше не рыскуй так-то, а то мало ли... тово. Ты вот что, - быстро заговорил Колун, будто опомнившись, - в драки больше не лезь, для такого у меня дурней хватает, - оглянулся на остальных, - в торговом деле голова важней силы, думать надобно, а думающих мало. Иди ко мне в помощники. Если согласишься, деньгой не обижу, вернёшься в Киёв богатым, девку какую хошь себе выберешь, самую раскрасавицу, а не эту, твердословиху, а?

- Лады, подумаю, - важно ответил польщённый Алекша, - помогу, чём смогу.

- Ну вот и хорошо, - обрадовался Колун, - а я смотрю и думаю, чего ты так дрался спокойно, не орал, не ярился и вообще. Тебе вроде как бы скучно было... думал, значит, вычислял!

Алекша отошёл в сторону от галдящих ушкуйников, задумался - а действительно, почему не разозлился? В начале, правда, было - разъярился так, что глаза как мутной водой

залило, видеть плохо стало, руки ноги затряслись. А потом вдруг всё ушло, остался только холодный расчёт и странное равнодушие ко всему. Ни злости, ни страха, ни азарта - ничего того, что бывает у всех людей. Он огляделся. Вокруг холодная вода, злой ветер треплет верхушки волн, рвёт деревья на унылом берегу. Стоит неумолчный шум, плеск воды. " Да ладно, - подумал он и махнул рукой, - эка беда - страха нет, злости... Переживу как-нибудь".

С этого дня как бабка нашептала - погода совершенно испортилась и никак не желала исправляться. Сильный встречный ветер, частые холодные дожди сделали путешествие очень трудным. Струг никак не желал плыть - переваливался с боку на бок на высокой волне, словно старый гусь и всё норовил прибиться к берегу или прыгал козлом и вертелся на одном месте. Мачта издевательски скрипела, а свёрнутый в трубочку парус указывал концами на землю - мол, нечего дурью маяться, идите пешком и всё дела. Вконец измотанный непрерывной борьбой с погодой Колун сдался. Он, как всё, тоже был за вёслами, грёб изо всех сил. Когда понял, что толку никакого, бросил весло на середину палубы, громко и внятно выругался. Остальные поняли это как команду сушить вёсла. На палубе воцарилось угрюмая тишина. Команда молча наблюдала, как встречный ветер разворачивает струг, тащит к берегу. Сидевший у руля легкораненый ушкуйник только подправил ход, струг тычется деревянным носом в песок. Вытащили подальше от воды насколько возможно. Половина команды отправилась в недалёкий лесок за дровами, остальные занялись подготовкой лагеря. Колун садится на заплечный мешок, хмурый взор мрачно скользит по холодной серой реке. Губы шевелятся, глубоко посаженные глаза щурятся, словно атаман что-то прикидывает. Поднялся, ловко перемахнул через борт. Некоторое время его не было видно, затем Колун вылезает из трюма. В руках несёт что-то продолговатое, завёрнутое в холстину. Выбирается на берёг, саженях в пяти останавливается. Завёрнутый в холстину предмет аккуратно кладёт на землю, в руке появляется огромный засапожный нож и Колун начинает рыть яму.

Алекша увидел Колуна за странной работой, когда возвращался из леса с охапкой сучьев. Вопросительно смотрит на Рыжего.

- Капище строит, - равнодушно ответил тот.

- Какое ещё капище? - удивился Алекша.

- Речной богине. Маленькое такое, походное, - объясняет Рыжий, - так надо всегда делать, если река не пускает.

Алекша понимающе качает головой.

- А как же... Ведь жертву надо, старые боги без жертвы ничего делать не захотят, я знаю.

- Будет и жертва, - буркнул Рыжий, - вдоль реки живут ... всякие.

Колун закончил свою работу уже к вечеру. Алекша подходит к самодельному капищу. Оно представляет собой небольшую квадратную площадку, две сажени в длину, столько же в ширину, тщательно очищенную от сучьев, травы, листьев. В центре торчит деревянный столб в сажень высотой. На вершине неумелой рукой изображено грубое человеческое лицо, отдалённо похожее на женское. Столб изготовлен из целого дерева, причём ствол имеет снизу круглое утолщение. Резчик убрал лишнее, получилось некое подобие женской фигуры. Алекша качает головой.

- Идол языческий, - произносит тихо.

Сам он крещён родителями сразу после рождения, так делала вся знать по приказу великого князя. Но вот рассказывать о вере в ромейского бога Христа, кому попало, не следовало. Русь оставалось сплошь языческой, христианство трудно входило в жизнь. А что сейчас вокруг него одни язычники, Александр не сомневался. Стемнело. Колун приказал разжечь небольшой костёр на гребне холма. К ночи ветер чуть приутих, но всё равно дул сильно, костёр быстро прогорал и назначенный следить за огнём снова и снова подбрасывал дрова. Раскалённые уголья под ударами ветра разлетались во всё стороны, как багровые метеориты. Ушкуйники только посмеивались, слыша сквозь свист ветра озлобленные вопли и матюги. В конце концов дурак догадался выкопать яму, обсыпать по краям землёй и развести огонь внутри. В ночной тьме рыжий костёр горит, словно глаз гигантского змея. Пылающие искры возносятся в затянутое тяжёлыми тучами нёбо и там, в вышине, бессильно гаснут.

- Далёко кострище видно! - забеспокоился Алекша.

- Ага, - довольно соглашается Рыжий, - так и надо.

- Ну, как лихие люди увидят, что тогда?

- А мы кто? - ухмыльнулся Рыжий. Он недовольно покосился на Алекшу, верхняя губа приподнимается, в багровой полутьме недобро блестят жёлтые клыки. - Мы, брат, тоже не божьи коровки. Богине жертва нужна, понял?

- Ага, - кивает Алекша. Он только сейчас заметил, что вокруг никого нет - остальная команда струга вместе с Колуном прячется в темноте. На всякий случай подвигает секиру поближе, туже затягивает пояс. Несколько минут проходят в томительном молчании. Начинает казаться, что неслышно подкрадывается неведомый враг и вот-вот вонзит нож в спину.

Алекша напряг и распустил мышцы, тело ощутило

спасительную твёрдость стального панциря.

- Послушай, ... - зашептал Алекша.

- Цыц! - обрывает Рыжий, - вроде кто скачет ....

Лицо каменеет, тело сжимается, словно пружина, твердеют мускулы. Алекша прислушался - сквозь шелест и завывания ветра действительно доносятся приглушённые удары копыт. Поспешно отворачивается от огня, чтоб глаза не слепли в темноте, крепко жмурится. Плывут радужные пятна, круги. Грохот копыт приближается, уже почти рядом. Открывает глаза - вообще ничего не видно, муть тёмная вокруг.

- Прочь! - заорал Рыжий и Алекша почувствовал сильный толчок в плечо. Падает, катится по склону. Железный шлем сваливается с головы, со звоном катится по камешкам в темноте. Бросается за ним, нога цепляется за пучок травы. Падает, макушка с такой силой «врубается» в землю, что оранжевые круги вспыхивают в глазах ярче пламени костра. Левую половину лица запекло, на губах появилось мокрое и солёное.

Алекша вскакивает, держа секиру в одной руке, шлем в другой, ошалело оглядывается. С вершины холма доносятся озлобленные крики, визг, глухой стук неподкованных копыт.

- Кочевники! - догадался он. Нахлобучил шлем, стал поспешно карабкаться наверх, помогая руками, словно обезьяна. На плоской вершине холма в пляшущем свете костра беспорядочно мечутся низкорослые кони, всадники размахивают саблями, от визга и криков закладывает уши. Вокруг снуют ловкие фигуры бородатых ушкуйников, визжащие всадники одни за другими падают на землю. Громко звенит железо, слышна ругань на непонятном языке. А так же своя, родная, привычная с детства.

Над ухом вжикнуло. Бросается на землю, перекатывается, тотчас вскакивает, отводя руку с секирой для броска. Рядом никого из чужих, только Рыжий в пяти шагах от Алекши целится из лука в мельтешащих кочевников. От рваного света костра лицо дёргается, кривится, словно Рыжий изо всех сил хочет удержаться от хохота, а не получается и вот-вот ржать начнёт. Пальцы правой руки разжимаются, стрела исчезает в темноте. Чёрная фигура всадника на коне неестественно изгибается. Короткие руки вскидываются к звёздам, безжизненное тело клонится к земле. Ещё несколько стрел улетают в темноту одна за другой. Не всё удачно, потому что один всадник разворачивает лошадь. Спрятавшись за конской шеей, он несётся прямо на лучника.

Рыжий с проклятием отшвыривает бесполезный лук, хватает меч, но то ли зацепился, то ли ещё что … Алекша видит - не успевает! Пальцы на рукояти разжимаются, секира падает, ноги

бросают тело вперёд, прямо на скачущего коня. Вытянутые руки ткнулись в горячую влажную конскую морду, пальцы сжимаются на уздечке. Алекша виснет всём телом, тянет за собой конскую голову, почти выворачивая шею. Конь падает так, что земля задрожала. Коротко визжит от злости, шея вытягивается, словно у сказочного змея. Крепкие зубы скрежещут по стальной пластине доспеха.

" Вот собака бешеная, загрызёт!" – мелькает мысль. Алекша прыгает в сторону. Дикий конь кочевника, бешено дрыгая ногами и хрипя от злости, бросается на него. Александр бросился прямо в костёр, рука сама выхватывает горящую головешку, но тут чья-то стрела или меч зацепили шкуру и конь бросается в темноту на нового обидчика...

Кочевника выбросило из сёдла, будто пинком. Упал, перекатился несколько раз, сабля выпала. Остановил кувыркание, изогнулся в спине, поднимаясь ... снова грохнулся затылком - здоровенный грязный сапог русича припечатал его к земле. Гортань сдавило так, что в шее захрустело.

И не думая сдаваться, кочевник выхватывает кривой нож, широко размахивается, намереваясь отсечь напрочь ногу … Рука с ножом останавливается на полпути - прямо в правый глаз холодно смотрит наконечник стрелы. Одно движение и пригвоздит голову к земле.

- Александр ... тьфу! ... Сашко, ко мне давай! - крикнул Рыжий. Алекша бросает горячую головню. Вырывает нож, переворачивает пленника на живот, заранее припасённая верёвка опутывает кочевника с головы до ног. Оглянулся - возле костра никого нет, бой распался на отдельные схватки. Не ожидавшие отпора кочевники разбегаются в разные стороны, пытаются скрыться в темноте. Из двух дюжин нападавших уцелело не больше пяти-шести, да и те поранены. Ушкуйники не стали гоняться за ними по степи в темноте, прибрали с убитых всё, сколько ни будь ценное, и собрались у догорающего костра. Тут же выяснилось, что единственный пленник тот, кого взял Рыжий.

- Дорвались, охламоны, до крови, - недовольно бурчал Колун, - ладно, этого хоть не прибили вгорячах.

Луна заметно ушла в убыль, ночь потеряла половину своей чёрной крови, побледнела и застыла в леденящем душу холоде. Принесли ещё дров, разложили на кучки вокруг деревянной богини, подожгли. Влажные дрова нехотя загорелись, по-старчески потрескивая, огонь долго не хотел выходить наружу, отплёвывался удушливым дымом, потом осмелел, по-хозяйски забрался наверх и растопырился во всё стороны. Костры загорели мощно, пламя вытянулось к бледным звёздам, искры разлетелись

стаями огненных мух. Костры разожгли на равном расстоянии друг от друга, идол казался окружённым ровным пунктиром огненных цветов. Алекша стоял с наветренной стороны, слабый, едва чувствующийся ветерок превратился в огненное дыхание, обжигает лицо. Отходит подальше и молча наблюдает за действиями команды Колуна.

С пленника содрали одежду, положили на расчищенный от травы прямоугольник земли, руки ноги привязали к колышкам. Колун встал в изголовье, вытянул руки к светлеющему нёбу и начал невнятно бормотать. Алекша сколько ни вслушивался, так и не понял, о чём говорил Колун. Понял, что обращается к богине или богам, просит благосклонности, не чинить препятствий или что-то в этом роде. Говорил не долго, потом приступил к жертвоприношению. Алекша воспитывался в традициях веры в ромейского бога и, хотя верою не проникся, но нового бога Христа уважал за то, что запретил человеческие жертвы и вообще, требовал любви к ближнему, а ненависть отрицал. С содроганием наблюдал, как пленнику рассекли жилу на шее. Кровь хлынула ручьём в подставленную чашу, человек задёргался, послышался стон, скрипнули туго натянутые верёвки, тело обмякло.

Колун старательно обмазал идола кровью, особенно щедро облил голову и лицо. Затем по его знаку двое разрубили тело на куски, побросали в костры. Вонь от горелого мяса поползла во всё стороны, Алекше стало трудно дышать, тошнота поднялась к горлу. Поспешно отступил за пределы зловонного облака, торопливо глотнул чистого воздуха.

Колун покрутил лохматой башкой, несколько раз глубоко втянул носом запах горелого, удовлетворённо крякнул:

- Эх, хорошо пошло, доброе мясо!

Стоящие вокруг закивали, Рыжий поддакнул:

- Приняли дар, по-доброму пойдём.

Алекша отвернулся, медленно побрёл к воде. Сырость обняла, прижалась, вода успокаивающе плеснулась в ногах. Поднял глаза, непонимающе огляделся - вокруг расстилается водная гладь, ураганный ветер пропал, вода и воздух недвижимы. Между рекой и нёбом пробирается бледно-серый туман, по-змеиному заползает во всё щели, глушит и так слабые утренние звуки.

Алекша не поверил глазам - непогода бесследно исчезла, вокруг рассветная тишь, не нарушаемая даже пением птиц. Нёбо ещё затянуто серой мутью, но уже видны редкие островки голубого. Затихающий ветер нехотя ворошит речную воду. Чувствуется, что ещё немного и природа успокоится.

За спиной послышались приглушённые речным песком шаги. Подходит Рыжий.

- Ну вот, видишь, а ты сомневался в силе речной богини.

- Я не сомневался, с чего ты взял? - ответил Алекша.

- Не верил, не верил, я ж видел, - сказал довольный Рыжий. Зашёл в воду почти по колена, зачерпнул обеими ладонями, плеснул в лицо. - Эх, добрая вода, искупаться бы!

Быстро разделся, нарвал травы и стал мыться в ледяной воде, растираясь жёсткой травой. Волосатое, жилистое тело покраснело. Алекше показалось, что от него идёт жар волнами. Шагнул назад, намереваясь уйти, потом вспомнил, что сам давно как следует не мылся. Решил последовать примеру Рыжего. Через минуту в холодных речных волнах плещется уже двое, от воды несётся довольное кряканье и хохот.

Через два часа отдохнувшая команда расселась по местам, Колун рявкнул:

- Вёсла на воду!

Дует слабенький ветерок в спину. Развернули парус, струг бежит по воде, словно конь степняка.

Приближение моря Алекша почувствовал задолго до того, как струг приблизился к устью Днепра. Как-то раз, зачерпнув речной воды, что бы напиться, с удивлением почувствовал слабый привкус соли. Вопросительно посмотрел на Рыжего.

- Прибрежный великан в воду пописал, - невозмутимо пояснил. Потом подумал и добавил: - Несколько раз.

Алекша пожал плечами. Рыжий улыбнулся.

- Ветер гонит воду вверх по реке, а морской бог ему помогает.

Действительно, слабый встречный ветер приятно охлаждает разгорячённое лицо, шевелит волосы, лёгонько хлопает небрежно свёрнутым парусом. Алекша недоверчиво хмыкнул.

- Чего ж река вспять не потекла?

- Не знаю, - пожал плечами Рыжий, - наверно, речная богиня у себя в реке сильнее, но не совсем, потому что солёная вода пробирается в реку узкими струями. Морская вода вообще сильнее простой.

- Как это? - удивился Алекша, - вода она и есть вода, что солёная, что сладкая.

- Не скажи. Сколько народу у нас топнет на реке - тьма! Особенно, кто медовухи или хлебного вина перепьёт. А на морскую воду лёг, ногами да руками пошлёпал и уже плывёшь, во как!

- Не может такого быть, - решительно заявил Алекша. Живо представил себе, как брякается в солёную лужу, а его подбрасывает, как жука на паутине. Так и прыгает туда-сюда, размахивая руками и ногами... - Брехня всё это!

- Нет, не брехня. Один молодец, из наших, новгородских, мне

рассказывал, как он с товарищами плавал за два моря в жаркие страны. В тех краях даже земли нет, один песок. Дождей не бывает, про снег тамошние люди и вовсе не слыхивали. Так вот, посреди пустыни озеро есть, вода в нём такая солёная, что если воткнуть палку в дно и оставить, то наутро вся в соли будет. А в воде той утопнуть вовсе нельзя, потому что человек на поверхности, равно как бычий пузырь плавает, во как! А ещё сказывал, будто в тех краях жил бог по имени Христос и он, этот бог, по воде ходил, как по сухой земле.

Рыжий горячится, говорит громко, брызгает слюнями и даже весло бросил. Остальные ушкуйники тоже слушают, раскрыв рты.

- Врёшь ты всё, - не выдержал один, - не бывает такого, что б ни дождя, ни снега зимой, а вместо земли песок. Как же там люди-то живут?

- Не знаю. Земляк сказывал, что там не везде песок, есть и земля и речки имеются, только маленькие. Вот возле рек народ и селится, городишки строит из глины, - ответил Рыжий.

- Да-а, - покрутил головой ушкуйник, - чудные земли есть, далёкие... Ври сколько хошь, не проверишь...

- Да ну вас! - отмахнулся Рыжий.

Колун, сидевший на корме, за рулём, буркнул, не отрывая внимательного взгляда от реки:

- Правда всё. Насчёт солёного озёра не знаю, а про песок и что дождей нет, правда. Я в тех краях тоже бывал... так, с краешку.

Некоторое время плыли молча, обдумывая услышанное, потом Алекша тихонько спросил:

- Слышь, Рыжий, а что за слово такое чудное ты сказал - товарищи. Это кто такие?

Рыжий усмехнулся.

- Земляки наши часто за море ходят, в набеги на прибрежных людишек...

- За зипунами! - весело крикнул один из гребцов.

- Ага, за зипунами, - хохотнул Рыжий, - а также за тем, что плохо лежит и не охраняется ... Так вот, когда ватага изготовится, старшой кричит - товар ищи! - ватага подхватывает клич и бросается на противника. Потому ватажники зовутся товарищами.

На следующий день, когда до полудня осталось всего ничего, Алекша впервые увидел море. Он представлял, что это огромное озеро, по которому гуляет свирепый ураган, громадные волны бьются друг с другом со страшным шумом, а на дне морском таятся чудища неведомые.

Никакого урагана с волнами не было. Просто река разлилась так, что левый берёг едва виднелся тоненькой полоской, а прямо

по курсу вода сливалась с нёбом и земли не было вовсе. Алекша вспомнил, что греки в книгах называли это море русским, а иногда чёрным. Он не понимал, как это вода может быть чёрной, только от грязи разве, но как может быть море грязи? Что-то путают греки...

Перёд ним расстилается бескрайнее сине-зелёное, словно дорогой камень изумруд, поле. Белое солнце разбросало по морю ослепительных зайчиков, маленькие гладкие волны перебрасывают их друг другу и вся морская ширь блестит и сверкает так, что глазам больно.

Он вытягивал шею изо всех сил, выкручивался, что бы увидеть больше и одновременно загребал веслом. Всё сразу не получается. Вывернул весло, ударил о другое.

- Эй, гляди мне там! - крикнул с кормы Колун, - скоро причалим, тогда насмотришься.

Больше часа шли вдоль берега. Показалась маленькая бухта. На пологом берегу разбросано два десятка деревянных лачуг, на палках сохнут сети. Остроносые длинные лодки сгрудились в сторонке, до половины выбравшись на прибрежный песок. Из разговоров Алекша уже знал, что это рыбацкая деревушка, тут заночуют перёд плаванием по настоящему морю.

В полуверсте темнеет огромная - по деревенским меркам - изба в два этажа и длиной в тридцать саженей. Это местная корчма, постоялый двор и склад для товаров. Там же, в корчме живут весёлые бабёнки. Колун немедля послал одного договориться с хозяином о ночлеге и бане. Остальные быстро сложили вёсла, тщательно скатали парус, собрали вещи и рассовали по укромным местам на струге. Ушкуйники смеялись, подшучивали друг над другом. Алекша заметил, что всё взяли оружие. В этом не было ничего удивительного, мужчины всегда с мечами, но тут вооружились как-то уж чересчур тщательно.

Вопросительно посмотрел на Рыжего.

- Попойка, потом драка, - спокойно пояснил Рыжий.

- А-а... ну да, - затряс головой Алекша, - а с кем?

- Как с кем? - удивился Рыжий, - с такими же вольными людьми, как мы. Наш струг тут не один. Хорошие люди соберутся в корчме ... э-э, к вечеру. Поесть, выпить, поговорить ну вот и ... того!

Только теперь Алекша заметил, что на берегу, недалёко от них, причалены ещё струги и ладьи. Возле корчмы снуют люди, дым из печной трубы валит, как из жерла вулкана - хозяин готовит угощение хорошим людям.

- А я ...

- А ты останешься на струге, - оборвал его Колун, - сторожить

добро. Поесть тебе принесут. И не вздумай ничего хлебать тут, медовухи или вина какого, понял?

- Понял, - вздохнул Алекша, - я и так не больно-то... хлебаю. А чего сторожить, неужели здесь крадут?

- В рыбачьей деревне воров нет, - ответил Колун, - а вот среди пришлых - сколько хочешь всяких, так что смотри.

Рыжий достал из мешка небольшой кожаный кошелёк, засовал поглубже за пазуху. Смешно перекосил лицо, неумело подмигнул:

- Не скучай тут, книги свои почитай, только недолго, а то окосеешь. А нам того ... э-э ... надобно развеяться, погудеть и оторваться!

- От чего? - не понял Алекша.

- От жизни скучной, - ответил Рыжий, - который день по воде болтаемся, как кизяки в луже, одуреть же можно, а послезавтрева снова в путь.

- Только руки-ноги берегите, - буркнул Колун, - до Царьграда ещё добраться надо, а уж там уж как хотите.

- Я прослежу, хозяин, что б всё было чинно и красиво, - заверил Рыжий и быстро зашагал к корчме, по щиколотку увязая в песке. Остальная команда, робко переминавшаяся с ноги на ногу возле струга, разом счастливо выдохнула и немедля поспешила за ним. Речной песок громко захрустел под дюжиной сапожищ, раздался довольный смех, двусмысленные шуточки, всё стихло. Колун хмыкнул, небрежно взмахнул волосатой ручищей. Мозолистая пятерня сдвинула старую меховую шапку на затылок, голова склонилась и он принялся в который раз перекладывать с места на место содержимое заплечного мешка. Среди свёртков, кошелёчков и кожаных маленьких мешочков Алекша заметил пергамент, тщательно завёрнутый в холстину.

Солнце медленно сползает к земле, из ярко-жёлтого становиться красным, потом и вовсе багровеет, словно собирается сделать нечто жутко неприличное и ему так стыдно, так стыдно ... Заметно темнеет, в резком воздухе сильнее пахнет водорослями, солёной влажностью. На берегу робко зажигаются первые огоньки лучин в рыбацких домишках. На усталый мир медленно спускается ночь.

В полуверсте от деревни в корчме для торговых и иных людей разгорается веселье. Маленькие окошки, заклеенные пластинами слюды, светят красным. Входная дверь то и дело распахивается, наружу нетвёрдыми ногами выбираются желающие вдохнуть чистого воздуха. В корчме колом стоит горелый смрад от пережаренного мяса, кислый запах блевотины, отвратительной браги и прелого пота. Угрюмый народ веселится изо всех сил.

Звякают железные кубки, с хрустом сталкиваются глиняные кружки после тостов, нелепых, но зато от души. Подвыпившая компания возле горящей печи взревывает какую-то песню под громкое бульканье котла с кипящим варевом, в тёмном углу кому-то с хряском вышибают последние зубы.

Хозяин заведения, длинный поленообразный мужик, сторожевой башней возвышается возле стола, на котором раскладывают еду и разливают питьё. Рукава холщовой рубахи закатаны выше локтей, от середины груди до щиколоток простирается кожаный фартук, светло-коричневый, но в подозрительных пятнах не то вина, не то крови. За спиной, на расстоянии вытянутой руки, на вбитом в стену кованом гвозде, висит ромейский арбалет. Стальная тетива натянута, толстая короткая стрела таится в направляющей ложбине. Корчмарь внимательно дзырит по сторонам. Длинные жилистые руки сложёны на груди. Обязанности разносчиков выполняют четыре мордоворота. Корчмарь руководит молча, кивками головы. Широкие деревянные подносы кажутся детскими лопаточками в волосатых ручищах. Мордовороты ловко перемещаются в смрадном пространстве корчмы с тарелками на подносах, удивительным образом никого не задевая, но если кто-то из гостей распускается чересчур, то есть хватается за меч, быкообразный громила оказывается рядом и наступает умиротворение. На простые драки на кулаках с использованием глиняных плошек и кружек внимания не обращают - такое нарушением порядка не считается.

Компания во главе с Рыжим расположилась в хорошем месте, подальше от чадящей печи. Мужички чинно расселись, Рыжий изобразил руками подлетевшему мордовороту-разносчику замысловатую округлую фигуру. На столе тотчас появился здоровенный кувшин браги, пузатые глиняные плошки заняли вокруг него круговую оборону, звонко пристукнув днищами. Рыжий разлил брагу, не уронив ни капли, поднял кружку и произнёс первый тост:

- Ну, чтоб было!

Кружки сдвинулись и разошлись. Когда выпили по четвёртой, а закусили только раз, пошли разговоры. Рассказывали друг другу, кто где бывал, что делал. Пьяная болтовня становилась то громче, то тише. На столе появился новый кувшин, пустили вдоль стола, кружки в который раз поднялись в мозолистых ладонях и столкнулись, как стадо маленьких баранов.

Чём гуще тьма за стенами, тем веселее в самой корчме. Несколько хриплых голосов выкрикивают песню, кто-то громко бранится сквозь рыдания, грозится насовсем оторвать башку …

словно такое можно сделать на время, а потом опять приставить! Шум таков, что собутыльникам Рыжего приходится орать в ухо друг другу.

Внезапно посреди зала тяжело грохнуло раз, другой. Рыжий оглянулся - крупный мужик со злым квадратным лицом несколько раз приложил собутыльника головой об стол. Брызги вина и сопли веером разлетаются во всё стороны. От других столов предостерегающе заорали, несколько человек торопливо поднялось, гулко стукнулась об пол тяжёлая лавка. Рыжий сразу напрягся, протрезвел. Остальные из команды тоже обернулись, в пьяных глазах появилось осмысленное выражение, но не у всех.

Завязалась пьяная драка, обычное дело для кабака. На того, который стукал по столу чужой башкой, набросилось трое. Один с размаху ударил кувшином по голове, двое кинулись с боков, круглолицый начал отмахиваться с недовольным рёвом. Осколки разбитого кувшина разлетелись в стороны, остатки вина потекли по лицу, по бороде на грудь и плечи.

Гуляющие оторвались от кружек, уставились на драку с пьяным любопытством. Корчмарь равнодушно стоял рядом с очагом со сложёнными на груди руками, следил сразу за всём залом и только искоса поглядывал на дерущихся. Пока не сверкают мечи, беспокоиться не о чём.

На помощь круглолицему из-за соседних столов поднялось несколько человек, потом ещё и вот уже по всей корчме мельтешат оскаленные рожи дерущихся, слышны смачные удары, выкрики. Под ногами хрустят глиняные черепки - это всё, что осталось от посуды. Столы и лавки с грохотом переворачиваются и летят в стороны - маловато места в корчме для настоящего разгула!

Ватага Рыжего сидит смирненько. Мужики только вздыхают, опускают глаза, громко сербают вонючей брагой, словно горячий чай с блюдечка пьют. Крепились изо всех сил, пока одному не попало в лоб черепком. Малюсенький кусочек обожжённой глины лёгонько стукнул по гладкому, без единой морщинки, потному узкому лобику. Низкорослый, худой мужик закрывает лоб ладонью, будто невыносимо больно, произносит густым басом:

- Меня ударили по голове!

Живо вскочил, стоптанные сапоги только мелькнули над лавкой и бросился в самую гущу сражения. До притихшей компании донеслось радостно-изумлённое:

- Э-эх! Ядрёна мать, давай э... ! - возглас обрывается на самой высокой ноте.

Мужики обеспокоено переглянулись, чей-то тревожный голос сообщает:

- Наших бьют!

Ватага ушкуйников срывается из-за стола, будто ворох сухих листья под ударом урагана. Рыжий было дёрнулся, потом вспомнил, что он старший, ему не положено, уселся обратно. Несколько мгновений неподвижно торчал пень пнём за пустым столом, потом не выдержал. Подпрыгнул с воплем:

- А ну, прекратить! - бросился к дерущимся и исчез в общей куче.

Опытный корчмарь знал, когда градус драки достигает наивысшей точки и пора вмешиваться. Он несколько минут с довольной улыбкой наблюдал за дерущимися, но как только услышал характерный вжикающий звук вытаскиваемого оружия, медленно расцепил сложённые на груди руки, вытянул и сделал ладонями отталкивающее движение. Тот час четверо мордоворотов разносчиков еды ринулись в толпу дерущихся. Врезались, словно носороги в стадо обезьян. Огромные деревянные подносы, каждый толщиной в три пальца, сшибали с ног сразу по два-три человека зараз. От воздушных волн заколыхалось пламя очага.

Помощники корчмаря работали, словно пожар вениками тушили. Быстро и свирепо били, едва не вколачивая в грязный пол самых несообразительных. Умные и те, что не первый раз попали в эту корчму, сразу бросились прочь. В дверях даже образовалась небольшая давка.

Рыжий оказался на улице в числе первых. Он счастливо избежал оглушающего удара тяжёлым подносом, зато несколько раз нарвался на чей-то кулак и теперь оба глаза заплывали багрово-чёрным. Торопливо отошёл, чтобы не угодить под вылетающих гуляк, громко высморкался, вытерся рукавом.

Внимательно всматриваясь, ловил момент, когда покажутся его ватажники, сразу хватал за шиворот и тащил в сторонку.

Меньше, чём за полминуты вся команда струга оказалась на улице. Мужики собрались в кучку, стали весело пересказывать друг другу самые интересные моменты, послышались смешки, шуточки, кто-то начал ржать во всё горло. Рыжий довольно вздохнул - всё в порядке, вечер удался!

- Эй, старшой, - окликнули его, - у нас того, в кошелях ещё звенит. Догуляем, а?

Рыжий отряхнул о колено шапку, сбитую в драке, водрузил на голову.

- Да, надо. Только морды сполосните холодной водичкой да одёжку поправьте.

Вскоре, освежённая ледяной морской водой, команда под предводительством Рыжего снова отправилась в корчму догуливать. Ушкуйники свято верили, что плыть с деньгами - очень плохая примета и потому считали, что перёд выходом в море необходимо пропиться вчистую.

Чёрная, непроницаемая для человеческого глаза ночь опустилась на берёг, поглотила рыбацкую деревушку, воду и землю и только буйные посетители корчмы тревожат тьму криками. Тонкие лапки красного огня из маленьких окошечек корчмы робко тычутся в стену мрака, растворяются в темноте без остатка.

С моря задул холодный ветер. Алекша запахнул медвежью шкуру, прислушался - Колун по-прежнему ходит вдоль кромки воды, что-то бормочет, иногда размахивает руками и недовольно фыркает, как лошадь. Когда команда под предводительством Рыжего исчезла в направлении корчмы, Колун не сидел без дела. Он ещё раз проверил, так ли всё сделано перёд отплытием, долго копался в мешках, затем достал кошель, отсчитал несколько монет. Кошель спрятал, золото сунул за пояс в потайной карман. Наказал следить, что б никто не залез в струг и ушёл. Алекша наблюдал, как купец дошёл до деревни, исчез за последним домом.

Стало совсем темно. Только узкий серп луны изредка выглядывает из-за туч, на несколько минут бледно освещая берёг. Донеслось тихое шуршание песка, едва слышный скрип кожаных сапог. Алекша осторожно поднял лук, наложил стрелу. Ещё десяток заранее рассыпал на перевёрнутой бочке. Стал, что бы стрелы находились под правой рукой. Рядом холодно отсвечивает острое лезвие секиры.

Мышцы предплечья отвердели, локоть правой медленно поплыл назад. Лук согнулся в колесо, тетива предательски

пискнула. Шаги стихли. Ночная тишина напряглась, готовясь взорваться звоном мечей, криками боли.

- Добро, Сашко, не дремлешь, - прозвучал из темноты знакомый голос, - опускай лук, это я.

Алекша вытер вспотевший лоб рукавом.

- Ещё бы чуть - стрелу пустил. Нельзя так подкрадываться, Колун, я ведь не филин, в темноте не вижу.

Месяц высунулся из облака, осветил знакомую фигуру купца. Колун ухватился за борт, упёрся ногами в отверстие для вёсла, подпрыгнул. Подкованные каблуки звонко стукнули в деревянное днище струга.

- Ну как тут, тихо? - спросил Колун.

- Тихо, - ответил Алекша, - всё буйные в корчме собрались.

Снял тетиву, смотал, убрал в карман, стрелы сложил в колчан. Купец прошёл на корму, что-то там делал, несколько раз звякнуло железо. Потом всё стихло. Уверенные, твёрдые шаги раздались за спиной, Алекша оглянулся. Колун упёрся одной рукой в борт, легко перепрыгнул на берёг. Тонкий полумесяц осветил панцирь, шлем, заискрился на рукояти меча.

- Пойду в корчму, - ответил на безмолвный вопрос Колун, - помогу Рыжему собрать гуляк, хватит им беситься.

Алекша пожал плечами.

- Ты ж до утра разрешил, у них сейчас самый разгул. Как пьяных уговаривать-то будешь, а?

Купец тяжело вздохнул, пожал плечами.

- Не знаю, но придётся. Я у местного колдуна был, - сообщил он невесело, - ну, перёд дальней и опасной дорогой надо. Так вот, колдун сказал, что лучше бы мы вовсе здесь не останавливались.

- Да если на пьянку собираются, как на битву, и без всякого колдовства понятно, что будет, - усмехнулся Алекша.

- Драки - дело обычное, - махнул рукой Колун, - тут что-то другое.

- Большая драка? - предположил Алекша.

- Может, - согласился купец. - У меня и так было плохое предчувствие, а тут ещё этот колдун!

Громко сплюнул, повернулся. Подкованные каблуки звонко простучали по камням, глухо захрустели прибрежным песком. Быстрые шаги затихли. Александр проводил взглядом, снова достал колчан, разложил перёд собой стрелы. Подумал, натянул кольчугу, сверху приладил тяжёлый стальной панцирь, надел шлем. Секиру положил рядом, что бы в случае чего одним ударом перерубить пеньковый канат.

Колун пересёк широкий двор, освещённый кострами, подошёл к корчме. Дверь растворилась, в проёме возникла

широкая фигура. Руки раскинуты вширь. Дыбом стоит копна волос. Голова покачнулась, пошла вниз, полусогнутые ноги разъехались в стороны и только руки остались упёртыми в дверную раму. Раздался характерный нутряной рык, в холодном воздухе запахло кислятиной. На деревянном полу расплескалась лужа. Купец брезгливо отступил, сделал шаг в сторону и вовремя: мощный пинок в зад, похоже, с разбега, вышибает блюющего из дверного проёма. Тот, по-птичьи вытянув руки и мелко перебирая ногами, летит в ночь. Звук падения тяжёлого тела уносится вдаль, запах пыли плывёт по воздуху ...

Колун усмехнулся и уже поднял ногу, намереваясь шагнуть на крыльцо, как вдруг услышал странный звуки: полустоны, полукрики. Звуки доносились из сарая. Он повернулся и решительно зашагал к полураскрытым воротам. Распахнул створку, из тёмной глубины раздался визгливый вскрик:

- Ах, зараза! На тебе...

Послышались звуки ударов, кто-то сдавленно крикнул:

- Да перестань, дурак, держи крепче!

Колун сразу догадался, в чём дело. Метнулся обратно, выхватил из костра пылающую головню.

Высоко поднятый факел осветил двух незнакомых мужчин и женщину. Один удерживает голову женщине и пытается зажать рот. Второй заламывает руки и одновременно задирает платье. Оба подняли головы на огонь, на мгновение замерли. Женщина ещё сильнее стала сопротивляться, вырвала правую руку и схватила насильника за бороду. Рванула со всей силой, мужик заорал дурным голосом, непроизвольно дёрнулся, врезался башкой в столб так, что труха с потолка посыпалась.

Второй наотмашь ударил женщину по лицу, она затихла. Вскочил, рука метнулась к поясу, сверкнула сталь.

Колун неторопливо вытащил меч.

- Давай, прыгай, - спокойно произнёс, поднимая факел выше и за голову, чтоб не слепил. Он стоит в проходе, вокруг стойла для лошадей, какое-то деревянное барахло, в общем, обойти его невозможно. Неизвестный бросился вперёд с поднятым мечом. Колун легко отбил выпад, взмахнул факелом. Удар головнёй наотмашь попал по лицу, искры водопадом посыпались на землю, усыпанную сухой травой. Нападавший отдёрнул голову, яростно взвыл. Не давая опомниться, Колун сделал шаг, ударил крест накрест. По мягкой отдаче понял, что концом меча всё-таки зацепил нападавшего.

Раненый вскрикнул, упал на колени. Колун поднял меч, намереваясь добить. В это время второй как очнулся от столбняка - дико крича, бросился к выходу, Колун только успел увернуться и

ударить вдогон. Одежда на спине с треском лопается, убегающий взвизгивает и за мгновение исчезает с глаз долой.

Когда Колун обернулся, раненый куда-то пропал. Загорелась трава на полу, огонь перекинулся на охапки сена, дерево. Пламя быстро побежало по стенам сарая, охватывая Колуна с боков. Бросил меч в ножны, собрался было убегать, как едва слышный вскрик послышался из огня. " Женщина!" - тут же вспомнил он.

Колун выхватил её из огня, когда на женщине уже загоралось платье. Задыхаясь от густого дыма, обожжённый, выскочил из сарая в последний момент, когда с крыши уже стали падать горящие обломки. Опустил женщину на землю, огляделся - вокруг мечутся люди, с противоположной стороны сарая выломали стену, выводят бешено храпящих лошадей.

Колун устало присел на опрокинутую колоду для рубки дров, хотел вытереть вспотевший лоб, но раструб кожаной рукавицы, окованной железом, только оцарапал и обжёг. Плюнул, выругался. К нему подбежал Рыжий, крикнул:

- Что за беда, старшой? И чего ты здесь, в доспехе?

Прибежали остальные, на Колуна мощно дохнуло брагой, луком и жареным мясом. Он решительно поднялся с колоды.

- Нам пора, собирай людей!

Рыжий растерянно развёл руки.

- Так ведь... тово... только светать начало, куды спешить-то? Или это ты, - он недоумевающе посмотрел на пылающий сарай, - ну, тово...

- Да что ты тут растовокался, дурак! - крикнул Колун, - за вами шёл, пора нам уже, а тут кричит какая-то из сарая, ну, я туда...

- Насильник!!! - вдруг раздался истошный женский крик. Всё замолчали. С земли поднялась спасённая женщина. Она смотрела на Колуна безумными глазами, дрожащая рука растопыренными пальцами указывала на него, вторая безуспешно пыталась запахнуть разорванное платье. Подол расшит незатейливым узором. Такие простенькие платья носило большинство женщин из рыбацкой деревушки.

- Это он, он... - забормотала, как в горячечном бреду, - он набросился на меня...

Люди вокруг молча смотрели на побледневшего Колуна.

- Да ты что, - тихо произнёс он, - в разуме помутилась? Я ж из-за тебя с двоими дрался, из огня вынес ...

- Всё верно, он. Я тоже видел! - выкрикнули из толпы.

Колун, его команда разом обернулись. Невысокий мужик показывал на него пальцем и быстро говорил окружающим:

- Он насильничал, я своими глазами видел, видел!

Колун сразу узнал того, которому женщина выдрала клок бороды, когда он пытался зажимать ей рот.

- А-а, брехун, ты ж там в сарае тоже был, тебе баба рожу порвала!

Выхватил меч, лицо страшно побелело, пошёл прямо на толпу. Мужик юркнул за спины других, оттуда выкрикнул:

- Врёт он всё, врёт, вы ж меня знаете!

- Знаем, - загомонили в ответ из толпы, - а этого не знаем... Наговаривает всё, гад!

Рыжий, хоть и был сильно выпимши, первым понял всю безнадёжность ситуации.

- Хозяин, - быстро заговорил он, - надо убегать. Виноват ты или нет, сейчас не докажешь. От вина у всех в головах помутилось, вот-вот корчма начнёт гореть, народец совсем озвереет... Так нам пора или как?

Колун, растерянный и удивлённый таким оборотом донельзя, всё-таки соображал быстро. Отступил к своим, меч с тихим шелестом скользнул обратно в ножны.

- Бегом! - негромко скомандовал купец ...

Когда шаги Колуна затихли, Алекша плотнее прислонился к мачте, обхватил себя руками, удерживая остатки тепла. От воды ощутимо тянет холодом. Слабая волна едва слышно плещет в борт, струг вздрагивает, недовольно скрипит. На востоке наметилась бледная полоска, затихло всё вокруг, только из далёкой корчмы доносятся пьяные выкрики. Алекша смутно подивился выносливости пьяниц. Взгляд опустился, замер на тёмной воде.

Вдруг лунная бледность стала наполняться красным. Полусонный, Алекша несколько мгновений равнодушно наблюдал, как красно-рыжего становиться всё больше и больше.

Рядом с корчмой расцветает огромный костёр. Ярко полыхает пристройка, освещая всё вокруг на добрые полверсты. Видно, как мечутся маленькие фигурки людей, лошадей, доносятся крики, но всё заглушается треском горящего сарая.

Вскочил, сжимая в руке секиру. Сразу подумал: «Наверняка, наши... Не зря Колун беспокоился, видно, и вправду чуял беду". Взобрался повыше, вытягивая шею сколько можно, что бы увидеть бегущих к стругу людей и уже через несколько секунд заметил стремительно приближающиеся тёмные фигуры. Ещё через пару мгновений он узнал Колуна, потом остальных, а за ними с воплями гонится целая толпа. Алекша рубанул секирой по канату, схватил весло, упёрся в песок, готовый одним мощным толчком вытолкнуть струг на воду.

У Колуна было просто чёрное лицо, когда он одним прыжком

оказался на судне. За ним ввалились остальные. Не спрашивая, в чём дело, Алекша налёг на весло, струг заскрипел, недовольно зашипел песок под днищем, плеснула вода. Пеньковая верёвка гадюкой проползла по палубе, упала в воду. Ушкуйники проворно расхватали вёсла, дружно вдарили и струг, пятясь, будто рак, стремительно пошёл прочь от берега. Алекша оглянулся - команда грёбла так, что впереди кормы вырос пенный вал.

Разъярённая толпа остановилась на берегу, некоторые зашли в воду по колено, потрясали оружием, выкрикивали угрозы. Запели стрелы. Алекша подхватил сразу два щита, выставил их, прикрывая своих.

- Правый, табань! - рявкнул Рыжий. Гребцы послушно задрали вёсла, склонились под борт, закрываясь от стрел, что густо летели с ещё недалёкого берега. Двое или трое вскрикнули, но и только - предусмотрительно надетые под кафтаны кольчуги спасли. По левому борту продолжали бешено загребать, судно стремительно разворачивается на пятачке.

- На воду, греби! ... раз, два... раз, два... - срывая голос, взревел Рыжий. Обыкновенный купеческий струг попёр так, словно собрался взлететь, аки белый лебедь. От натуги ушкуйники страшно выпучивают глаза, из раззявленных ртов вырываются мощные волны запахов браги и пережаренного мяса с луком. Колун непонимающе смотрит на уходящий берёг. Рыжий перерубил верёвку, закрепляющую парус, квадратная холстина шумно опустилась, пару раз громко хлопнула на попутном ветру, изогнулась почти полукругом.

Одинокая стрела, выпущенная каким-то умельцем, на последнем издыхании плашмя упала на доски. Алекша опустил щиты, оглянулся. Колун всё так же неподвижно сидит возле мачты, бледное лицо застыло белой маской. Ветер усилился, прохладная волна плеснула солёной пеной в глаза. Купец медленно скинул боевую рукавицу, провёл по лицу ладонью. Ушкуйники подняли вёсла. Только ветер продолжает упираться в парус и струг всё дальше уходит от берега.

- Объясни, старшой, что за беда такая случилась, - негромко произнёс Рыжий, - на тебя так набросились, что ... ну, я не знаю...

Колун вздохнул. Он понимал правомерность вопроса, ведь теперь им нельзя появляться в деревне, а это единственное место, где можно отдохнуть перёд дальней морской дорогой. Рассказал всё как было. Команда молчала. Ушкуйники сами были далёко не паиньками, каждый из них не задумываясь мог убить и ограбить любого, но и среди таких людей существуют неписанные законы, преступать которые нельзя. Кто преступил, то есть стал преступником, того казнят без жалости.

Первым подал голос Рыжий.

-Я верю. Не станет Колун мараться, бабу купить можно.

- Эт точно, - хмыкнул кто-то из команды, - сколько хошь ... А вот чего эта дура там делала ночью, а?

- Приключений искала на ... ха-ха ... одно место! - отозвался Рыжий. Ушкуйник громко заржали, посыпались шуточки, начали наперебой рассказывать друг другу, как сами развлекались с такими вот искательницами приключений на пятую точку ...

Стемнело. Попутный ветер продолжает гнать струг вдоль берега, дует ровно, без рывков. Вся команда, включая Рыжего, вповалку спит. Буйная ночь не прошла даром. Алекша удобно расположился на корме, возле руля. Правил так, что бы до берега было не меньше сотни шагов. Так можно вовремя заметить лодки прибрежных разбойников, что охотятся в этих краях на купеческие суда, поднять тревогу. И стрела, пущенная умелой рукой с берега, не долетит.

Невысокие волны постукивают по корме, словно подбадривают. Изредка хлопает парус. Мощный храп спящих ушкуйников наполняет струг до краёв, переваливается за борт. Ветер рвёт на части, уносит прочь. Мрачный Колун неподвижно сидит спиной к Алекше. Заострённый бритый подбородок уныло покачивается в такт волнам.

- Сашко!- негромко позвал купец, поманил рукой. Алекша посмотрел на далёкий берёг, закрепил руль. Осторожно переступая через спящих, подошёл, молча сёл. Так же молча Колун протянул ему плотно завязанный кожаный кошель. Алекша взял, вопросительно посмотрел.

- Письмо тут, - ответил купец. - Есть в Царьграде торговый человек, Шило зовут его. Так вот, письмо для него. Кремень хочет, что бы ты у него до следующего лёта поработал.

- А дальше?

- Дальше видно будет, - буркнул Колун, - при удаче богатым вернёшься, Шило мужик проворный, в торговых дела понимает. Если всё у тебя будет хорошо, Кремень перёд князем слово замолвит и простят тебе, что с разбойниками якшался.

- Да я ... - начал было Алекша.

- Ладно, ладно, - перебил его Колун, - что было, то быльём поросло, ты о будущем думай. В Царьграде, если с умом подойти, много достигнуть можно. Это тебе не древня какая, а город городов! Словом, вот письмо, береги его, там и о тебе пару слов начеркали.

Алекша засунул кожаный кошель подальше за пазуху, спохватился:

- А чего ты мне его даёшь?

- Не доплыть мне до Царьграда, - просто ответил Колун.

- Как не доплыть? - удивился Алекша, - да при попутном ветре мы за неделю дойдём и ничего с нами не сделается.

Купец неторопливо поднялся, по-стариковски упираясь руками в колени, подошёл к борту. Оглянувшись, негромко произнёс:

- Чую.

Помолчал, опять вернулся на своё место возле мачты.

- Я к колдуну ходил, про судьбу спрашивал, - стал рассказывать, - ты струг сторожил, остальные в корчме гуляли. А я к старику пошёл, он за деревней живёт, давно уже, никто и не помнит, сколько. Говорят, раньше плавал много, всё море исходил вдоль и поперёк. Раз в страшный ураган попал, вроде как утоп, потом ожил. С тех пор в море не выходит, вообще к воде не приближается, зато знает, где какую рыбу можно ловить, погоду на месяц вперёд предсказывает и ещё много чего ... Судьбу всех плавающих видит. Ну, словом, говорил я с ним.

- И что? - спросил Алекша. - Чего он тебе наговорил-то?

- Сказал, что могу и не дойти до Царьграда, - неохотно продолжил рассказ Колун, - потому всё важное лучше отдать на хранение. Тому, кто со мной недавно.

Алекша отвернулся, посмотрел на далёкий берёг. Заросшие кривыми деревцами скалы то выползали далёко в море, то наоборот, прятались за прибрежным песком, выставив наружу только каменные макушки. Ветер усилился, стал холоднее.

- И ты поверил болтовне деревенского прорицателя? - спросил Алекша, усмехаясь.

- Да, поверил, - ответил купец, - мне самому сны какие-то странные снились, а старик объяснил, что к чему.

- Да-а, - покрутил головой Алекша, - ты вроде в бога Христа веруешь, а слушаешь всяких.

- Ладно, учёный, помоги лучше парус убавить, а то ветер крепчает, - махнул рукой Колун. Вместе приспустили раздувшийся до предела парус, Алекша вернулся на корму, за руль. Купец прошёл на высокий нос струга, сёл, закутавшись в тёплый плащ.

Нёбо потемнело ещё больше, проступили пока ещё плохо видимые звёзды. Алекша повернул струг так, что бы он приближался к берегу. Колун разбудил команду, приказал убрать парус и грести к земле - плыть ночью, в кромешной тьме смертельно опасно.

Длинные вёсла дружно оттолкнули воду и струг неохотно, против ветра и волн, пополз к далёкому берегу. Колун стал на носу смотреть вперёд. Тонкая полоса прибоя указывала, что

чалить здесь нельзя - камни.

- Лево руль, ... прямо! - скомандовал он, - зайдём за вон тот мыс.

Тёмная, едва заметная в ночи полоса берега впереди круто заворачивала и выдавалась далёко в море. Там, за скальным мысом, низкий песчаный берёг и удобная бухта, Колун знал об этом по прошлым походам. Волны торопливо застучали в правый борт, понуждая струг забирать ещё и ещё левее, что бы уловить момент и совсем вытолкнуть его в открытое море, а вот уж там наброситься всём вместе и утопить нахальную деревяшку со всём её галдящим экипажем.

За вёсла взялись всё, только Колун остался наблюдать за морем и командовать гребцами. Тревожное чувство начало царапать Алекшу. Ветер усиливается с каждой минутой, волны, словно стадо сбесившихся баранов, непрерывно долбят пенными головами правый борт, крупные брызги летят в лицо, на одежду. На палубе уже плещется, через щели вода попадает в трюм. " Раз, раз" ... доносятся до слуха команды, ветер срывает слова с губ, уносит прочь. Волны выросли до размера валунов и бьются тяжело, мощно. Правый борт уже не скрипит - скрежещет.

Какая-то странная, сдвоенная волна ударила в борт, среднее весло выбило из уключины. Ветер подхватил за широкую лопасть, с размаху бросил на головы гребущих. Короткий крик заглушило свистом урагана, плеском воды. Гребцы бросились ставить весло, у них не получается сразу, суета, крики...

Колун не выдержал, бросил бесполезное наблюдение, поспешил на помощь. По залитой водой палубе сделал только пару шагов. Что-то тёмное, бесформенное, вроде развязавшегося мешка с барахлом водой швырнуло прямо под ноги. Купец не удержался на скользкой палубе. Мелькнули руки, он навзничь падает на мокрый пол. Звук удара слышно даже на корме, где у руля ещё держится Алекша. Помочь Колуну никто из экипажа не мог. Струг как бешеный прыгает на волнах, по мокрой палубе словно бегает небольшое стадо крыс - перекатываются свёртки, мешочки, звенит посуда. Связка соболиных шкур намокла, скрутилась и стала похожа на морское чудище, что быстро ползает по палубе в поисках выхода на свободу. Очередная волна накрыла струг, безжизненное тело забивается под лавку.

Раздирающий скрежет заставляет всех забыть о раненом. Мачта начала слишком сильно скрипеть, поперечина со свёрнутым парусом обламывается, парусину разворачивает. Ураган с лёгкостью разрывает ткань, будто не холстина, а так, рисовая бумага. Раздаётся громкий хлопок, треск, мачта наклоняется. Обломок перекладины угрожающе нацеливается на

гребцов по левому борту.

Всё произошло очень быстро, за считанные секунды. Алекша не успел ничего предпринять, как в корму ударило так сильно, будто подводный великан кулаком врезал. Треск и скрежет заглушают вой ветра и шум беснующейся воды. Алекшу подбрасывает, он сумел удержаться только потому, что мёртвой хваткой вцепился в руль. Вывернулся, посмотрел - нечто огромное, шевелящее многочисленными щупальцами залезает на корму струга. По чёрному телу струится вода, жидкая грязь, какие-то тонкие усики шевелятся. В лицо пахнуло едкой болотной вонью.

Тело сводит судорога страха, слабеющие пальцы разжимаются. Алекша опустился на колени, коснулся руками палубы. Очередная волна врезается в струг, мокрые доски стремительно уходят из-под ног. Алекша падает на спину, невидимая сила тащит к воде. Сильный удар о мачту останавливает. Инстинктивно обхватывает толстое бревно, взгляд останавливается на корме. Сквозь заливающую глаза воду плохо видно, но всё же удаётся рассмотреть, что чёрное, большое и страшное очень похоже на вырванное с корнем дерево. Вода смыла налипшую грязь и вместо ужасных щупалец обнажились большие и маленькие длинные корни. Ураган сорвал с размытого берега, река утащила в море и вот по прихоти ветра и волн дерево столкнулось с кораблём.

Алекша только сейчас заметил, как высоко задрался нос струга, а корма почти полностью затоплена. Огляделся, увидел - вокруг никого нет. Всю команду смыло волнами. Только длинные вёсла нелепо болтаются в воде, их подбрасывает вверх широкими плоскостями и выкручивает с треском в уключинах, то выворачивает и тянет на дно. Струг стал похож на чудовищное насекомое, беспомощно размахивающее лапками в предсмертной агонии.

Алекша на мгновение расцепил руки, вытер лицо - вода снова залила глаза, нос и рот так, что едва не захлебнулся. Отплевался, затряс головой, поднял глаза - вокруг ни единой живой души, ураганный холодный ветер рвёт воду на куски, швыряет куда попало, молнии полосуют пространство вокруг, гром гремит так, что голову в плечи вколачивает. Струг уже не скрипит, а стонет, раздираемый на части и жить ему осталось ещё самую малость. Ужас смерти заполнил всё естество Алекша, забрался во всё уголки, оглушил и ослепил. Он понял, что смерть близка, как никогда, осталось совсем мало ...

К чёрному нёбу вздымались уже не волны - валы. Когда умирающее судно вознесло на вершину водяной горы,

полуослепший и оглушённый грохотом Алекша краем глаза всё-таки заметил рыжий огонёк далёкого костра. Он давно уже не понимал, где море, а где берёг и ему показалось, что костёр горит прямо посреди моря. Ещё успел смутно удивиться, в голове промелькнуло глупое - чего это на воде костёр?

Раздался громкий треск. Мачта, за которую держался из последних сил, вывернуло из палубы как гнилой зуб, с корнем. Что-то жёсткое, режущее захлестнуло руку, обвилось вокруг груди. Сдавило так, что вдохнуть не мог. С душераздирающим скрежетом мачта наклоняется, исчезает в чёрной воде. Сдавило ещё, рёбра хрустят, потом со страшной силой дёрнуло и Алекша молча - воздуха в лёгких нет, чтоб закричать! - летит за борт.

Кипящая вода закрутила, обволокла холодом, жёсткое и скользкое несколько раз мерзко дотронулось до обнажённой кожи. Толстое, как бревно, блестящее тело приблизилось, волна метнула Алекшу навстречу. Он не успел даже сообразить - удар получился такой, словно рыцарский конь лягнул кованым копытом. И сразу наступила тишина...

Яркий, яркий, просто невыносимо яркий свет затопил мозг, будто солнце взорвалось. Солёная кровь залила лёгкие, Алекша отчаянно закашлял, дико изогнулся всём телом, с натужным криком выплюнул из себя сгусток крови. Его вывернуло. Дрожащей рукой протёр глаза. Постоял несколько секунд на четвереньках, шатаясь от слабости. Кое-как встал, открыл глаза.

Вокруг расстилается песчаная равнина, ограниченная с боков неровным частоколом низких скал. Вода плещется в шагах двадцати ниже.

Сёл. Яркое солнце ослепило, поспешно сощурился, закрылся ладонью. Несколько мгновений сидел неподвижно, постепенно приходя в себя. Когда успокоился, обнаружил, что весь опутан верёвкой. Раздражённо сбросил жёсткие путы, поднялся на ноги, сделал несколько неуверенных шагов к воде. Ссадины и царапины на лице, по всему телу раздражающе пекут. Подошёл к воде, наклонился и сразу испуганно отдёрнул руки - вода, ещё вчера чистая, прозрачная, переходящая в синеву в глубине, сейчас была темно-серой, а в двух шагах от берега и вовсе чёрной. Странный неприятный запах исходил от поверхности.

Алекша не рискнул ополоснуться в такой непонятной воде. Повернулся, медленно побрёл прочь. Зацепил ногой какое-то бревно, больно ударился большим пальцем, чертыхнулся. Увидел обломок мачты, опутанный верёвкой. Ей крепился парус на горизонтальной перекладине.

До него только сейчас начало доходить, что благодаря этой верёвке он и спасся - она опутала его, намоталась на обломок и

бревно удержало Алекшу на воде. Каким-то чудом это бревно не унесло в море, а выбросило на берёг вместе с ним.

Он ещё раз вздохнул, едкая вонь от воды заставила сморщиться, поспешно зашагать прочь. Обнаружил, что из одежды остались только лохмотья, он бос. Хорошо, что день тёплый, безветренный, а то бы загнулся от холода прямо на берегу, не приходя в себя.

Прошёл до конца песчаного пляжа, добрался до гряды разбросанных камней. Перёд ним раскинулась каменистая, безжизненная равнина. Далёко, далёко на горизонте темнеет полоса горного хребта, не видно ни реки, ни озёра, нет признаков человеческого жилья. Идти вглубь берега не стоит, он повернул, пошёл вдоль воды. В песке всё чаще начали попадаться камни, целые острова в песчаном море и Алекша вынужден был приблизиться к кромке воды. Так брёл несколько часов. Остатки одежды высохли, стали почему-то жёсткими. Края неприятно тёрлись о кожу, всё тело начало зудеть, выступил едкий пот. Алекша понял, что ткань одежды пропиталась солью и ещё чём-то гадким и вонючим и от этого такое раздражение на теле. Надо срочно искупаться, сполоснуть одежду.

Он всё время крутил головой, высматривая ручей или, на худой конец, лужу, но, как назло, ничего не видно, только опостылевший песок. Солнце поднялось в зенит, щедро обливает его жарким светом, нестерпимо блещет вода, а он всё идёт и края такому вот походу не видно. Несколько раз подходил к воде, но вонь и муть отбивали всякую охоту умываться.

Наконец вдалеке неуверенно блеснула тонкая полоска воды - ручей или маленькая речка, что впадают в море. Алекша так измучился от жары и постоянного болезненного раздражения по всему телу, что от радости подпрыгнул. Блестящая полоска не растаяла, как он опасался. Подпрыгнул ещё выше, даже руками замахал, глупо и смешно. Разглядеть лучше не получилось. Ладно, пусть, главное, что бы это действительно был ручей или речка.

Он пошёл побыстрей и через пару долгих минут оказался на берегу ручья. Чистая вода лениво бежит по песку и прозрачным клином врезается в мутную после шторма морскую воду.

Алекша смыл грязь, тщательно простирал одежду и только после этого напился. Сёл на гладкий плоский камень возле ручья. Жажда отступил, царапины перестали жечь и даже чувство голода исчезло. Задумался - а что дальше? Вокруг ничего, нет ни денег, ни одежды, только кожаный кошель Колуна с письмом болтается на поясе, но толку от него здесь, где ни единой живой души? " Зато я жив и даже не ранен, если не обращать внимание на

царапины, - весело подумал Алекша, - воду отыскал, отыщу и поесть, только попозже, а дальше видно будет". Встал, потянулся и громко, с завыванием зевнул. Усталость навалилась, будто огромный ком снега на голову. Алекша пошёл вверх по течению ручья в надежде отыскать какое-то укромное место поспать. Нашёл расщелину между камнями, наполовину засыпанную песком и засохшей травой. Вычистил, натаскал ещё песка. Получилось вроде как постель. Улёгся, немного повозился. Уже засыпая, подумал - а откуда здесь высохшая трава, ведь вокруг только камни и песок? Её ветром принесло, значит где-то недалёко песок и камни заканчиваются, поэтому с утра надо идти дальше и всё будет хорошо!

Он проснулся от страшного грохота. Вскочил, очумело огляделся - вокруг всё те же камни, песок, всё на месте, никуда не разлетается, а показалось спросонья, будто земля раскололась на куски. Обессилено сёл и только тут заметил, что темно, как в сумерках, только сумерки какие-то странные, резкие, что ли... Ветра нет. От близкой воды тянет могильным холодом. Поднял взгляд. Тяжёлые, цвета густых чернил волны наваливаются на песчаный берёг, зловеще шурша, уползают обратно. Нёбо над головой свинцовое, дальше темнеет ещё и уходит за горизонт угольной чернотой.

Слепяще-белый столб упал с нёба в море и снова страшно загрохотало. Зашумело, сухой песок маленькими змейками побежал прочь от серой воды. Пахнуло холодом, словно море сделало выдох.

Алекша понял, что собирается не просто сильная гроза, а нечто гораздо серьёзнее. Оглянулся в поисках укрытия. В шагах сорока заметил тёмное неровное пятно в камнях, бросился к нему. Пятно оказалось входом в маленькую пещеру. Очень узкую, если чуть расставить локти, то упираются в каменные стены, потолок низкий, так что можно только сидеть, опустив голову на колени.

Пока он возился, устраиваясь удобнее, загремело ещё раз, ещё, а потом стало грохотать страшно и непрерывно, как будто стадо горных великанов вздумало плясать гопака и ветер подул так, словно у воздушных богов вдруг наступило буйное помешательство. Ливень упал с небес и миллионы маленьких прозрачных копыт заскакали по камням и песку. Молнии засверкали часто-часто, посветлело, но даже их ослепляющий свет не мог пробить сплошную стену воды. Всё исчезло в хаосе воды, ветра и почти непрерывного грохота.

Алекша сидел, зажимая уши ладонями, что бы не оглохнуть и думал - как хорошо, что вовремя укрылся в этой норе. Вот если бы

не успел !

Маленькую пещерку наглухо перекрыло потоком воды, льющейся с камней, даже почудилось, что он каким-то образом оказался под водой. Мелькнула паническое - море вышло из берегов, нору залило, а он сидит в ней, как паук-ныряльщик в воздушном пузыре! Чуть было не бросился выбираться наружу, но вовремя взял себя в руки - какой паук в пузыре, что за дурость! Просто сильный дождь. Скоро закончится и он выберется отсюда, вот и всё.

Через какое-то время ливень действительно поутих, но продолжал лить и лить, зато ветер стал ещё свирепее. Выл и ревел, бросался во всё стороны, закручивал водяные вихри и катал по пляжу валуны, словно это не камни, а комки сухих водорослей.

Внезапно над головой раздались звуки, как будто некто огромный и тяжёлый спускается с горы, громко топая гигантскими сапожищами. Тяжкие удары приближались, становились громче, мощнее, наконец ударило прямо над головой. Нора содрогнулась, посыпались мелкие камешки, потолок затрещал. Алекша сжался так, что голова оказалась ниже колен. Он со страхом ожидал, что рухнет каменный свод и его погребёт заживо.

Громко и страшно захрустело, огромное каменное копыто тяжело упало перёд входом в пещеру и наглухо закрыло выход. Наступила тишина, темнота, только тонкая полоска тусклого света пробивается с края. Алекша несколько секунд не двигался, выжидая, что будет дальше. Поднял голову, прислушался. Рёв урагана едва слышно, прекратился непрерывный шорох дождя, в маленькой пещере стало пронзительно тихо. Подполз к выходу, руки упёрлись в холодный мокрый бок гигантского валуна, что закупорил вход в пещеру.

Неприятно засосало под ложечкой, волна мертвящего холода прокатилась по телу. Алекша упёрся сильнее, нажал плечом - бесполезно, камень даже не пошевелился. Перевернулся, упёрся ногами в стены, надавил, ещё, да так, что в спине захрустело. Камень нехотя поддался, в образовавшуюся наверху щель хлынул поток ледяной воды, залил лицо, шею, даже в штаны попал. Алекша от неожиданности дёрнулся, врезался головой стену так, что искры из глаз посыпались.

Держась за ушибленное место и громко ругаясь, отполз подальше от выхода. Выбрал место, где камни показались мягче, улёгся и почти сразу заснул, нисколько не думая о завтрашнем дне - с утра видно будет!

Когда он открыл глаза, в пещере по-прежнему темно и сыро.

Помня, как треснулся вчера головой, осторожно приподнялся. Подполз к выходу. Камень, закупоривший отверстие, на месте. В узкую щель наверху едва пробивается слабый лучик света и тонкая струйка свежего воздуха. Алекша несколько раз глубоко вдохнул, стараясь захватить побольше запаха свежести. Повернулся, упёрся ногами в стены, спиной в камень, и, заранее скривившись, надавил. Ободранную спину обожгло болью. Камень чуть слышно дрогнул. Алекша повеселел, начал толкать и отпускать, раскачивая тяжёлый булыжник.

Постепенно колебания увеличивались, он притерпелся к боли в спине, стал толкать сильнее. Казалось, что камень вот-вот упадёт, Алекша нажимал изо всех сил, а он продолжал раскачиваться и нисколько не собирался падать. Алекша взмок от усилий, воздух в пещере сгустился, потяжелел. По спине побежала тонкая струйка не то пота, не то крови. Боль охватила всего, показалось, что даже зубы заныли от сверх усилий.

Уже от отчаяния, теряя надежду выбраться, нажал что было сил. Проклятый камень лениво наклонился, вернулся на прежнее место и вдруг исчез с непонятным шумом. Не чувствую опоры, Алекша упал на спину, его неудержимо потянуло вниз, он инстинктивно раскинул ноги, цепляясь ими за неровности стен и только это удержало от падения.

Какое-то мгновение висел, прогнувшись в поясе до предела, безвольно опустив руки вниз, упираясь ногами в каменные стенки норы. Медленно поднял руки, согнулся, зацепился за край провала и, медленно и осторожно, изгибаясь самым невероятным образом, вполз обратно.

Дрожащей от напряжения грязной рукой вытер лицо от пота, ещё больше размазывая грязь, оглянулся и ... не поверил собственным глазам! Перёд ним расстилается песчаная пустыня, сплошь усеянная огромными валунами, вырванными с корнем деревьями, кустарником, скрученным в месиво обломанных веток, травы и грязи. Кое-где торчат ноги и головы погибших животных.

Держась одной рукой за верхний край норы, посмотрел назад - весь склон сверху донизу покрыт месивом грязи и камней. Берёг неузнаваемо изменился. Ещё вчера это был весёленький песчаный пляж, заботливо укрытый от материковых ветров высоким склоном, а сейчас стал огромным сохнущим озером грязи. И над всём этим ярко сияет солнце, плещется море, отодвинутое грязевой рекой шагов на сто от берега.

Камень, который так старался отодвинуть Алекша, лежит возле входа в нору, в яме. Рухнул туда вместе с грязью, на которой держался и теперь тускло поблескивал оттуда, словно

обиженно спрашивая - чего ты толкался, я ведь спас тебя!

Ливень только-только закончился, ещё везде бегут ручейки и камни блестят вымытыми боками. Один такой ручей выбрал себе дорогу прямо над норой, где укрывался Алекша, смыл грязь, выел под камнем яму и размыл вокруг землю. Он понял, что ему невероятно повезло, иначе так и остался бы заживо похороненным в норе.

Спрыгнул на камень, огляделся. Вокруг море вонючей жижи, торчат шишки валунов, обломки. Вставать в грязь не решился, аккуратно перепрыгнул на другой камень.

За спиной поле грязи, впереди бескрайнее море. Слева возвышается скала. Справа вытянулась равнина, далёко виднеются не то холмы, не то низкие горы. Туда и надо идти, решил Алекша, а там видно будет. Примерился, прыгнул на один камень, второй... Ступать в грязь решался только в крайнем случае, когда надёжных камней рядом не оказывалось. Иногда проваливался по колено в липкую жижу, приходилось выбираться и ползти, словно чудище болотное, до следующего камня, потому что идти невозможно и опасно - в грязи полно острых обломков камня, сучьев и просто всякой дряни.

Идти вдоль берега оказалось очень трудно. Камни, казавшиеся на первый взгляд надёжными, внезапно уходили из-под ног, он падал в грязь, выползал на твёрдое, снова покрывался грязевой коркой. Она крошилась, осыпалась, тело зудело и чесалось и так повторялось раз за разом, а море грязи всё никак не кончалось. Раздражение, перешедшее в озлобленность, сменилось яростью и именно ярость придавала силы двигаться дальше и дальше. Алекша смотрел только под ноги, упорно стремясь вперёд вдоль кромки воды и совершенно забыл, что надо бы и вдаль иногда посматривать.

Когда перёд ним внезапно появилось нечто тёмное и огромное, он решил было, что какое-то морское чудище выползло на берёг, издохло и теперь лежит тут, у него на дороге. На всякий случай отошёл назад, присмотрелся и понял, что это вовсе не чудище, а огромная лодка, вроде из струга, только ещё больше. Он внимательно осмотрел судно, понял, что перёд ним скандинавский драккар, видал такие в Киеве. Заметил толстый обломок мачты, остатки длинных вёсел, что нелепо торчат с бортов, придавая грозному драккару вид дохлого жука с переломанными лапками.

Под ногами плеснуло. Опустил глаза, увидел убегающую волну, чистую и прозрачную. Сразу ощутил грязь, пот, невыносимый зуд и раздражение. Повернулся, побрёл в море. Зашёл почти по пояс и долго вымывался от въедливой мерзкой

грязи.

Судно выбросило на берёг так, что до кормы достают только самые проворные волны, остальные плещутся в двух-трёх шагах. С левой стороны в борту громадная пробоина, словно баран размером с двух быков ударил рогами. Края дыры недобро щерятся острыми обломками.

Осторожно, что б не пораниться, забирается через пролом на драккар. Палуба пуста, нигде даже обрывка верёвки нет. В трюме, на треть заполненном водой, плавают обломки, разбитые вдребезги ящики, бочки. Алекша медленно обошёл трюм. Тихо, только вода под ногами с плеском расступается, капли срываются с низкого потолка. Драккар едва слышно поскрипывает. В щели на палубе пробились солнечные лучи, неподвижно стоят на тонких светящихся ножках. В мутной воде на поверхность солнечных пятен всплывают щепки, клочья ткани.

Больше всего воды скопилось на корме, там она достаёт почти до пояса. Алекше не хотелось лезть в подозрительную муть глубоко, он повернулся, сделал шаг. Нога попадает на что-то мягкое, осклизлое. "Медуза, что ли..." - мелькнуло в голове, такие создания он уже видел. Теряя равновесие, машет руками, нога едет вниз...

Поднялся, отплёвываясь и держась за стены, осторожно пошарил в воде ногой. Нога упёрлась в мешок с чём-то выпуклым, твёрдым. Наклонился, ухватил за край. Из воды показался полотняный бок, тяжёлый. Рука сразу ощутила железо под грубой тканью. Цепляясь за стену, поминутно соскальзывая, поволок мешок наверх.

Кожаный шнурок распух от воды, сплёлся в мёртвый узел и никак не желал развязываться, даже зубами. Алекша нашёл камень с острыми краями, перепилил горловину мешка, взялся за края. Под напором сильных рук ткань затрещала, медленно разошлась. Взялся за концы мешка, поднял ...

На песок падает великолепный стальной панцирь с золотой насечкой, шлем и, самоё главное, меч! Длинной почти в три локтя, в простых ножнах свиной кожи, но по украшенной золотом и драгоценными камнями рукояти было видно, что меч не простой. Последним из мешка выпал странный клок меха, в котором Алекша с трудом узнал скомканные мокрые перья заморской птицы. Такими ромеи любили украшать шлемы.

Мешок выпал у него из рук. Ошеломлённо смотрел на необыкновенный подарок судьбы, потом медленно присел на корточки, взял шлем. Узорчатое забрало поднято вверх, под забралом на налобнике выковано изображение двуглавого орла, разбросавшего широкие крылья по всей ширине налобника. Шлем

сделан так, что полностью закрывает голову и лицо, оставляя открытым только узкую полоску для глаз. Если забрало опущено, то лицо укрыто железом полностью. Изнутри шлем оббит мягкой тканью красного цвета, позолоченные - а может и золотые! - шляпки маленьких гвоздиков идут ровно по краям. Они утопают в ткани подкладки и нисколько не торчат наружу. В навершии маленькое отверстие, туда, наверно, вставляют красивые перья заморской птицы.

Алекша рассматривал необыкновенный шлем не отрывая глаз, как зачарованный, медленно переворачивая в руках. Сам кузнец, такой искусной работы он не видывал никогда, хотя в Киеве чего только нет. Он даже не мог представить, как такой шлем можно выковать. Захотелось примерить необыкновенный доспех, но тут Алекша увидел своё отражение на отполированной поверхности. Изображение было кривым, неправильным из-за выпуклости, но он всё же узнал себя. Мерить шлем сразу перехотелось - с блестящей поверхности на него смотрит грязная перекошенная рожа с вытаращенными, как у жабы, глазами. Мокрые спутанные волосы торчат во всё стороны рваными лохмами, будто на голове у него не длинные светлые волосы, а куча коричневых водорослей. " Точно водяной! - усмехнулся Алекша, - ладно, потом примерю, когда отмоюсь".

Он со вздохом отложил необыкновенный шлем, сёл на корточки, рассматривая панцирь. Такие уже видел в Киеве, привозили купцы из Царьграда. Покупали их неохотно, стоят уж очень дорого, а главное - сковывают движения. Панцирь плотно облегает тело, прекрасно защищает от любых ударов, даже брошенное сильной рукой копьё не пробьёт, но за это надо платить - боец лишается подвижности, а дополнительные защитные пластины на плечах мешают как следует ударить мечом или секирой. Русь столетиями вела изнурительные войны с кочевниками. В сражениях с таким противником побеждал тот, кто быстр, ловок и силён, поэтому на Руси воины предпочитали кольчугу, а панцирь надевали, когда надо было викингов уму-разуму научить или другого западного соседа - германца.

" А ещё, - с горечью подумал Алекша, - когда друг друга молотим. Поссорятся князья и нет, чтоб самим бодаться в двобое, они рати соберут и начинается резня, русские русских убивают. А за что? Да за то, что один князь на другого не так посмотрел, вот и всё! Ну и грызитесь меж собой, как две собаки, чего других-то в свои свары тянуть?" Невольно вспомнил великокняжеских отпрысков - Вышеслава, Глеба, Мстислава и Всеслава. Помрёт великий князь, раздерут его детки Русь на куски и снова кровавая свара начнётся!

Пальцы коснулись холодной гладкой поверхности панциря, пробежали по выпуклостям, точно повторяющим рельеф мужской груди. Подушечки пальцев чуть слышно царапнуло. Это отвлекло от невесёлых мыслей. Алекша всмотрелся, заметил тоненькие борозды в металле, вмятины. Видно, панцирь успел побывать в битве. Следов от ударов было мало - или хозяин доспеха хорошо дрался, или противник попадался слабый.

Отложил панцирь, обеими руками взял меч. Сразу бросилось в глаза, что меч явно не ромейский, у них мечи короткие, больше на ножи похожи, потому что сражаются ромеи в плотном строю, за стеной щитов и мечами не рубят, а колют короткими тычками. Если воины держат плотный строй, по-другому и не получится.

Этот меч длинный, в три локтя, на полукруглой оконечности рукояти не выгравировано имя владельца, что всегда делали ромеи и ножны были самые простые, даже простецкие, из небрежно выделанной свиной кожи. Алекша потянул за рукоять. Сверкающий клинок без малейшего шороха вышел из ножен. Слегка повернул лезвие, отражённое солнце стрельнуло в глаза серо-голубой вспышкой света. Он внимательней посмотрел на клинок и понял, что у него в руках настоящее чудо - булатный меч. На Руси такие мечи называли харалужными. Редкий мастер знал секрет изготовления такого меча, таких кузнецов было раз-два и обчёлся, их считали колдунами и чародеями, относились со страхом и уважением. Настоящий харалужный меч стоил состояние, не каждый князь, даже владеющий большим княжеством, мог иметь. Алекша точно знал, что такой меч был только у великого князя Владимира. Некоторые витязи при дворе великого князя бахвалились, что и у них харалуги - так прозвали в народе эти мечи - но Алекша подозревал, что врут, своими ушами слышал, с каким пренебрежением отзывались об их мечах другие.

От волнения запершило в горле, закашлял так, что слёзы на глазах выступили. Он вдруг испугался, что кто ни будь увидит его с такими сокровищами. Торопливо сунул меч в ножны, одним ловким движением закинул за спину. Наклонился, сгрёб обе половинки панциря, зацепил указательным пальцем шлем за забрало. Выпрямился, прижимая драгоценные находки двумя руками к груди. Тут взгляд упал на мешок, что неопрятной тряпочной кучкой валяется под ногами. Пренебрежительно пнул, отбрасывая с дороги, торопливо завертел головой, высматривая, нет ли где соглядатаев ...

Большой палец на босой ноге врезался во что-то жёсткое. Острая боль прострелила от пятки до макушки, Алекша непроизвольно зашипел, глупо запрыгал на одной ноге. Шлем

сорвался с пальца, влажный воздух тоненько завибрировал от удара металлом о камень.

Алекша громко охнул, скривился. Не в силах удержаться, опустил доспехи на песок, неуклюже сёл рядом. Помассировал больное место, осторожно подёргал палец - вроде всё цело, не сломал. Скосил глаза на чёртов мешок. Аккуратно, что бы лишний раз не беспокоить больной палец, на четвереньках подполз, сунул руку внутрь. Пальцы нащупали какой-то свёрток. На ощупь, вроде кожаный, туго завязан.

Осторожно, подворачивая рукой края мешка, вытащил свёрток. Оказался приличного размера, Алекша невольно удивился, как он сразу его не заметил. Дорогой меч, доспехи так привлекли его, что он просто забыл обо всём остальном.

Кожа напиталась водой, распухла так, что верёвочных завязок совсем не видно. Алекша ещё раз подозрительно оглянулся, достал меч. Мгновение любовался клинком, засверкавшим на солнце маленькой молнией, приставил лезвие к горловине, нажал и резко потянул на себя. Кусок толстой бычьей кожи срезался, как растаявшее масло. Алекша восторженно покачал головой, аккуратно убрал оружие. Неторопливо расправил края среза, стал осторожно - мало ли что там! - извлекать содержимое. На белом прибрежном песке оказался маленький, туго набитый и подозрительно тяжёлый кошелёк, мешочек с горохом - так решил Алекша на ощупь, два пергамента, свёрнутые в трубочку и свёрток из темно-красной материи.

Что в кошельке, он сразу понял - золото, и немало, а вот мешочек с горохом его озадачил. Откуда тут горсть гороха, да ещё так тщательно упакованная, словно эдакая ерунда дороже золота? Хмыкнул, стал зубами развязывать тугой узелок. Возился долго, минуты полторы. Язык и губы подозрительно защипало, начало жечь. Вытерся тыльной стороной ладони, потом рукавом, не помогло. Время уже было около полудня, солнце дышит жаром, как кузнечный горн. Едкий пот течет по лицу ручьями, он машинально смахивает ладонью. Жечь начало в глазах. Отшвырнул мешочек с проклятым горохом, принялся ожесточённо тереть лицо.

Теперь жжёт губы, язык, глаза, всё лицо горит странным огнём, как будто в кипяток окунулся. Алекша вспомнил лесную колдунью, её заморочки и хитрости, не на шутку испугался - вдруг в мешочке не горох, а колдовское сушёное зелье? Что теперь делать?

Он не вскочил, он взвился в воздух, в стремительном прыжке оказался по колено в воде. Ноги подогнулись, Алекша упал на четвереньки и принялся методично опускать лицо в воду,

энергично растирая его песком пополам с вонючим илом. Мерзкий запах проник в лёгкие, чуть не вывернуло, но странная боль оказалась сильнее и он продолжал тыкаться лицом в мутную воду, смывая и снова размазывая грязь.

Если бы кто ни будь увидел его сейчас, то решил бы, что какой-то сумасшедший молится морским богам.

Когда растёртое до банной красноты лицо запылало как раскалённая железная болванка в горне и в этом огне растворилась вся другая боль. Медленно поднялся. Несколько секунд стоял, приходя в себя, потом тщательно отплевался от всякой дряни, что попала в рот вместе с водой и побрёл к вещам. Сёл, опёрся спиной о борт драккара и долго не шевелился. Когда жжение почти прошло, не вставая вытянул руку, подтащил к себе пергаменты и свёрнутую ткань. На мешочек с колдовским горохом старался вовсе не смотреть.

Свёрнутая ткань оказалась пурпурным плащом с золотыми застёжками. Повертел, пощупал материю - хороша, но слишком тонка, не укроешься в непогоду. И какой дурак такие плащи носит?

Пергаменты обвязаны тонкими шнурками. Концы запечатаны восковыми печатями. Рисунок печати разглядеть невозможно, чём-то придавило и печати превратились в комок воска. Алекше стало любопытно, а что ж там написано, на этих пергаментах? Захотелось развернуть, посмотреть, но он с детства знал, что читать чужое нехорошо. Отложил в сторонку, отвернулся.

" Ну в чём дело, - подумал он, - какое такое чужое! Хозяина этих писем давно уже закопали или морским гадам скормили, а я тут думаю, открывать или не открывать. Вдруг там что-то важное. Да что ещё..." - отмахнулся. Разломал воск, аккуратно распутал шнурки, развернул кожаные рулончики, разложил их на песке. Что бы концы не закручивались, придавил камешками.

На одном увидел странный рисунок - квадратики, расположенные в ровную линию, по бокам треугольники и кружки. Всё фигурки нарисованы красным. Рядом с каждой короткая надпись какими-то чудными значками, Алекша таких никогда не видел. Он долго рассматривал, пытался понять, но ничего не выходило, пока не догадался повернуть пергамент боком. Теперь красные фигурки оказались слева, а под ними он узнал римские цифры. Из каждой фигурки исходят длинные изогнутые стрелы. Они упираются в другие фигурки, нарисованные чёрным на правой половине пергамента, а от них, в свою очередь, разбегаются маленькие чёрные стрелки в разные стороны. Сбоку от чудного рисунка неизвестный художник нарисовал и вовсе что-то непонятное, узоры, полосы и кривые

линии.

Второй пергаментный лист оказался заполнен длинным посланием на ромейском языке. Алекша знал язык ромеев, но не настолько хорошо, что бы прочесть и всё понять. К тому же внутрь всё-таки попало немного воды, некоторые буквы расплылись. Прочёл, что было понятно, с остальным не стал мучиться, свернул пергамент обратно в трубку, завязал шнурок. Из прочитанного понял, что это донесение о какой-то удачном сражении ромейского легиона против войска арабов, подробно рассказано о ходе боя, перечислено количество воинов, вооружение, сколько камнемётных машин и где расставлены. Красочно расписаны подвиги ромейских воинов и трусливость арабов. Алекша недоверчиво покачал головой - империя долгие десятилетия ведёт войну с арабами и далёко не всегда успешную. Если арабские воины так нехороши, то почему далека победа?

" Видать, гонец это был, не повезло... - с сомнением посмотрел на доспехи, красный плащ - но не дороговато ли для гонца такое? Не простого легионера панцирь и шлем, а подробное донесение, а план сражения?"

Он свернул пергаменты, тщательно уложил в заплечный мешок рядом с письмом Колуна. Огляделся. От долгого сидения спина затекла, охнул, выпрямляясь. Только сейчас заметил, что стоит неимоверная жара, солнце словно забыло, что пора бы сойти с небес на покой. На берёг, на притихшее море пала странная мгла, словно туман, только откуда в такую жару туман? Застывшая вода нестерпимо блестит, кажется, что это и не вода вовсе, а море колдовского зелья, затопившее землю от края до края. Низкая волна изредка медленно набегает на прибрежный песок, тяжёлая, словно расплавленный свинец и нехотя уползает обратно. Тишина, давящая до звона в ушах. Мир как будто парализован ужасом.

Алекша быстро уложил находки в мешок, пошёл прочь от драккара. В полуверсте от этого места темнеют заросли. Туда он и поспешил найти укрытие прежде, чём разразится буря. По щиколотку увязая в песке, обливаясь водопадами пота и проклиная отвратительную жару, добрался до того, что показалось ему лесом. Вместо леса увидел кустарник-перерост и низкорослые деревья, что кое-как выросли на каменистой земле.

Оглянулся - на горизонте уже появилась знакомая чёрная полоса. Сбросил мешок, достал меч и принялся яростно рубить кустарник, как будто это именно он виноват в том, что вот-вот снова начнётся гроза с ураганом.

Когда первые порыва ветра угрожающе зашумели ветвями

уцелевших деревьев, шалаш уже был готов. Он использовал для этого одно странное дерево, росшее прямо из земли четырьмя толстыми ветвями. Уложил нарубленные ветки в несколько слоёв, переплетая, как при изготовлении корзины, обложил плоскими камнями. Получился страшненький, неказистый шалашик. " Дача Бабы-Яги", - самокритично оценил свою работу Алекша. Обошёл вокруг, подумал и насовал ещё несколько толстых корявых палок на крышу, для крепости.

Спустился к воде, вымылся. Когда входил в шалаш, первые твёрдые капли дождя уже падали на песок. Порыв холодного ветра подтолкнул в спину, недовольно зашумел листвой. Алекша загородил вход плетёным щитом, подпёр камнем. Сёл, устало облокотился на мешок. За спиной коротко звякнуло железо. Несколько минут сидел не шевелясь, потом мальчишеское любопытство взяло верх. Извлёк из мешка доспехи, меч, стал рассматривать. Тщательно пригладил густые длинные волосы, примерил шлем. Потом взялся за панцирь. Долго возился, тщательно подгоняя ремни, потом попытался надеть, но помешал шлем, снял, но всё равно в маленьком шалаше надеть доспех было нелегко.

Наконец ему удалось облачиться в броню, водрузить на голову шлем и опоясаться мечом. В шалаше мог стоять только на коленях, поэтому отодвинул плетёную дверь, выбрался наружу.

Сильный ветер обрывает листья, гонит по песку сломанные ветви, воет и гудит в переплетении камней и деревьев, но он ещё не превратился в ураган. Проливной дождь хлещет сверху, словно пытается остановить бешеную пляску воздушного потока, но не получается, ветер сильнее.

Порыв швырнул пригоршню дождевых капель в лицо и грудь, частички воды забарабанили в панцирь, по шлему. Алекша опустил забрало. Мир сузился до размера прорези в шлеме и сразу стал другим.

Ливень усиливается с каждой секундой, потоки воды заливают, но Алекша не замечает ничего. Поднял забрало, посмотрел на меч. Вода бессильно скатывается с блестящей поверхности, не задерживаясь ни на мгновение. Гремит почти непрерывно, молнии будто висят в чёрном нёбе. Ослепляющий свет бьёт в булатную сталь, клинок презрительно отбрасывает прочь. Обиженно гремит вверху, новая вспышка, уже не белая, а красная от ярости, но и она отброшена также молча и равнодушно.

Странное, никогда ранее не испытанное чувство охватило Алекшу. Грудь распирало от чего-то непонятного, сердце бешено билось, грозя разбить грудь и вырваться наружу. Он задыхался. В

оглушающем грохоте грома и слепящем свете молний в него входило нечто, он почувствовал силу и уверенность, что на этот мир можно накинуть узду и править им, как тройкой лошадей. Только запрячь надо умело...

Грохнуло особенно сильно, ветер с воющим хохотом швырнул горсть мокрого песка в лицо. Песчинки звонко ударили в личину, нескольким удалось попасть в прорезь и больно хлестнуть. Алекша отвернул лицо и поспешил под защиту шалаша. Из-под брони течет в три ручья, под ним мгновенно образовалась лужа и исчезла в песке. Сухим остался только клок волос под шлемом. Алекша не чувствовал ничего. Закрыл вход самодельной дверью, прижал к земле двумя камнями. Не снимая доспехов, лёг. Влажный песок успокоительно зашуршал под спиной. Шлем глухо зазвенел, задев краешком за маленький камешек. Глаза закрылись, Алекша заснул, как провалился в беспамятство. Меч так и остался зажатым в руке.

Тихий звон внезапно возник и пропал. Снова зазвенело, ещё и ещё. Алекша непонимающе прислушался, не открывая глаз. Звон прекратился, зато послышался звук... ну, как будто кто-то очень маленький осторожно постучал палочкой по шлему.

Алекша распахнул глаза, прислушался. Стукнуло ещё раз, другой. Тоненькая холодная струйка медленно поползла по шее. В полутьме шалаша, да ещё через щель забрала ничего не видно. Коснулся ладонью прохладного ободка, стальная пластина беззвучно поднялась. Над лицом склонился свернувшийся лодочкой листок. На краю вибрирует здоровенная капля дождевой воды, вот-вот сорвётся. Алекша осторожно отодвинулся, лёгким щелчком сбил воду.

Сёл, прислушался. За стенами шалаша тихо, не шелестят ветви, не слышно шума набегающих волн. Убрал камни, удерживавшие плетёную дверь, отодвинул её. Свежий морской ветер немедленно забрался под шлем, попытался пролезть под панцирь. Затрепетали края рваной рубахи, безобразно торчащие во всё стороны. Алекша вдохнул бодрый морской воздух, потянулся со сна. Правую руку повело вниз, увидел, что всё ещё держит меч. Улыбнулся, вытянулся вверх, к нёбу. Клинок засверкал в лучах так, что глазам стало больно...

Коротко свистнуло, жёсткая волосяная верёвка упала на плечи. Рывок, петля сдавила шею, Алекшу потащило вбок. Мгновенно наклонился, поворачиваясь, резко опустил руку. Сверкающая полоса булатной стали бесшумно упала, верёвка бессильно свалилась под ноги. Неподалёку, в кустах, громко ойкнули, раздался звук падения тела. Алекша сорвал петлю, бросился в кусты.

Взмах меча, ветки срезало, словно бритвой. Увидел, как с песка вскочил человек, загорелый до черноты, в каких-то странных лохмотьях - изумрудно-зелёный жилет поверх пурпурной длинной, до колен, рубахи. Из-под полы выглядывают розовые шаровары. Обуви нет. Чёрные волосы, длинная борода дико торчат во всё стороны. Человек страшно выпучил глаза. В правой руке появилась кривая сабля, в левой сверкнул нож. Высоко подпрыгнул, с пояса свалился конец верёвки, той самой, что была накинута на шею Алекше, с визгом бросился вперёд.

Алекша оторопело отскочил, наотмашь плашмя ударил. Меч зазвенел от встречного удара саблей, шлем отозвался глухим скрежетом - лезвие ножа прошло наискось сверху вниз. От удара пластина забрала упала, Алекша перестал видеть нападающего. Торопливо замахал мечом, страшась, что незаметно пырнут ножом под панцирь, откинул забрало вверх.

Лохматый мужик в зелёном жилете кружит вокруг, не решаясь подойти ближе. Внезапно остановился. Алекша медленно опустил меч, перевёл дух. Зелёный жилет в розовых шароварах молча смотрит, опустив оружие, только как-то странно топчется на месте, будто пятки жжёт.

Стараясь не сделать резкого движения, не спугнуть, Алекша нарочито замедленно опустил меч в ножны, поднял руки ладонями к незнакомцу - смотри, мол, у меня в руках ничего...

Хотел снять шлем, кончики пальцев коснулись нагретого металла, как вдруг лохматый резко дёрнулся, розовые шаровары взметнулись, из-под ног вылетает камень, с силой бьёт в лицо Алекше. Если бы он снимал шлем чуть скорее или мужик не поторопился, острые края камня разбили бы голову.

Удар получился точным и очень сильным. Железную личину шлема буквально вмяло в лицо, из разбитого носа хлынула кровь, Алекша отшатнулся назад, упал. Он ничего не видел сквозь красную пелену, не мог дышать, просто захлёбывался в собственной крови. Понимал, что сейчас его добьют и паника захлестнула с головой.

Череп разламывался от боли, в ушах гремело и выло, он каким-то чудом учуял врага - то ли по движению воздуха, то ли по шуршанию песка. Рука метнулась на левый бок, меч железно взвизгнул, стремительно прочертил воздух дугой. Предплечье содрогнулось, хруст, вскрик...

Алекша разлепил веки, сквозь кровавую пелену на глазах увидел, что противник сжимает обломок сабли, вместо левой руки обрубок. На песок падают струйки крови и бесследно исчезают в белом. Лохматый удивлённо смотрит на кровавый обрезок выпученными глазами, взгляд поднимается вверх. Кровь

хлынула по рукаву, залила зелёный жилет, на розовых шароварах появились коричневые разводы.

Грязные пальцы разжались, перерубленная сабля выпала. Лохматый как очнулся - схватил здоровой рукой обрубок, прижал к животу и с причитаниями побежал прочь. Через мгновение исчез в кустах, ветки шелохнулись, снова замерли в равнодушной неподвижности.

Пошатываясь, удерживая одной рукой меч, другой шлем, с трудом снятый, Алекша побрёл к воде. Голубая морская вода промыла раны, унесла без следа пот, кровь и грязь. Осторожно, только самыми кончиками пальцев ощупал лицо - распухло, глаза заплыли. Протёр рваным рукавом шлем, взглянул. Из стального зазеркалья на него смотрит перекошенная рожа сказочного чудаюда, вместо глаз щёлочки, губы толстые, как у лошади, нос превратился в старый гриб подосиновик. Голова болит, в ушах непрерывно тоненько пищит комар. Алекша криво улыбнулся - было обидно и нехорошо.

Вдруг в кустах, за спиной резко вскрикнула птица. Грусть улетела, как отсечённая умелой рукой палача голова злодея. Одним быстрым движением надел шлем, большим пальцем опустил забрало, мышцы вздулись буграми на руках от длинного меча. Донеслись невнятные выкрики, шум, ветви с треском раздвинулись. Из кустов выбегают пёстро одетые люди. Мелькают сабли, ножи, у одного-двух широкие прямоугольные ромейские щиты, остальные трясут самодельными, сплетёнными из прутьев. Алекша сразу отметил, что воинских доспехов ни на ком нет, одно яркое тряпьё.

Галдящая свора увидела его, крики перешли в вопли, орава бросается в атаку. Алекша становится вплотную к шалашу. Самый первый нападающий оказался и самым глупым - он не укрывался щитом, а просто держал перёд собой, полагая, что это и есть защита. Алекша небрежно ткнул мечом прямо в разинутый рот и дурак с хрипом свалился на песок. Тут же подоспели остальные. Меч засверкал на солнце, горячий воздух наполнился криками, стоном, по белому песку потекли кровавые ручейки, на глазах исчезая.

Алекша бился спокойно, расчётливо, вовремя отступал, уклонялся от удара и точно бил в ответ. Отскакивал, кувыркался, крутился на одной ноге, другой подсекая и его противник с воплем валился на окровавленный песок с перебитой ногой - белые кости страшно торчали из открытого перелома. Наблюдателю со стороны показалось бы, что это такой странный танец с мечами, в котором партнёры один за другим падают замертво.

Такому смертельному танцу Алекша научился у разбойников. Однажды увидел, как они поочерёдно отплясывают странный танец - приседают, прыгают, кувыркаются вперёд и назад, крутятся на одной ноге, потом тоже самоё проделывают в тяжёлой броне с оружием. Остальные стоят вокруг пляшущего, ритмично хлопают в ладоши и выкрикивают - гоп, гоп, гоп! Он никогда такого не видел и ему показалось, что это какой-то тайный разбойничий ритуал, причём разбойники занимались такой странной пляской каждый день, а если скоро предстояла схватка с охраной купеческого каравана, то плясали часами, а потом без сил падали на землю и мгновенно засыпали.

Алекша выбрал подходящий момент и спросил атамана вольных людей, так называли себя разбойники, что это за пляски такие? Атаман Удал ответил коротко:

- Гопак.

- ???

Удал усмехнулся.

- Всё вокруг гопают, вот и гопак! Мы не сражаемся в сомкнутом строю, как княжеские дружинники. От смертельного удара спасает не броня - не у каждого она есть - а быстрота и ловкость. Оружие - всё тело, от пяток, которыми можно сломать ногу или проломить голову, до рук, в которых щит и меч.

Удал ушёл, а Алекша долго смотрел, как тренируются до полного изнеможения те, кого он до сегодняшнего дня воинами вовсе не считал. Он поклялся, что научится этому танцу и будет плясать лучше всех...

Снова захватило то странное спокойствие, которое он впервые почувствовал в схватке с речными разбойниками неделю назад. Наблюдавший за боем Колун счёл, что Алекша задумался о чём-то - это в смертельном бою! - а когда узнал, что он умеет писать и читать, и даже счёту обучен, то решил, что парень чего-то там вычисляет, попутно отмахиваясь от нападавшего, как от надоедливого насекомого. Для неграмотного Колуна такое объяснение было правдоподобно, но Алекша знал - дело в другом. Что-то внутри его говорило - ты победишь, ничего не бойся и он не боялся. Вот и сейчас знал, что победит, хотя врагов чёртова дюжина...

Чудесный харалужный меч ломал сабли как игрушечные, легко разрубал самодельные кожаные доспехи с нашитыми конскими копытами, в которых были двое нападавших, примитивные плетёные щиты разваливались на куски после первого же удара. Оставшиеся в живых четверо в панике бросились бежать и только один, с настоящим ромейским щитом и мечом продолжал сражаться. Он ловко парировал удары щитом,

отбегал, уворачивался, кружил вокруг, как волк - выжидал подходящего момента.

Алекша взглянул в спины и понял, что они скоро вернутся с подмогой и тогда конец - забросают копьями или просто камнями. Решил схитрить - когда противник ударил, принял меч на грудь. Остриё не пробило панцирь, но Алекша вскрикнул, упал на колено, упёрся рукой в землю. Нападавший счастливо заверещал, торопливо бросается вперёд. С торжествующим воплем заносит меч для смертельного удара. Алекша падает на спину, делает подсечку, да так, что обе ноги переламываются, будто лучинки. Противник падает, как подрубленный. Булатный меч сносит полголовы - не вставая, Алекша рубанул наотмашь.

Отличный ромейский щит, широкий и длинный, чуть не в рост человека, лежит совсем рядом. Подхватил, левая рука юркнула в петли, как в родное гнездо и замерла, надёжно укрытая прочным деревом и железом. Алекша свирепо раздул ноздри, окинул взглядом ещё колыхающиеся ветви кустов. Он чувствовал себя непобедимым воином, искал врага. Посмотрел на убитых в схватке, опустил глаза ниже. Только сейчас понял, что у непобедимого воина нет сапог, он босой, по-простому - босяк. Разбитые в кровь ноги жжёт горячий песок, острые камешки колют, словно маленькие ножики. К сожалению, нападавшие тоже оказались босяками. Зато у некоторых головы замотаны цветными тряпками. Алекша торопливо сорвал тряпьё, замотал ноги. Получилось глупо и смешно, но сейчас не до красот.

Не мешкая, бросается за убежавшими. Кровавые следы тянутся через кустарник, пересекают небольшой пустырь, снова пытаются спрятаться в кустах и выводят на пригорок, с которого Алекша видит в полусотне шагов впереди маленькое поселение. Полтора десятка хижин, построенных из прутьев, обломков корабельных досок, деревьев и прочего мусора, что выносит море на берёг. Стены ужасных хибар вымазаны снаружи глиной пополам с чёрным илом. Лёгкий встречный ветерок несёт тяжёлый запах тухлятины.

В центре грязной деревеньки беснуется толпа. В окружении десятков людей неопределённого пола и возраста стоят сбежавшие с поля сражения и что-то горячо рассказывают, быстро размахивая руками и перебивая друг друга. Вокруг орут, машут палками, какими-то короткими верёвками, Алекша не понял, что это такое. Зато у других увидел самодельные короткие копья - ножи на палках.

Ясно, что галдящая толпа вот-вот побежит за ним отомстить за убитых. Убегать и прятаться от немытых придурков не хотелось. Не раздумывая, бросается в атаку.

Его заметили, когда до толпы оставалось шагов двадцать. Десятки глоток одновременно заорали так, будто увидели трёхголового змея и тотчас по щиту и шлему забарабанили камни.

" Пращи, - понял Алекша, - не верёвки, а пращи..." Коротко взмолился всём богам, что взял щит - без него пришлось бы очень туго. Несколько камней попало по ногам, но нелепые тряпки смягчили удар. Ещё несколько мгновений и неровная стена перекошенных криком лиц, грязного тряпья и оглушительного визга приблизилась вплотную. Не глядя, крест-накрест рубанул, молниеносно повернулся на одной ноге, как в разбойничьей пляске, меч в вытянутой прямой руке. Воздух засвистел, рассекаемый на куски, по земле застучало, будто спелые груши посыпались.

Крики оборвались, толпа бросилась врассыпную в полной панике, как решил Алекша. Оглянулся. Вокруг валяются разрубленные тела, уцелевшие стали в круг шагах в десяти. У всех в руках те самые верёвки - пращи. Торопливо раскручивают над головами, воздух шелестит от десятков вращающихся пращей. Вот один камень сорвался, другой, третий ... каменный град обрушился на Алекшу. Торопливо присел, укрылся щитом. Камни непрерывно барабанят по броне, щиту, больно бьют по ногам. Шлем оглушительно звенит и кажется, что вот-вот рассыплется. Вместе с головой.

Оглохший от звона, шатающийся от града ударов, Алекша понял, что ещё немного и его просто забьют камнями подростки и женщины. Оставаться на месте нельзя. Бросается вперёд, толпа расступается, град камней обрушивается на спину. Врывается в хижину. В тёмном вонючем жилище ничего не видно. Встает в проходе, щит надёжно укрывает от ударов. Алекша всмотрелся в тех, кто швыряется камнями - да, в основном подростки, даже дети, много женщин. Старичьё в сторонке сбилось маленькой кучкой и подбадривает дребезжащими голосами молодёжь.

Удивил внешний вид людей - одеты по-разному, кто во что. Славянские рубахи, римские тоги, ромейское платье и халаты кочевников - всё перемешалось в самом диком сочетании. В Киеве он насмотрелся на самых разных людей, знал, что каждое племя одевается в соответствии со своими законами и традициями. По одежде легко определить профессию, достаток, какое положение занимает он в обществе, женат, холост, единственный сын и наследник или нет и так далее... Здесь не понятно ничего. Эти существа похожи скорее на животных, ряженых глупым дрессировщиком под людей.

" Да ведь это грабители! - вдруг понял Алекша, - это племя,

живущее воровством и грабежами. Мужчины ватагой нападают на малые караваны или одиноких путников, женщины и дети собирают то, что принесёт волна на берёг. Они не возделывают землю, не строят, они ничего не создают, а только потребляют". Он слышал, что есть на свете племя, в котором труд считается позором, а воровство и обман - добродетелью. Самого подлого вора избирают вождём. Это племя - мерзкая воровская шайка - бродит по земле, клянчит милостыню, ворует, продаёт дурман-траву, кривляется на ярмарках для потехи простонародья. Возникают эти твари только там, где живут и трудятся люди, где можно обмануть, предать, ограбить. Это плесень, существа паразиты...

Ощутил движение за спиной, резко обернулся, шагнул в сторону и прикрыл грудь щитом. Сверкнуло, острое железо ударило в верхний край. Рука со щитом поднялась выше, лезвие с неприятным скрежетом скользнуло вниз, рубанул в ответ, не глядя. Почувствовал, как острая сталь рассекла мясо, кости, застряла в середине. Резко дёрнул меч, тело ударилось о щит, упало под ноги.

Опустил глаза. Худая смуглая рука ещё сжимает кривой нож, глаза закатились, белки неприятно светятся в темноте. Да это старуха! Алекша с досады плюнул, но вины не ощутил - старуха хотела нож в спину всадить, он защищался...

Глаза успели привыкнуть к полумраку, разглядел ворох тряпья в углу, грубый очаг из булыжников и глины, кучу дров, какие-то горшки, плошки. Людей в хижине больше не было. Всё грязно, дурно пахнет потом, испражнениями.

Толпа снаружи взрывается новыми криками, визгом, как будто всех разом шилом кольнули. Алекша быстро поворачивается. Камни больше не летят. Взгляд снова упал на убитую, стало стыдно, но что теперь поделаешь? Он думал, что хижина пуста, не ожидал нападения, и вдруг на тебе, нож в спину! Любой станет отмахиваться чём попало.

За тонкой стеной послышалось пыхтение, топот. Алекша решил, что сейчас попытаются ворваться. Поднял щит, изготовился для разящего удара мечом.

Внезапно в хижине стало темно. Вход быстро накрыли щитом из корабельных досок, подпёрли бревном. Торопливые шаги, шорохи продолжали доноситься снаружи, потом тонкие стенки хижины стали сотрясаться от ударов - их начали забрасывать.

" Сжечь хотят, гады, - догадался Алекша, - сейчас подпалят и конец!" Огляделся, начал бить по стенам, потом разбежался и ударил всём телом. Хижина затряслась, сверху посыпалась труха, пыль, но устояла. Снаружи послышались довольные возгласы,

крики, кто-то злорадно засмеялся.

Хижину подожгли сразу с трёх сторон. Пересушенное дерево запылало, огонь кинулся вверх и крыша расцвела оранжевым цветком. С потолка посыпались искры, горящие головешки, вначале редко, затем чаще и вот уже огненный дождь обрушился.

Алекша закрылся щитом, в отчаянии оглянулся. Заметил, что в одном месте стена почти прогорела, осталось ещё чуть-чуть. Не раздумывая, бросается вперёд, выставив щит как таран. Крыша страшно затрещала, начала сыпаться, огненный дождь обрушился на голову, плечи, шлем и панцирь, и без того уже горячие, мгновенно раскалились. Едва сдерживая крик боли, Алекша врезается в огненную стену…

Собравшиеся дикари увидели, что горящая хижина словно взорвалась. В огненном облаке появился воин в сверкающих доспехах. Он пролетел по воздуху сажени две, упал на землю, перевернулся через голову, вскочил на ноги. Сверкающая броня коснулась чей-то отрубленной руки, лужицы непросохшей крови. Зашипело, лужица в мгновение испарилась. Воин страшно закричал, сверкнул длинный меч.

В толпе оборвались крики, всё замерли в ужасе. Воровское племя ждало зрелища казни, криков, стонов, мольбы о пощаде. Вместо этого из пламени вырвался огненный воин. Он врезался в неподвижно стоящих зрителей и огромный меч замелькал в воздухе с необыкновенной скоростью. Кровь из страшно разрубленных людей потоками хлынула на песок, от сверкающего металлического круга полетели отрубленные головы, руки, рассечённые пополам тела начали падать одно за другим.

Две трети было убито, прежде чём остальные опомнились. Мужчины, женщины, дети бросились в разные стороны, дико крича от страха, но то ли ослабели от внезапного ужаса, то ли бегать не умели, только воин из огня легко догонял и рубил всех подряд. Никто даже не пытался сопротивляться…

Железо брони нестерпимо жгло, остатки рубахи и штанов горели прямо на теле. Алекша ничего не чувствовал, кроме боли от сгорающей заживо плоти. Он вылетел из огненной хижины, споткнулся о камень, упал, перекувыркнулся и вскочил. От плеча раздалось шипение, завоняло жжёным мясом и кровью. Крича от боли, бросился на толпу. Горячий щит отшвырнул за ненадобностью, крепко сжал обеими рукам меч. В узкой прорези забрала замельтешило, появлялись и исчезали с необыкновенной скоростью какие-то люди в ярком тряпьё, перекошенные страхом лица. Чужая кровь залила глаза, потекла по груди, по ногам и рукам. Боль от ожогов сразу стихла, панцирь перестал жечь. Вместе с кровью в тело словно вливалась сила, ярость. Алекша

чувствовал себя, как волк в стае кроликов - меч, словно огромный клык рассекал мягкие податливые тела на кровавые куски, нигде не встречая сопротивления.

Кровь на лице густеет, плохо видно. Сорвал шлем, бросил на землю. За спиной послышалось всхлипывание, невнятное бормотание. Обернулся, как дикий зверь, наотмашь рубанул. По мечу лёгонько стукнуло, звуки пропали. Краем глаза успел заметить что-то маленькое, в пёстром тряпьё, наверно ребёнок - и чёрт с ним, гадёнышем, пусть не хнычет...

Боль от огня медленно стихла, вместе с ней ушла и судорога, что скрутила тело в тугой жгут мяса и жил. Полусогнутые ноги выпрямились, он вытянулся во весь рост. Меч неторопливо опустился, остриё мягко вошло в песок. Слабый ветерок с моря провёл по лицу прохладной лапой, влажные от пота волосы коснулись щёк, тронули за шею. Потоки солёного пота с кровью мешают широко раскрыть глаза, провёл по лицу рукой. Пепел от сгоревшей рубахи смешался с потом и кровью, получилось только хуже. Зарычал с досады, схватил с пола тряпку, из неё что-то выкатилось, вроде как голова, ожесточённо протёр глаза, отшвырнул.

Вокруг никого, на истоптанном сотней ног песке валяются руки, головы, порубленные туловища, тряпки и везде кровь, кровь... Прямо под ногами лежит мёртвая женщина, разрубленная от макушки до задницы, напополам. Дерьмо, кишки, всё содержимое внутренностей выползло наружу, вьются радостные мухи, вонища!

Алекша почувствовал, что ещё чуть-чуть и его вырвет. Торопливо зашагал прочь, спотыкаясь на отрубленных руках и головах, что повсюду. Пару раз под ногами омерзительно захрустели детские головы, чвакало, липкая гадость выдавливается на песок... Не утерпел, сблевал так, что чуть наизнанку не вывернуло. С трудом выплевал липкую дрянь, вытерся. Присел на колоду для рубки дров, бессильно прислонился к стене хижины. Обожжённая спина в ответ стегнула такой болью, что чуть не взвыл. Тошноту и сожаление о том, что натворил вгорячах, вышибло из нутра, как стрелу из арбалета. Подскочил, руки сдавили меч, который так и не убрал в ножны. Короткий стон прорвался сквозь сжатые зубы, превратился в выдох.

Повернул голову к морю, ветер опять взъерошил волосы, солнечные блики на миг ослепили. Сделал первый шаг, вдруг услышал непонятные звуки. Обострённое чутьё подсказало, что кричит человек, только как-то странно, будто из-под земли.

Алекша осторожно двинулся вперёд, стараясь определить,

откуда исходят странные крики. На всякий случай надел шлем, поднял с земли плетёный из прутьев ивы щит - хоть и плохонькая, но защита, а то мало ли что.

Крики доносились с другого конца поселения, из-за полосы чахлых кривых деревьев, растущих прямо на камнях. Залез на плоский булыжник, похожий издалёка на лежащую корову, с него перепрыгнул на другой, третий. С вершины четвёртого, последнего увидел страшную картину - круглый пустырь, по краям торчат колья, несколько вкопанных в землю брёвен с поперечиной на вершине, перёд вкопанными брёвнами на коротком столбе установлено грубое колесо, на нём распят человек. На кольях тоже люди, на брёвнах висят женщина и трое детей. Всё уже давно мертвы, тучи зелёных мух облепили тела, над пустырём стоит тяжёлый запах разлагающихся трупов.

Подошёл ближе. Бросилось в глаза, что на огромном колесе распят мужчина. На теле нет заметных повреждений, если не считать отрезанных век. Алекша взглянул на женщину, детей и понял, что здесь казнили семью. Руки и ноги отца семейства развели в стороны, прибили железными кольями к колесу. Жену и детей распяли на крестах. Веки отрезали, что бы отец не закрывал глаза, что б всё время видел, как умирают его жена и дети.

Алекша знал, что такие казни были в обычае хазар, но не всех, а диких, тех, что не приняли иудейскую веру. Верховный хан Обадий приказал изгнать отказавшихся и они мстили соплеменникам, устраивая такие вот "семейные" казни. Но здесь не хазары!

Всё трупы лишены одежды, обезображены и невозможно понять, какого племени.

Внезапно странный крик раздался снова. Алекша чуть не подпрыгнул от неожиданности, ему почудилось, что некто кричит прямо из-под ног. Растерянно завертелся на месте, осматривая пустырь, пару раз мазнул взглядом мёртвых - уж не из них ли кто?

Под ногами громко треснуло, остро кольнуло пятку. Отскочил, выставил перёд собой меч, прислушался. Увидел, как сухой песок с шуршанием стал осыпаться, образовалась ямка, показались неошкуренные палки, сплетённые в прямоугольник. Крики доносились из-под этой крышки.

Убрал меч в ножны, подошёл, дёрнул за угол. Крышка поддалась. Потянул сильнее, сухие прутья затрещали, крышка пошла вверх, посыпался песок, пыль. Алекша упёрся, надвил обеими руками.

Поднимая клубы пыли, крышка отвалилась и глазам предстала большая тёмная дыра в земле. Что в глубине, не видно,

всё заволокло густой пылью. Отбежал в сторонку, чтоб не дышать самому этой дрянью. Ветер с моря унёс пыльное облако. Алекша подошёл ближе. Пыль в яме долго ещё не хотела укладываться, но всё же постепенно успокоилась и сквозь мутную пелену Алекша разглядел согнутую фигуру. Человек сидит на корточках, опустив голову и прикрывшись руками. Может, ударов ждёт камнями или от солнца закрывается, отвык от дневного света.

- Эй! - негромко позвал Алекша.

Человек медленно опустил руки, поднял голову. Алекша внутренне содрогнулся - на него смотрит лицо, обтянутое кожей, ну просто череп. Тусклые карие глаза несколько мгновений рассматривали его с ног до головы, в них появилось удивление и опаска. Тонкие бесцветные губы медленно разомкнулись, тихо прозвучал голос:

- На тебе имперские доспехи. Ты кто?

Алекша пожал плечами.

- Да так, путешествую. Доспехи не мои, нашёл случайно. На меня напали какие-то уроды, ну, отбился вот...

- А где твои друзья? - снова прошелестело из ямы.

- Один я, - вздохнул Алекша, - мы на струге шли, из Киева в Царьград, да в бурю попали ну и, ... в общем, я один выбрался на берёг.

- Ты выплыл в доспехах и в одиночку перебил всё племя прибрежных разбойников? Ну-ну...

- Да что ты допрашиваешь меня, чудо подземное! - разозлился Алекша. - Ух ты, ... спрашивальщик из ямы!

- Не сердись, незнакомец, - поспешно ответил человек в яме, - дивно мне, что так просто всё получилось у тебя.

- Вовсе не просто! - огрызнулся Алекша, - я дважды чуть не утоп, раз едва не засыпало грязью в какой-то норе, потом эти черномазые набросились, ни за что убивали, живьём в избе сжечь хотели, а ты - просто, просто...

- Да, - печально произнёс тихий голос из ямы, - это они умеют - убивать и мучить ни за что... Ты поможешь мне выбраться?

Алекша огляделся, увидел валяющуюся неподалёку грубо сколоченную лестницу. Подтащил, осторожно опустил в яму. Пленник медленно, с трудом, вылез. Несколько минут сидел на песке, отдыхая. От исхудавшего до состояния скелета пленника дурно пахло. Алекша обошёл его с наветренной стороны, постоял, спустился к воде. Пленник понял, печально улыбнулся, ничего не сказал.

Алекша смыл с себя грязь и копоть, засохшую кровь. Обожжённые места уже покраснели, покрылись волдырями. Опять стало невыносимо жечь, а тут ещё и солнце запалило как

нарочно. Злой, раздражённый вернулся. Шлем и панцирь надевать не стал, принёс в руках. Пленник посмотрел на него, тихо произнёс:

- В стороне от посёлка стоит хижина местной знахарки, узнаёшь по разноцветным тряпкам у входа. Посмотри в ней.

Когда Алекша вернулся с горшочком топлёного жира, похоже, крысиного, пленник вертел в руках доспехи, особенно внимательно рассматривал шлем. Заслышав шаги, отложил в сторону, повернулся.

- Непростые доспехи, - произнёс он, - расскажи, как они попали к тебе. И откуда ты знаешь мой язык, ты ведь не ромей?

- Конечно, не ромей, - ответил Алекша, размазывая дурно пахнущий жир по телу. - Учился я у ромея вместе с княжичами на дворе боярина Твердослова. Узнал грамоту, счёт ... фу, дрянь вонючая... могу говорить по-вашему. А про доспех уже рассказал, добавить нечего.

- Меня зовут Вард Фока, а тебя? - спросил пленник.

- По-нашему Алекша, по-вашему - Александр. Ты кто, Вард Фока? В Константинополе давно был?

- Кто ты и откуда? - спросил пленник. - Ты не простолюдин.

Он перестал опираться исхудавшими руками о землю, выпрямился. Темно-коричневые глаза широко раскрылись, пробежали по лицу, длинным светлым волосам и остановились, встретившись с прямым взглядом синих славянских глаз.

- Я ж сказал тебе, что учился у ромея, с княжичами, - ответил Алекша, песком счищая с ладоней крысиный жир, - сам я боярского роду, тятенька погиб в сражении с половцами, маменька ещё раньше померла. А о Византии и городе императора Константина в книжках читал. И о базилевсе Василии читал, вот так. Ты сам-то кто будешь и чего в яме оказался, а?

Тёмные глаза погасли, сморщенные веки опустились, наполовину закрыли их. Тонкие, обтянутые провисшей кожей руки бессильно упали на землю. Пленник по имени Вард некоторое время молчал, потом тихим голосом стал рассказывать.

Долгие столетия Восточная империя ведёт изнурительные войны с ордами диких варваров. Война стала обычным делом для ромеев, они даже научились ладить с варварами, которые с любопытством детей взирали на могущество и технологии ромеев и сами хотели стать такими. Варваров начали принимать на службу - сначала в войско, а потом и на службу в имперскую администрацию. Довольно быстро дело дошло до того, что варвары, теперь уже бывшие, стали занимать высокие посты в Восточной империи и даже - подумать только! - становились

императорами, да ещё какими!

В жилы дряхлеющей империи вливалась свежая кровь, славянская. Греки, когда-то бывшие титульной нацией империи, постепенно отходили на второй план. Но вот где-то далёко на юге зародилось и стало стремительно распространяться новое учение - магометанство, по имени его создателя - Магомета. Под арабским именем ислам - покорность - новая религия стремительно расползлась вдоль южных и восточных границ империи, она объединила в единое целое сотни разрозненных до этого арабских племён. Сотни тысяч новообращённых покорных новоявленный пророк призвал под зелёное знамя и приказал завоёвывать мир, дабы принести свет истинной веры людям севера и запада, погрязшим во тьме и пороках. Новый пророк был невежественным фанатиком, потому завидовал людям образованным и культурным. Для начала его последователи расправились с собственной арабской культурой и наукой. Как память остались только цифры - условные обозначения математических понятий.

Уничтожив свою цивилизацию, «покорные» принялись уничтожать чужую и повсюду насаждать " светлое и вечное", при этом беззастенчиво грабя покорённые народы и сам основатель новой веры требовал себе десятую часть от всего награбленного. Бывший свинопас скромностью не отличался и передал это свойство своим последователям.

Для империи наступили трудные времена. Фанатики не шли ни на какие компромиссы, они желали одного - уничтожить всех, кто думает иначе. И началась самая длинная и кровавая война за всю историю Восточной империи. Война шла непрерывно, с перерывами в несколько лёт после очередного разгрома орд покорных. Потом они собирались снова и опять начиналась бойня.

Трудности войны заставили империю искать союзников и не только на севере, у русских славян, но и на востоке - не всё склонили головы перёд «покорными». Многие племена не пожелали принять новую веру. Одним из таких племён были хуррамиты - кочевники, сохранившие обычаи предков. Империя хотела заключить союз против «покорных» и с этой целью к вождю хуррамитов Бабеку было отправлено посольство. Союз с хуррамитами был очень важен для ромеев и потому возглавил его один из наиболее влиятельных сановников империи - сенатор Корнелий.

Вард Фока был старшим сотником - кентархом. Служил в северной тагме - касте пограничных войсках на границе империи с кочевыми болгарами. Частые схватки с кочевниками, из которых

кентарх всегда выходил победителем, прославили его имя так, что о нём узнали при дворе базилевса и когда встал вопрос об охране посольства, направляемого к дикарям кочевникам, сенатор заявил, что доверит свою жизнь только кентарху Варду Фоке. Сенатор презрительно отверг всех кандидатов от схолы - касты императорской гвардии. Начальник канцелярии базилевса - сенатор Марцеллий согласился. Он лично написал письмо стратигу Михаилу, командиру северной тагмы, в котором просил направить в столицу Варда Фоку и его двести пятьдесят солдат - лучших в тагме пограничников.

Стратиг исполнил просьбу и вскоре три дромона - военных парусно-гребных кораблей - отправились в путь. На борту первого находилось посольство во главе с сенатором, его дорифоры - телохранители, назначенные лично Вардом и сам кентарх. На двух остальных судах расположились солдаты его отряда.

Недолгое плавание вдоль берега моря завершилось на четвёртый день. Дромоны бросили якоря в сотне метров от берега, где их уже ждали сопровождающие от хуррамитов. Торжественное шествие посольства империи было назначено на утро. Были закончены последние приготовления к завтрашним переговорам, как вдруг налетел песчаный ураган. Облака густой пыли закрыли ночное нёбо, сильный ветер сорвал дромоны с якорей, как игрушечные и потащил в бушующее море. Капитаны кораблей сразу потеряли друг друга из вида. Непроницаемая пыль ослепила экипажи, волны высотой со стены константинопольской крепости расшвыряли дромоны.

Шторм продолжался всю ночь. С рассветом на измученных, готовых к смерти людей обрушился холодный ливень. Кучи песка, которые намело за ночь, смыло. Ураган немного притих, но черно-белые от пены волны продолжали безжалостно терзать дромон. Несколько раз на горизонте появлялась и исчезала тёмная полоса неведомой земли.

К исходу суток военный дромон представлял жалкое зрелище - ветер выдрал мачту с парусом, едва не разворотив днище и теперь там зияла кое-как заделанная дыра. Вёсел не осталось, их переломало и смыло за борт. Вода залила продукты, попала в кувшины с пресной водой. Вард не досчитался половины людей, исчез капитан корабля. Те, кто выжил, были ранены и обессилены. Некому было даже подняться на корабельную башню - ксилокастру, что бы наблюдать за морем.

Беспомощный дромон ещё сутки плыл по воле ветра, пока шторму не надоело играться с кораблём. Ветер затих и волны вытолкнули полузатопленное судно на пустынный берёг. Никто из выживших не знал, где они. На берегу оказали помощь

раненым, легли спать.

Утро следующего дня разбудило Варда диким криком. Ошалело подхватился, вскочил, рука привычно метнулась на левый бок и ухватила пустые ножны - меч исчез! Поднял глаза, увидел убегающего оборванца в странных розовых шароварах. Оборванец размахивал его парамерионом - одноручным мечом, стандартным вооружением пограничника. Не раздумывая, выхватил из потайного кармана нож, без размаха метнул.

То ли от усталости, то ли от волнения, только нож вместо затылочной выемки попал в голову. Острое, как бритва, лезвие отсекло левое ухо. Оборванец выронил меч, завизжал, запрыгал на одном месте, тонкий фонтан крови хлынул из широкого разреза на белый прибрежный песок.

Дикий полузадушенный крик повторился. Вард обернулся - в нескольких шагах на спящего солдата напало двое неизвестных. Один зажимал грязной ладонью рот, другой пытался удержать вырывающегося солдата. Второй нападавший резал горло, держа тупой ржавый нож обеими руками.

Вард зарычал, подскочил к нападающим, ударом тяжёлого кулака размозжил череп первому, второму одним движением свернул тонкую шею. Мерзко хрустнули позвонки, убитый тряпичной куклой свалился на землю.

И тут водопад криков обрушился со всех сторон. Кричали набегавшие отовсюду люди в разноцветном тряпьё. Они размахивали кривыми саблями, топорами и мечами, визжали и вопили. Быстрые, как крысы, подбегали к ещё плохо соображающим людям, убивали. Кое-где уже начались драки над убитыми из-за дележа добычи.

На тех, кто оказывал сопротивление, набрасывались кучей, били в спину, куда попало, а потом радостно прыгали на трупе. Раненых добивали, грабили.

Вард схватил валяющийся под ногами топор, с криком бросился к группе солдат, что стали в круг и отбивались от наседающих врагов.

Бой длился недолго, раненые и усталые люди не могли оказать серьёзного сопротивления. Убитые солдаты падали один за другим. Вард держался дольше всех, но и он вскоре получил сильный удар, сознание покинуло его ...

Сколько прошло времени, не мог сказать. Очнулся привязанным к столбу. С трудом разлепил залитые кровью веки. Вокруг пустырь, стоят и сидят пёстро одетые мужчины и женщины, дети. На самом краю пустыря в землю вкопаны столбы с перекладинами, одно, сильно укороченное, с большим тележным колесом. На столбах с перекладинами распяты люди -

его солдаты, из тех, что остались живы. Они сильно избиты, руки и ноги неестественно вывернуты, прикручены к перекладинам. На тележном колесе лежит странное тело, без рук, без ног, только голова безжизненно откинулась набок. Вард всмотрелся - это был сенатор, вернее, то, что осталось от него. Из страшных красно-коричневых дыр медленно вытекали последние капли крови.

Вард закрыл глаза, попробовал отвернуться и сразу лицо ожгло хлёстким ударом. От неожиданности дёрнулся, зажмурился, потом открыл глаза - слева от него стоит подросток с плетью в руке и что-то требовательно лепечет по-своему, кивая лохматой головой на казнённых.

" Хочет, чтоб смотрел!" - догадался Вард. Оценил расстояние до лица мальчишки, поглубже вдохнул и со всей силой плюнул. Гадёныш никак не ожидал такого, подпрыгнул, завизжал. Худые, грязные руки выхватили из лохмотьев кривой нож, мальчишка замахнулся...

" Вот и хорошо, - мелькнуло в сознании, - сейчас всё кончится". Выпрямился, насколько позволяли верёвки, бесстрашно взглянул в глаза своему убийце.

Мелькнула мужская рука, фигура в разноцветных тряпках на миг заслонила мальчишку с ножом. Несколько быстрых движений и юный палач упал на песок, вереща от обиды. Мужчина что-то крикнул, показал грязным пальцем за спину мальчишке. Тот обернулся и сразу замолчал. Вард тоже посмотрел туда. Вдалеке, на небольшом возвышении стоит группа людей, одетых чуть приличнее остальных и среди них тот самый оборванец в розовых шароварах. Но теперь он в своих розовых штанах выглядел гораздо богаче остальных и Вард догадался, что его швыряльный нож отсёк ухо не простому разбойнику.

Розовые шаровары требовательно замахали руками, что-то крикнули. Мальчишка с плетью тот час убежал. Розовые штаны ещё раз крикнули и толпа взорвалась радостными криками. Стоящие на пустыре женщины, старушня и дети начали торопливо швырять камнями в ещё живых распятых людей, при этом каждый удачный бросок встречался одобрительными возгласами.

Вард судорожно вздохнул, отвернулся. Его оставили на десерт, понял он. Не повезло!

После окончания бесчеловечной экзекуции Варда грубо сняли со столба, швырнули в яму. Удачно - при падении не поломал кости.

- Я уже вторые сутки сижу в яме, как вдруг появился ты и вытащил меня, - закончил он свой рассказ.

Алекша покрутил головой.

- Да, попал ты... А что дальше будешь делать?

Ромей медленно поднялся, помогая себе руками. Было хорошо видно, как они дрожат от напряжения.

- Для начала вымоюсь, а то воняет от меня, почти как от тебя.

- Чо?! ... кхе ... - едва не подавился воздухом Алекша, - да я лечусь от ожогов, понял!

- А я сидел в грязной яме и нечего было рожу кривить, когда увидел меня, вот так! - парировал ромей, - кстати, вон там, за кустами вроде как козы пасутся. Прибей одну, пока я вымоюсь, а?

Его новый знакомый уже давно исчез из виду, а Алекша ещё сидел на песке, надутый и злой. Наконец отшвырнул горшок с вонючей мазью, побрёл к кустам, тихо бормоча про себя ругательства. Донеслось едва слышное блеяние, Алекша встрепенулся, достал меч, бросился в кусты.

Поздним вечером Алекша и Вард сидят у догорающего костра. Рядом аккуратной кучкой сложёны дочиста обглоданные кости, содранная шкура козы топырится на двух рогатках.

- Ты ещё не придумал, как отсюда выбраться? - спросил Алекша.

Вард пожимает плечами.

- Я не знаю, где мы. Придётся идти вдоль берега, может, найдём кого-нибудь.

- Ага … таких же, что тебя в яму посадили, а меня чуть живьём не сожгли, - скривился Алекша. - В мешке есть какие-то пергаменты, нашёл вместе с доспехами. Посмотри?

Вард развернул рулоны, долго рассматривал - в сумерках уже плохо видно - бормотал про себя, хмыкал, потом радостно «агакнул», схватил тлеющую ветку, раздул огонь и склонился над листом пергамента.

- Ну что, - нетерпеливо спросил Алекша, - нашёл чего?

- Нашёл, нашёл ... - забубнил Вард. Он вскочил на ноги с развёрнутым пергаментом, завертелся на одном месте, осматривая затухающий горизонт. - Та-ак, где у нас запад? Вот у нас запад, значит, в той стороне север, а там юг, та-ак... Ага! ... Чёрт, не видать ... вот, есть!

- Да чего нашёл-то, объясни толком! - рассердился Алекша.

Вард повернул довольное лицо, блестящие от радости глаза встретились с недоумевающим взглядом русича.

- Я нашёл место, где мы сейчас находимся, - сказал он.

- Эка радость, - хмыкнул Алекша, - я вот тоже его нашёл и сижу тут.

Вард засмеялся, сёл рядом.

- Ты не понял, я нашёл его на карте. На этом пергаменте нарисована карта! Ну, это такое маленькое изображение

местности. Смотри! - он расстелил пергамент на песке. - Вот схема сражения, а вот карта местности, где это сражение произошло. Если сориентировать карту по сторонам горизонта и внимательно посмотреть вокруг, то можно понять, где мы сейчас. Если на карте всё подробно нарисовано, то сделать это очень легко.

Алекша с сомнением посмотрел на закорючки и чёрточки, недоверчиво произнёс:

- Так, ты знаешь, где мы. И что? Как до Царьграда-то добираться, мне туда!

- До цард ... тьфу! …. до Константинополя далёко, до него плыть надо. В пяти-шести суточных переходах отсюда наша крепость. Нам надо добраться до неё, а там видно будет.

- Ты это всё из карты вычитал?

- Да, это просто. Если хочешь, я по дороге тебя научу.

- Ладно, - почесал в затылке Алекша, - только сначала надо всех коз доесть, идти-то далёко! Там их ещё три осталось.

- Ты прав, - согласился Вард, - доедим коз, запасёмся мясом - и вперёд!

Он ловко скрутил пергамент, сунул в мешок, потом улёгся на тёплый песок и сразу заснул. Алекша долго возился, беспокоили обожжённые места, никак не мог успокоиться. Уважительно посматривал на худую спину ромея.

" Как он назвался - кентарх, командир сотни пограничников, что ли? - думал Алекша. - Как много знают воеводы ромейские, карты читать умеют. Наверно, с детства учатся всему. А мне вот к купцу какому-то в сторожа ночные наниматься надобно. Тьфу, зараза! Э-эх ..."

Они задержались в посёлке прибрежных грабителей ещё на два дня. Похоронили в братской могиле убитых солдат, немного отъелись на козьем мясе, отдохнули и на третий день тронулись в неблизкий путь. Вначале шли пешком, потом ромей предложил бегом. Алекша согласился и с этого времени только бежали. Путь пролегал вдоль берега, по ровным песчаным пустырям и бежать легко. Делали короткие остановки на отдых и бежали дальше. Скоро доели остатки козьего мяса, перешли на подножный корм - рыбу, выброшенную на берёг, чаёк, если удавалось подбить и прочую живность, которую только видели. Часто ели мясо сырым - не хотели готовить, торопились.

Ромей быстро поправлялся, креп и скоро превратился в сухощавого, жилистого мужчину немногим старше двадцати лёт. Движения стали точными, резкими, голос окреп, в нём слышалось железо.

Вард с растущим уважением приглядывался к попутчику.

Русич с голубыми, как у девушки, глазами и длинными светло-жёлтыми волосами, показался ему вначале немного изнеженным, хотя откуда изнеженность у варваров? Но этот "изнеженный" долгими часами мог бежать, не срывая ровного дыхания, тяжёлый панцирь и шлем выглядели на нём лёгкими, словно из тростниковой бумаги, а уж что "неженка" натворил в посёлке разбойников - Вард только головой крутил, вспоминая. Такого научить дисциплине, воинскому порядку - и открыта дорога в этерию, иноземную гвардию императора, одну из самых привилегированных каст Византийской империи.

Утро четвёртого дня встретило их противным моросящим дождём и полным безветрием. После короткого завтрака мясом убитой чайки побежали дальше. Мясо было жёстким, холодным - из-за сырости не разожгли костёр. Получилось, что на завтрак наелись мертвечины. Это было так гадко, что разговаривать совсем не хотелось, двигались в полном молчании. У Алекши тошнота подступала к горлу, но кое-как крепился.

Мелкий дождик промочил до нитки. Алекша опустил забрало шлема, что б хоть глаза не заливало, Вард повязал на лоб тряпку. По дороге встречались участки сплошной глины, тогда ноги скользили, разъезжались. Сбивалось дыхание, Вард злился, свистящим шёпотом бормотал ругательства, но зато быстро согрелись, у Алекши так и вовсе из-под панциря пар пошёл.

Оба вывозились в коричневой жиже, как болотные черти, но от этого почему-то стало веселей и оба засмеялись, когда посмотрели друг на друга.

Впереди показался невысокий гребень скалы. Издалёка похожа лезвие меча, концом уходящее в море. Одиноко растущее дерево на противоположной стороне выглядело крестовиной на рукояти. Вард подбежал первым, подпрыгнул, подтянулся на руках и оказался на вершине гребня. Алекша стал рядом на мгновение позже - тяжёлые доспехи всё-таки тормозят.

Перёд глазами раскинулась равнина, на самом краю которой в бледно-серой пелене тумана темнеет деревянный частокол ромейской крепости. Через равные промежутки надменно высятся толстые башни, на вершинах замерли маленькие фигурки часовых. Виднеются макушки солдатских шатров, расставленные идеально ровными рядами. В центре пламенеет кроваво-красный шатёр командующего.

- Где-то я уже видел такой шатёр, - пробормотал Вард, - или только похожий?

- Чего? - переспросил Алекша, - чего ты похожее видел? Мы не туда попали, что ли?

- Да туда, туда, - досадливо дёрнул лицом Вард, - шатёр, говорю, знакомый ... ладно, идём, сейчас всё узнаём.

Спрыгнули вниз, на мягкий влажный песок. Чахлые прибрежные кустики, пучки травы замелькали перёд глазами, мокрая стена частокола выросла до нёба. Вард остановился перёд закрытыми воротами, запрокинул лицо.

- Кто такие!? – рявкнул хриплый голос с высоты.

- Кентарх пограничной тагмы его императорского величества базилевса Василия Вард Фока и ипаспист Александр. Возвращаемся после выполнения задания Тайной канцелярии императора. Открывай, нам срочно к командиру! - заорал в ответ Вард, раздувая впалые щёки и выпячивая худую грудь.

Стражник всхрапнул, как конь и сломя голову кинулся открывать ворота. Пока солдат возился с запорами, внятно ругаясь, Алекша шёпотом спросил:

- Это ты чего такое ему наговорил? И меня обозвал испист ... тьфу, язык сломаешь!

- Дурень, не обозвал, а назвал. Ипаспист - воин императора, щитоносец, - зашипел в ответ Вард. - А как надо было? Бродяга, приблуда, дикий варвар с дикой Руси … так что ли? Молчи лучше, я сам знаю, как надо разговаривать с военными.

Тяжёлые створки неторопливо разошлись. Вард важно пошёл вперёд, высоко подняв голову и надменно глядя прямо перёд собой. Алекша следует за ним. Солдат на воротах на всякий случай вытягивается во фронт.

Прямая, как копьё, утоптанная до твёрдости камня сотням солдатских сапог, дорожка тянется от крепостных ворот до красного шатра. Алекша впервые оказался в ромейской крепости, любопытно осматривался по сторонам. Солдатские палатки прямыми рядами разбегаются в обе стороны от дороги. Стоят так ровно, что за первой палаткой не видно остальных. Слева от палаточного городка виден пустырь, сотни воинов в одинаковых доспехах рубят мечами деревянные чучела, бросают копья,

маршируют в ногу. Квадратный строй солдат вдруг ощетинивается копьями, мечами и тогда строй превращается в гигантское бронированное чудовище со стальными иглами. Через мгновение звучит резкая, как удар хлыстом, команда, стальные иглы прячутся, строй покрывается щитами и чудище превращается в железную черепаху.

Всё двигается, занимается делом, гарнизон крепости функционирует, как единый живой организм и управляет им командир.

- Эй, воин! - окликнул Вард пробегавшего мимо солдата, - кто у вас командует?

- Стратиг Михаил! - выпалил запыхавшийся солдат и исчез.

Вард резко остановился, будто ударился в невидимую стену.

- Боги, как нам повезло! - с чувством произнёс он, глядя на красный шатёр, - то-то мне шатёр показался знакомым.

- Этот стратиг твой друг? - кивнул на шатёр Алекша.

- Да ну, что ты! Я простой сотник пограничной тагмы, а он царь и бог на огромной территории, его слово - закон от моря до Дуная, - ответил Вард, поспешно приводя в порядок грязные лохмотья, когда-то бывшие военной формой. - Он хорошо знает меня, так что пошли вперёд, всё будет отлично!

Но сразу к стратигу их не допустили. Охранник доложил секретарю, тот выбрал момент, когда стратиг на миг оторвался от важных бумаг и сообщил о прибывших.

- Давай сюда, быстро! - раздался грубый хриплый бас из-за полотняной стенки.

Секретарь стратига выходит из шатра, ухоженная голова слегка наклоняется в сторону пришедших, губы раздвигаются в вежливой улыбке. Новенькие кожаные доспехи тихонько скрипнули, тускло блеснули тонкие стальные пластины. Веет запахом ароматной воды. Кентарх скривился, будто дерьмом завоняло, буркнул:

- Иду, не глухой... - и шагнул в полумрак шатра.

Алекша входит следом.

За походным столом на простой лавке сидит крупный черноволосый мужчина, пальцы сжимают писчее перо, развёрнут лист пергамента. Ничего сверкающего и блестящего на его одежде, как ожидал Алекша, нет. Добротные солдатские доспехи, длинный варварский меч в простых деревянных ножнах лежит поперёк стола - стратиг снял его с пояса, мешает заниматься канцелярской работой. И только шлем с позолотой и пышным плюмажем из страусиных перьев ясно показывает, что владелец - очень важная персона.

Стратиг широким росчерком заканчивает писанину, перо

небрежно падает на стол. Спинка походного стула жалобно пискнула, военачальник выпрямился и поднял голову. На вошедших строго взглянули чёрные глаза. Крупные желваки вздулись на небритых скулах, опали. Тонкая линия бледных губ размыкается, раздаётся хриплый бас:

- Жив, кентарх!? По тебе уже молебен отслужили. Рассказывай!

Вард вытягивается в струну, заросший недельной щетиной подбородок вскидывается. По военному коротко доложил обо всём случившимся, но очень подробно о том, как его освободил русич по имени Александр и при этом один перебил целый табор разбойников. Жёсткие глаза стратига теплеют, оценивающе бегут по жилистой фигуре русича.

- Очень хорошо, - одобрительно пробасил стратиг, - ты достойно отомстил за гнусное убийство имперских солдат. Я всегда говорил, что русские способны на всё, если как следует разозлятся. Что собираешься делать дальше?

- Да вот... - развёл руки растерявшийся от такого вопроса Алекша, - до Константинополя добраться бы, а там к купцу одному, на службу...

- К купцу-у? - переспросил стратиг и так пренебрежительно выпятил нижнюю губу, что Алекше стало стыдно, будто он что-то неприличное сказал. - И что ты у него будешь делать? Охранять сарай с этой... как её... ну, из чего верёвки делают...

- Пенька! - подсказал покрасневший Алекша.

- Во-во, пенька. Значит, сарай с пеньками сторожить станешь, да?

- Ну, а куда мне в чужом городе идти? Я ж никого не знаю в Царьг... Константинополе, - окончательно теряется Алекша. Краем глаза заметил, что Вард показывает какие-то знаки стратигу, стараясь делать это незаметно от Алекши. Стратиг кивнул.

- Тебе прямая дорога на службу императору, русич, - произнёс он как о давно решённом деле, - мы охотно принимаем славян в армию, вы прирождённые воины. К тому же у тебя уже есть заслуги перёд империей и свидетель тому - сотник пограничной тагмы Вард Фока. Ты уже доказал свою необходимость империи, а раз так, то о чём говорить?

Стратиг перевёл взгляд на Варда, несколько мгновений оценивающе всматривался.

- Ты неплохо выглядишь, кентарх. Румян, упитан, будто из отпуска вернулся, а?

Тут уже растерялся Вард, развёл руки, невнятно забормотал:

- Э-э... вот...

- Три козы съел, когда из ямы выбрался, - ехидно сообщил

Алекша, - да и по дороге жрал всё, что шевелилось.

Жёсткое лицо стратига не выразило никакого удивления.

- Правильно, настоящий воин, - похвалил он Варда. - В молодости я воевал в Африке, так там однажды пришлось слона съесть. Продукты кончились, подвоза нет. Завалили дикого слона и всей сотней съели. За завтраком. А коза - это деликатес! Ладно, кентарх, яма и козы ерунда ... Слушай меня внимательно! Два дорифора с твоими солдатами выбросило на берёг, они вернулись пешим порядком в столицу. Император отдал приказ готовить новую экспедицию к хуррамитам и тебе снова предстоит возглавить подразделение охраны посла. Завтра утром посыльный дорифор отправляется в Константинополь. Я присваиваю тебе звание старшего сотника и приказываю прибыть в столицу, доложить обо всём сенатору Марцеллию - начальнику канцелярии императора и передать ему лично в руки моё послание. Дальнейшие указания получишь у него. Русич Александр едет с тобой, - стратиг посмотрел на Алекшу, - я думаю, что он понадобится в экспедиции к хуррамитам. Свободны!

Ранним утром следующего дня Александр в доспехах солдата империи ступил на деревянные мостки причала. Лёгкий дорифор уже готов к отплытию, ждали только их - старшего сотника Варда Фоку и воина Александра. Едва они ступили на палубу судна, швартовые канаты полетели с берега на корабль, громко шелестя полотнищем развернулся косой парус, дорифор оттолкнулся от дубовых свай пристани и медленно пошёл прочь от берега.

Выбрали место на палубе так, что бы оказаться в тени от корабельной башни - солнце быстро карабкалось по небосводу и день обещался быть жарким. Александр сложил вещи под лавку, спросил:

- Вард, а про какого зверя вчера стратиг говорил? Ну, что его всей сотней ловили, а потом ели?

- Про слона, - ответил Вард, - это животное такое, огромное, как … как дорифор. У него длинный нос толщиной с твою ногу, он таким носом траву рвёт и в пасть запихивает, а может и человека схватить. Из пасти торчат два клыка длиной в сажень или больше. Уши у него как солдатские щиты, ноги как столбы.

- Врёшь! - не поверил Александр.

- Зачем? - пожал плечами кентарх, - такие звери вправду есть, только не у нас, а за Греческим морем, в Африке. Там на приручённых слонах ездят, как на лошадях.

- А воевать на них можно? - поинтересовался русич.

- Можно, но приручить этого зверя очень трудно. У меня был один старый солдат, он рассказывал, что на спину военному слону ставят башенку, в ней лучники. Они сверху расстреливают

всех, не подойдёшь, а слон топчет ногами и хоботом бьёт так, что головы отрывает. Армию, в которой есть боевые слоны, победить очень трудно.

- Но всё-таки можно? - допытывался Александр. - Как?

- Трибунами - это такие железные пирамидки с острыми краями, их у каждого солдата должно быть не меньше полудюжины, - ответил Вард, - трибуны разбрасывают по земле, слоны колются, свирепеют и перестают подчиняться погонщикам.

- И топчут всех подряд, верно? - усмехнулся Александр.

Вард пожал плечами, отвернулся. Александр вздохнул, взглянул на далёкий берёг. Обросший лохмотьями кустов и трав, он отгородился от синей воды белой полосой прибоя и совершенно не двигался. Александру показалось, что корабль неподвижно стоит на месте, вода просто протекает под ним. Перевёл взгляд дальше - бесконечная даль раскинулась впереди и там, в этой дали, ожидает встреча с неведомым городом Константина - Константинополем.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

" Земля!" - срывая голос на визг, заорал матрос с вершины корабельной башни - ксилокастры. Такие башни строились на всех военных кораблях империи, там во время боя располагались лучники, пращники и метатели дротиков. На вершине место для особых подразделений - метателей огня. Хитроумные аппараты - пироболы - располагались по периметру башни и всегда были готовы накрыть страшным огнём любого врага. Обладая таким оружием, флот империи не знал себе равных и всё морские сражения заканчивались победой ромейских кораблей.

Вопль вперёдсмотрящего услышали всё. Александр, мирно дремавший на лавке под добрым солнышком, встрепенулся. Встал, подошёл к борту. Далёко впереди, на пределе видимости, прямо из морской лазури к нёбу вытянулись белые стены и башни великого города, обрамлённых понизу частоколом бесчисленного количества корабельных мачт.

Попутный ветер, всю дорогу сопровождавший дорифор с Александром, выдохнул в последний раз и исчез. Парус бессильно свесился с мачты, но на это никто не обратил внимания - впереди из сверкающей, так что глазам больно, равнины моря вырастал город-сказка - Константинополь. Две сотни обнажённых до пояса гребцов разом навалились на вёсла. Дорифор буквально выпрыгнул из воды, устремляясь вперёд.

Матросов на флот империи отбирали из числа самых сильных. Паруса были всего лишь вспомогательным средством движения кораблей, главная сила - это гребцы. Два яруса вёсел, один над другим, располагались вдоль бортов, на каждое весло

сажали по два гребца. На переходах гребли всё, во время боя на вёслах оставались молодые и неопытные, остальные матросы превращались в свирепую абордажную команду. Вооружённые до зубов, покрытые непробиваемой бронёй, матросы бросались на штурм вражеского корабля, на который уже обрушился залп пироболов и теперь злое пламя "греческого огня" - так называлось тайное оружие ромеев - пожирало судно. Матросы абордажной команды прыгали прямо в огонь, уничтожали растерявшихся врагов и без потерь возвращались на свой корабль.

Никому никогда не удалось разбить флот империи, ромеи всегда побеждали в морских сражениях. Даже одиночные военные корабли византийцев наводили ужас на эскадры неприятеля. Только при соотношении один к десяти и более враги империи - арабы рисковали нападать на дорифоры ромеев.

Александр узнал это из рассказов Варда Фоки. Делать в морском путешествии нечего и кентарх часами рассказывал русичу о Византии, её армии и флоте, о Царьграде, как упорно продолжал называть Константинополь Александр, о людях, что живут в этой стране. Александр узнал многое, удивлялся, не всему верил, но помалкивал - мало ли, вдруг правда!

Он повернулся, собираясь что-то спросить, увидел, что кентарх тщательно приводит в порядок одежду. Вард заметил взгляд русича, буркнул:

- Ты бы тоже привёл себя в порядок, всё-таки в столицу мира прибываешь. И доспехи дорогие сними, городская стража может принять тебя за убийцу и грабителя знатного ромея, тогда окажешься в темнице.

- Ты же знаешь, что я никого не убивал! - удивился Александр.

- То я, - махнул рукой кентарх, - а в городе тебя никто не знает и я ничем не смогу помочь, так что лучше спрячь доспехи от греха подальше.

Александр вздохнул, но спорить не стал - ромею виднее, как надо себя вести. Снял шлем, панцирь, тщательно уложил в мешок. Облачился в скромные доспехи рядового воина, что получил перёд самой посадкой на дорифор.

Не прошло и часа, дорифор мягко уткнулся острым носом в сваи причала, матросы скинули сходни. Кентарх Вард Фока и ипаспист Александр ступили на константинопольскую землю. В душе Александр считал себя бывалым, видавшим виды, потому ступил на дубовые доски причала с самым независимым видом. Прошёл несколько шагов мимо хмурой таможенной стражи, аккуратно обошёл экзекуцию, что устроили какому-то оборванцу портовые равдухи - местные жандармы, вошёл в распахнутые

настежь ворота порта - и перёд глазами раскинулся громадный базар. Неисчислимая толпа торговцев и покупателей всех наций и народов клубящейся пестротой заполнила огромную площадь перёд главными городскими воротами. Здесь продавалось и покупалось абсолютно всё, что существовало в мире. Выкрики торговцев, споры покупателей, истошные вопли ишаков, рёв верблюдов, хохот и визг гулящих девок обрушились горной лавиной на русича, оглушили и ошеломили. Александр остановился, непроизвольно растопырил руки и глупо разинул рот. Вард заметил. Размашисто хлопнул по плечу, крикнул в ухо:

- Захлопни пасть, птичка накакает!

Александр недовольно отвернулся. Вард засмеялся.

- Не сердись, Александр, я неудачно пошутил. Крепче держи свой мешок и не заглядывайся по сторонам, иначе к городским воротам придёшь голым.

Минуя базарную площадь, выходят на широкую, мощёную плоским камнем дорогу, что ведёт прямо к городским воротам. В три ряда непрерывной рекой двигаются повозки, до предела нагружённые разным добром. Из ворот навстречу идёт такой же поток возов, но уже пустых. В середине каменной дороги блестящей лентой тянется пустота и ни один возница не рискует выехать на свободную полосу - за проезд по дороге базилевса, так называется центральная часть, стражники из тагмы стены нещадно секут кнутами, а то и вовсе могут голову срубить.

Вошли в главные ворота, беспрепятственно миновали стражников. Те не обратили внимания на двух военных из тагмы пограничников. Из рассказов Варда Александр знал, что каста стражников называется тагмой стены. В неё отбирают крупных, тяжёлых мужчин, сильных и неповоротливых. Именно такие могут легко удержать напирающую толпу, когда кавалькада всадников с базилевсом во главе приближается к городу или наоборот, вырывается на полном скаку из ворот. Стражники стен и ворот на голову возвышаются над остальными, традиционно молчаливы и хмуры.

Сразу за крепостной стеной начинаются жилые кварталы. Ближе селятся стражники с семьями, отставные солдаты и жители города победней. Дальше начинаются дома богаче.

Александр вертел головой во всё стороны, взволнованный и удивлённый невиданным городом. Он так и шёл бы, не чуя ног под собой, но тут Вард дёрнул за рукав:

- Подожди-ка, друг, не спеши.

Александр недовольно остановился, собрался спросить, в чём дело. Вард кому-то махнул рукой, пронзительно свистнул. Звонко зацокали подкованные копыта, к путникам подлетела небольшая

повозка с лёгким полотняным верхом. Вард ловко запрыгнул на сиденье, махнул Александру, приглашая садиться. Русич осторожно забрался внутрь, спросил:

- Твоя?

- Ну, откуда? - хмыкнул Вард, - обычная городская повозка, за грош довезут, куда надо. Давай, приятель, поехали! - приказал вознице. Молодой парень гикнул, звонко щёлкнул плетёный хлыст в жарком воздухе. Низкорослая лошадка недовольно встряхнула гривой, бодро потащила двухколёсную тележку.

Кентарх приказал вознице остановиться за полсотни шагов от белоснежного трёхэтажного дворца. Вард отвёл русича в сторонку, принялся втолковывать:

- Это - дворец очень важного человека в империи, начальника канцелярии базилевса Марцеллия. Он потомок аристократов из западной империи, потому и имя такое чудное - Марцеллий. Называет себя на западный манер сенатором, то есть он является постоянным членом императорского совета. Именно ему базилевс поручил оправить посольство к проклятому Бабеку, из-за которого я чуть не погиб. Нам надо попасть к нему.

- Так пошли, чего ждать-то? - сказал Александр и уже сделал первый шаг. Вард перехватил за рукав, зашипел:

- Стой, куда!? Да нас на порог не пустят к такому важному сановнику

- А как же тогда? - растерялся русич, - надо... не пустят... чего делать-то будем, а?

Бравый кентарх стаскивает шлем с головы. Тыльная сторона ладони ползёт по вспотевшему лбу. Пятерня скребёт затылок. Ромей невольно становится похож на русича.

- Ну!

- Не нукай! - Вард внимательно посмотрел на Александра, - так, хорошо, что на тебе доспехи пограничной тагмы. Значит, слушай сюда: сейчас мы подойдём к стражникам, я затею ссору. Ты молчи, не вмешивайся, но если будет драка, поможешь отмахаться, понял?

- Нешто у вас так шалить можно со стражей? - недоверчиво спрашивать Александр.

- Да нельзя конечно, но выхода нет, - вздохнул кентарх, - если пойдём к сенатору как обычные посетители, то до зимы не дождёмся очереди. Топай за мной!

Каменные стены домов, а по разумению Александра, дворцов, неторопливо поплыли мимо. Квадратные отверстия окон презрительно сверкают чудесной окаменевшей водой - стёклами, а за ними висят на верёвочках полотняные занавески.

" Ну да, - подумал Александр, - правильно делают ромеи, что

тряпками завешиваются. Это у нас сквозь бычий пузырь ничего не разглядишь, а через такую прозрачность любой дурак пялиться начнёт". Увидел отражение, стал вытягивать шею, пытаясь разглядеть себя в стекле, аж на цыпочках пошёл, забыв обо всём. Очнулся, когда услышал хихиканье и чей-то голос громко произнёс: "- Да чурка неотёсанная, понаехали тут всякие "! Оглянулся - вокруг идут люди, смотрят на него, усмехаются. На другой стороне улицы пухлый сытый ромей в дорогой одежде ржёт во всё горло, аж слёзы утирает, показывает пальцем.

Подбежал Вард, красный от злости, молча схватил за рукав, с силой потащил прочь, так что русичу пришлось почти бежать за ним, нелепо громыхая доспехами.

Наконец, они подошли к дворцу, Вард зыркнул на Александра, округлил глазищи, топнул ногой - смотри, мол, у меня! Русич кивнул, пристыжено опускает взгляд.

Сотник и солдат пограничной тагмы смело шагнули на мраморные ступени дворца начальника канцелярии императора. Прохладные плиты лестницы одна за другой уползают под ноги. Сотника останавливает грозный рёв дорифора - телохранителя:

- Куда-а пр-решь!

Волосатая лапища в боевой кожаной рукавице протянулась к кентарху, явно намереваясь схватить за плечо. Вард молниеносно перехватывает пятерню, выворачивает и приподнимает. Дорифор вытягивается столбом, сквозь стиснутые зубы вырывается короткий стон. Не давая опомниться, кентарх резко спрашивает:

- Давно не пороли на конюшне, солдат? Забыл, как надо вести себя с офицером?

Острая боль в вывернутой кисти оглушила, лишила дорифора способности мыслить и связно говорить, он мычал, стонал, наконец, просто заорал, широко разинув пасть. Вард разжимает железные пальцы, брезгливо вытирает о край одежды. Стражник шарахнулся, оступился и тяжёлая туша в блестящих доспехах с железным звоном едет по ступеням, грохотом отмечая каждую. Шлем слетает с глупой головы, скачет впереди, оповещая весёлым звяканьем о приближение хозяина.

Лёвой рукой Вард ловко перехватил падающее копьё, швырнул второму стражнику.

- Держи, дурак!

Тот схватил, выронил своё, растерялся, кинулся поднимать - Вард презрительно усмехнулся. Длинный прохладный коридор движется навстречу, из-за мраморных колонн испуганно выглядывают бледные лица каких-то людей, но никто не рискует выйти навстречу. Когда Вард и не отстававший он него ни на шаг Александр подошли к громадным позолоченным дверям, возле

них стояли, закрывшись щитами, десяток стражников. Вперёд выходит широкоплечий воин, в руке обнажённый меч. Низкий голос глухо ревёт из-под забрала:

- Я декарх стражи канцелярии императора! Отвечайте, кто вы такие и зачем пришли?

- Я первый сотник пограничной тагмы Вард Фока, со мной воин Александр, - громко, на весь зал, отвечает кентарх, - у меня важное послание стратига Михаила к начальнику канцелярии, очень важное, декарх!

И Вард и Александр стояли перёд стражниками, опустив руки на мечи, с опущенными забралами боевых шлемов. Их внешний вид ясно говорил - мы пройдём, чего нам это не стоило. Декарх мгновение молчал, обдумывая услышанное. Он был стреляным воробьём, хорошо знал тонкости службы при дворе и помнил немало примеров, когда даже простые воины волей судьбы или случая в одно мгновение взлетали очень высоко и часто причиной взлёта была хорошая весть, которую принёс этот самый воин.

- В чём причина конфликта с дорифором, кентарх? - задал вопрос десятник.

- Он нахамил мне, - уверено ответил Вард, - на границе идёт война, нам некогда изучать тонкости придворного этикета. Болван получил по заслугам, декарх, не сомневайтесь.

Десятник и не сомневался. Воины пограничной тагмы отличались буйным нравом и бесстрашием. Они непрерывно воевали с кочевниками болгарами, отражали нападения мелких отрядов арабских разбойников, не зная ни дня покоя. Это была единственная постоянно воюющая тагма. Император, по ромейски базилевс, с большой симпатией относился к пограничникам, только им прощалось то, за что даже солдат императорской гвардии могли строго наказать. Вступать в драку с пограничниками не рисковал никто.

Лицо декарха под глухим шлемом скривилось:

- Пожалуй, вы правы, кентарх. Послание командующего важным пограничным фемом должно быть немедленно доставлено начальнику канцелярии базилевса. Вы можете пройти.

По знаку декарха дорифоры расступаются. Глухо звенит железо доспехов, наконечники копий сверкают в лучах солнца, что в этот момент заглянуло в узкие окна. Высокие позолоченные двери медленно распахиваются. Ноги Александра по щиколотку тонут в толстом красном ковре, что разлёгся через весь зал. Но это всего лишь прихожая. За окованными золотом дверями располагается сенатор Марцеллий. Кентарх уверено марширует по невиданному ковру, нисколько не смущаясь роскошью. Будто только и делал, что по коврам во дворцах ходил всю жизнь.

Александр идёт неуверенно, спотыкаясь на ровном месте. Он и предположить не мог, что бывает на свете такое! Ковёр кровавой рекой растёкся по белому мрамору пола, заливая красным золотые основания колонн. Они из розового мрамора, увиты золотыми узорами. Русич невольно проследил взглядом по идеально ровной колонне до верха. Над головой раскинулось синее нёбо, усыпанное золотыми цветами, среди них летают прекрасные девушки в белых платьях, птицы с разноцветным оперением. В центре потолка на золотых цепях висит огромное ожерелье из хрусталя, ослепительно сверкая отражённым солнечным светом.

Русич шёл, не чуя ни рук ни ног, только синие глаза были распахнуты насколько можно, вбирая невиданную красоту удивительного зала. Ощущение мягкости под ногами, привыкшими к камням и твёрдой земле, передалось всему телу, Александр словно медленно плыл по воздуху вдоль бесконечной красоты.

Чувство реальности вернулось, когда бархатный мужской голос вкрадчиво спросил:

- Вы по какому делу, господа?

Затуманенный взор прояснился. Александр увидел прямо перёд собой молодого человека, ухоженного, наглаженного, накрашенного, источающего омерзительный аромат душистой воды. Тщательно причёсанная головка слегка наклонена, ясные глазки нежно смотрят на кентарха - вопрос задан именно ему.

- По делу, - буркнул Вард, - важному и совершенно секретному.

Интонация такая, что Александр словно воочию увидел, как перекосило лицо кентарха, будто уксуса хлебнул. Он тоже ненавидел напомаженных красавчиков.

Не давая опомниться, протягивает руку в окованной стальными пластинами перчатке к позолоченной скобе, рывком распахивает двери. Уверенно шагнул, длинные белые перья на навершии шлема слаженно колыхнулись. Александр торопливо идёт за ним. Когда золотые створки дверей сомкнулись за спиной, повинуясь плавному нажатию ласковых рук красавчика, русич снова оказался в сказке, только теперь нёбо над головой было темно-синим, ночным, усыпанным серебряными звёздами. Жёлто-коричневая луна в центре, искусно составленная из крупных отполированных пластин янтаря, загадочно поблескивала, словно окно в другой мир. Стены выложены плитами необыкновенного чёрного мрамора, пол устлан белым мрамором, всё блестит и сверкает искрами зимнего света. Ощущение холода было настолько сильным, что Александр

почувствовал озноб.

Железные подковы солдатских сапог звонко простучали по мраморным плитам пола и стихли в двух шагах от стола, заваленного бумагами так, что не видно и клочка свободного места.

В дубовом кресле с высоченной прямой спинкой сидит пожилой мужчина. Длинные аристократические пальцы легко удерживают широкий лист пергамента, тёмные глаза быстро бегут по строчкам. Не глядя на вошедших делает небрежный жест рукой сверху вниз. Вард замирает, как внезапно замороженный. Александр с жадным интересом уставился на хозяина такого богатого дворца. Против ожидания, сенатор оказался худощавым, невысоким, с коротко стриженой седой головой. Русичу, привыкшему к дородности и бородатости боярской, сенатор показался обыкновенным старичком, если бы не лицо. Когда Марцеллий поднял глаза на вошедших, Александр сразу понял - он стоит перёд одним из самых могущественных людей империи. А значит, и мира. Узкое лицо с широким лбом, проницательные тёмные глаза под кустистыми бровями, даже выхоленные руки с ровно подстриженными ногтями просто излучают властность, волю и ум.

Ровная линия губ разомкнулась. В мёртвой тишине раздаётся негромкий твёрдый голос:

- Дело важное?

Даже простодушный Александр заметил опасные искорки в глазах сенатора, искушённый Вард почувствовал близкую смерть.

- Старший сотник Вард Фока прибыл с срочным донесением стратига Михаила императору. Приказано передать вам в руки! - доложил недрогнувшим голосом бравого вояки.

Сенатор принял пергамент. Небрежно сломанная печать сыпется мелкими кусочкам, взгляд бежит по строчкам. Свиток ложится на стол. Сенатор несколько мгновений рассматривает Варда и русича. Молча выходит из-за стола. Оказавшись в полушаге от Александра, пристально всмотрелся в глаза. Русич выдержал взгляд сенатора, только внутренне сжался, уже готовый услышать приговор.

Марцеллий подошёл к стене, завешенной плотной тёмной материей, потянул за шнурок. Занавеси разошлись, в образовавшийся проём хлынул поток света. Водопад запахов и морской прохлады заполнили просторный зал. Контраст оказался столь разительным, что Александр зажмурился, закрыл лицо руками. Жест получился настолько простодушным, что сенатор улыбнулся. Проморгавшись, русич увидел, что опасные искорки в глазах сенатора пропали.

- Вы доставили хорошие новости, - произнёс Марцеллий, - и в нужные руки. Благодарю за сообразительность.

Вард вытянулся - больше некуда, окаменевшее лицо чуть смягчилось.

- У вас хорошие рекомендации, центурион примипил, - продолжил сенатор, - стратиг советует назначить именно вас начальником охраны посланника базилевса к хуррамитам, тем более, что солдаты вашего отряда живы. Я, пожалуй, соглашусь с доводами стратига и буду рекомендовать вас императору. Согласны?

- Так точно, господин сенатор! - по-солдатски рявкнул кентарх.

- Отлично. Ну а вы, русич Александр, - обратился к нему Марцеллий, - что можете рассказать? Стратиг упоминает и вас с самой лучшей стороны. Меня очень интересует ваша страна - Русь. С недавних пор её именуют Киевской Русью.

Александр осторожно кашлянул в кулак, стал рассказывать о князе Владимире, о его делах, как принимают их люди, о новых верах, которые появляются на Руси. Голос старался держать ровно, не хрипеть и, не дай бог, не запищать от волнения. Впрочем, рассказ всё равно получался немного несвязным, но ведь он воин, а не сказитель...

Марцеллий слушал внимательно. Сёл в кресло. Перёд ним стоит варвар, враг. Чутьё подсказывало сенатору, что именно эта варварская Русь в недалёком будущем станет главным врагом империи и, возможно, уничтожит её. Среди высших сановников Византии так считал только он один, остальные полагали, что смертельная опасность исходит от арабских племён, объединённых исламом в единый народ. Марцеллий тоже признавал силу ислама, но он замечал то, что пока ускользало от внимания других. Или не придавалось значение.

С недавних пор в монолите ислама появилась маленькая трещинка. Некоторые имамы приняли другое толкование Корана. Отчасти в этом был виновен сам отец основатель новой веры - он создал слишком сложную для понимания простым народом идеологию и потому со временем появились ереси - толкования. К ересям примешивались корысть и тщеславие тех, кто придумывал эти толкования. Шло время, у ересей появились сторонники и тогда гранит веры дал первые трещины, пока малюсенькие, невидимые простым глазом, но Марцеллий знал, как незначительные, на первый взгляд, разночтения Библии раскололи великую империю Рима. Вождь германских варваров Аларих мощным ударом уничтожил западную империю, то же самоё теперь пытаются сделать арабские варвары с восточной.

Марцеллий с горечью видел, что дикие племена множатся и когда-то орда дикарей захлестнет Византию. Империя ещё долго будет сопротивляться, будут победоносные войны, успешные кампании на востоке и юге, появятся новые герои, что смогут даже расширить границы империи, но всё это временно. Страну пронизывает коррупция, плебс ненавидит аристократию, дикари десятками тысяч ежегодно устремляются в империю и, не найдя достойного занятия, пополняют армию плебеев, которым плевать на всё, только давай хлеба и зрелищ. Когда-то всё рухнет. Наука, культура, искусство будут втоптаны в грязь, храмы разрушены, книги сожжены и пепел разлетится по воздуху.

Всё последние годы сенатор думал, как спасти страну, и всё чаще обращал взор на север. Он пока не мог объяснить себе, почему кажется, что именно оттуда должно прийти спасение, такое вообще было бредом сумасшедшего, ведь именно русский князь Олег – единственный в мире! - взял Константинополь и в знак победы прибил щит на главные врата. С той поры каждый русский князёк мнит себя продолжателем завоеваний Олега, эдаким Александром Македонским в лаптях.

Тём не мене чудовищная в своей несуразности мысль не покидала его, она наоборот, крепла и вот теперь, глядя в непривычно синие славянские глаза, Марцеллий искал ответ на свой вопрос и, похоже, находил. Маленький, слабый огонёк надежды забрезжил в самом конце бездны, куда неминуемо должна было упасть империя.

Он вдруг совершенно ясно понял, что именно они, северные варвары, будут спасителями его страны. Пока не понятно, как, но станут, надо только повнимательней к ним присмотреться.

- А есть в вашей стране люди ромейской веры? - неожиданно спросил сенатор.

- Э-э... ну, есть конечно, - ответил Александр, немного сбитый с толку, - купцы там, служилый люд, что у вас были.

- А ты сам как, может, крещён уже?

- Не знаю, господин сенатор, говорили мне, что вроде крестил меня батюшка, перёд тем, как на войну пойти, но правда или нет, не ведаю, - пожал плечами Александр.

- Ну, ладно. А как люди относятся к ромейской вере?

- Да вроде неплохо. Наши-то боги больно много жертв требуют, да всё людских, не всём такое по нраву. Когда пленного или чужака, ладно, а ежели своего, да ещё родственника, а то и дитя родное? А вашему богу только песни угодны да свечки, ну, на храм когда дать чего и всё! Только вот одно ... гм... нехорошо ... - замялся Александр. От волнения взмок, капли пота проложили блестящие дорожки на лице, повисли на носу,

подбородке.

- Ну, ну, говори, не бойся, - подбодрил его Марцеллий, - тебе ничего не будет, даю слово.

- Да вот... э-э... когда священники проповеди читают, то рабами нас называют. У нас, если свободного обозвать рабом, надобно большую виру платить за оскорбление, а то и вовсе убить могут.

- Когда священнослужители называют кого-то рабом, имеется в виду, что человек раб Божий, а не человеческий, - улыбнувшись, пояснил Марцеллий, - быть преданным Богу - достоинство, а не стыд.

- Так, сенатор, - согласился Александр, - но простолюдины понимают сказанное буквально, им разжевать и в рот положить надобно.

- Ты ведь не простого рода, верно? - вдруг спросил сразу ставший серьёзным сенатор.

- Боярского, но не богатого.

- Понятно, что небогатого, иначе чего тебе за тридевять земель тащится, - усмехнулся Марцеллий, - но ты умён и образован, это хорошо ... Ладно, господа военные, беседа с вами была интересной, мы её продолжим позднее, а пока готовьтесь к отплытию. У вас что-то ещё ко мне, ипаспист?

- Да, господин сенатор. Я обнаружил вот это, - Александр развернул мешок, достал шлем, панцирь и пергаментные свитки. Марцеллий не мигая, молча смотрел на разложенные перёд ним вещи. Краска сходит с лица, побелевшие губы с трудом разомкнулись:

- Откуда это?

- На берёг выбросило драккар викингов, на борту никого не было, обнаружил вот эти доспехи и бумаги. Вард сказал, что могут принадлежать очень знатному человеку и посоветовал показать вам.

- Вы поступили правильно, - прошептал Марцеллий. Выпрямился в кресле, лицо окаменело, покрылось мраморной бледностью, сенатор словно превратился в надгробное изваяние. Александр и Вард Фока замерли, боясь пошевелиться.

Сенатор трудно поднялся из-за стола, костяшки пальцев упёрлись в крышку стола:

- Центурион примипил, вы назначаетесь командиром отряда охраны посла. Ваша сотня квартирует в казармах тагмы стены в районе порта, найдёте её там. Начать погрузку на дромоны. Отплытие послезавтра утром. Подробности узнаёте у секретаря. Назначьте телохранителей для меня. Свободны!

Вард Фока и Александр одновременно вскинули руки в

приветствии, повернулись и позолоченные двери бесшумно сомкнулись за спинами. Мимо поплыли мраморные колонны, злые лица многочисленных посетителей, уныло ожидавших своей очереди к сенатору. Солдаты дворцовой стражи, которых почему-то оказалось больше обычного, смотрели хмуро и недовольно отворачивали угрюмые рожи.

Вард шагает с наглой улыбочкой, Александр опасливо оглядывается - как бы по затылку не дали!

Улица плеснула волной солнечного света, горячим воздухом. От раскалённых плит мостовой жар проник в сапоги, стало горячо.

- Фу-у, получилось, - облегчённо выдохнул Вард. Сдвинул шлем на макушку, вытер вспотевший лоб ладонью. - Теперь прямым ходом в порт!

- С доспехами непонятно вышло, - удивился русич, - смотрел так, будто горе какое из мешка достали, а?

Вард пожал плечами.

- Сам не знаю, чего он так.

Кентарх завертел головой, отыскивая уличную повозку.

- Слушай, - толкнул в бок Александр, - а как тебя сенатор назвал, центыр... пропил...

- Центурион примипил. Это на латыни, по-нашему означает сотник первое копьё или старший офицер. Я ж тебе говорил, что сенатор потомок древнего рода из западной империи и имя потому такое - Марцеллий. Мы говорим на греческом, а он знает латынь, язык своих предков, часто им пользуется. Его, кстати, многие за это недолюбливают, считают высокомерным, - отвечал Вард, продолжая высматривать извозчика, - но он умён, хитёр, его ценит император и потому сенатор не обращает внимания на недругов. Ты, похоже, понравился ему, так что смотри, расположением такого человека надо дорожить... Эй, стой!

Повозка остановилась, друзья запрыгнули на сиденье. " В порт!" - приказал Вард, возница кивнул, повозка под резвую дробь копыт покатила к морю.

Ранним утром, когда заспанное солнце опасливо выставило первые лучи из-за моря, от Константинопольской пристани отчалили два корабля - военный дромон с командой морской пехоты и сотней щитоносцев, и небольшая фортида, грузовое судно, на котором расположился сенатор, его помощники, дюжина личных телохранителей и, главное, подарки вождю хуррамитов Бабеку и его многочисленным жадным жёнам.

Слабый попутный ветер облегчил труд гребцов. Чтобы солдаты не маялись от безделья, Вард приказал посадить всех на вёсла. На грузовом судне гребцов оказалось меньше, но зато

парус вдвое больше и потому неуклюжая фортида нисколько не уступала в скорости дромону. К полудню ветер внезапно спал, поверхность моря превратилась в гигантское зеркало. Скорость фортиды упала, Вард снял солдат с вёсел.

При полном безветрии, в абсолютной тишине два корабля неторопливо шли вдоль берегов, не удаляясь особо, но и не приближаясь из-за возможных отмелей. Плеск воды, скрип уключин и равномерные команды помощника капитана уносились далёко в море, тая в бесконечном пространстве.

Шатёр сенатора раскинули на плоской корме фортиды, по бортам плотно навесили солдатские щиты, так что получилась сплошная стена из белоснежных, сужающихся к низу прямоугольников с красным крестом посередине. Сенатор как вошёл утром в шатёр, так и не выходил из него. Спокойствие и умиротворённость воцарилось на палубах кораблей, свободные от вахты на вёслах дремали и только вперёдсмотрящие на вершине ксилокастры дромона внимательно осматривали сверкающую гладь. Они первыми заметили три низких быстрых судна, что вышли на одних вёслах из неприметной бухты и устремились к пузатой фортиде.

Сигнал тревоги громом прогремел над палубой. Вард Фока, благодушествующий на гамаке в послеобеденной дрёме, как ужаленный сорвался с места, белкой взлетел на корабельную башню. Одного взгляда было достаточно, что бы понять - неизвестных интересует грузовое судно, ввязываться в драку с военным дромоном не станут.

- Всё на вёсла! - громко скомандовал кентарх, - пироболы к бою!

Александр никогда не видел, как ромеи сражаются в морском бою. По боевому расписанию его место возле руля, защищать кормчего от стрел, копий и мечей. Если в бою рулевой погибал, неуправляемое судно становилось лёгкой добычей противника и потому рулевого защищали самые сильные и злые в бою солдаты.

Русич за считанные секунды занял своё место. Рядом с ним огнемётная команда торопливо приводила в боевое состояние пиробол - громадный медный сифон с удивительной смесью внутри, известной как греческий огонь. Это пламя невозможно было потушить, вода не оказывала никакого действия, он насквозь прожигал доспехи, камень плавился от страшного жара, а корабли сгорали, как соломенные.

Состав греческого огня был главной военной тайной ромеев, её охраняли так тщательно, что за века существования этого оружия её так никто и не раскрыл.

Александр слегка приподнял забрало, чтобы лучше видеть,

как четверо молчаливых солдат готовят страшное оружие к единственному выстрелу, после которого на судне противника заполыхает адское пламя.

Дромон круто развернулся почти на месте и устремился навстречу кораблям неизвестного противника, стремясь по широкой дуге обогнать и выйти на встречный курс. Капитан принял решение атаковать два судна огнемётами, третье взять на абордаж. План был прост и единственно верным - при соотношении три к одному ничего другого не оставалось. Но соревноваться в скорости с длинными узконосыми судами дромону трудно. Вард приказывает посадить всех на вёсла. В каждое вцепилось по три пары сильных рук, вода вокруг корабля вспенилась от мощных ударов. И команда дромона, и солдаты отряда охраны старались изо всех сил. Всё понимали - если фортида будет уничтожена, а сенатор погибнет, всех ждёт смерть.

Капитан фортиды тоже заметил опасность, судно начало неуклюже разворачиваться носом к кораблям противника, чтобы не подвергнуться таранному удару в борт.

Несколько страшных бесконечных минут продолжалась бешеная гонка. Всё три вражеских судна, очень похожие внешне на драккары викингов, стали забирать влево, стремясь избежать удара дромона и под прикрытием борта быстро захватить корабль.

Капитан дромона взревел, словно раненый лев и водопад отборной военно-морской ругани низвергнулся из лужёной капитанской глотки. Александру до сих пор казалось, что матросы выкладываются полностью, грести сильнее невозможно. Он ошибался. После капитанского рёва длинные парные вёсла заработали со скоростью воробьиных крыльев в момент ускоренного взлёта. Море вскипело вокруг корабля, вода превратилась в пену и вроде как начала испаряться.

Тём временем вражеские суда вплотную приблизились к фортиде, на палубе ближнего загомонила толпа, солнечные зайчики, отражённые от топоров и мечей, засверкали над палубой, отразились от доспехов и рогатых шлемов. Сомнений не оставалось - викинги.

В потоке сплошной ругани, затопившем палубу дромона, отчётливо прозвучала команда:

- Носовое, товсь!!!

Старший огнемётной команды поднимает правую руку с обнажённым мечом.

- Пли! - заорал капитан и тотчас медное жерло громадного сифона с хриплым рёвом извергло черно-рыжую струю огня толщиной в ногу взрослого человека. Огненный столб в ожерелье

чёрного дыма изогнулся в полёте, словно летящая змея, пылающая голова падает прямо в замершую от неожиданности толпу викингов. Александр ясно увидел, как жидкий огонь выплеснулся через борт драккара и вода загорелась.

Дикие крики сгорающих заживо людей заглушили треск пламени, несколько мгновений ничего не было слышно, кроме хора звериных воплей горящих. Живые факелы бросались в море и сквозь прозрачную голубизну видно было, как продолжают гореть и под водой. Тяжёлые доспехи неумолимо тянули на дно.

У Александра внутри заледенело, он с суеверным ужасом взглянул на кормовой огнемёт, который от него в трёх шагах. Теперь он понимал, почему ромеи непобедимы в море и почему всё попытки арабов высадить войска с кораблей на побережье оканчивались поражением.

Сгорающий драккар закружило на месте, толстый столб чёрного дыма поднялся чуть не до белых облаков. Дромон обошёл плавучий костёр, ещё несколько взмахов вёсел и железное рыло тарана с треском вломилось в бок второго драккара. От удара несколько викингов выбросило за борт, половина упала на палубу, остальные сумели удержаться. Тут же с криками "Один, один!" попытались перелезть на дромон, но абордажная команда была наготове. Дротики и толстые стрелы арбалетов полетели навстречу. Тех, что сумели избежать стрел, проткнули копьями и абордажными мечами. В проломленный борт хлынула вода, драккар с убитыми и ранеными викингами камнем пошёл на дно.

Александр продолжал стоять на своём посту, он под страхом смертной казни не имел права покинуть место возле кормового огнемёта и только наблюдал, как слаженно и чётко работали ромейские солдаты.

Третье судно викингов врезалось в борт фортиды, но команда гребцов в последний момент всё же успела отвести корабль и тарана не получилось. Драккар вскользь ударил правой скулой, борт фортиды затрещал, доски страшно выгнулись. Несколько вёсел переломилось, как соломинки. Один из гребцов нижнего яруса не выдержал, закричал от страха. Бросил весло, вскочил с места, намереваясь прыгнуть за борт. Капитан отрывисто скомандовал - толстая арбалетная стрела насквозь пробила голову труса.

С драккара полетели крючья, верёвки, осатанелые от злобы викинги, дико вопя и размахивая оружием, ринулись на борт фортиды. Первыми вступили в бой дорифоры - телохранители сенатора. Гребцы побросали ненужные вёсла, схватились за оружие. Викинги оказались всё как на подбор огромные, сильные. Многие дрались сразу двумя руками, держа по топору или мечу в

каждой. На обширную палубу фортиды стали падать убитые, раненые, ручьями полилась кровь.

Ромеи сражались храбро, но более сильные и свирепые викинги побеждали. Остатки команды и несколько телохранителей сенатора прижали к корме. На краткое мгновение наступила передышка. Неровный строй ромеев застыл в ожидании атаки. Ослабевшие от потери крови, солдаты прикрывались обломками белых щитов с красным крестом посредине, руки крепко держали мечи, но всё понимали, что это ненадолго.

Огромные викинги, в кольчугах и панцирях на голое тело, похожи на быков в железе. Рыжие волосы, заплетённые в толстые косы по бокам, напитались ромейской кровью, почернели. С густых рыжих бород течет чужая кровь, струится по груди, по ногам и собирается на палубе лужицами.

Только мгновение длилась пауза, прерываемая тяжёлым дыханием солдат и угрюмым сопением викингов. Вождь в рогатом шлеме вскинул огромный топор к нёбу, широко разинул пасть, намереваясь выкрикнуть боевой клич ...

Фортида содрогнулась от удара, борт затрещал. Кто-то из викингов поскользнулся на крови, шлёпнулся на доски палубы, нелепо размахивая руками и громко ругаясь. От борта раздался крик сотни крепких мужчин. На палубу фортиды спрыгнули солдаты абордажной команды дромона и пограничники Варда Фоки. Викинги бросились навстречу, с грохотом врезались в белые щиты с красными крестами. Завязалось новое сражение и, зная силу и свирепость викингов, ромеи вовсе не были уверены в победе.

Александр был одним из первых, кто спрыгнул на палубу фортиды. Громадный белобрысый викинг обрушил на него град ударов тяжёлой секирой. Красивый белый ромейский щит разлетелся в щепки. Александр отшвырнул бесполезный обломок, перехватил меч обеими руками, мысленно вознося краткую благодарственную молитву доброму заботливому Богу, что не позволил ему поменять свой харалужный двуручный меч на ромейский, похожий на большой ножик.

Теперь викинг дрался не с имперским солдатом, приученным воевать в строю, а с противником, равным ему по силе и ухваткам. Булатный меч презрительно звенел, когда сталкивался с топором, тихо скрежетал, словно смыкаются огромные клыки, когда прорубал доспехи. Вскоре грудь викинга залила не чужая, а своя собственная кровь. Он уже не ревел победно, а хрипел и мычал, как раненый бык. Силы оставляли викинга, он всё чаще промахивался, а проклятый ромей бил сильно и точно. Вот

тяжёлый топор с хряском врубился в доски вместо головы ромея, викинг потянул на себя, но дерево не отпустило - слабо! Сделать вторую попытку не успел - ромейский меч отсёк обе руки по локти. Обрубки ещё сжимали топор, когда длинное лезвие сверкнуло ещё и рыжеволосый кочан в рогатом шлеме упал в лужу крови на палубе. Обезглавленное тело рухнуло мешком.

Победу увидели всё. Впервые в такой схватке ромейский солдат победил викинга один на один, обычно викинга валили втроём, вчетвером, как медведя или вепря. Вождь, походный ярл викингов, оскорблённо заревел. Наклонил голову в рогатом шлеме и попёр на ромея, которому просто повезло убить скандинавского богатыря.

Это было сигналом для всех. Сеча немедленно прекратилась, всё стали в круг, ромеи с одной стороны, викинги с другой. В центре неровной арены друг против друга встали двое - ромей в солдатских доспехах и громадный толстый викинг. Впрочем, всё, и ромеи и викинги сразу отметили, что ромейский воин нисколько не выглядит слабее, он также высок и силён, как викинг.

Вождь на мгновение остановился, опустив окровавленный топор к земле. Бледно-голубые глаза из-под белёсых густых бровей внимательно посмотрели на противника. Что-то беспокоило вождя в осанке ромея, в постановке ног, как руки держат меч, почему-то двуручный, а не обычный парамерион, которым вооружали ромейских солдат. Он не видел лица ромея за стальным забралом, но мог поклясться, что этот ромеишка его совершенно не боится, а должен бы, сволочь...

Александр спокойно ожидал, когда белобрысый бычара бросится на него, глупо размахивая громадным топорищем и выкрикивая призывы к своему богу Одину. Он знал манеру биться викингов ещё с тех времён, когда вместе с лихими ребятами атамана Удала налетал на купеческие караваны варягов. Эти рыжие и сивые бычки дерутся неплохо, но слишком уповают на силу. У них всё толстое и тяжёлое - мечи, топоры, доспехи в палец толщиной, бочкообразные шлемы с глупыми коровьими рогами. Они свято верят в свою силу и непобедимость, любят дико орать, вращать глазами и громко портить воздух, но сильными и непобедимыми кажутся только жителям европейского побережья Атлантического океана и Средиземного моря. Всё походы викингов на Русь или Гардарику - страну городов, так ещё они её называли, заканчивались полным разгромом варяжских ратей. Пленников русские потом продавали в рабство тем же европейцам или обменивали на мыло.

- Заснул что ли? - буркнул Александр. Приподнял забрало,

сплюнул под ноги викингу.

Викинг вздрогнул, услышав русскую речь. Сразу понял, кто перёд ним и неприятный холодок пополз по спине. Но показывать робость нельзя, на него смотрят десятки пар глаз, и своих и чужих. Сделал осторожный шажок, медленно поводя топором из стороны в сторону. Зрители, ромеи и варяги, напряжённо ждали, что викинг с воплем - "О-один!!!" бросится на противника, тот начнёт отчаянно отбиваться от богатырских ударов, отскакивать в сторону, нагибаться-пригибаться и т.д. Вместо этого варяг осторожненько ударил топором, ромей отбил, ещё ударил, ещё... Поединок пошёл так, как если бы встретились два равных противника. Громадный красномордый викинг в устрашающе рогатом шлеме сражался, словно боялся пальчик порезать. Ромеи недоумённо переглядывались, стали переговариваться, варяги презрительно помалкивали, давая всём понять, что их вождь просто хитрит, забавляется с ромеишком, но некоторые хмурились и отворачивались. Догадывались, что вождь трусит.

Ярость и волнение, охватившие Александра, когда спрыгнул на палубу фортиды, исчезли. Дыхание выровнялось, сердце стучит неторопливо, руки, ноги, голова работают единым механизмом. Легко уклонился от слишком сильных ударов тяжёлым топором, несколько раз точно ударил в наименее защищённые места. Викинг начал всё чаще промахиваться, лезвие топора с хряском врубилось в деревянное покрытие палубы. Русич шагнул назад, спокойно смотрел, как багровый от усилий варяг дёргает топор, а тот нехотя, с мерзким скрипом, выползает из плотной древесины.

Когда Александр, спокойный и даже какой-то вялый, начал небрежно перебрасывать меч из правой руки в левую и обратно, всё поняли, чём закончится поединок. С варяга градом катил пот, смешиваясь с собственной кровью, рыжие усы и борода склеились в сосульки, он часто моргал, потому что заливает глаза, ничего не видел - викинги отворачивались, лица кривились, как от нестерпимой боли.

Ярл тоже понял свою судьбу, попытался изменить её - заорал из последних сил, начал махать топором так, что сам едва не упал от богатырских замахов. Где-то с полминуты поединок шёл с полным напряжением сил, тёплый воздух непрерывно звенел от ударов, но топор викинга всякий раз натыкался на меч ромея или бессмысленно рассекал воздух. Сила покидала варяга. Он в последнем усилии обрушивает топор на мерзкого ромея, но лезвие врезалось в дубовую перекладину мачты. Викинг торопливо потянул на себя, но внезапно отяжелевший топор даже не пошевелился. В панике викинг дёрнул ещё ...

Над головой дважды просвистел меч. Начисто срубленные рога, глупо подпрыгивая, катятся под лавку. Кончик острого, как бритва, меча упирается в кадык. Предчувствие скорой смерти удавкой перехватило гортань, викинг хрипит, выпучив глаза. В прорези забрала сверкнули голубые глаза, низкий глухой от железа голос громко произносит по-русски:

- Не дёргайся, ярл, поединок окончен. Пусть твои люди бросят мечи.

Ярл осторожненько, на волос, отодвинулся от острия, просипел:

- Бросайте оружие!

Мгновение длилась мёртвая тишина, затем звяканье железа возвестило, что варяги сдаются. На палубе быстро выросла куча доспехов, мечей, топоров и ножей. Викингов связали, посадили в трюм. На судне началась обычная суета и шум, когда победители обмениваются впечатлениями, оказывают помощь раненым, собирают трофеи и делят добычу.

Александр убрал меч, стащил с головы шлем. Порыв ветра взлохматил мокрые волосы, приятно остудил разгорячённое лицо. Тяжёлая рука ощутимо хлопнула по плечу, знакомый голос кентарха радостно зазвенел в ушах:

- Молодец, Александр, ты сражался не только здорово, но и красиво. Послушай, - зашептал Вард, - Марцеллий внимательно наблюдал, он, похоже, считает тебя спасителем своей жизни. Это очень важно!

- Да ладно, я ведь и за свою жизнь боролся, - отмахнулся русич.

- Козе понятно, - согласился Вард, - но после твоей победы викинги сдались, ты сохранил жизни ромейских солдат, жизнь императорского посланника! У нас варягов боятся, поэтому тебя ждёт большая награда.

- Ага, если только удастся вернуться, - ответил Александр рассудительно, - а то ведь по дороге и дуба дать можно.

- Дать чего? - округлились глаза кентарха.

- Ну... погибнуть, в общем, в бою или ещё как. Это образное выражение ... ладно, забудь.

К вечеру следующего дня корабли бросили якоря у горбатого мыса. Это место, где должны встретиться ромеи с гонцами хуррамитов. На берёг отправили красавчика секретаря и с ним десяток солдат для охраны. Секретарь бледнел, краснел, закатывал красивые глазки и покрывался бурыми пятнами от страха. Отправляя своего секретаря для встречи с хуррамитами, Марцеллий строго настрого приказал не возвращаться, пока не договорится о дате и месте встречи с Бабеком. Красавчик за всю

свою изящную и красивую жизнь в столице ни разу не бывал дальше городских стен, а тут такое опасное путешествие к неведомым хуррамитам!

Уцелевшие телохранители сенатора рассказывали, что во время боя с викингами секретарь хлопнулся в обморок. Оклемался только когда на него вылили два вёдра холодной воды. Всё время сидит перёд зеркалом, озабоченно выискивая седые волосы и тут же выдёргивает. Сенатора это обозлило до предела, он не терпел трусов, но терпел трусость секретаря, потому что тот обладал красивым почерком, изящным слогом и всегда помнил, когда, с кем и для чего должен встретиться сенатор. А самоё главное - предан. В придворной жизни, полной измен, коварства и интриг, такой человек ценится высоко. Особенно, если некем заменить. Но обморок вывел сенатора из себя. Он решил сделать из красавца храбреца и отправил его на встречу с дикими хуррамитами.

Прошло два дня. Сигнальщик с берега регулярно сообщал, что хуррамитов ищут, но не находят. Томительно тянулись часы, жаркое солнце безжалостно палило с белёсого нёба, накаляя металл солдатских доспехов так, что дотронуться нельзя было - жгло до водяных пузырей. Вард приказал обливать часовых водой каждые полчаса, но солдаты поливали друг друга ещё чаще, так что одежда совсем не высыхала.

На третий день ожидания с горбатого мыса пришло сообщение, что лагерь хуррамитов обнаружен, а к вечеру на фортиду прибыл загорелый, обветренный красавец секретарь и, обиженно поджимая красивые потрескавшиеся губы, сообщил, что Бабек ожидает императорского посланника послезавтра в условленном месте.

Всё облегчённо вздохнули - торчать посреди моря в деревянных посудинах никому не хотелось. Марцеллий приказал выгрузить на берёг дары, подготовить сотню солдат для торжественного визита к вождю хуррамитов.

Александр не принимал в этих делах никакого участия. Вард приказал русичу организовать охрану судов и особенно пленных викингов, которых ромеи всё-таки побаивались.

Сенатор сдержанно поблагодарил своего секретаря и тот, окрылённый вниманием, принял самоё деятельное участие в подготовке торжественного визита. Александр не понимал, для чего столько пышности и шума, но Вард объяснил простодушному варвару, что пышность необходима, дабы произвести неизгладимое впечатление на дикарей и их вождя, который тоже дикарь, только одевается побогаче. Этой говорящей обезьяне надо внушить, что империя очень уважает её и нуждается в помощи

такого могущества. Именно ради этого свиту посла нарядили в нелепые яркие одежды, а сам сенатор облачился странного покроя кафтан с длинными, до пола, рукавами, обернулся пятиметровой лорикой, вышитой золотой нитью, на голову нахлобучил золотое сооружение вроде корзины для цветов.

- Не вздумай заржать, как конь, - зашипел Вард как трёхглавый змей, когда увидел, что у русича глаза лезут на лоб от удивления, - сенатору самому противно, но так надо!

- М-м... да-а... - сумел выговорить Александр, разводя руками и энергично встряхивая головой, будто отгоняет слепней, - эк трудно послом-то быть, а!

Он и предположить не мог, что пройдёт совсем немного лёт и русские князья, бояре и просто богатые люди станут таскать на себе пудовые ромейские наряды, путаясь в рукавах, на неглупых головах вместо удобных шапок появятся нелепые колпаки, обёрнутые мехом и это лётом, в жару! С той поры на Руси утвердится такое понятие, как мода и всё заморское станет для простодушных славян лучше, чём своё собственное.

Делегация возвратилась поздно вечером, почти ночью. Сопровождавшая ромеев шумная орава хуррамитской конницы с гиканьем и свистом ускакала обратно. Усталые солдаты молча погрузились в лодки. В полной тишине поднялись на борт, тихонько позвякивая железом, разбрелись по своим местам. Через считанные минуты всё спали. Бодрствовала только охрана судов, да в шатре Марцеллия горел светильник.

Вард Фока, как старший начальник, обошёл посты, проверил готовность дежурных расчётов команд на случай внезапного отплытия, поднялся на кормовую надстройку. Александр стоит неподалёку от шатра, облокотившись на ограждение борта. В эту ночь он начальник караула и спать до утра ему не разрешалось.

- Ну, как, - спросил Александр, - договорились? Завтра отплываем?

- Не знаю, - пожал плечами Вард, - сенатор так умеет держать лицо, что ни за что не догадаешься, что у него на уме. Он настоящий царедворец, такому самообладанию позавидовать можно.

Ночной ветерок едва заметно коснулся лица, локон жёстких волос выбился из шлема. Кожу неприятно защекотало. Чёрная вода равномерно плещется внизу, постукивая маленькими лапками по доскам борта. От кормы дромона тянется лунная дорожка, разливаясь на горизонте холодным сверкающим озером серебра.

Переговоры с вождём хуррамитов завершились к обеду следующего дня. Марцеллий получил клятвенные заверения от

радостного улыбающегося Бабека в прочном союзе хуррамитов с империей и обещал по первому требованию выставить конное войско в несколько тысяч сабель. Союз был заключён и корабли ромеев в тот же день отплыли в Константинополь.

До прибытия в гавань столицы империи оставались считанные часы. Попутный ветер гонит корабли вперёд, солдаты без всякой команды сели за вёсла вместе с матросами. Крепкие мужские руки управляются с тяжёлыми вёслами так, что рукояти трещат, выгибаются коромыслами. Суда буквально летят по волнам.

Далёко впереди показалась тонкая полоска городской стены. Александр, как и остальные свободные от службы, приводил в порядок доспехи перёд прибытием в столицу. Чья-то тень ложится рядом.

- Господин Александр, вас вызывает сенатор Марцеллий, - почтительно произносит секретарь.

Русич посмотрел на сидящего неподалёку Варда. Старший сотник недоумевающе развёл руками - не знаю. Александр застегнул пряжку поясного ремня, поправил меч, вошёл в шатёр. Сенатор встретил его, стоя спиной к входу. Обернулся на звук шагов, взглянул в глаза русича.

Александр вскинул правую руку в приветствии, замер в ожидании. В глаза невольно бросилось, что на столе сенатора разложены те самые доспехи, которые нашёл на драккаре викингов.

- Я вызвал тебя вот зачем, - медленно заговорил Марцеллий, - по прибытию в столицу ты будешь достойно награждён. Но ты принёс немало пользы и лично для меня.

Марцеллий умолк, несколько мгновений смотрел на доспехи остановившимися глазами. Потом словно очнулся, поднял глаза:

- Эти доспехи когда-то принадлежали моему сыну. Я заказал их лучшему оружейнику Константинополя. Они вот... нашлись... - с трудом произнёс сенатор. Снова замолчал, потом тяжело заговорил, как бы выдавливая слова:

- Забери себе. Для меня слишком тяжело видеть их.

- Господин сенатор, - растерялся Александр, - я... я не могу....

Марцеллий отвернулся к стене, махнул рукой:

- Не спорь. У нас принято награждать оружием и доспехами лучших. Знаки различия и родовой герб я приказал снять. Теперь это просто очень хорошие доспехи и только.

Поколебавшись, Александр аккуратно забрал доспехи, вышел из шатра. Яркое солнце больно резануло по глазам, он зажмурился, отвернулся. Так, щурясь и отворачиваясь, подошёл к Варду, что с любопытством ожидал на палубе. На его немой

вопрос показал глазами на дорогую броню.

- Вот это да! - удивился Вард, - ты представляешь, сколько такое железо стоит?

- Да, у нас за такой доспех можно небольшой город купить, - ответил Александр, неверяще глядя на шлем и панцирь, - а у вас?

- Так же, - ответил Вард, - или обменять на хороший дом в столице. Поздравляю!

Александр отошёл в сторонку, быстро надел обнову, с некоторой досадой посматривая на старые доспехи - чистил, чистил, оказывается, зря...

Он обратил внимание, что один из пленных викингов странно посматривает в его сторону. Удивило - с чего бы, вроде видятся не впервые. Но викинг смотрел не на него, а на панцирь, словно знал о нём что-то. Александр подошёл к викингам - их приковали к вёслам, чтобы не даром хлеб ели, спросил:

- Ты чего смотришь, ярл, что-то не так?

Викинг замялся, опустил руки с вёсла. Новенькие цепи звонко тренькнули.

- Видал я такую броню недавно, на одном ромее...

- Вот как? - насторожился Александр, - ну-ка, рассказывай!

- Давай сначала заключим сделку, русич, - предложил викинг, - я расскажу, что знаю, а ты пообещаешь, что замолвишь словечко за нас перёд тем, кто сидит в шатре. Он важная птица, мы видим. Может сделать так, чтобы нас не казнили.

- Ну ты и нахал, ярл, - усмехнулся Александр, - да мне проще доложить о тебе той важной птице, что сидит в шатре, как ты выразился. Палач заставит говорить.

- Знаю, - вздохнул ярл, его голос зазвучал тише и глуше. - Но тебе что с того? А если договоримся, я расскажу такое, что может очень тебе пригодиться.

- М-да, любопытно, - почесал затылок Александр, - но ведь ты понимаешь, что вас не отпустят.

- И не надо. Главное, чтобы не казнили сразу. Пусть продадут евреям, а там наши дела.

- Да? Хм... может получиться, - усмехнулся он, - ромеи как евреи, выгоды не упустят. Но почему я должен верить тебе, а ты мне?

Викинг впервые улыбнулся, попытался развести скованные руки. Цепи снова тоненько звякнули.

- Ты русский, а не ромей и если дал слово, то сдержишь. А верить мне... Я - викинг и не стану лгать даже под пыткой.

- Ну, хорошо. Я обещаю выполнить всё, о чём ты просил, но если я почую, что ты брешешь - смотри...

- Слушай, русич...

Ярл рассказал, как шайка варягов на пяти драккарах безнаказанно разбойничала целый год, пройдя всё атлантическое побережье Франции, Испании, затем через Гибралтар пробрались в Средиземное море, где безраздельно господствовали ромеи. Викингам несколько раз удавалось уходить от преследования имперских дромонов, которые всерьёз начали охотиться после того, как они ограбили и потопили несколько грузовых фортид. Ромейский флот окружил их недалёко от острова Крит. Варягам чудом удалось вырваться из плотного кольца имперских судов, при этом они потеряли один драккар. Он шёл первым на прорыв и попал под огонь пироболов. Адское пламя, не гаснущее даже от воды, пожрало драккар вместе с командой за считанные минуты, но этого времени хватило, чтобы остальные под прикрытием дыма вышли за пределы досягаемости корабельных огнемётов.

Викинги гребли так, что толстые клеёные вёсла трещали и грозили вот-вот разломаться пополам, гребли так, как никогда в жизни - крики сгорающих заживо товарищей звенели в ушах ещё долго после того, как ушли от преследователей. На общем совете решили больше не испытывать судьбу и направили драккары строго на юг, в Африку. Там хозяйничали арабы, но у них не было этого проклятого "греческого огня", а в абордажных схватках викинги не боялись никого.

Однажды, когда варяги по обыкновению рыскали вдоль берега в поисках добычи, они увидели настоящий морской бой - небольшой ромейский флот, из полудюжины судов, отчаянно сражался с окружившими его кораблями арабов. Имперские дромоны то и дело изрыгали длинные струи огня, несколько арабских кораблей пылали яркими кострами, чёрный удушливый дым грозовой тучей расползался в синем нёбе. Но запас огня не бесконечен, один ромейский дромон перестал отстреливаться, другой.

Корабли " покорных" немедля бросились в атаку. Массивные наконечники носовых таранов проломили борта, началась рукопашная схватка. Арабы стремились уничтожить грузовую фортиду, которую защищали дромоны. Огромная, неповоротливая посудина могла перевозить почти тысячу солдат или полтора десятка осадных машин, которые ромеи использовали в сухопутных сражениях. Машины швыряли громадные камни на расстояние в несколько сотен метров, убивая и калеча сотни воинов, потому "покорные" во что бы то ни стало стремились уничтожить именно фортиду.

Прозрачная вода помутнела от сажи, поверхность сплошь усеяна обгорелыми останками кораблей и людей. "Покорные" потеряли две трети судов, но остальные всё-таки прорвались к

фортиде. Тараны проломили борта, грузовое судно стало быстро набирать воду. Ещё несколько минут и фортида пошла на дно. Но схватка продолжалась - уцелевшие дромоны отчаянно сопротивлялись. Ромеи и арабы сошлись в рукопашную, суда намертво сцепились бортами, отступать обеим сторонам было некуда. Всё смешалось в бою, где-то побеждали арабы и тогда центр боя перемещался на корабли ромеев, в другом месте перевес был на противоположной стороне и уже ромейские солдаты били "покорных" на палубах их же кораблей...

Викинги выжидали. Понимали, что победа дастся нелегко и победитель будет слаб. Им останется только добить. Поэтому спокойно наблюдали за схваткой, словно стая гиен за битвой двух тигров - оба достанутся им.

Обострённым чутьём бывалого воина ярл уловил момент перелома в неравном сражении, рявкнул:

- Вёсла на воду!!! Гребите, селедкины дети!

По волчьи тихо и стремительно чёрные драккары викингов полетели по волнам. Ни арабы, ни ромеи в пылу схватки не заметили, как они приблизились. Сражающиеся только почувствовали, как вздрогнули палубы намертво сцепившихся кораблей. Неизвестные враги бросились в затихающий бой. Началась резня. Растерянные, ослабевшие от долгого боя ромеи и арабы не смогли оказать никакого сопротивления здоровым, сильным викингам. Длинные двуручные мечи и громадные топоры разрубали на куски всех подряд, раненых и убитых завалило окровавленными телами тех, кто только что ещё был жив.

Схватка закончилась за считанные минуты. Довольные викинги принялись шарить по трюмам, переворачивали ящики, разбивали вдребезги сундуки. С убитых и ещё живых снимали кольца, золотые и серебряные цепи, оружие, доспехи - всё, что представляло хоть какую ни будь ценность. Обобранных отбрасывали, принимались за новых. Из кучи тел извлекли ещё живого парня, молодого, в дорогих доспехах, богато одетого. Он был без памяти, но грубые руки варяга привели в чувство. Парень начал сопротивляться, дал варягу по морде, схватился за меч. Его повалили на палубу, чья-то волосатая ручища занесла над шеей нож.

- Не трогать! - взревел ярл.

Опытным глазом бывалого грабителя ярл сразу определил, что парень не простой, явно знатного рода, а доспехи на нём такие, что скандинавским вшивым королям и не снились.

- Дык он вот... - озлобленно забубнил викинг, которого лишили удовольствия.

- Не трогать, - повторил ярл, - мальчишку продадим, а тебе позабавиться хватит вон тех, - мотнул головой в рогатом шлеме в сторону ещё живых воинов.

Мальчишку связали, перетащили на драккар. Ярл осмотрел дорогой доспех, особенно гербы на плечевых застёжках, остался очень доволен - чутьё опытного грабителя не подвело. Варяги подожгли ограбленные корабли, убрались в укрытие маленькой бухты. Начался пир. Викинги быстро перепились и перестали обращать внимание на пленника, а зря. Парнишке удалось как-то разрезать верёвки или распутать, непонятно, он тихо перелез через борт и поплыл к недалёкому берегу. Побег обнаружился, когда мальчишка уже был далёко. Схватились было за луки, выпустили несколько стрел, но вряд ли попали, а догонять вплавь некому - всё упились до полного освинения.

Взбешённый ярл орал и визжал от злости, но сделать ничего не мог, к тому же пьяные викинги были опасны для него самого - могли обидеться и запросто зарубить, ведь он всего лишь походный ярл.

Наступило утро. Протрезвевшие варяги снарядили погоню, но она вернулась ни с чём. Полоса густых зарослей простиралась на километры вдоль берега в обе стороны, вдобавок это был район боевых действий, шла война ромеев с арабами. Викингов ненавидели и боялись и те и другие, уничтожали при первой же возможности, потому ярл принял решение не искушать судьбу. Драккары взяли курс в море...

- Интересный рассказ, - усмехнулся Александр, - и ты думаешь, что я поверю, будто этим парнишкой был сын сенатора? Да панцирь даже на меня чуть великоват, а уж на мальчишке и вовсе болтался бы. Врёшь ты всё, варяг!

- Послушай меня, русич... На этом шатре тот же герб, какой был на твоём панцире! Я его хорошо запомнил. Тот парнишка лицом был молод, а по телу гляделся таким же бычком, как и ты. Я ж говорю, мы его из кучи тел убитых арабов извлекли, им убитых! Он дрался, как лев, его завалили массой, а не победили в бою!

- Ну ладно, допустим, всё так, - с сомнением в голосе сказал Александр, - но почему ты уверен, что мальчишка жив?

Варяг устало откинулся к борту, закрыл глаза.

- Я вовсе не уверен, что он жив. Но недалёко от тех мест была крепость ромеев, её арабы осаждали, мы с моря видели. Может, он сумел пробраться в неё? А панцирь и шлем я потерял. Мой драккар был повреждён, ремонтировать негде и когда начался шторм, он дал течь. Я приказал оставить корабль, перебираться на другие. Ну ... мешок с доспехами мои болваны впопыхах

забыли, а возвращаться назад уже было некогда, - ярл досадливо махнул рукой. - В общем, всё растеряли - и мальчишку, и доспехи, тьфу! Только вот не понимаю, как они не утонули?

- Ваше корыто выбросило на берёг, - задумчиво произнёс Александр, - мешок был в трюме, за что-то там зацепился...

- А ты откуда знаешь? - удивился варяг.

- Я нашёл его...

- Значит, тебя ведут боги, русич, - убеждённо произнёс варяг, - таких совпадений не бывает.

- Ну, нашёлся толкователь воли богов!

- Так мы договорились, русич? - сощурился варяг. - Тебе может выпасть две шестёрки, а?

- Ну-ну ... как называлась-то ромейская крепость? - спросил Александр.

- Не знаю, но дальше на восток богатый город Александрия. Мы обошли его ночью, в тамошней гавани сильный флот, - усмехнулся варяг.

По возвращении в Константинополь Марцеллий доложил об успехе миссии императору и той роли, что сыграл ипаспист Александр. Император Василий, подозрительный и осторожный, не доверяющий ни одному соплеменнику, охотно брал на службу северных варваров - русичей. Чужаки в Византии, они верно служили престолу и никогда не предавали.

Александра немедленно зачислили в этерию - отряд иноземной гвардии императора. Этериоты, всё не ромеи, составляли тагму, которой император доверял личную охрану. Рослые, широкоплечие, они выделялись в любой толпе. Ромеи смотрели на них снизу вверх. Специально для этериотов константинопольские кузнецы, по особому императорскому заказу, делали доспехи такого размера и толщины, что никто другой просто не мог носить. Только для них изготавливались глухие шлемы с прорезями для глаз и двуручные мечи, которые этериоты носили на правом плече, а в походе за спиной. При встрече с императором этериот ставил меч остриём в землю, руки на крестовине, ноги вместе. Только им положено было так приветствовать помазанника Божия. Всех остальных они вежливо не замечали. Гвардейцы неподвижно стояли по всему дворцу, только свет факелов отражался от блестящей брони, но каждый знал - стоит этериоту заподозрить неладное, как гигантский меч молниеносно рассечёт пополам любого. Сам божественный базилевс - император носил такие же доспехи, только на его шлеме были золотые крылья.

Дворцовая служба давалась Александру нелегко. Неподвижно стоять часами в тяжёлой броне было невыносимо. Лучше бегать с

конём на плечах, чём вот так торчать столбом в каменных коридорах дворца. Он с удовольствием тренировался бою на мечах, с копьём и щитом один на один, один на двоих, а вскоре и один на пятерых. Командующий гвардией, этериарх, заметил его и сразу понял, что русич не годится для монотонной дворцовой службы. Александра отстранили от караулов, он с утра до вечера сражался с ветеранами гвардии в учебных боях. Так прошла неделя, другая...

Однажды на тренировочную площадку зашёл воин. Дорогие доспехи со знаками различия военачальника бросились в глаза. Александр как раз отдыхал после тренировочного боя в густой тени дворцовой стены. Он не обратил бы внимания на вошедшего - мало ли во дворце всяких начальников - но силуэт показался знакомым. Воин остановился на входе во двор, огляделся. Осанка, наклон головы, даже глаза знакомо блеснули через прорезь шлема - Вард Фока!

Александр взмахнул обеими руками. Они долго хлопали друг друга по плечам, рассматривали, удивлялись изменениям. Потом отошли в сторону.

- У тебя всё в порядке, я вижу, - произнёс Вард, - ты во дворце, тебя ценят и доверяют, да и платят неплохо... - шутливо ткнул кулаком в бок.

- Да брось, - отмахнулся Александр, - житьё неплохое, конечно, кто спорит, но... как бы это... какое-то стариковское, что ли. Скучно здесь. Ладно, командир понимающий попался, от караулов пока освободил, а то, веришь ли, волком выть хотелось на луну, такая скучища! Слушай, а что у тебя за знак такой на плече, а?

- После той экспедиции, ну, с Марцеллием, мне присвоили звание командира тысячи, как говорят западные ромеи - легат.

- Значит, ты командир полка? Здорово!

- Командир чего? - удивился Вард.

- Ну, у нас воевод, которые командуют большими дружинами, зовут полканами или полковниками, в общем, они командиры полков. Ну, а, по-вашему - легат.

- Да нет, у нас другое название, но оно такое сложное, что не выговоришь. Легат проще. Ну, да бог с ним, с названием. А я вот попрощаться зашёл. На днях отплываю в Африку, вспомогательный легион отправляется в помощь нашим и я с ним, заместителем командира.

Александр сёл на половинку брёвна, что служила лавкой для солдат, от каменной стены по спине поползла приятная прохлада.

- Повезло тебе, - грустно сказал он, - мир увидишь, себя покажешь и вообще... Здорово это, плыть к неведомым берегам, в

другую страну, помогать своим... Здорово!

- Да брось, тебе-то чего расстраиваться, - удивился Вард, - тебе многие завидуют. Даже урождённые аристократы, потомственные горожане не могут стать гвардейцами базилевса. Этериоты на том же положении, что и старшие офицеры. Александр, у тебя очень высокое положение!

- Да- да, некоторые даже императорами становились, я слышал... Только мне корона не нужна, и должность вельможи тоже ни к чему. Не моё это, понимаешь?

- Понимаю, - усмехнулся ромей, - потому вас и ценят так высоко при дворе. Только наш император не любит долго сидеть без дела, я имею в виду, без войны. Не зря Василия прозвали Булгарооктон - болгаробойца. Он ненавидит болгар, новая война не за горами и тогда этериоты окажутся в пекле.

- Скорее бы, - вздохнул Александр, - а то сбеситься можно от безделья. А ты чего в Африку-то собрался, новую крепость строить?

- Нет, старую защищать, - ответил Вард. Тоже сёл на бревно, снял шлем, провёл ладонью по влажному от пота лбу. - Император приказал взять Александрию, очень важный город и порт. Сделать это штурмом не удалось, пришлось построить несколько временных укреплений вокруг города, начать долговременную осаду. Арабы всё время пытаются освободить гарнизон, давят... Нужны дополнительные силы, чтобы взять город штурмом, разбить войска "покорных". Кстати, хуррамиты во главе с Бабеком должны сыграть в этом не последнюю роль.

- Ну, вот видишь, - вздохнул Александр, - ты решаешь судьбы мира, а я дверную ручку охраняю... Эх, обзавидоваться можно! - он махнул рукой, плюнул на песок. Потом замер, как в столбняке, замедленно повернулся:

- Как ты сказал, Александрия?

- Да, - кивнул Вард, - Александрия, а что?

Александр повернулся в его сторону всём телом, схватил за плечо, сжал.

- Слушай, Вард, мне тоже надо в Александрию!

- Да ты что? Ну, надо же... - удивился Вард, осторожно освобождаясь от захвата плеча, - это раз плюнуть, сейчас пойду к этериарху, пинком дверь открою и прикажу немедленно отпустить тебя в Африку. А императору ты по дороге весточку отправишь, мол, так и так, еду в Африку, скоро вернусь... Ты посиди тут, в тенёчке, ладно? А я за чём нить холодненьким схожу.

Александр обмяк, снова прислонился к стене. Сказал, не поворачивая головы:

- Да, ты прав, - вздохнул, помолчал. - Ты помнишь варягов, что тогда в плен взяли? - вдруг спросил он.

- Ты всё упрашивал сенатора продать их, а не казнить, этих что ли? - вопросом на вопрос ответил Вард.

- Да, так вот... - и Александр рассказал Варду всё, что узнал от варяга.

- Ну, допустим, - после некоторого раздумья ответил Вард, - что это правда и парень до сих пор жив. Но шансов очень мало, ты сам понимаешь.

- Но они есть! Когда было последнее известие от наших войск в Александрии?

- Давно, - ответил Вард, - командующий экспедиционным корпусом стратиг Андрей просил оказать помощь, прислать солдат. Сын Марцеллия отплыл как раз с этой помощью. С тех пор ничего.

- Значит, вероятность пятьдесят на пятьдесят. Как ты думаешь, сенатор Марцеллий откажется от поиска своего сына?

Вард почесал затылок, хмыкнул, развёл руками:

- Да нет, конечно, он ведь у него единственный. Но послушай, сенатор может спросить, почему раньше не сказали. Опасный вопрос!

- Викинг рассказал только, что видел его живым и всё. К тому же Марцеллий сразу уехал на восток разбираться с доносом на тамошнего правителя. Вернулся только вчера, я слышал. Новая экспедиция на Африканское побережье готова и самоё время поговорить с сенатором. Подумай, Вард, в случае удачи тебе обеспечена полная поддержка влиятельнейшего человека.

- А тебе нет, ты в землепашцы пойдёшь? - ехидно спросил Вард.

- Ну, меня тоже не забудут, - засмеялся Александр, - но я здесь чужой и всё равно когда ни будь вернусь домой.

- Ладно, - решительно поднялся с брёвна Вард, - в конце концов, ты был простым солдатом и не имел права обращаться непосредственно к сенатору. Рассказал мне, сотнику. Теперь, когда сенатор вернулся, я, уже легат, поспешил к нему со срочным докладом ... Так, да, всё верно! Слушай, - ухмыльнулся он, - пошли вместе, как тогда? С телохранителями ещё разочек разберёмся!

- Ну, пойдём, - улыбнулся Александр, - только вот отпрошусь ...

Марцеллий вышел на балкон, увитый диким виноградом, по-стариковски осторожно опустился в плетёное кресло. Сухие ладони обхватили подлокотники, спина легла прямо и ровно на спинку. " Как в гроб, - почему-то подумал Марцеллий, - осталось

только накрыться чём ни будь". Взгляд тусклых глаз устремился вдаль, через пролив. Берёг укрыт дымкой, тянется в обе стороны и исчезает в неопределённости.

Только что ушли те двое, что так помогли в трудных переговорах с этим вождём неумытых дикарей, как его, Бабеком. Один из них уже старший офицер, второй стал императорским гвардейцем. Этот русич с греческим именем снова появляется в его жизни и опять он может сыграть в ней значительную роль. Появилась слабенькая надежда, что его единственный сын, Марк, жив, но только надежда, потому что сенатор жил долго и знал, что чудес нет. Бывает только то, что глупые люди называют случаем. На самом деле это провидение подсказывает бестолковым потомкам Адама и Евы правильный путь.

Но сенатор всё же был слабым человеком и надежда, совсем было угаснувшая, вспыхнула с новой силой. Он не подал вида, сохранил лицо таким же непроницаемо спокойным, даже равнодушным, но внутри словно взорвалось. Старое сердце забилось как в молодости, нагнетая жар, мышцы напряглись, он готов был бежать, кричать и драться со всём миром!

Едва сдерживая рвущийся из груди крик, царственно наклонил седую голову, давая понять, что вопрос решён, легат может забирать этериота Александра в экспедицию прямо сейчас, а всё формальности во дворце императора, он, сенатор Марцеллий, решит.

Военные ушли. Сенатор позвал секретаря, буркнул, что на сегодня приёма не будет. Несколько минут сидел неподвижно, успокаивая разбушевавшееся сердце, потом вышел на балкон. Глядел сквозь перила на огромный город, дворцы, дома, снующих внизу людей, постепенно успокаиваясь. Почему-то опять появилось то странное чувство временности всего существующего. Марцеллий не верил в предсказания, смеялся над гороскопами, а гадалок и прорицателей на дух не переносил. Никто не смёл в его доме гадать или принимать вещуний, сенатор свирепел и мог запросто приказать отрубить башку любителю гороскопов, а заодно и бродячему астрологу.

Но вот странное дело, он вдруг сам стал видеть будущее. Сначала стали сниться удивительные сны, в которых всё рушилось и горело, умирали люди, города стирались с лица земли, потом странные видения стали приходить в том состоянии полусна, отключения от действительности, что бывает в минуты сильной усталости, долгого недосыпания или длительного голодания. Видения становились ярче, красочней, стали приходить чаще, они изменились - сенатор стал видеть не только картины уничтожения городов, он видел выжженную пустыню на

месте цветущей страны, жалкие лачуги дикарей, капища чужого бога вместо храмов. Постепенно стал понимать, что непонятным образом видит будущее.

Умный, образованный Марцеллий осознавал, что нет ничего вечного в этом мире. Города и государства рождаются и умирают, как люди. Не так давно великий Рим правил миром и казалось, что так будет во веки веков, но время безжалостно уничтожило Рим, исчезли римляне, а на развалинах поселились дикие завоеватели. Сейчас Византия мировая держава и Константинополь столица мира, но долго ли так будет?

Оставаться в глупом положении дешёвого прорицателя не хотелось. Сенатор всерьёз задумался, что всё это значит. Сомневаться в собственном здоровье не было оснований, он на виду, при малейшем подозрении на душевную болезнь его просто перестали бы пускать к императору. Ответ пришёл во время воскресной службы в главном храме Константинополя, на которой сенатор присутствовал всегда, будучи искренне верующим. Повторяя слова молитвы, он по привычке рассматривал настенные росписи храма, вглядывался в строгие лики святых, слушал пение хора. Патриарх служил молебен за здравие воинов, сражающихся за веру и отечество с басурманами. Империя без конца воевала, такие службы проходили часто.

Глядя на иконы, на роспись стен, на сияющий в вышине лик Христа, сенатор вдруг почувствовал, что в будущем не будет ни этого храма, ни этого города, и страна эта тоже канет в лёту. Так будет. Если сидеть сложа руки.

После службы сенатор провёл всю ночь с книгами, доставленных ему из дворцовой библиотеки, читал летописи историков, жизнеописания далёких предков. Всё больше авторы пишут о развлечениях, о зрелищах и празднествах, всё меньше о подвигах и сражениях. Особенно привлекли внимание старые географические карты. Сопоставляя карты разных лёт, он увидел, насколько уменьшилась территория страны. Вывод был ясен, как божий день - империя умирает. Срок жизни истекает и ничто не сможет излечить её. В самом начале что-то неправильное было заложено в фундамент, теперь всё гигантское здание рушится, медленно, год за годом и что бы ни делали властители, они только растягивают агонию.

На следующее утро посыльный бегом отнёс письмо сенатора Константинопольскому патриарху с просьбой принять по неотложному делу. Патриарх согласился и вечером того же дня сенатор вошёл в зал приёмов. Марцеллий не стал ходить вокруг да около, сразу взял быка за рога:

- Мне горько говорить об этом, святой отец, но мы, ромеи,

вырождаемся. Мы уже не хотим служить в армии, не хотим работать. Ромеи желают только получать, а работать и воевать за родину доверяют варварам, которых полным полно и в армии, и в государственных органах. Я был в императорском архиве, смотрел карты. С каждым столетием границы империи сужаются. Мы неуклонно теряем земли, сокращается население и несложно подсчитать, когда разразиться катастрофа.

- Что вы предлагаете? - раздражённо перебил патриарх.

- Сейчас, не торопите меня, святой отец, - взволнованно взмахнул руками сенатор, - я волнуюсь, мне трудно сформулировать мысль... Что есть культура в широком понимании? Это знания в различных областях человеческой деятельности, опыт, информация, накопленная за тысячелетия жизни народа. Всё это воплощается в делах, отражается во всём - в искусстве, в законах, в повседневной жизни людей. Наш язык, наше мировоззрение уникальны и неповторимы и если мы исчезнем, то исчезнет и наша культура. Исчезнет то, что мы называем цивилизацией Восточно-римской империи - не кривитесь, святой отец, мы вышли из Рима - и какие цветы вырастут на развалинах, мы не знаем.

Сенатор замолчал, нервно заходил по комнате. Длинные пальцы урождённого аристократа мнут края длинной византийской туники с такой силой, что крепкая ткань трещала, шитая золотом лорика сплелась в верёвку, висела на плечах, как петля удавки, концы путаются в ногах. Патриарх тоже молчал. Он и сам не раз задумывался над будущим и не видел никакого выхода.

- Может быть, нужна свежая кровь? - неуверенно произнёс он.

- Не поможет, - отозвался сенатор, - её и так в избытке, варвары толпами прибывают в империю. Бывшие пастухи с Карпатских гор становились даже императорами.

- Вы имеете в виду Юстина?

- Да, и его племянника Юстиниана. Они много сделали для империи, но как видите, это не помогло.

- Так что же нужно! - воскликнул патриарх. Вскочил, чёрное одеяние взметнулось вороновым крылом.

Сенатор сёл. Облокачивается на спинку кресла, аристократические руки ложатся на полированные подлокотники.

- Нужен новый народ, - произнёс он, глядя в глаза патриарху.

Патриарх замирает, недоумевающий взгляд останавливается на спокойном лице сенатора.

- Интересное предложение, - согласился патриарх, - только где его взять, этот новый народ? Э-э, постойте-ка, сенатор, вы собираетесь обратить в нашу веру какое-то варварское племя, я правильно вас понял?

- Почти, - победно улыбнулся сенатор, - надо не только обратить в нашу веру, необходимо привить нашу культуру. Новый варварский народ станет домом для души империи, этот народ начнёт мыслить по имперски и государство своё станет строить по образу и подобию Византийской империи. Тело бренно, а душа бессмертна. Душа ромейской державы будет жить! Этим народом станут русичи и покорённые ими племена - русские.

Патриарх подошёл к окну. Отсутствующий взгляд пробегает по залитому солнцем городу. Голова опускается, голос звучит глухо и неуверенно:

- Я не представляю, как это можно сделать.

- Я тоже, - признался сенатор, - но у меня есть некоторые соображения на этот счёт, если позволите, я выскажусь.

Патриарх обернулся, в тусклых старческих глазах блеснула искорка жгучего интереса пополам со страхом. Взглянул на Марцеллия, бескровные губы шевельнулись:

- Прошу.

- Что привлекает варваров? Богатство городов, роскошь знати, уровень жизни, при котором даже простые ромеи живут лучше, чём вожди варварских племён. Благосостояние большей части ромеев является основной приманкой для дикарей. Нам необходимо использовать интерес варварской знати к нашему образу жизни, надо дарить дорогие подарки, предлагать ромеев в воспитатели для отпрысков знатных родов, а главное - насаждать нашу веру и через неё воздействовать на души.

- Мы и так это делаем, - скривился патриарх, - но толку немного.

- Потому что неправильно, - ответил сенатор, - мы, вернее, вы - не обижайтесь, святой отец, - совершаете ту же ошибку, что и ваши западные коллеги. Веру надобно насаждать бережно, с учётом местных условий, традиций, если необходимо, то идти на

компромиссы. А что делают святые отцы Рима? Они грубо взламывают души дикарей тупыми страшилками из Библии, указывают необузданным душам, что можно, а что нет, а самоё главное - объявляют всё местное плохим, гадким, запрещают даже на своём родном языке разговаривать.

- Язык божественных книг священен! - с угрозой в голосе ответил патриарх.

- Разумеется, кто спорит, - согласился Марцеллий, - но мы говорим о народе, простом, как полено. Для простых людей нужно говорить просто, даже примитивно и на понятном для них языке. Греческий должен стать языком знати, признаком аристократизма, ему следует обучать детей дикарских вождей. Воспитанные по-нашему, они станут русскими ромеями и оромеят - простите за дикое сочетание звуков - остальной народ.

- Вы предлагаете перевести священные книги на язык варваров!? - изумился патриарх.

- Да, - спокойно ответил Марцеллий, - и не только Библию, но и всю службу перевести на язык местных жителей, готовить священников из варваров, а подвижников веры из аборигенов объявлять святыми. Только так наша вера станет родной для русичей.

- Вы с ума сошли, сенатор. Это неслыханно! - воскликнул патриарх.

- Успокойтесь, святой отец, это сейчас неслыханно, а завтра станет обыдённым делом. Кстати, вот это обращение - святой отец - надо заменить на более тёплое и близкое славянам, например, батюшка. Как вам? - усмехнулся сенатор.

- Чёрт бы вас побрал, Марцеллий ... - проворчал патриарх, но в рычащем голосе явно слышалась растерянность, - вы представляете себе объём работы по переводу? А службы? Это ж надо новую церковь создать!

- И это не всё, святой отец, - усмехаясь, продолжал Марцеллий, - в языке варваров появиться масса новых терминов, понятий, даже буквы новые будут. Нужна грамматика.

- Ну, это уж совсем ни на что не похоже, сенатор, просто немыслимо! – срывается на писк голос патриарха.

- А поменять души дикарям мыслимо? А создать величайшую в мире империю - заново! - из страны дикости, темноты и невежества мыслимо?

Марцеллий встал, стремительным шагом прошёл по комнате, вернулся в кресло. Длинные пальцы впились в подлокотники.

- Другого выхода нет, святой отец, - прошептал он, - нет, понимаете?

Мёртвое молчание длилось несколько бесконечных минут,

лёгкий ветер шевелил шёлковые занавеси на окнах, шуршал бумагами на столе.

- Ладно, - прервал тишину голос патриарха, - вы правы. В монастырях достаточно бездельников, мечтающих о подвиге во славу господа нашего. Я назначу исполнителей.

С того памятного дня видения исчезли. Марцеллий понял, что угадал, но всё же в глубине души отказывался верить, что империя погибнет и возродится опять, словно птица Феникс, далёко на севере, в дикой и непонятной Руси.

Мысли вернулись к сегодняшнему разговору с русичем Александром. Он предполагает, со слов пленного варяга, что сын жив, просто не может подать весточку о себе и потому просит отправить его вместе с экспедиционным легионом Варда Фоки в Африку, где организует поиск. Тогда будет окончательно ясно, жив его сын или нет.

Силы покинули Марцеллия, он с трудом поднялся с кресла, медленно переставляя ослабевшие ноги, добрался до балкона. Уцепившись руками за дверь, несколько мгновений отдыхал, закрыв глаза, прислонившись лбом к прохладному камню стены. " Господи, - с мукой подумал он, - как мало надо на самом деле - лишь бы единственный ребёнок был жив! И не важны должности, положение, деньги... Всё ерунда, дрянь! Только бы он жил..."

Через два дня имперский флот, состоящий из двух гигантских фортид и восьми дромонов отправился в далёкое плавание через всё Средиземное море к берегам Африки. На корабле под флагом командующего, находился этериот Александр в должности офицера для особых поручений. Ромеям повезло - северный ветер всё время сильно и ровно давил на широкие паруса, так что капитанам ни разу не пришлось сажать матросов за вёсла. Сначала хотели, как обычно, идти вдоль берегов с частыми остановками для набора воды, продовольствия и отдыха. Командующий экспедиционными войсками легат Вард Фока воспротивился. Такое плавание заняло бы не одну неделю, если не месяцы, а войско, осаждающее Александрию, нуждалось в срочной помощи. Легат приказал идти прямо на остров Крит, там пополнить запасы, снова плыть прямо и таким образом пересечь Средиземное море в кратчайший срок. Капитаны кораблей возмутились было, потому что плавать вдоль и поперёк моря в те времена не страшились только викинги, а так называемые цивилизованные мореплаватели трусили, предпочитая спокойное плавание вдоль берегов. Особенно такое предложение не понравилось капитанам грузовых фортид - они опасались, что быстроходные дромоны бросят их при встрече с флотом «покорных».

Легат именем императора пообещал повесить любого, кто посмеет ослушаться приказа, а если непокорного капитана поддержит команда, то такое судно будет немедленно взято на абордаж и всё бунтовщики будут прикованы к вёслам. Капитаны были вынуждены подчиниться, так как у легата было почти две тысячи солдат, часть из них он посадил на дромоны для усиления команд на случай морского боя. При необходимости они могли заставить капитана и команду выполнять приказы легата.

Чутьё не подвело молодого командующего - флот без потерь подошёл к африканскому берегу, ни разу ни встретив кораблей «покорных» - вера верой, но ходить по морю они предпочитали поближе к земле. Флоту империи оставалось ещё несколько миль до береговой полосы. Вард в который раз всматривался в карту, когда вперёдсмотрящий заорал с верхушки мачты:

- Вижу дым!

- Направление! - рявкнул в ответ легат.

- Туда! - крикнул в ответ матрос. Он выхватил меч, протянул в сторону приближающегося берега. Вард бросил быстрый взгляд на карту - именно в этом направлении им и надо было идти. Поднял голову, посмотрел на капитана корабля. Кивнул.

- На вёсла! - отдал команду капитан. - Сигнал остальным судам - делай, как я!

Матросы, отдохнувшие и даже немного потолстевшие за время плавания, ринулись к уключинам, как львы, рыча, сбивая друг друга с ног от избытка сил. Громадные, сделанные из цельного ствола дерева, вёсла упали в воду, вспенили, закружили волну и дромоны побежали вперёд, на ходу выстраиваясь в линию атаки. Солдаты заняли места по боевому расписанию, приготовили огнемёты. На грузовых судах развернули дополнительные паруса, добавили гребцов, они почти не отставали от дромонов. Флот империи полным ходом пошёл на сближение с противником.

Прошло несколько томительных минут, показались верхушки мачт со свёрнутыми парусами, затем длинные корпуса кораблей с высокой кормой и косым носовым парусом - именно такие во флоте последователей нового пророка. Корабли «покорных» стоят на якорях, сходни сброшены.

На плоском песчаном берегу кипит битва. Крепость на холме горит, дым от пожара и заметили с кораблей.

С первого взгляда Александр, стоявший рядом с Вардом, понял, что они попали в самый разгар веселья - арабы решили штурмом овладеть крепостью ромеев и начали атаку сразу с двух сторон - с суши и с моря. Он взглянул на Варда. Легат по-волчьи оскалился, подмигнул - сейчас повеселимся!

Корабли ромеев приблизились незамеченными, носовые огнемёты с тягучим рёвом всё сразу выплюнули красно-чёрные струи "греческого огня". Суда противника вспыхнули факелами, жидкий огонь стёк с горящих бортов на воду. Запылало вся прибрежная полоса, огонь забрался на другие корабли и через считанные мгновения весь флот "покорных" горел. На какое-то время сражение стихло - всех поразило зрелище стены огня, мгновенно выросшей, словно из воды.

Пока дромоны расправлялись с флотом противника, фортиды обогнули пылающие суда, подошли вплотную к берегу. С бортов с грохотом упали сходни, имперские солдаты устремились вперёд, выстраиваясь на бегу в боевой порядок и без промедления ринулись в наступление.

Бронированные клинья пехоты рассекли толпу "покорных" на куски. Арабы, только что торжествовавшие близкую победу, растерялись - от кораблей остались догорающие головешки, внезапно появившееся войско ромеев наступает, прижимая к горящим стенам крепости, гарнизон которой сразу воспрянул духом и контратаковал.

Через несколько минут арабские военачальники потеряли управление войсками. Растерявшиеся солдаты перестали подчиняться приказам, командиры напрасно срывали голоса - паника, как лесной пожар, стремительно охватила войско. Солдаты бросали оружие и думали только о том, как спастись, разбегаясь во всё стороны. Покинуть побоище удалось очень немногим. Ромейская пехота умело замкнула клещи окружения и всё, кто не сумел вырваться, погибли под ударами мечей и копий. Не прошло и часа, как сражение закончилось полным разгромом "покорных".

Александр не участвовал в сражении. Как офицер для особых поручений, он находился рядом с командующим - в данном случае это был Вард Фока - и только наблюдал за ходом боя. Впервые в жизни увидел собственными глазами, как воюет регулярная армия Византийской империи, был поражён дисциплиной, организованностью и выучкой войск. Тысячи людей действовали, как живой единый организм. Многорукое и многоглавое чудовище, военная машина ромеев, сначала превратила войско противника в орущую толпу перепуганных людей, а потом хладнокровно уничтожила всех без остатка. Ещё больше удивился, когда увидел, что солдаты не бросились грабить убитых и раненых, как это было принято во всём мире, а спокойно, без суеты, построились. Командиры проверили людей и ровные колонны солдат - в ногу! - пошли к крепости. На поле боя остались только специальные команды собирателей трофеев.

Это было неслыханно, русич даже представить себе не мог такого. Только сейчас, глядя на блестящий результат сражения, Александр начал, пока ещё смутно, понимать, в чём главный секрет империи, почему такое огромное и сказочно богатое государство живёт и здравствует тысячи лёт и никто не может его захватить. Империя - это система законов, система взаимных обязательств между государством и людьми, живущих в нём. Как солдат чувствует себя частицей войска, так и каждый ромей ощущал себя частицей империи. Империя - это я! Именно так думали и чувствовали ромеи.

- О чём задумался, офицер? - раздался громкий голос прямо над ухом. Мысли, тяжёлые, неповоротливые, только-только рождающиеся, вспорхнули бабочками, разлетелись... Александр вздрогнул, оглянулся - рядом стоит довольный, улыбающийся во всё лицо, Вард.

- Нормально врезали, а? - спросил он

- Да, - согласился Александр, - даже не знаю, что и сказать. Первый раз такое вижу.

Вард довольно осматривал поле боя, горделиво улыбался. Покосился на русича. Неожиданно совершенно серьёзным голосом произнёс:

- Учись, тебе пригодится.

Александр недоумённо обернулся.

- Я не шучу, - всё также серьёзно сказал Вард, - до меня дошли разговоры, что на твою страну обратили внимание на самом верху. Император не хочет видеть Русь и русских врагами.

- Откупился дарами и всё дела, - пожал плечами Александр.

- Нет, тут что-то другое. Что именно, не знаю, но вопрос ставится совершенно иначе. Мы, конечно, ещё повоюем с вами, но уже назревает какой-то переворот в отношениях.

- Да наш князь не очень-то и хочет драться с вами. Привёз ромейских строителей, художников, всех учиться по-вашему заставляет. Я откуда, по-твоему, ромейский язык знаю? Но всегда находятся уроды, даже среди удельных князей, которые хотят хорошо жить, не работая. Такие и воюют.

- Так и есть, - согласился ромей, - и у нас так было, пока не извели всех этих - как ты сказал? - удельных князей. Теперь только один властитель - император. Вот и вам бы так надо.

Александр вздохнул, убрал руки с перил, на которые опирался, когда смотрел на сражение.

- Может и настанет такое время ... Пошли, что ли, - кивнул на коней, которых приготовили для них, - пора в крепость, у меня там дело, не забыл?

Кони с места взяли в галоп и всадники уже через несколько

минут, обогнав колонны марширующих солдат, въехали через полуразрушенные ворота в крепость. Вокруг кипит работа - солдаты гарнизона растаскивают обломки брёвен, убирают мусор. Стучат топоры, молотки уже кое-где засвистели плети - это десятники вправляют мозги ленивым и нерасторопным. Пепел и пыль поднимаются над сожжённой крепостью, расплываются безобразным серым облаком в голубом нёбе.

Кони пронеслись от ворот до середины крепости за один миг. Александр успел заметить, что никто не бездельничает, лежат только раненые и убитые. В который раз поразился способности ромеев не теряться в любой ситуации, быстро приходить в себя и восстанавливать разрушенное.

Приглушённый мягкой землёй грохот копыт оборвался, конь всхрапнул, вскидывая голову. По лицу хлестнуло жёсткими волосами конской гривы. Александр соскочил с сёдла на землю, вслед за Вардом вошёл в шатёр коменданта крепости.

В центре, на простом деревянном топчане, лежит человек в окровавленных повязках, над ним склонилось двое - лекари. Раненый не шевелится, только изредка стонет сквозь зубы. Это комендант. Всё время осады он провёл на стене, получил несколько ранений, но лёгкие. В последнем сражении, окончившемся победой, не повезло - копьё пробило панцирь, грудную клетку, задело позвоночник.

Вард снял шлем, вопросительно взглянул на лекаря. Тот отрицательно мотнул головой, едва слышно шепнул:

- Несколько часов...

Вард Фока как старший по званию был вынужден принять командование над всеми войсками в крепости. Он немедленно отдал приказ - восстановить оборонительные сооружения. Весь день и ночь, и следующий день прошли в непрерывной работе. Солдаты валились с ног, но никто не возроптал - всё понимали, что "покорные" могут вернуться в любой момент и напасть. Только к вечеру второго дня восстановили стену, ров и частокол, общая площадь укреплений увеличилась почти вдвое.

Когда последние лучи солнца погасли, вся крепость спала мёртвым сном. Измученные люди засыпали мгновенно, едва голова касалась лежанки. Только караульные не дремали, их заранее освободили от всех работ. Вард предупредил - за сон на посту смертная казнь без суда и следствия, достаточно доклада проверяющего офицера.

Утром третьего дня Александр в сопровождении десятка конников выехал из ворот крепости. В его маленьком отряде был один солдат старого гарнизона, хорошо знающий здешние места, его взяли проводником. Предстояло обшарить всю местность в

округе, опросить встреченных местных жителей, проверить деревни, поселения и узнать хоть что ни будь о молодом ромее, сбежавшем с драккара варягов месяц назад.

В этот день неудачи преследовали маленький отряд с самого утра. Полдня провели на палящем солнце, не встретив ни единой живой души. Фанатики нового пророка уничтожил всё в радиусе нескольких километров. Изредка встречались остатки сожжённых деревень, засыпанные песком колодцы. Поднявшийся ветер принёс пыль, пришлось замотать лица платками. Ветер, сухой и горячий, больно хлестался песком, пыль забивалась в нос, лезла в глаза, под одежду.

Александр понял, что поиск ни к чему не приведёт, надо возвращаться. Отряд повернул, усталые кони уныло затрусили по едва заметной дороге. Несколько раз на горизонте показывались какие-то люди, но быстро исчезали, едва замечали конников. Обратный путь всём показался вдвое длиннее и когда вдали выросли сторожевые башни ромейской крепости, обрадовались даже лошади.

На другой день остались в крепости - началась песчаная буря и не утихала до полночи. Александр приуныл. Он одиноко сидел в маленькой палатке, размышляя, где и как искать парня. В который раз разглядывал карту, но, увы, достоверным на ней был только рисунок крепости, всё остальное уже не существовало, ибо жители покинули свои жилища и обосновались совершенно в другом месте.

" Ни рек, ни озёр, никакого чёрта нет! - размышлял Александр, - как тут вообще люди живут? Песок да камни ... Глину, что ли, жрут? Вместо леса прутики сушёные торчат из песка, воды нет. Тьфу, вот беда!"

Воспалённые, красные от пыли глаза скользнули по старой, затёртой телячьей коже, взгляд зацепился клубок тонких линий в углу карты. Он вспомнил, что точно такие линии и чёрточки были на той карте, что нашёл на драккаре вместе с доспехами. Вард объяснил тогда ему, что так обозначают реки и крупные ручьи. Значит, где-то не очень далёко есть река. А где река, там люди!

Александр почуял, как где-то глубоко-глубоко в душе засветился огонёк надежды. Если парень выжил, он не остался в бесплодной пустыне один. Мог прибиться к какому ни будь бродячему племени, а они здесь всё бродячие, и вместе с ним откочевать подальше от войны, от бескрайних песков к воде.

Он выскочил из палатки, торопливо пошёл к шатру командира гарнизона, на ходу сворачивая карту в трубочку. Из тьмы вышел часовой, намереваясь заступить дорогу, но узнал, отступил. Александр негромко стукнул рукоятью меча по

деревянной стойке, вошёл внутрь.

Вард сидит за походным столом, перёд ним разбросаны бумаги, развёрнута большая карта. Поднял голову, устало взглянул на вошедшего. Бросилось в глаза, как похож на стратига Михаила, того самого, у которого был Александр.

- Ты чего? Извини, Александр, у меня много дел, - глухо произнёс Вард, - давай короче.

- Знаю. Я хотел взглянуть на твою карту, моя слишком маленькая. Можно?

Вард молча подвинул карту, поднёс светильник ближе.

- Что это? - спросил Александр, ткнув пальцем в сплетение голубых линий.

- Устье Нила, - ответил Вард, - десятки километров ручьёв, речек и речушек. Вместо берегов земляная жижа, непроходимые заросли камыша и тростника. А что?

- Сына Марцеллия надо искать там, - ответил русич, накрыл рисунок ладонью.

Вард некоторое время молчал, потом тихо спросил:

- Ты знаешь, что это такое - устье Нила?

- Речка разливается перёд впадением в море, видал я такое... - пренебрежительно отмахнулся Александр.

- Речка ... - усмехнулся Вард, - устье Нила - сплошное переплетение воды, грязи, кустарника. По сути, это бескрайнее болото. Весной Нил разливается, болото увеличивается в несколько раз, потом вода уходит, грязь остаётся. Высохшую грязь крестьяне распахивают, по три урожая в год снимают... Ладно, это не важно. Там полным полно крокодилов. Такое видал?

- Ну... разберёмся с крк ... чёрт! ... ну, в общем, рассказывай, чего это такое.

- Крокодилы - это драконы, чудища водяные! Они живут в реке, очень быстро плавают, ловко прячутся и нападают неожиданно, из засады. Ноги у них маленькие, кривые, но бегают, будь здоров, только недалёко. Вырастают такими громадными, что человека пополам перекусывают, лошадь вместе с повозкой под воду утаскивают! И их там, этих чудищ, как лягушек на ваших русских болотах, где самый страшный зверь бобёр. Вот так!

- Не может быть! - не поверил Александр, - ты серьёзно?

- Серьёзней некуда.

Александр опустился на лежанку, обхватил голову руками. Шёпотом спросил:

- Что же делать, легат? Вокруг одна пустыня, ни одной живой души, даже спросить не у кого. Здесь вообще никого нет! Люди ушли от войны и голода.

Вард также тихо ответил:

- Не знаю. Наверно, ты прав, здесь искать некого. Там земля очень богата, по три урожая в год снимают, я ж говорил, можно спастись от голода. Люди селятся по краям устья, внутрь захочет сунуться только сумасшедший или самоубийца, так что парнишка мог спрятаться в каком ни будь поселении, если, конечно, он вообще жив.

Александр только развёл руками в ответ.

- Но я не могу дать тебе людей, - ещё тише продолжил Вард, - даже сотню. Через несколько дней мы выступаем на соединение с войсками стратига Андрея, что бы вместе разбить войско арабов, иначе вся наша кампания проиграна. Только десяток добровольцев и всё.

- Я понимаю, - с тяжёлым вздохом ответил Александр, - тут и тысячи может оказаться мало. Значит, пойду один.

Весь следующий день ушёл на подготовку к долгому и опасному путешествию в неведомые земли. Александр отдал на хранение Варду дорогие доспехи, себе оставил прочную, лёгкую кольчугу, двуручный меч, тот самый, что когда-то нашёл на выброшенном на берёг драккаре, пару метательных ножей. Вард советовал оставить и меч, слишком заметён, но Александр наотрез отказался - не было сил расстаться с хорошим оружием. Сложил в заплечный мешок разную мелочь, необходимую в пути.

Перёд отъездом Александр предложил присесть на дорожку. Сидели молча. Понимали, что у каждого впереди неизвестность - Варду предстоит сражение с превосходящими силами арабов и никто не знает, чём оно закончится, Александр вовсе отправляется в никуда. Обнялись на прощание.

Едва узкий серп нарождающегося месяца появился на темнеющем небосводе, маленький конный отряд выехал из ворот ромейской крепости. Две дюжины конских копыт глухо простучали по пыльной дороге. Часовые на стенах долго провожали взглядами отряд, пока он не превратился в тёмное пятно, потом пылевые смерчи замутили воздух, засыпали следы и всё...

Отряд ехал всю ночь без остановки. Едва заметная дорога временами вовсе переходила в узкую тропку, петляла и кривлялась, потом раздваивалась, толстела и снова превращалась в дорогу. Сделали короткую остановку возле маленького оазиса. Под тремя умирающими от жары кривыми пальмами на поверхность земли пробивался малюсенький ключ. Тонкий ручеёк проползал десяток шагов, обессилено разливался мелкой лужицей и тихо умирал, исчезая без следов под палящими лучами. Сейчас, ночью, он воспрянул духом. Лужица стала лужей, ручей налился силой, глубиной и загадочно поблескивал

отражающимися звёздами.

Накормили и напоили лошадей, поели сами. Когда полоска рассвета едва заметно обозначилась на горизонте, отряд тронулся в путь. Им удалось проскакать с десяток вёрст, прежде чём солнце выбралось из тёмной пустыни, по-хозяйски уселось горячим задом на небесный свод. Жёлто-белая злость потоком залила нёбо и землю, затопила каждую ложбинку и трещинку в земле, всё живое торопливо спряталось в норы, под камни или просто зарылось под землю. Только люди продолжали свои непонятные дела под палящим жаром.

Место для дневного отдыха выбрали на карте заранее и отряд находился недалёко от него. Это узкая расщелина в небольшой гряде старых осыпавшихся гор. Под широким, грозящим вот-вот рухнуть от старости козырьком неведомые добрые люди вырыли колодец. Вода в нём была мутная, с кислинкой, вдобавок её мало, но это была вода, единственная на многие километры вокруг. Только в этом колодце можно напоить лошадей и запастись в дорогу.

Командир десятка воинов, сопровождающих Александра, декарх, был разумно осторожен. Всегда посылал вперёд парный дозор, который должен был предупреждать об опасности. Когда дозорные остановились, один из них поднял руку с обнажённым мечом, декарх скомандовал остановиться - вскинутый меч означал противника.

Подъехали ближе к вершине плоского холма, к дозорным. Встали так, что с другой стороны противник мог увидеть только их головы. Что бы не выдать себя блеском, боевые шлемы сняли, обмотали головы тряпками под цвет песка.

Александр стал на стремена, всмотрелся. Перёд ним раскинулась плоская равнина. В полуверсте темнели развалившиеся скалы, где колодец. Справа от них раскинулась бескрайняя пустыня, утопающая в солнце. По ней в сторону скал медленно бредут лошади и верблюды. На каждом животном сидит закутанный с головы до ног в белую ткань всадник. Это отряд арабов или каких-то местных разбойников, потому что ни одно животное не было нагружено большими тюками или корзинами, как принято в купеческих караванах.

Всё понимали, что отряд арабов надо немедленно атаковать и уничтожить. Если они доберутся до гряды камней, там смогут обороняться очень долго, имея за спиной колодец, а ромеи погибнут - их убьёт солнце уже сегодня до вечера.

- Приготовиться к атаке! - негромко скомандовал декарх.

Солдаты скинули тряпьё, стальные доспехи ослепительно засверкали, молниями блеснули вскинутые к нёбу мечи.

- Вперёд! - и маленький отряд ринулся в атаку.

Одуревшие от жары и слепящего солнца арабы не заметили атакующих. Они вообще были уверены в полной безопасности, потому что хорошо знали, что ромеи этой дорогой не ходили. Когда слаженный грохот копыт двух дюжин коней достиг ушей, было поздно. Успели только повернуться, посмотреть и, пока соображали, что к чему, атакующие врезались в колонну лошадей и верблюдов. Засвистели мечи, раздались крики боли и страха, первые убитые упали на горячий песок.

Несколько арабских воинов успели выхватить сабли, завязался бой. Кони вставали на дыбы, храпели, кусали друг друга, мечи и сабли звенели, сталкиваясь в воздухе. Глухие удары по ромейским панцирям звучали так же часто, как быстрый скрежет мечей, когда клинок прорубает арабскую кольчугу.

Озверевшее солнце одинаково злобно слепило и жгло и тех, и других. Железо моментально накалилось, ромейские солдаты в своих панцирях чувствовали себя, как раки, которых запекают в печи в собственном соку. Солёный пот заливал лицо, глаза, реками стекал вниз. Опущенные забрала не давали смахнуть едкий поток, дрались, как в тумане, видя вместо противника расплывающиеся контуры человеческих тел. Конские спины стали мокрыми и скользкими, как намыленные.

Выучка и умение сражаться делали своё дело - всё меньше противников оставалось в сёдлах, большинство лежали на песке, разрубленные и окровавленные. Оставались последние трое, на верблюдах. Губастые, горбатые чудища громко ревели, напуганные запахом крови и звоном железа, плевались, потом всё трое опорожнили желудки. В неподвижном раскалённом воздухе рекой потекла нестерпимая вонь. Несколько солдат не выдержали, заставили коней отступить. Александр, дравшийся наравне со всеми, тоже не стерпел. Его конь, понукаемый уздой и шпорами, пошёл боком на другую сторону, остановился. Недолго думая, русич достал метательные ножи, бросил один, потом второй. Два всадника на верблюдах завалились на спины - один с ножом в шее, другой в глазу. Третий замешкался, испугавшись, что тоже сейчас получит нож в горло, но ударил меч и араб с разрубленной головой свалился на землю.

Александр спрыгнул с коня. Осторожно, что б не наступить в верблюжье дерьмо, подошёл к убитым, достал ножи. Аккуратно вытер о край вражеской одежды, спрятал за пазуху. Солдаты торопливо обыскали убитых, поймали лошадей. Отряд двинулся к колодцу, торопясь из последних сил.

Незаметно пролетели самые жаркие полуденные часы. Когда тени налились чернотой и выросли, отдохнувшие люди стали

собираться в путь.

- Александр, - спросил десятник, - ты умеешь управлять верблюдом?

- Ну-у, ...так, - пожал плечами он, - вроде как на лошади, верно?

- Почти, - согласился ромей, - только лошадь не надо подымать с земли, а верблюда нужно, на него иначе не сядешь. Смотри!

Десятник заставил верблюда сначала лечь на песок, затем взобрался на спину, уселся между горбов. Постукивая палкой и помогая себе каблуками, поднял животное. Верблюд недовольно повернул голову к всаднику. Александр невольно отступил на шаг. Он решил, что сварливая тварь начнёт плеваться и поэтому лучше стать в стороне.

Верблюд пожевал губами, высокомерно отвернулся.

- Понял? - раздался голос десятника с высоты верблюжьей спины.

Вместо ответа Александр взял повод второго верблюда, в точности повторил всё действия десятника и через полминуты оказался сидящим промеж горбов животного.

- Зачем ты мне всё это показываешь? - спросил он ромея.

- Теперь это твой конь, - просто ответил десятник, - мы не можем идти дальше, потому что лошади падут в пустыне от жары, бескормицы и без воды. Мы возвращаемся, а ты на трёх верблюдах пойдёшь дальше, с ними не пропадёшь.

- А как же? ... их ведь тоже кормить надо! - растерялся Александр, - куда мне троих-то?

- Верблюды такая скотина, что сами найдут еды и воды, а не найдут - тоже не страшно. Местные кочевники рассказывали, что они - верблюды - месяцами могут без еды и питья обходиться. У них запасы в горбах. Правда, правда! - заверил его десятник, - потому их кораблями пустыни зовут. За одного такого верблюда тебе большие деньги дадут, а за троих целую кучу золота!

- Угу, - скривился Александр, - или башку отрежут.

- Отобьёшься! - возразил десятник. Минуту поколебавшись, добавил:

- И вот ещё что, переоденься в одежду этих, - кивнул головой в сторону, где остались трупы убитых в схватке.

Проклиная всё на свете, особенно яркий солнечный день, Александр поплёлся по раскалённому добела песку к мертвецам. По иронии был вынужден забрать одежду у того, которого сам же и убил ножом в глаз - его белый балахон единственный не забрызгался кровью. Натянул тряпки поверх кольчуги, обмотал голову на манер местных кочевников и побрёл под навес.

Солдаты уже нагрузили одного верблюда поклажей, остальных привязали верёвкой к седлу.

Когда русич уселся между горбов, на коне подъехал десятник, протянул свёрнутую в рулон карту:

- Возьми, тебе понадобится. Прощай!

Кони ромеев с места взяли рысью, маленький отряд скрылся вдали. Александр двинул пятками в бока верблюда, лёгонько стукнул палкой. Караван отправился в противоположную сторону, в самую глубину пустыни. Верблюд неторопливо побрёл, мягкие горбы упёрлись спереди и сзади, не давая свалиться на ходу. Незаметно жара стала спадать, воздух похолодел, резче обозначились тени. Жара отступила, уставший за день Александр незаметно задремал.

... в лицо ткнулось что-то мягкое, волосатое, как медвежья лапа. Нос забило шерстью, дыхание остановилось. Он дёрнулся, широко разевая рот, что бы побольше захватить воздуха, выпрямился и ... почувствовал, что теряет опору, сейчас свалится в пропасть. В панике открыл глаза, замахал руками, ноги инстинктивно упёрлись во что-то тёплое, не давая упасть.

Быстро огляделся. Вокруг темнота, он по-прежнему сидит на верблюде, только безголовом. Медленно разжал пальцы, которыми намертво вцепился в верблюжий горб. Вытянул шею, заглядывая вперёд и вниз. Сразу от горба начинается шея, уходит круто вниз и исчезает в темноте. Оттуда слышится громкое хлюпанье и храп, словно некто огромный и толстогубый пьёт горячий чай с блюдечка. Внизу блеснуло, Александр понял, что это лужа, а его верблюд пьёт воду. Остальные два недовольно фыркают за спиной.

Спрыгнул, дал напиться другим верблюдам, потом привязал животных к деревцам, что торчат из песка неподалёку. Вокруг лужи в изобилии растут колючие кусты и трава. Напившиеся до отвала верблюды принялись с жутким хрустом пожирать колючие ветки. Шипы на кустах выросли такие, что смотреть на них страшно, а горбатым губошлёпам всё равно, жрут, как с голодного края, чуть не давятся от жадности.

Александр посмотрел, покачал головой. Подумал, что таким коням, которые едят раз в полгода, да ещё такие дрова, в бедном хозяйстве кочевника действительно цены нет. Лёг на ещё тёплую землю, на всякий случай вытащил меч, положил рядом. Под мерный хруст поедаемых колючек заснул.

Наступившее утро было самым обычным, но оно стало началом кошмара. Русич, выросший в холодной северной земле, и предположить не мог, до чего невыносимым может быть тёплое летнее солнце. В Африканской пустыне оно превращается в глаз

дьявола, который жжёт адским пламенем всё живое и неживое.

Александр медленно плывёт над раскалённым морем песка на высоте полутора саженей, мерно раскачиваясь в такт важно шагающему верблюду. Нажравшаяся колючек скотина равнодушно бредёт по пустыне, нисколько не беспокоясь о завтрашнем дне. Ей совершенно всё равно, куда идти, а вот Александр весь извертелся в неудобном седле. Карта, которую ему оставил десятник, была старой, неточной. Обозначенный на ней колодец, к которому он рассчитывал добраться до полудня, исчез бесследно. Александр безуспешно осматривался по сторонам, пытаясь даже вставать на седло - никаких признаков источника воды не обнаружил. Пришлось идти дальше, а других колодцев по близости не было. Водой запасся достаточно, по его мнению, но пустынное солнце печёт так, будто по внутренностям вулкана путешествуешь.

Александр всё время пил, вода выступала потом и испарялась, оставляя на память солевые разводы на одежде. Когда остался последний кожаный мешок с водой, называемый местными бурдюк, заставил себя остановиться. Понял, что ещё чуть-чуть и останется вовсе без воды и тогда смерть.

Отвернулся, стал думать, какая вода в бурдюке горячая, пропахшая плохо выделанной кожей и грязная. От жары мысли начали тяжелеть, заплетаться и останавливаться на полпути. Лёгкий ветерок опалил щёки огнём, маленькие песчинки слегка задели кожу на лбу. Показалось, будто орёл когтистой лапой провёл, оставив глубокие борозды. Торопливо закутал лицо в платок, оставив тоненькие щёлочки для глаз. Только сейчас понял, почему местные жители ходят такие укутанные.

Путь казался бесконечным, как и сама пустыня. Завывание ветра, шелест песка и мерный звук верблюжьих шагов...

Жара так вымотала, что не помнил, как слёз с верблюда, когда в глазах потемнело. " Наконец-то ночь..." - подумал Александр, засыпая на тёплом песке. Проснулся рано утром, когда заря только-только начиналась. Дёрнулся от мысли, что вчера забыл связать верблюдов, вскочил.

Верблюды оказались на месте, привязанные за хвосты друг другу. Александр счастливо вздохнул, принялся собираться в дальнейший путь. По карте оставалось вроде немного, но впереди всё та же пустыня, а воды почти нет, если не считать тот бурдюк с тёплой и вонючей похлёбкой, в которую превратилась вода за вчерашний день.

Взглянул на верблюдов. Сытые, равнодушные ко всему на свете... " Самому что ли колючек поесть? - завистливо подумал Александр, - эко чудо господь создал, а?"

Следующий день повторил предыдущий в точности. Опять жара с самого утра, сухой ветер в лицо и тихий, тихий скрежет песчинок, словно шелест тысяч маленьких крылышек. Ближе к полудню, когда самая жара, вода кончилась, Александр почувствовал, что смерть близка, как никогда. Карту он давно выбросил, всё равно ничего не показывала. Охватило странное равнодушие. Опустил голову, глаза бессмысленно остановились на клочке волос на шее верблюда. Он вспомнил рассказ ромея, что верблюды могут не есть и не пить по нескольку месяцев. В голове закрутилась дурацкая картинка - вот, идёт верблюд по пустыне, а на спине у него высохшая мумия. Костяные клешни, когда-то бывшие руками, всё ещё держат истлевший повод, голый череп, тускло блестящий на солнце, мрачно смотрит в землю чёрными ямами глазных впадин. Лохмотья истлевшей одежды шевелит ветер, они вздымаются за спиной чёрными крыльями. Хрипло ревёт верблюд...

Александр затряс головой, выныривая из тяжёлого дурмана. Внезапно кто-то сильно рванул повод, он невольно разжал пальцы. Рёв оборвался. Спохватился, широко раскрыл глаза. Умирающее солнце злобно бросило клок красного света в глаза, закрылся ладонью, вторая рука цапнула меч. Судорожно огляделся - ничего, всё та же пустыня, позади два привязанных верблюда уныло глядят вдаль. Тот, на котором он сидел, перестал орать, наклонился к земле и начал брезгливо обрывать колючие ветки куста.

" Так ты жрать захотел, - с ненавистью подумал Александр, - а повод не даёт наклониться. Срубить бы тебе башку! А кстати..." Вдруг подумал, что если зарезать одного верблюда, то можно напиться крови. Это хоть как-то заменит воду.

Он уже всерьёз вознамерился исполнить свой план, стал высматривать, куда лучше ударить, что б сразу, как вдруг по лицу словно провели маленькой прохладной ладошкой. Милый запах тины, затхлости, родного болота мелькнул и пропал.

Александр насторожился, убрал меч, внимательно посмотрел по сторонам. Верблюд тоже что-то почувствовал, перестал драть несчастный куст, пошёл вперёд, сам, без понуканий и вроде как заторопился. Александр никогда не видел, как верблюды торопятся, но истолковать иначе странное поведение медлительной скотины не мог.

Вокруг всё та же пустыня, вроде ничего не изменилось. Но вот запах болота вновь коснулся обоняния, а вместе с ним свежесть близкой воды. Александр воспрянул духом, подобрал поводья, но дёргать и натягивать не стал - пусть верблюд идёт сам, он, похоже, лучше седока знает, куда надо.

Когда маленький караван поднялся на вершину плоского бархана, взору открылся дивный вид на бескрайнее море зарослей. В густой зелени часто сверкает, это вода отсвечивает на солнце. Блеск и зелень сливаются, уходят далёко за горизонт. Полумёртвый от жары, Александр замер, как вмороженная в лёд лягушка, не в силах пошевелиться. Не столь впечатлительный верблюд помотал головой, разбрызгивая мутные слюни, важно зашагал по песку прямо к зелёной полосе кустов и травы.

Александр облегчённо выдохнул, без сил опёрся спиной о мягкий верблюжий горб. До воды ещё далёко, хорошо, если к ночи доберутся, и солнце палит по прежнему, словно не собирается садиться, но он твёрдо знал, что выжил в проклятой пустыне. А до далёкой воды потерпит, ничего страшного.

На следующее утро, сидя у догорающего костра, Александр напряжённо думал, что делать дальше. Понятно, что надо разыскать селение, поспрашивать жителей, но как? Он же ни слова не понимает на здешнем наречии. Ничего стоящего в голову не пришло, вообще начал жалеть, что ввязался в это дело, но возвращаться поздно.

Так ничего и не придумав, собрался в путь. Отъевшиеся верблюды весело, если можно так сказать о верблюдах, пошли вдоль линии кустов. Рядом с водой солнце уже палит не так сильно, воздух прохладнее и уже не обжигает лицо и лёгкие. Ехал долго, но никаких признаков жилья не встретил. Только к полудню вдали показались камышовые крыши хижин, за ними неровная линия крепостной стены.

Город, маленький паршивый городишко, каких разбросано по всему Египту десятки. Они возникают возле каждой лужи, а уж вдоль рек поселения тянутся сплошной полосой. Утомлённые долгой дорогой верблюды бодро зафырчали, пошли быстрей. Александр плотнее запахнул одежду, поправил меч за спиной.

Поселение встретило тишиной, на грязных, пыльных улочках ни души. Тощие куры ковыряются в пыли, худые собаки подозрительно смотрят на одинокого путника, но ни одна даже не гавкнула, видно, знают, каково связываться со злыми верблюдами. Вскоре встретились первые люди, хмурые оборванцы. Мужчины и женщины одеты почти одинаково, во всё серое и пыльное. Неторопливо бредут по своим нехитрым делам, исчезают в тёмных провалах дверей хижин. Александр заметил, что всё возвращаются из центра поселения, там, где возвышается крепостная стена. Дорога, по которой брёл его верблюд, была единственной и вела как раз к крепости. Послышался неясный гул, крики. Верблюд обогнул кособокий двухэтажный сарай и Александр увидел базар.

На небольшой площадке собралась разномастная толпа продавцов и покупателей, а также жуликов и мошенников всех мастей. С высоты верблюжьей спины русич увидел, где продают скот, направился туда. Коровы, козы и гуси его не интересовали, он подъехал к мрачному на вид мужику, рядом с которым сиротливо стоит четверо верблюдов. Мужик явно не похож на ромея, потому Александр не стал затевать бесполезный разговор, а попробовал объясниться на пальцах. Жестами, понятными представителям всех наций, показал, что хочет продать. Мужик оценивающе посмотрел на верблюдов, покачал головой. Хлопнул по карману, развёл руками - то ли денег не хватит, то ли нет их. Указал грязным пальцем за спину. Там, в десятке шагов дальше, стоит другой мужик, почище и побогаче. Александр направился к нему, повторил жестикуляцию. Сразу оживился, начал осматривать верблюдов, с видом знатока заглянул в рот, осмотрел копыта, спину. Потом повернулся к Александру и тот сразу понял, что сейчас начнётся торг.

Для постороннего наблюдателя процесс торга выглядел очень странно. Александр не издал ни звука, справедливо полагая, что его всё равно не поймут и потому отчаянно размахивал руками, шевелили пальцами и корчил рожи, нахваливая товар и требуя справедливой цены. Покупатель, считая хозяина верблюдов глухонемым, также махал руками и шевелил пальцами, корчил страшные рожи и мычал, видимо, призывая своих богов в свидетели честности предлагаемой цены. Так продолжалось минут пять, оба устали, вспотели. Вокруг начали собираться зеваки - не часто увидишь, как торгуются глухонемые!

Александр почувствовал, что пора прекращать балаган, тем более, что уставший мужик набавил цену. Не зная, выиграл или потерял, согласился. Сложил золото в кошель и тут почувствовал какой-то напряг в окружающей толпе. Жулики, понял он, засекли деньги у одиночного покупателя, теперь будут пасти до удобного случая. Александр как бы невзначай поправил меч за спиной, укрытый накидкой. Прижал кошель к животу, согнулся, как больной или старик и так, горбатеньким, засеменил прочь. Он знал, что грабители не отстанут. Решил сразу разобраться с ними, иначе потом забудешь и получишь нож в спину в самый неподходящий момент.

Навскидку выбрал проулок, направился к нему. Пошёл быстро, чуть не бегом, чтобы немного опередить преследователей, а то, что они есть, не сомневался. Свернул ещё и ещё, наконец, увидел длинный грязный проход между домами, заканчивающийся тупиком. Пробежал с десяток шагов, подпрыгнул, схватился за край плоской крыши, рывком забросил

тренированное тело на горячую от солнца поверхность.

Не прошло и минуты, как послышались торопливые шлёпающие шаги босых ног. Александр осторожно выглянул - так и есть, четверо потных оборванцев бегут наперегонки, что-то лопочут на ходу. Русич неторопливо сёл на кромку крыши, спрыгнул. Оборванцы, увлечённые погоней, даже не услышали, пришлось свистнуть. Один оглянулся, выпучил глаза, заорал, быстро размахивая длинными руками. Всё замерли.

Александр идёт навстречу, руки распахнуты для объятий, лучезарная улыбка цветёт на лице. Грабители тупо смотрят. Неожиданная реакция жертвы смутила, но не всех. Один, видимо, главарь шайки, что-то коротко приказывает сквозь зубы. В руке тускло блеснуло. Александр не успел сообразить, как остро отточенное лезвие метательного ножа ударило точно в левую половину груди.

Кольчуга выдержала, но гибкая сетка из стальных колец не гасит удар. Толчок получился сильный и болезненный, будто в сердце ткнули тупым концом копья. Русич невольно опустил глаза - зазубренное лезвие зацепилось в складках одежды, повисло.

" А ну как в горло? - молнией пронеслась мысль, - ладно, что в кольчугу". Улыбка мгновенно сходит с лица, превращается в волчий оскал. В руках появляется меч, ладони сжимают шершавую рукоять. Лезвие развернул так, чтобы плоскость закрыла лицо и шею. Боком, чтобы максимально уменьшить собственные размеры, идёт навстречу, сосредоточенно глядя на руки главаря.

Грабители явно растерялись. Особенно испугал длинный двуручный меч. Один, самый мелкий и молодой, взвизгнул, кинулся прочь, но не пробежал и десятка шагов. Впереди тупик. Остальные трое, одновременно выхватили длинные кривые ножи или небольшие сабли, Александр не разобрал и бросились на него. У двоих из складок просторной одежды появились маленькие круглые щиты.

Узкий проход вынудил нападавших действовать плотной группой, но кто-то, Александр знал, обязательно попытается зайти со спины, потому он размахнулся и ударил широко, от стены до стены как раз на уровне груди. Длинное булатное лезвие рассекло пыльный воздух, как молния. Короткий звон, переходящий в хруст, вскрики и толчки в руки - Александр понял, что сделал правильно. Обломки лёгких деревянных щитов посыпались на землю вперемежку с отрубленными руками и саблями. Второй удар наотмашь завершил дело, три страшно разрубленных тела рухнули в пыль.

Наступила мёртвая тишина. С конца окровавленного меча сорвалась тёмная капля, упала в темно-вишнёвую лужицу. Не убирая оружия, русич медленно поднял глаза. Четвёртый грабитель, молодой, почти подросток, падает на колени, умоляюще лопочет на своём языке. Поколебавшись с секунду, Александр повернулся и, не убирая меча, идёт прочь. Он уже знал подлую бандитскую породу - уберёшь оружие, мальчишка ткнёт ножом в спину.

Доходит до конца проулка. Впереди базарная площадь. Идущий навстречу горожанин вдруг шарахнулся, взмахнул руками и бросился наутёк, за ним другой, третий... Александр удивлённо просмотрел - чего это они? - потом сообразил, что от него убегают, он же с мечом идёт, кровь стекает с лезвия на руки, вся одежда в кровавых разводах.

Торопливо убирает меч. Быстро идёт прочь, пока кто-то особо перепуганный не позвал стражу. Пробирается через базар, лавируя между торговых рядов, под оглушительные вопли продавцов и покупателей. Разнообразные запахи, переходящие в нестерпимую вонищу, заставили плотнее закрыть лицо, зажать нос. Собрался было уже побежать, такой галдёж и вонь вокруг, но торговые ряды внезапно заканчиваются. Александр убирает с мокрого лица платок, с наслаждением вдыхает относительно чистый воздух. Слабый ветерок забрался под полы, приятно охладил разгорячённое тело. В воздухе появляется новый странный запах, донеслись ослабленные расстоянием крики. Он завертел головой, встал на цыпочки, пытаясь определить, откуда исходит.

Звуки и запахи идут из-за забора, невысокого, но плотного. Забор отделяет от общего базара какой-то другой. Александр входит в широко распахнутые ворота. Перёд ним раскинулся рынок рабов. Отдельно продают женщин, именно от женской площадки исходит слабый запах душистой воды.

Кричали продавцы живого товара, расхваливая достоинства своих рабов. Торговля людьми была обычным делом, вроде продажи скота и являлась очень прибыльным занятием, потому что приобрести раба мог только состоятельный человек.

Заинтересованный, подходит ближе. Равнодушно провёл взглядом по женской половине, там несколько ярко накрашенных и плохо одетых фигурок глупо кривлялось на помосте, высоко задирая ноги и размахивая рукам. Пучеглазая блондинка дёргала туго натянутые жилы на доске, «делала» музыку. Вокруг собрались ценители. Вытаращились, почти не мигая. Там, где предлагали на продажу мужчин, царило оживление. На помосте выстроились в ряд две дюжины рослых, мускулистых негров

быковатого вида. Продавец, низкорослый усатый грек с круглым животиком, неторопливо прохаживался вдоль строя. По требованию покупателя приказывал поднять руку или ногу рабу, раскрыть рот и показать зубы. Громко называл цену, покупатель соглашался или спорил и тогда начинался торг - любимое занятие восточных людей.

В толпе зевак Александр заметил и несколько женщин, укрывающихся за пологом носилок. Криво усмехнулся, пошёл было дальше, но взгляд вдруг зацепился за нелепую фигуру тщедушного паренька. Что удивительно, он был полностью одет в старую порванную хламиду. Ещё удивительнее, что сидит на стуле, в сторонке. Парень смугл, черноволос, не похож ни на араба, ни, тем более, на негра. Местным, египтянином, тоже не был.

" Ромей! - удивился Александр, - точно, ромей! Интересно, откуда он здесь?"

Подчиняясь какому-то неясному предчувствию, пробрался сквозь толпу. Подошёл. Парень заметил, грустно посмотрел, отвернулся.

- Эй! - тихонько позвал Александр, - ты кто?

- Раб, разве не видно? - глухо произнёс парень, отвернувшись.

- Э-э ... да, видно. Я хотел сказать, откуда ты, как сюда попал.

- Пленным был, у варягов, - пожал плечами парень, - продали этому вот, - кивнул на грека.

- У варягов!?

Купец заметил интерес к своему товару, подошёл.

- Что хочешь, уважаемый? Спрашивай меня!

- Да вот... - растерялся Александр. Он только что слышал, как работорговец разговаривал с потенциальным покупателем негра на неплохом арабском, а к нему обратился на ромейском, но потом сообразил - это же грек!

- Почему он одет и сидит отдельно от всех? - спросил он.

- Потому что это очень дорогой раб. Он не предназначен для тяжёлой работы, как те, - махнул купец рукой в сторону негров. - Он - грамотный, умеет писать и считать, главное у него - голова и вот она ... ха-ха ... раздета! Такому рабу в правильном хозяйстве цены нет!

- Так ведь земляк твой! - не удержался Александр.

- Товар! Деньги!! - со смехом возразил грек.

- Ах, да... Слушай, мне переговорить с ним надо, не возражаешь? - спросил Александр и сунул в цепкую лапу купца несколько мелких монет, - пару слов...

- Валяй! - отмахнулся тот и поспешил в центр площадки, там его уже подзывали.

Александр повернулся к ромею. Тот сидел, угрюмо уставившись в дощатый пол, ногой в старом дырявом сандалии постукивал по торчащему сучку.

- Тебя как зовут?

- Афанасий, - буркнул ромей.

- Афанасий, а давно ты к варягам попал? И как это произошло, расскажи? - попросил Александр.

- Пару месяцев назад. Я писарем был у тысяцкого. Нас послали сюда, в Африку, на помощь стратигу Андрею. По пути перехватили арабы, начался бой. Дрались долго ... Мы уже побеждали, когда налетели варяги. Побили всех - и нас, кто остался, и арабов. Меня оглушили, повязали...

- А Марк, был такой среди вас? Он сын сенатора Марцеллия, - перебил его Александр, - из очень знатной семьи.

- Да, он был младшим офицером, кентархом. Здоровый такой, дрался, как бешеный бык. Его сбили с ног толпой, повалили. Потом варяги связали его, когда пришёл в себя, зашевелился. Ночью порвал верёвки или как-то перерезал, не знаю, и убежал. Варяги были всё пьяные, не догнали.

- А дальше?

- Дальше не знаю, - буркнул Афанасий. Он неприязненно посмотрел в глаза Александру, отвернулся.

- Послушай, Афанасий, - Александр сёл рядом на лавку, - мне надо разыскать этого парня, очень надо и мне кажется, ты что-то знаешь, но скрываешь.

- А чего мне с тобой откровенничать, - буркнул мрачный раб, глядя в сторону, - ну, может и слыхал чего, так что?

Порыв сухого ветра бросил в лицо горсть пыли, принёс запах навоза, мочи со скотного рынка, в воздухе закружили хоровод соломинки и всякая мелкая дрянь. Русич брезгливо скривился, лицо Афанасия не изменилось. Александр взмахом руки подозвал торговца. Тот неторопливо приблизился, довольный - только что выгодно сторговал сразу четверых.

- Наговорился?

- Да, купить хочу.

- Ну... хе-хе... ты не похож на того, у кого есть большое хозяйство...

- Сколько? - перебил Александр.

- Четыреста золотых!

- Четыреста?! Да побойся бога, уважаемый. В этом городишке не найдётся человека с такими огромными деньгами. Слушай меня...

Начался торг, искусству которого Александр научился ещё в Киеве у торговок семечками. После долгих препирательств и

призывов местных богов в свидетели сошлись на трёхстах золотых - ровно столько выручил Александр от продажи трёх верблюдов.

- С вами приятно иметь дело, дорогой! - с этими словами работорговец протянул Александру верёвку, другой конец которой привязан к ошейнику Афанасия. - Приходи ещё, когда зараб ... э-э ... ну, в общем, будут деньги, ага?

- М-м, непременно, - слегка поклонился Александр, едва скрывая за вежливой улыбкой естественное раздражение и досаду человека, только что потратившего всё деньги на неизвестно что. - Ты мне вот что скажи, если раб не оправдает моих надежд, я могу зарубить его на мясо?

Работорговец на секунду замер, будто парализованный укусом змеи, потом промямлил:

- Ну... э-э ... конечно... твоя собственность, но тогда надо было выбирать потолще...

- Не люблю жирное мясо, - скривился Александр.

Он подёргал верёвку, проверяя, крепок ли узел, при этом бледный, как мёл, Афанасий трясся, как молодая осина, только что волосы не осыпались засохшими листочками. Плотоядно облизнувшись, русич пояснил работорговцу:

- Мозги люблю, свеженькие. Посолить, поперчить, и ложечкой, ложечкой - вкуснота-а!

Намотал конец верёвки на кулак, дёрнул так, что теряющий от страха сознание Афанасий едва не упал и решительно зашагал прочь. Купец захлопнул разинутый рот. Пожал плечами, непонимающе скривился, потом похлопал по увесистому кошелю с золотом. Махнул рукой, направился к ещё непроданным людям.

Александр тащит купленного раба, как козу на верёвке. Ромей, теряя сознание от ужаса, семенит на заплетающихся ногах, не чуя земли. Прошли кривой, грязной улочкой мимо жалких лачуг. Зачумлённые, кривоногие и пузатые дети омерзительно завизжали, завидев раба, стали швырять грязью, мусором. Несчастный Афанасий упал на колени, зарыдал. Русич подхватил с земли увесистую палку, почти бревно и, широко размахнувшись, бросил прямо в толпу маленьких негодяев. Сразу пятеро оказались на земле, остальные мгновенно разбежались. Наступила тишина.

Новый рывок верёвки. Ромей торопливо поднялся, побежал за жестоким хозяином. Вышли на пустырь. Вокруг всякий мусор, палки, старые выбеленные кости и даже целые скелеты животных и людей. Неподалёку несколько бродяг сидят возле костра. На длинной палке жарят целиком собаку.

- Ну!? - грозно спросил Александр, поворачиваясь к

Афанасию.

- Хозяин, хозяин... - упал на колени ромей, - не ешь мои мозги, я всё расскажу, всё! Было немного не так, как я сказал вначале, - всхлипывая, стал рассказывать Афанасий, - по-другому ... Я служил писарем при легате, всё время проводил за работой. Когда остальные солдаты учились, я писал и рисовал. У меня даже доспехи и оружие лежали в сундучке, за ненадобностью. Иногда и спал за столом и ел. Кроме писанины, ничего не видел. Всё плавание перерисовывал старые карты.

Когда начался бой, легат крикнул мне, что бы я оставался в шатре, без меня, мол, справятся, и больше я его не видел...

Афанасий вытер мокрое лицо ладонями, с подвыванием вздохнул, продолжил рассказ:

- Потом, откуда ни возьмись, появились страшные варяги. Тут я испугался, тихо выбрался из шатра и прыгнул в воду...

- А до варягов, значит, не боялся? - не выдержал Александр.

- Ну, так... - замялся Афанасий.

- Ага, понятно. Продолжай!

-Так вот... э-э ... доплыл я до берега, спрятался в кустах. Уходить поб... не решился, а вечером услышал шум на корабле варягов и заметил, как кто-то плывёт к берегу, прямо ко мне! Это был Марк. Мы дождались утра, пошли в направлении нашей крепости, я запомнил карту, но по дороге на нас напали охотники за рабами. Окружили, забросали арканами, связали. Привезли в своё стойбище, там у них много было таких, как мы. Повели на продажу, в этот проклятый городишко, тут рынок рабов. Нам положили такие длинные палки на плечи и привязали, потом погнали...

- Ты о парне рассказывай, не о палках! - перебил его Александр.

- Так я и рассказываю, не сердись... да, так вот, среди рабов был один местный, из племени охотников на крокодилов. Он рассказал, что его племя живёт на болотах, в дельте Нила. Если туда пробраться, никто не найдёт и ни одно войско туда не пройдёт. Они долго шептались с Марком и я подозреваю, что договаривались о побеге.

- Да не может быть! - деланно удивился Александр.

- Да-да, именно так, потому что следующей ночью, когда оставался последний переход до города, они исчезли! Охрана страшно разозлилась, всех нас побила палками, потом ещё крепче привязали к шестам и заставили бежать.

Афанасий замолчал. Он немного успокоился, слёзы перестали капать. Рассказывая, всё время потирал ладони и поминутно оглядывался, будто чего-то боялся или ожидал.

- А потом вас пригнали сюда, заперли в сарай и начали потихоньку распродавать, так?

- Так, - вздохнул Афанасий.

- Мда-а, дела... - поскрёб в затылке Александр, - где эта дельта находится, тот парень не говорил?

- Там, на востоке, почти сразу за городом, - махнул рукой Афанасий, - это я и сам знаю из карты. А тебе зачем?

- Парнишку разыскать надобно, отец его сильно скучает.

- Это немыслимо! - вскричал Афанасий, - там полно крокодилов, ты знаешь, что это за такое?

- Знаю, не ори! - отмахнулся Александр, - большие и страшные чудища. Только если есть люди, которые охотятся на них и даже зарабатывают этим себе на жизнь, значит, не такие уж они страшные.

- А как найдёшь племя? Ведь дельта - это огромное болото, там нет дорог.

- Ну, люди ж не живут в воде. Есть сухая земля, тропы, по которым они ходят и оставляют следы. Надо найти эти следы, а там видно будет. Да и в городе наверняка кто-то знает, словом, не так страшен чёрт, как его малюют.

Афанасий только головой покачал и развёл руки. Александр достал нож, перерезал ошейник.

- Ну, Афоня, спасибо за рассказ, теперь ступай на всё четыре стороны, - сказал Александр, сматывая верёвку.

- Как ступай на всё четыре стороны? - удивился ромей, - я же раб твой.

- Раз перерезал ошейник, значит уже не раб, - ответил Александр, - на что мне писарь, я ж не полководец.

- Странный ты какой-то, - ещё больше удивился ромей, - рабов, да ещё дорогих, так просто не отпускают. Ты вообще, кто?

- Русский, - ответил Александр, - у нас не принято рабов держать. Если только полоненый отработает лето и ладно, отпускают по осени, после уборки. А держать, словно вещь какую, такого нет. Так что иди, Афанасий, иди... Или, может, со мной пойдёшь, к крокодилам?

- Нет уж! - шарахнулся ромей, - только не с тобой.

Краем глаза Александр заметил, что бродяги, жарившие собаку, внимательно присматриваются к ним, шепчутся.

- Ну, гляди, Афоня, не оплошай ещё раз, - сказал Александр, повернулся, пошёл прочь. Ромей так и остался стоять, разинув рот и выпучив глаза. Видно, не верил, что и вправду свободен.

Александр шёл, глядя под ноги, чтобы не наступить случайно на чей ни будь скелет или череп, которые валяются вокруг, словно тут недавно прошла кровопролитная битва. Перепрыгнул

через неглубокую яму, мимо потянулись убогие заборчики, покосившиеся стены хижин. Чумазые детишки, игравшие в придорожной грязи, с криками разбежались, едва завидев его.

Внезапно с пустыря донеслись крики, шум возни, потом также быстро всё стихло. " Влип Афоня, - понял Александр, - видно, не бывать трусу свободным, только рабом. За свободу надо драться".

Он вышел на перекрёсток, в раздумье остановился. За спиной остался пустырь, хижины, справа возвышаются стены крепости. Порыв ветра швырнул в лицо пыль, сухую траву и запах несвежих продуктов. Впереди рынок и Александр направился туда - побродить, поговорить, ведь торговцы знают почти всё.

Спокойно прошёл вдоль рядов с горшками, одеждой и обувью, почти бегом мимо рядов с разложенной на солнцепёке рыбой и мясом. Внимание привлекла лавка, на удивление добротно поставленная, с крепкими дверями и ставнями на окнах. Сразу видно, что хозяин не торгует разными безделушками, а занят серьёзным товаром.

Дверь оказалась низкой для высокого Александра, пришлось слегка наклониться, что бы войти. Когда выпрямился и окинул взглядом помещение, глаза порадовал приятный после ослепляющего солнца полумрак, разгорячённое лицо овеял прохладный воздух с запахом сладковатого дыма.

Александр подошёл к прилавку. За ним стоит хозяин заведения, выжидающе глядя на незнакомца. За спиной, на большом темно-красном ковре висят мечи, сабли, кинжалы, в центре громадный ромейский щит, богато разукрашенный золотом. Там же, правее, расположились кольчуги, панцири, шлемы. Внимание Александра привлёк странный доспех. Таких не видел никогда. Изготовлен из тщательно выделанной кожи, но цвет кожи был удивителен - зелёный с чёрными пятнами! Доспех до середины бёдра, с длинными рукавами, обшит булатными пластинами. Сочетание зелёного, чёрного и синего булата было невиданно и очень красиво.

- Симпатичная вещь, - сказал, обращаясь к хозяину, - наверно, из шкуры чудища?

Хозяин лавки загадочно блеснул чёрными глазами, важно наклонил бритую голову.

- Угадал, - ответил он на ломаном греческом, - но тебе, ромей, он ни к чему. Защищает только от сабель, ваши тяжёлые мечи прорубают его.

- Зато красиво, - улыбнулся Александр, - у нас бы всё от зависти позеленели, как это шкура. Наверно, дорого стоит?

Посетителей в лавке не было давно, хозяину скучно и он

охотно принялся объяснять:

- Доспех сделан из целого куска кожи, представь, каковы размеры чудовища. Убить его очень нелегко, булат тоже недешёвый, плюс работа. Получается тысяча золотых, не меньше.

- Почти как три с половиной Афанасия. Да-а, дорого!

- Чего-чего? Каких три с половиной афанасия? - не понял торговец.

- Да это я про одного ... гм ... верблюда. Ладно, забудь, - усмехнулся Александр. - Слушай-ка, не скажешь, где мне найти охотников на крокодилов, хочу тоже поохотиться.

Хозяин лавки равнодушно пожал плечами.

- Иди туда, - показал он большим пальцем за спину, - там и крокодилы и охотники. Только крокодилы встречаются чаще, так что у тебя есть всё шансы быть съеденным раньше, чём ты увидишь хотя бы одного охотника.

- И на том спасибо, - вздохнул Александр. Он повернулся к выходу. Почувствовал, как в кармане что-то лёгонько стукнуло. Нащупал монетку. Это был золотой, неизвестно как завалявшийся, ещё от продажи верблюдов остался.

- На, держи! - бросил монетку торговцу. Тот ловко поймал, глянул на блеснувшее золото, удивлённо спросил:

- За что?

- Я узнал всё, что хотел, - ответил Александр и вышел из лавки. Яркое солнце упало на голову, принялось радостно жечь, а горячий ветер стал драть лицо. Плотнее укутался в платок, наклонил голову.

Сделал несколько шагов, как за спиной раздался голос хозяина лавки:

- Эй, ромей, постой!

Александр обернулся.

- Иди вдоль крепостной стены, - сказал хозяин лавки, - когда кончатся дома, поднимись на холм. С него увидишь впереди сухую пальму, без листьев, она похожа на скрюченный палец. От неё начинается тропинка вглубь болот. Иди по ней, никуда не сворачивая, ну, а дальше как повезёт. И смотри в оба, там водятся такие твари, что человека пополам перекусывают!

Торговец не обманул, от сухой пальмы действительно начинается тропинка. Очень узкая, едва видимая вмятина на сухой земле тянется вдаль и исчезает в начинающейся зелени. Чём дальше, тем трава становится гуще, воздух заметно наливается влагой, появляются новые запахи - затхлости, гнили, болота. Незаметно земля превратилась жижу, сквозь дыры в сапоги попала немного воды, неприятно зачвакало.

В тёплом, вонючем воздухе зазвенели невидимые крылья

насекомых, комары окружили Александра маленькой злобной тучкой. Он почти чувствовал, как сотни летучих кровососов опустились, топчутся по нему малюсенькими лапками, отыскивая малейшую дырочку в одежде, чтобы впиться в незащищённую кожу и до отвала налиться крови.

Пришлось ещё больше закутаться, оставить только щёлочки для глаз, такие узенькие, что видно узенькую полоску света. Когда Александр начал спотыкаться и пару раз чуть не упал на ровном месте, пришлось плюнуть на комаров и немного приоткрыть лицо. " А то сослепу на крокодила наступлю, - опасливо подумал он, - хорошо, если маленького".

Появились первые лужицы жидкой грязи, затянутые сверху тонким слоем дёрна. Колышется, идёт волнами, даже если топнуть ногой рядом, по твёрдой земле. Стать на него - верная смерть. Тропинка начала петлять, обходить опасные места. Трава выросла с молодые деревца, тянется вдоль тропы густым лесом. Попадаются и настоящие деревья. Возле одного такого Александр остановился перевести дух. Дышать во влажном жарком воздухе тяжело, по лицу, груди и спине текут просто ручьи пота, одежда вымокла, противно липла к телу.

Вокруг кипит жизнь - сотни невиданно ярких птиц снуют туда-сюда, охотятся за многочисленными насекомыми. В траве шуршат неведомые зверьки, сварливо верещат, видно скандалят или дерутся.

Внезапно издалёка донёсся странный рёв, больше похожий на мычание. Звук был ни на что не похож, чудной и Александр сразу насторожился. Он вдруг подумал, что совершенно беззащитен. Его меч рассчитан на бой с человеком, но никак не с чудовищем. Сильная, подвижная тварь с толстой кожей просто откусит ему ноги прежде, чём прорубит ей голову.

Он уже стал жалеть, что так опрометчиво сунулся в болото и собрался было возвращаться, как взгляд случайно упал на ствол дерева. Отросток от основного ствола, ровный, толщиной в руку ребёнка и на вид очень прочный. Не долго думая, мечом отрубил от корня, отсёк ветки и получилась хорошая заготовка для копья. Осталось только приладить нож в качестве наконечника. Для этого пришлось разорвать накидку на узкие полосы, крепко привязать рукоять к палке. Получилось грубое, примитивное копьё с наконечником в локоть длинной. Коряво и некрасиво, зато убить можно быка одним ударом.

Немного приободрившись, пошёл дальше, крепко сжимая самодельное копьё и внимательно оглядываясь по сторонам. Шёл так довольно долго, устал. Вокруг раскинулось уже настоящее болото, разрезанное вдоль и поперёк узкими линиями каналов.

Вся суша превратилась в цепочку островков, соединённых неширокими перешейками. Никаких страшных чудовищ нет, только раздувшиеся громадные жабы громко квакают, совершенно не обращая внимания на человека.

Тропинка в который раз повернула, почти сразу за поворотом Александр увидел, что поперёк тропы лежит бревно. Успел подумать, что какому-то дураку нечего было делать, как тащить сюда бревно … оно зашевелилось и поползло. Александр оторопело остановился. Вдруг понял, что это и есть крокодил. Осторожно приблизился, высматривая, где у чудища голова, потому что оба конца одинаково сужаются. Тварь заметила приближение человека, неторопливо развернулась и Александр, наконец, увидел, что голова у крокодила есть и заканчивается она огромной пастью с длинными, торчащими наружу зубами. Узкие, вытянутые челюсти похожи на зазубренные ножницы.

Крокодил не мигая смотрит на человека змеиными глазами с вертикальными зрачками. Александр не знал, как поведёт себя животное, а обойти невозможно - кругом болото. Начал медленно, осторожно приближаться, выставив копьё.

Крокодил тупо смотрел, никак не реагируя на приближение человека. Александр стал лихорадочно вспоминать, где у крокодила место, куда надо бить копьём. Вроде как в основании головы, но где оно, это основание? Дело в том, что голова крокодила переходит сразу в туловище без всякой шеи.

Тварь задирает морду, мотает из стороны в сторону, снова опускает. " Шейка затекла, - раздражённо подумал Александр, - разминается, гадина!" Он наметил место примерно на уровне сгиба, в центре, как раз там, где вроде бы какое-то пятно.

Вдруг крокодил, до этого лежащий совершенно неподвижно, бросается вперёд. Короткие, кривые лапы мельтешат быстро-быстро и через мгновение разинутая пасть оказалась прямо перёд замершим от неожиданности человеком.

Сотая доля секунды отделяли Александра от смерти. Он буквально взвивается в воздух, словно подброшенный неведомой силой, в прыжке поджимает ноги. Бьёт копьём, будто хочет оттолкнуться от земли. Клинок пробивает череп насквозь и буквально пригвождает крокодила к земле. Пасть с жутким лязгом захлопывается. Александр рушится сверху с поджатыми ногами, под ним громко булькнуло, из широкой раны фонтаном брызжет кровь прямо в лицо.

Мгновение сидит в позе йога на крокодиле, держась руками за торчащее копьё, потом медленно воздел себя на ноги, отходит на шаг.

Крокодил всё так же тупо смотрит на тропу, но из середины

головы торчит копьё, под ней собирается лужа крови. Александр вытирает лицо от пота с кровью, громко вздыхает – на этот раз повезло! Идёт дальше, уже внимательнее глядя вокруг - а ну как на тропе будет два таких брёвна?

Прошёл с полсотни шагов, прежде чём увидел ещё крокодила, да не одного, а множество. Почти два десятка пресмыкающихся греются на солнце. От горячей грязи поднимается пар, коричневая жижа мерзко воняет падалью и разложением, что-то булькает и квакает. Крокодилы лежат в грязи, погрузившиеся почти наполовину и, как показалось Александру, блаженно улыбаются.

Один вообще разинул пасть и так застыл. Между зубов снует маленькая птичка, чего-то там выклёвывает. Твари лежат почти на вытянутую руку от тропы, один как раз поперёк.

Александр остановился, не зная, как их обойти. Увидел, что крокодилы невелики, это молодняк. Правда, пасти у этих малышей больше, чём у матёрого волка, но всё равно, малышня она и есть малышня. Вздохнул, огляделся по сторонам - обходить негде, со всех сторон непролазное болото. Придётся идти прямо.

Делает шаг, другой, третий... Крокодилы безучастно созерцают болотные красоты, не обращая ни малейшего внимания на человека. Александр проходит буквально под носом кровожадных тварей и никакой реакции с их стороны. Расхрабрился, походка стала уверенней, спина выпрямилась. Лежащий на тропе крокодил даже отполз, словно уступая дорогу.

Александр не удержался и, проходя мимо, пнул мирно лежащее пресмыкающееся. Зря! Крокодил немедленно поворачивается, немигающие змеиные глаза замирают на человека. Подрастающий гад мгновение смотрит, потом молча бросается в атаку. Александр заученно подпрыгнул, ткнул копьём. В основание черепа, там, где голова соединяется с позвоночным столбом. Не попал, но рана всё равно оказалась смертельной. Умирающий крокодил коротко замычал, захлёбываясь кровью.

Александр ожидал, что остальные крокодилы, вернее, крокодильчики, бросятся на него и именно так почти и произошло. Вся орава крокодилят зашевелилась, поползла по жидкой грязи к человеку, но вдруг из глубины болота раздался низкий, гудящий рёв, крокодильи отпрыски остановились. Гуща болотных кустов заколыхалась, затрещала, их пригнуло к земле и из зарослей показывается гигантская крокодилья морда. Тварь до половины вылазит из зарослей. Потрясённый Александр видит, каких чудовищных размеров зверь перёд ним.

" Да ведь это выводок! - понял он, - мамаша услышала, а

теперь и увидела убитого детёныша и сейчас ... Господи Иисусе!!!" Не раздумывая ни секундой более, бросается бежать так, что сапоги едва не отваливаются на ходу. Летит, буквально не чуя земли под ногами. Тропа давно уже превратилась в меленький канал с более-менее твёрдым дном. Он бежал по этому каналу, как жук водомерка, почти без брызг, встречные ветер мгновенно сгоняет льющийся со лба пот на затылок и там освобождённым водопадом горячая влага рушится на спину. Острые края осоки секли одежду в клочья, как кинжалы - Александр ничего не чуял, только тяжёлый стремительный топот настигающего чудовища. Волосы зашевелились на затылке, мороз продрал мокрую от горячего пота спину...

Он не помнил, сколько продолжался бег. Крокодил не отставал. Частый-частый топот и низкий мычащий рёв приближались, силы иссякали. Бежал, уже не разбирая дороги, мимо тропы, просто мчался, спасая жизнь, почти без сознания, его гнал инстинкт самосохранения. Мелькнула мысль, что можно провалиться в трясину и тогда рассвирепевший крокодил без спешки пообедает самонадеянным человечком, посмевшим пнуть, даже лишить жизни детёныша властелина дельты Нила ...

Бешеный бег прервался внезапно. Прямо в лицо вдруг бросились жёсткие ветки дерева, расцарапали до крови. Александр сильно ударился головой в ствол, дерево спружинило, отбросило его назад. Замахал руками, пытаясь удержаться от падения на спину. Кое-как удалось. Потом прыгнул вперёд и, ломая ногти и раздирая в кровь руки, полез вверх. Ветки с треском ломаются на плечах, сыпется листва. Маленькие сучки словно медвежьи когти дерут лицо.

Через считанные мгновения Александр вскарабкался почти на вершину.

Снизу, с земли раздаётся такой рёв, что в глазах белый свет меркнет. Волна гнили и тухлятины забивает дыхание, кашель сотрясает тело. Обнимает ствол изо всей силы, взгляд опускается.

Огромная черно-зелёная тварь размером с драккар варягов беснуется на земле. Рёв перемежается с тяжкими ударами гигантского хвоста по земле, густая жижа фонтаном летит вверх, клочья травы виснут на ветках вонючими гирляндами. Хвост молотит с такой силой, что земля трясётся. Дерево заметно раскачивается.

Александр перевёл дух, чуть расслабил скрюченные пальцы. Только сейчас заметил, что всё ещё сжимает левой рукой самодельное копьё.

Положение отчаянное. Дерево попалось хлипкое, невысокое, до земли близко, сажени три. Крокодил, озлобленный до

крайности, уходить не собирается, продолжает беситься внизу и сколько он будет тут оставаться, неизвестно.

Попытался устроиться поудобнее. Сильно мешает копьё, тут ещё меч за спиной зацепился. Александр завозился на тонких сучьях и в этот момент крокодил, случайно или умышленно, ударил громадным хвостом по стволу.

Раздаётся страшный треск, всё сучья, на которых держался человек, разом обламываются. Опора под ногами исчезает, Александр с ужасом понимает, что падает прямо в пасть чудища. В отчаянном последнем усилии удалось как-то так извернуться, что копьё оказалось направлено вниз остриём …

Он рухнул, будто камень в воду. Каким-то чудом наконечник воткнулся именно туда, куда надо - в точку соединения черепа и позвоночного столба.

Левым плечом ударился о тупой конец, острая боль едва не вышибла сознание, но именно тяжесть тела, помноженная на скорость падения, позволила пробить костяной панцирь на спине крокодила. Последнее, что ощутил - жёсткий удар всём телом о влажную и вонючую крокодилью спину. Дыхание вылетело из груди сдавленным криком, сознание померкло...

Когда очнулся, солнце всё также ярко светит с середины нёба. Лёгкий ветерок едва заметно прогуливается по лицу, теребя прядь волос. От этого щекотно. Александр медленно открывает глаза и сразу чувствует, что на него кто-то пристально смотрит. Ничего, кроме далёкого нёба не видно. Медленно поворачивает тяжёлую, как чугунок, голову. Луч солнца упирается прямо в зрачок. Александр зажмурился, отвернулся, но краем глаза успевает заметить несколько человек, что молча стоят рядом.

Взглянул ещё - вокруг мужчины с копьями и лёгкими щитами, смотрят на него. Один выделяется ростом и статью. Александр вгляделся и, повинуясь какому-то наитию, неожиданно спрашивает:

- Привет, Марк, как дела?

Лицо молодого парня вытянулось, стало похожим на лошадиное, а глаза раскрылись так, как у человека, внезапно оказавшегося в абсолютной темноте и пытающегося что-то разглядеть. Подходит воин, что-то говорит на незнакомом языке. Достаёт свёрнутый в толстую трубочку лист какого-то растения, знаками показывает, что надо положить в рот. Александр послушно кивает, думая, что это лекарство и его надо жевать.

Только успел сомкнуть челюсти, как левую руку рванула с такой силой, что связки захрустели. Вывихнутое плечо пробило болью, будто копьё из катапульты ударило. Непроизвольно закричал и окружающий мир исчез...

Очнулся на жёстком ложе из веток и камыша. Прохладный воздух с запахом влаги приятно охлаждает лицо. Над головой безмятежно колышутся ветки дерева с ярко-зелёными листьями. Какая-то птичка сидит на тонком сучке и деловито чистит клюв. Александр мгновение созерцал идиллическую картинку, потом опомнился. Рывком встает. Взору предстает удивительная картина - два десятка взрослых здоровых мужчин с натугой тащат огромного крокодила. Подсунули под жёлтое, с грязными разводами, брюхо палки, взялись за концы и прут, упираясь в землю ногами, как ломовые лошади. Со стороны, похоже, будто муравьи завалили майского жука и теперь тащат в муравейник.

Послышались шаги. Александр оборачивается. Подходит тот самый парень, что так изменился в лице при имени Марк.

- Привет, Марк! - как ни в чём ни бывало, говорит Александр, - как поживаешь?

Вместо ответа парень протягивает обломок самодельного копья. Нож наконечник уцелел, а вот древко разломилось пополам.

- Ты не знаешь, Марк, крокодилов едят? - невозмутимо продолжает спрашивать Александр, - такую тушу целому племени на неделю хватит, а?

Парень присел рядом на корточки, вздохнул.

- Ты кто такой? - спросил он, - и почему ты решил, что я какой-то Марк?

Александр неловко шевельнул левой рукой. Плечо немедленно отозвалось сдавленной болью, словно мстило хозяину за небрежность обращения. Повернул голову - плечо туго замотано чистой тканью, так что рукой трудно шевелить. Сёл, помогая себе правой, с шумом выдохнул.

- Уф! ... доконают меня эти чёртовы крокодилы! Я солдат иноземной гвардии императора, этериот Александр. Послан в Египет с целью разыскать сына сенатора Марцеллия Марка. Опрошенные мной люди сказали, что в племени охотников на крокодилов недавно появился новенький, не из местных египтян, а ромей. Ты высок, силён, у тебя безупречный греческий и аристократические манеры. Это совпадение?

Парень помолчал, неприязненно буркнул:

- Нет.

Нахмурился, в крупных, мозолистых ладонях неизвестно как оказался толстый кривой сук. Парень чуть напряг мышцы, сук с треском переломился, мелкие щепки разлетелись во всё стороны.

" Ого! - с невольным уважением подумал Александр, - какие аристократы встречаются среди ромеев. А ещё говорят, что греки вырождаются".

- Так в чём дело, Марк, почему ты не хочешь возвратиться домой? Твой отец очень хочет это знать.

Марк продолжал молча сидеть. Глаза опустил, руки бесцельно вертят обломок деревяшки. В этот момент к ним подошёл человек, одетый не так, как остальные, с манерами хозяина и стал что-то говорить, обращаясь к Александру, потом вопросительно посмотрел на Марка.

- Это вождь, - сказал он, - благодарит тебя за то, что ты убил такого громадного зверя, он наводил ужас на всё племя и никто, даже самые лучшие охотники не могли ничего с ним поделать. Ты молодец, ты герой и всё такое, понял? Да, шкуру с крокодила сдерут и отдадут тебе, она больших денег стоит. Самый лучший кусок мяса для тебя приготовит лично жена вождя.

- Премного, премного благодарён за столь лестную оценку моего скромного труда, - ответил Александр, неловко кланяясь на носилках и старательно пряча усмешку, - с огромным удовольствием приму кусок из рук ...э-э... жёны вождя, так и переведи. А шкуру не надо, куда её дену? Пусть себе оставит.

Марк перевёл. Вождь расцвёл широчайшей улыбкой, когда услышал про шкуру и удалился, очень довольный.

Александр проводил взглядом, снова обратился к Марку.

- Слушай, парень, солдат личной гвардии императора просто так даже из дворца не отпускают, понадобилось разрешение самого императора Василия, что бы отправиться сюда. Твой отец два дня пороги оббивал во дворце, чтоб его получить. По дороге меня раз пятнадцать чуть не убили, крокодил это дурацкий чуть не сожрал, а ты даже не желаешь разговаривать! Я, между прочим, тоже не простой крестьянин, я из знатного рода и если ты считаешь, что тебе зазорно...

- Ладно, ладно, извини, - примирительно поднял руки Марк, - я знаю, кто такие этериоты и прекрасно понимаю, чего стоило сюда добраться. Вообще не ожидал, кто-то сумеет. Вот что, тебя сейчас отнесут в дом, тобой займётся лекарь, а завтра поговорим.

Александр неловко пожал правым плечом, соглашаясь. Весь оставшийся день его чём-то мазали, перевязывали, кормили, а ближе к вечеру напоили резко пахнущим отваром и через минуту он крепко заснул.

Марк появился только вечером. Вошёл в хижину к Александру, держа за руку красивую черноволосую девушку. Она держалась за спиной Марка, только раз любопытно выглянула и снова спряталась.

- Вот, - сказал Марк, - вот причина, по которой я не могу возвращаться.

Выводит упирающуюся девушку из-за спины. Она сразу

наклонила голову, густые чёрные волосы упали на лицо, полностью закрывая его.

- Я не вижу причины, - вежливо ответил Александр, - Вижу очень красивую девушку, но вот причины никакой в упор не вижу. Ты, наверно, что-то путаешь. Здравствуйте, сударыня, - обратился к девушке, - вы необыкновенно красивы и просто чудо, что такая красота расцвела в болотной глуши. Как вы поживаете?

- Какой у вас изысканный слог, этериот, какие изящные манеры... набрался во дворце! - проворчал Марк, - зря стараешься, она по-гречески почти ничего не понимает.

- Ты не прав, - возразил Александр, - женщина понимает интонацию, а на каком языке говорят, неважно.

И действительно, девушка осторожно выглянула из-за густых прядей волос, улыбнулась. Марк удивлённо хмыкнул.

- Вы бы сели, а? - попросил Александр, - мне неудобно так разговаривать.

Марк бережно усаживает девушку, аккуратно садится рядом.

- Ну, вот, - начал он, - всё из-за неё. Жить без неё я не могу, а везти в столицу невозможно, пойдут разговоры, ахи - охи, отец обозлится, как мол так, взял себе в жёны неизвестно кого, ты же потомок древнего рода и всё такое... А мне плевать на древних предков!

- Правильно, - согласился Александр, - тем более, что не всё предки были знатными.

- Как это не всё? - удивился Марк

- А так. Я сирота, воспитывался в доме боярина, - стал рассказывать Александр, - так вот, он как-то мне объяснил, что знатность от рождения даётся только потомкам знатного человека, но сам-то он был простым. Человек трудом или воинскими подвигами добивается славы, уважения других. Он знает больше, умеет больше, ему нет равных в бою. О таком говорят, что он знающий, знатный! Но ведь он не был таким от рождения, он сделал сам себя таким вот, самым лучшим. И наверно мало интересовался мнением других, слабых, трусливых и ленивых. А быть аристократом по рождению - это легко, только вот лучше, если славу предков умножаешь своими делами. Так вот, тот, самый первый предок, наверняка одобрил бы твой выбор.

- Ну... да, наверно, так, - растерянно произнёс Марк, - мне отец рассказывал, что наша семья происходит от воина, который в одиночку целое войско побил или колдуна, я уже не помню. Но, понимаешь, какое дело, - с жаром заговорил Марк, - отец много раз объяснял, что я должен жениться только на девушке моего сословия, на потомственной аристократке, богатой, с многочисленной роднёй и связями при дворце. А я их всех знаю, мне никто не нравится. И дур много!

- Эх, Марк, - махнул рукой Александр, - тебе ли жениться по указке! Ведь в твоих жилах течет почти императорская кровь, ты очень богат. Это только бедные ищут жён побогаче, что бы устроиться на халяву, а сильным и богатым такое ни к чему. У тебя есть редкая привилегия - выбирать любовь, а не состоятельную сожительницу. Ну, побурчит отец день другой и успокоится.

Александр привстал с жёсткого топчана, плечо ещё ныло и реагировало на любое неловкое движение.

- Не валяй дурака, Марк, - попросил Александр, - неужели ты хочешь всю жизнь прожить на болоте, охотясь на крокодилов?

- Да нет, конечно, - засмеялся Марк, - я всё-таки к городу привык, а тут... - отмахнулся, словно отгоняя комара. - Ладно, ты почти убедил меня, этериот. Выздоравливай, будем собираться. Да, - обернулся в дверях, - слушай, а что такое халява?

- Э-э ... м-м ... это слово означает, ну... - замялся Александр, - получить что-то без труда, на дурняк, даром, понимаешь?

Дорогу домой отложили до полного выздоровления Александра. К тому же он всерьёз опасался, что возникнут проблемы с родителями девушки, они не захотят отпускать дорогое чадо неизвестно куда. Но всё обошлось. Родители восприняли известие об отъезде дочери спокойно и даже, как показалось Александру, с некоторым облегчением. Видимо, в племени охотников на крокодилов больше ценились сыновья, а девочки так себе. Местная власть в лице племенного вождя тоже не противилась - у вождя подрастают сыновья и такой сильный конкурент, как Марк им будет ни к чему.

Одним словом, всё были рады - и родители, и невеста, а вождь на радостях подарил Александру роскошный доспех из шкуры крокодила, обшитый булатными пластинами и разукрашенный золотом в виде эдакого камзола длиной до колен и также богато разукрашенные сапоги тоже крокодильей кожи. Когда примерял подарок, вид получался настолько экзотический, что решил убрать его подальше - он не представлял, куда такое можно надеть.

Неделя пролетела незаметно, небольшой отряд отправился в

путь. Через десять дней, без приключений и происшествий, так что Александр всерьёз загрустил, добрались до крепости. Когда до лагеря ромеев осталось рукой подать, на полёт стрелы, отряд воинов из племени охотников на крокодилов отправился в обратный путь.

Пришлось минут десять растолковывать часовым, кто такие и откуда, прежде чём старший поста сообразил, что проще доложить начальству, чём думать самому. Александр не на шутку обозлился и уже было собрался забраться на стену, что бы вправить мозги чересчур умному стражнику, как ворота распахнулись, словно их пнули и навстречу вылетел Вард. Он вытаращенными глазами смотрел на живого и здорового Александра, а ещё больше на Марка.

- Не могу поверить, - потрясённо сказал Вард, - тебе удалось! Никто не верил, что ты даже просто выживешь. Ставки делали на возвращение один к ста, а что разыщешь и привезёшь, одну на тысячу. Ты всё-таки сумел!!!

- И кто выиграл спор? - поинтересовался Александр, спрыгивая с коня.

- Я, - широко ухмыльнулся Вард, - только я поставил на тебя и победил.

Тём временем Марк слёз с коня, помог девушке.

- О, простите, - спохватился Вард, - идемте за мной, я покажу ваш шатёр, там вы некоторое время побудете. Александр, иди в мою палатку, есть дело.

Гости удалились, а Александр пошёл знакомым путём к шатру. На удивление, лагерь, обычно оживлённый, оказался пуст. Солдатских палаток сильно поубавилось, плац опустел. Видно, что временная крепость доживает последние дни. Прошёл через пустой лагерь, поднял полог шатра. Присел на походную кровать. Незаметно подкралась дрёма. Несколько раз вскидывался, как конь, отгоняя сон, но Вард всё не шёл и Александр сам не заметил, как заснул.

Сон исчез так же внезапно, как и подкрался. Открыл глаза, торопливо поднялся с кровати.

- Ну, ты и дрыхнешь, - раздался насмешливый голос от стола, - ко мне люди заходят, докладывают, а тебе хоть бы что. Дуешь так, что бумаги разлетаются, пришлось камешками придавить.

Александр вздохнул.

- Устал, - просто ответил он, - обратно торопился, боялся, как бы не сорвалось. Налетят какие ни будь придурки из пустыни, порубят всех. А здесь отпустило.

- Я пошутил, не сердись, - ответил Вард, - тебя после такого путешествия вообще в отпуск надо отправлять. Но тут такие дела,

- вздохнул он, - что с отпуском и всём остальным придётся погодить. Значит, слушай. Всё части, что были здесь, отправлены стратигу Андрею под Александрию. Стратиг очень жёсток, он не прощает малейшей оплошности. Всех прибывших проверяет лично, каждого солдата, представляешь! И не дай бог, что-то не так, ну, обувь там порвана или одежда плохо залатана, а если непорядок с оружием, то всё, сразу под полевой трибунал. Если разжалуют в солдаты, считай, повезло. Потому я здесь всё сам делаю, проверяю и отправляю войска. Осталась последняя тысяча, ещё два дня и всё...

- Извини, я перебью, - прервал рассказ Александр, - что ты собираешься делать с Марком?

- Ничего, - удивился Вард, - поедет вместе со всеми, будет участвовать в штурме. Он офицер экспедиционного корпуса, того самого, что был направлен на помощь войскам стратига Андрея, ты не забыл?

- Он сын сенатора, Вард, - тихо произнёс Александр, - единственный наследник и последний представитель одной из самых знатных аристократических династий империи. Если он погибнет, нам не сносить головы, даже если всю Африку завоюем. Твоего стратига Андрея император будет гноить в пустыне до конца его дней.

- Ну... так что делать? - растерялся Вард, - я не могу освободить офицера от участия в сражении, сейчас война. Да и он не станет отсиживаться в тылу, ты сам знаешь.

- Найди любой корабль, заплати или укради, собери мешок бумаг, запечатай гербовой печатью и скажи, что это секретная почта для императорской канцелярии. Отправь Марка с этой почтой, ты ведь обязан отсылать доклады в Константинополь, верно?

- Верно, - согласился Вард. Он поворошил разложенные на походном столе рулоны, листы, пожал плечами. - Видишь ли, докладывать-то не о чём. Вот когда победим, тогда...

- Тогда без нас доложат, - перебил Александр, - а если нет, если проиграем, что тогда? Мусульмане не трусы, дерутся хорошо, ты сам знаешь это лучше меня. Арабский полководец тоже не дурак, готовится к битве как следует. Что будет, если проиграем, Вард?

- У оставшихся в живых полетят головы, - мрачно ответил он.

- Правильно, потому делай так, как я сказал. Тебе не о чём докладывать? Хорошо, я за тебя доложу. Дай бумагу.

- Ну, ну ... на, докладчик, - удивлённый Вард протянул чистый лист, встал, - прошу за стол!

Александр берёт бумагу, ровным красивым почерком пишет

несколько слов.

- На, ставь подпись, - протяивает лист Варду, - потом я.

- Сенатору Марцеллию от легата Варда Фоки и этериота Александра - миссия исполнена, - вслух прочёл он. - И это всё?

- Да, и это всё, - ответил Александр, расписываясь ниже подписи Варда, - вот теперь, - сказал он, встряхивая бумагу, - мы с тобой в любом случае на коне, понял? Если, конечно, живы будем.

- Мда-а, русич, - изумлённо произнёс Вард, - ну ты и жук, должен я сказать.

- А ты думал! - усмехнулся Александр, - нужда заставит пироги печь. Запечатай приказ всеми печатями, что у тебя есть и вели доставить лично в руки Марцеллию.

Через двое суток быстроходный корабль уносил Марка и его жену прочь от Африканского берега. Попутный ветер раздувал паруса так, что снасти по-стариковски кряхтели, словно обещали вот-вот расцепить жёсткие пальцы креплений и отпустить квадратные полотнища с гербом империи в свободный полёт над волнами. Ни один варяжский драккар или ромейский дромон не мог соревноваться в скорости с самым быстрым кораблём империи - разведывательной галеей.

Временный лагерь ромейского войска, разбитый в непосредственной близости от стен Александрии, встретил последнее подразделение имперской пехоты во главе с Вардом Фокой полным молчанием, если не считать приглушённый грохот от тысяч солдатских ног, марширующих на громадном плацу под дробь сотен барабанов. Ни одного бездельничающего человека не видно. Только безмолвные часовые на деревянных башнях стоят неподвижными изваяниями в полном вооружении и тяжёлой броне.

Издали донеслась резкая команда, её подхватили сотни голосов, лагерь утонул в звоне мечей - начался учебный бой, затем звон клинков заглушил грохот от сталкивающихся щитов. Вард и Александр направили коней на шум боя. К ним подскакал всадник, посыльный, приказал направляться на плац к стратигу. Приказ был немедленно исполнен и уже через минуту Вард докладывал стратигу о прибытии последнего полка. Александр в сторонке с любопытством рассматривал знаменитого стратига империи.

Главнокомандующий войсками ромеев в Африке среднего роста, круглолиц. Маленькие глаза расположены близко друг другу, подбородок мал. Румяные щёки чисто выбриты. Внешне он никак не походил на жестокого диктатора, как о нём рассказывали, но Александру бросилось в глаза, как заметно

волновался Вард перёд докладом.

Андрей с непроницаемо спокойным лицом выслушал Варда, глядя на него снизу вверх - стратиг был ниже ростом. Вокруг него вообще всё были выше и явно сильнее, но у стратига, похоже, не было никаких комплексов по этому поводу. Взмахом руки отправил новый полк на левый фланг. По сигналу трубача учебное сражение прекратилось. Войска построились в громадную фалангу. В тылу возвышается стена великанских камней, в центре, на холме, находится стратиг. Получалось, что солдаты как бы в амфитеатре и стратиг, главнокомандующий, выступает перёд ними. Андрей медленно, властно поднял правую руку. Тысячи людей мгновенно замерли, наступила мёртвая тишина. Александр невольно восхитился непререкаемым авторитетом стратига.

- Солдаты! - громыхнул мощный бас. Далёкое эхо едва слышно повторило. - Солдаты, завтра нам предстоит пролить кровь за родину и императора. Жалкая кучка трусливых фанатиков, что схоронилась за стенами Александрии, хочет сопротивляться, не желая признать волю императора. Вам предстоит осуществить волю божественного Василия, уничтожить богопротивных мусульман и освободить твердыню христианства, с которой начнётся победное шествие истинной веры. Господь повелел нам очистить этот мир от скверны Магомета, от чумы, которая захватила полмира. Византия, владычица вселённой, с волнением и трепетом смотрит на вас, своих сыновей и ждёт, что вы оправдаете доверие. Вам, великим героям, уготована слава и почести! Те, что погибнут, попадут к престолу Божьему и будут оттуда, вместе со славными предками нашими, взирать на великую битву добра со злом. Живые получат город в своё распоряжение на три дня. Три дня он будет ваш, солдаты! Готовьтесь, молитесь и вы победите!!!

Едва стихли раскаты громового голоса, фаланга солдат взорвалась криками. На Александра словно обрушилась штормовая волна. Восторженный вопль, вырвавшийся одновременно из десятков тысяч глоток, перепугал лошадь, она взвилась на дыбы и Александр с трудом успокоил животное.

Строй ликующих солдат начал расходится. Стратиг с тем же непроницаемым лицом продолжал стоять на возвышении, строго наблюдая за движением колонн и лишь когда на огромной площадке остался только вновь прибывший полк, повернулся к вытянутому в струну Варду Фоке.

- Подойдите, легат, - негромко произнёс стратиг.

Вард бросился со всех ног. Бледный, с окаменевшим лицом, доложил. Андрей наклонил голову в тяжёлом боевом шлеме -

блестящих, парадных не признавал.

- Представляйте, легат, - приказал и направился к строю. В этот момент он заметил Александра, одетого по всей форме, то есть в доспехах императорской гвардии.

- Что делает этериот императора на войне? - с чуть заметной усмешкой спросил Андрей.

Александр знал, с кем имеет дело. Спрыгнул с коня, чём вызвал одобрительные возгласы свиты - мало кто решался прыгать в тяжёлой броне, некоторые и ходили-то с трудом. Ни одна деталь доспеха не зазвенела, даже длинный двуручный меч за спиной не шелохнулся. Заметил потеплевшие глаза стратига, ободрился. Кратко доложил о выполнении задачи по розыску сына сенатора.

- Прекрасно, - слегка приподнял бровь Андрей, - я знал о пропаже Марка, но не верил, что его кто-то сумеет найти. Рад, что удалось. Что намерены делать дальше?

- Участвовать в штурме Александрии под вашим руководством! - с солдатской лихостью ответил Александр.

Стратиг скупо усмехнулся.

- Хитёр этериот, чувствуется дворцовая выучка ... под вашим руководством! ... Ладно, пока фортуна повёрнута лицом, ей надо пользоваться, вы правы. Желаю уд... нет, успеха, гвардеец.

Стратиг направился к замершему в ожидании полку. Александр незаметно перевёл дух. Стратиг Андрей пользовался славой самого жестокого и решительного полководца империи. Его страшились и свои, и чужие. Он никогда не брал пленных, только в исключительных случаях, когда была остро необходима рабочая сила. Торговлю пленными считал делом презренным и недостойным. Открыто ненавидел придворных вельмож, государственных чиновников. Солдат берёг, но относился к ним скорее как к ценным вещам. Он жестоко наказывал за малейшую провинность, не делая поблажек никому. Этериот, воин личной гвардии императора, с которыми опасались конфликтовать даже придворные аристократы, был для него просто солдатом.

Всё это Александр узнал у Варда. Когда удивлённо спросил, почему такой человек вообще жив ещё, Вард ответил:

- Он лучший. Именно благодаря нему мы побеждаем арабов. Стратиг надёжно держит щит на южных рубежах империи, это даёт возможность императору воевать с болгарами, которых он ненавидит всей душой. У него и прозвище такое - Василий Булгарооктон, что значит болгаробойца.

- Чём же так провинились несчастные славяне перёд императором? - спросил уязвлённый Александр.

- Причём здесь славяне? - удивился Вард, - мы зовём

болгарами кочевников. Они пришли откуда-то из Руси, покорили местные славянские племена и теперь постоянно нападают на наши северные города.

- А-а, булгарское ханство на Волге... Да, несколько родов откочевало когда-то давно на запад и не вернулось обратно. Так вот они где! А наши булгары тихие, - сообщил Александр, - чего-то у вас буянят, не пойму.

- Это потому что вы, русские, сами буйные, а мы, ромеи, вежливые, вот так! - ответил Вард.

Сейчас, глядя, как бледный Вард что-то объясняет "вежливому" ромею Андрею, Александр только усмехался.

Поздней ночью стал стихать лагерь ромейского войска. Стратиг разрешил солдатам не ложиться спать, пока не закончат последних приготовлений к завтрашней битве. Одни молились, усердно и истово, другие готовили оружие и доспехи, третьи на площадке для занятий оттачивали мастерство нападения и защиты и только совсем уверенные в собственных силах ничего не делали, тихо дремали в палатках, но таких было совсем мало.

Александру впервые предстояло участвовать в штурме такой сильной крепости, как Александрия. Смог только издали посмотреть на стены города, но увиденного оказалось достаточно, что бы задуматься.

Стены выложены из высушенных на солнце глиняных кирпичей, что обычно для северной Африки. Стены не казались прочными, но зато получились массивными и очень высокими. Воинам пришлось связывать вместе две лестницы, иначе до гребня не достать. Конструкция получилась хлипкой, трясущейся. Когда испытывали связки двух лестниц, они прогибались, скрипели и выдерживали не более полудюжины солдат. Пришлось добавить шесты для укрепления, дополнительно намотать верёвок и всё равно больше десятка человек лестница не держала.

Но храброго стратига это не смущало. У него был свой план штурма, который предусматривал массированный обстрел стен из камнемётов. Для этого кораблями империи были доставлены из дальних каменоломен громадные гранитные булыжники. Камнемёты заранее установили на позиции и горы гранита теперь возвышались рядом с каждой машиной.

Камнемёты расставили широкой дугой на одинаковом расстоянии друг от друга. Возле каждого выставили неусыпную охрану, разожгли костры. Пляшущее рыжее пламя освещало неподвижных часовых, стоящих спиной к огню - им строжайше запретили оборачиваться к кострам, иначе ничего не увидят в темноте. Машины странной и страшной конструкции, на

огромных деревянных колёсах, с задранными к чёрному нёбу громадными ковшами, выглядели доисторическими монстрами, вызванными заклятиями колдунов из подземной тьмы. Впечатление потусторонности страшных машин усиливали летучие мыши, стаями мечущиеся в рваном свете костров.

К камнемётам не подпускали никого. Александр издали посмотрел на них, на горы камней рядом с каждым, вздохнул и решил поспать прямо на земле неподалёку, ночь-то тёплая. Как оно будет завтра, один Бог знает, а отдохнуть всё равно надо. Свернул плащ, сунул под голову, щитом укрыл ноги, меч положил под правую руку, шлем под левую. Повозился немного и заснул.

Рано утром, едва узкое лезвие горизонта зажглось огнём, пропели трубы, лагерь ожил. Тихо, без обычных разговоров и шуток, солдаты выстраивались в штурмовые колонны. Каждому дали по ковшику воды и всё - обильный завтрак перёд сражением стратиг Андрей считал дурным тоном. Солдаты не возражали любимому полководцу - драться на пустой желудок легче.

Три колонны, сверкая в утренних лучах начищенной бронёй, выдвинулись к стенам, остановились. На краткий миг воцарилась тишина. Деревянные хижины бедноты, выстроенные перёд крепостной стеной, давно сожгли. Остались только выжженные пятна, торчащие из земли чёрные головешки. Безжизненная полоса мёртвой земли отделяла ромеев от крепостной стены. Защитники, высыпавшие на стены, молча смотрели на перестроения ромеев и, как только колонны стали, на стенах поднялся невообразимый гвалт - "покорные" свистели, орали, выкрикивали обидные шутки, они решили, что ромеи боятся начинать штурм.

На самом деле всё действия войск подчинялись заранее принятому плану. Как только колонны вышли на исходный рубеж, опять пропели трубы. Ожили страшные стенобитные машины. Метательные ковши медленно поползли вниз, замерли в нижней точке. Длинные коромысла погрузочных механизмов поднялись, осторожно опустили громадные куски гранита в ковши.

На стенах замолчали. Краткое мгновение длилась мёртвая тишина. Стратиг Андрей с каменным лицом неподвижно сидел на белом коне в красной попоне. Восходящее солнце осветило правую половину лица стратига, оставляя другую в темноте. Александр внутренне содрогнулся, глядя на странное и страшное лицо, наполовину чёрное, наполовину светлое.

Андрей медленно поднял руку в латной перчатке, в высшей точке рука остановилась и тотчас рухнула вниз. Одиноко пропела труба. Вмиг ожили камнемёты. Командиры расчётов стенобитных

машин, их была чёртова дюжина, по числу аппаратов, одновременно отпустили стопорные рычаги и тринадцать обломков гранитных скал взметнулись в нёбо. Кувыркаясь, тяжело переворачиваясь в прохладном воздухе, камни по крутой дуге полетели сначала вверх, потом вниз. Тяжкий грохот и облака жёлто-коричневой пыли возвестили, что всё тринадцать каменных дьяволов попали в цель.

Когда ветер развеял облака пыли, на стенах никого не было. Обороняющиеся бросились со стен кто куда, только самые храбрые или глупые скрылись за выступы. Александр по неопытности полагал, что камнемёты будут бросать камни по всей стене. Он ошибался. Удары наносились в заранее намеченные места, два по стенам справа и слева от ворот, третьим были непосредственно центральные ворота крепости. Гранитные глыбы привозили кораблями с дальних каменоломен, затем с великими трудами везли на повозках, запряжёнными волами к месту сражения. Занятие долгое, дорогое и хлопотное, поэтому швырять каменные снаряды куда попало было строго запрещено.

Ковши снова пошли вниз, в них опустили камни и новая партия смертоносных снарядов готова. Опять пропела труба, камнемёты выстрелили. Бреши в стенах стали больше, от массивных ворот полетели щепки. Затем снова зарядили камнемёты, выстрелили, потом ещё и ещё.

Обстрел продолжался около часа. Проломы расширились, стены пошли трещинами, ворота вовсе разлетелись в труху, но за ними обнаружился мощный завал камней и обстрел ворот прекратился.

Тём временем арабский полководец опомнился, приказал срочно заделывать проломы, не обращая внимания на камни. Возле стен началась суета, солдат и рабов палками и плетьми погнали на стены. С небольшого пригорка, на котором сидел на коне стратиг, было хорошо видно, как сотни людей замельтешили в проломах, пытаясь заделать их брёвнами и глиной.

Александр ожидал, что обстрел усилится. Он, напротив, совсем прекратился. Арабы решили, что ромеям больше нечем ломать стены и ремонт проломов закипел. Камней действительно почти не осталось, только кучи маленьких булыжников, которыми удобно бомбить скопления людей, но совершенно бесполезны против крепостных стен.

Удивлённый, Александр обернулся в сторону пригорка, ожидая сигнала стратига на штурм. Но Андрей всё так же неподвижно сидел на коне, равнодушно глядя прямо перёд собой. Александр вопросительно посмотрел на Варда. Тот успокоительно

помахал рукой, мотнул головой в глухом шлеме в сторону стенобитных машин. Александр обернулся и увидел, как возле камнемётов что-то делают солдаты с клочьями рыжих лисьих шкур на шлемах. Это были расчёты корабельных огнемётов. Солдаты очень аккуратно загружали какие-то продолговатые горшки в ковши, очень осторожно и не торопясь. Когда работа закончилась, старший огнемётчик взмахнул огненно-рыжей шкурой, над полем раздалась резкая команда и ковши взметнулись в нёбо. Десятки чёрных камней, малюсеньких по сравнению с гранитными глыбами, полетели к проломам.

Александр ещё раз посмотрел на Варда, пожал плечами и вдруг увидел такое, что замер с открытым ртом - на месте проломов, где только что копошились сотни людей, расцвели страшные огненные цветы. Вспыхивали один за другим, раздувались, наползали друг на друга, образуя целые огненные поляны, в которых заживо сгорали десятки людей. Через мгновение дыры проломов превратились в огненные жерла вулканов, огонь потоками полился вниз, загорелась земля возле крепости.

Камнемёты снова зарядили глиняными сосудами с греческим огнём, пропела труба, прозвучала команда и новая партия огненных снарядов полетела к крепости. Но на этот раз греческий огонь бросили не на стены, а дальше. В крепости вспыхнули пожары. Горело всё, даже камни, деревянные крыши и балки вспыхивали факелами и сгорали за считанные мгновения. Чёрные дым поднимался в синее нёбо, собирался в столбы, скручивался и расползался жуткой тьмой над городом.

Александр с изумлением увидел, что сверху падает чёрный снег - пепел, сажа от сгоревших домов и людей. Обернулся, посмотрел на Андрея. Стратиг всё так же равнодушно и отрешённо смотрит на горящую крепость, холодный, как покойник. Александра бросило в жар - такой войны он не видел никогда.

Обстрел продолжился ещё около часа, затем прекратился. Всё это время войска неподвижно стояли под стенами, наблюдая за гибнущим городом. Наконец, запасы огненных снарядов истощились. Огонь пожрал всё, что может гореть на стенах и рядом, пошёл дальше. Стратиг заметил это. Выпрямился в седле, на щеках заиграл румянец. Звонким голосом проснувшегося дракона проревел:

- Вперёд, на стены!!!

Коротко пропела труба. Колонны вмиг ожили, тысячи пар солдатских сапог слаженно грохнули по застывшей земле, валом пролетел по воздуху лязг железа. Две толстые стальные змеи

поползли к проломам, которые уже никто не защищал.

Полк Варда находился в резерве и шёл последним. Раздался топот подков, Александр обернулся. Сияющий, как новенький золотой динар, Вард соскочил с коня, бросил поводья подбежавшему коноводу.

- Ты всё видел? - радостно закричал он Александру. - Стратиг гений, он взял город, не потеряв ни одного солдата! Вот досада, я даже меч ни разу не достал, а?

- Взял ли, - усомнился Александр, - город огромен, покорные будут драться за каждый дом. Камнемёты на улицах не применишь, да и в центре наверняка есть цитадель.

- А-а, ерунда, - отмахнулся Вард, - это вопрос нескольких часов. Сегодня будем ужинать в Александрии. Ну, пошли, а то мои солдаты уже сердятся, что опаздывают к самому главному ... ха-ха! ... культурному мероприятию - знакомству с горожанами!

Когда подошли к строю полка, солдаты действительно неодобрительно бурчали, бросали злые взгляды на командиров. Офицеры всё, как один, умоляюще смотрели на Варда.

- Вперёд! - по петушиному звонко крикнул Вард и полк едва не бегом побежал к пролому.

По ромейским военным законам командир не имеет права быть впереди солдат, он обязан руководить их действиями приказами, а не личным примером, как у всяких там варваров вроде русских. Но сейчас всё настолько были уверены в победе, что установленный порядок ни кем не соблюдался. Вард первым прыгнул в пролом, за ним Александр - он на правах прикомандированного вообще мог делать, что хотел - затем повалили солдаты.

Страшная картина выжженной земли предстала перёд глазами. Обгорелые развалины ещё дымились, и там и тут пляшут языки пламени, чёрный дым столбами поднимается в неподвижном воздухе. Повсюду лежит толстый слой горячего пепла. Воздух, тяжёлый, обжигающий, пропитан густым запахом горелого мяса людей и животных. От домов остались только обглоданные огнём глиняные основания. Доспехи, лица сразу покрылись сажей, лёгкие забило гарью. Дыхание под глухими шлемами затруднилось так, что некоторые подняли забрала, а то и вовсе остались с непокрытыми головами. Жар от раскалённых развалин шёл такой, что пришлось закрываться щитами, словно от обстрела.

Узкие улочки шли параллельно, поэтому большая колонна вынуждена была разбиться на несколько маленьких. Войска продвигались к центру города. Бедные окраины быстро закончились. Именно они больше всего пострадали от обстрела

ромейских камнемётов, а дальше пошли дома зажиточных горожан, из настоящего камня и вот здесь ромеев ждал неприятный сюрприз.

Покорные соорудили вторую линию обороны, заранее соединив каменными баррикадами дома и полностью перегородив улицы. И таких линий обороны были десятки. Едва показались первые ромейские солдаты, засвистели стрелы, град камней обрушился сверху. Пали первые раненые и убитые.

Опытных ромеев сопротивление не испугало. Солдаты мгновенно выстроились так называемую " черепаху" - прямоугольный строй, в котором внешний ряд закрывается щитами, а внутренние ряды выставляют щиты вверх. При этом каждый щит цепляет другой, как чешую у рыбы. Образуется сплошное покрытие, которое невозможно пробить стрелой или копьём. Защищённые таким образом солдаты без потерь приближаются к противнику, а потом стремительно бросаются в атаку. Такой строй придумали римские легионеры несколько столетий назад и с тех пор он применяется с неизменным успехом.

Колонны ромеев превратились в стальные коробки. Стрелы, копья, камни отскакивали, воздух заполнился барабанным стуком, будто град внезапно пошёл. Некоторые «покорные», неопытные в войне, не выдерживали и бросались в атаку. Бесполезно. Когда противник приближался вплотную, намереваясь тяжёлым топором прорубить щит, приоткрывалась узкая щель в сплошной стене брони, острое жало ромейского меча, ослепительно сверкнув на солнце, насквозь пробивало грудь атакующего и снова пряталось. Ни один из тех, что пытались врубиться в строй черепахи, не вернулись обратно.

Бронированные прямоугольники приближались к баррикадам и словно взрывались - солдаты бросались на штурм. Начались жестокие уличные бои за каждый дом.

Александр шёл в общем строю. Несмотря на довольно высокое служебное положение, собственных подчинённых он не имел и потому сражался, как простой солдат. Однако выучка, тяжёлый длинный меч и почти непробиваемая броня императорского гвардейца очень скоро выделили его из общей солдатской массы. Защитники баррикад осыпали ромеев стрелами и камнями. Что бы защитится, Александр подхватил с земли кем-то брошенный щит.

«Покорные» дрались отчаянно, умело, ни один не трусил, не убегал и не просил пощады. Как-то так получилось, что Александр оказался в первом ряду, принимавшим на себя всё удары.

Обычный деревянный щит, обшитый для прочности бычьей кожей, быстро пришёл в негодность. Очень скоро он превратился в измочаленную деревяшку и Александр просто стряхнул его с руки. Частые сильные удары градом обрушились на шлем, панцирь, стальные налокотники. Но сабли и лёгкие мечи, которыми преимущественно были вооружены арабские воины, вреда не наносили. Александр перехватил двуручный меч этериота двумя руками, длинное лезвие завертелось со скоростью лопастей ветряной мельницы в ураган. Рубил быстро и сильно, полукругом и крест-накрест, проворачивался вокруг себя на одной ноге, меч стремительно летел по кругу.

Руки, ноги, головы и рассечённые на куски тела разлетались во всё стороны, вскоре всё пространство вокруг оказалось усыпано разрубленными телами. Почувствовав вокруг пустоту, остановился. Поднял забрало, посмотрел вокруг. Ромейские солдаты стоят полукругом, с опаской посматривая на разошедшегося этериота.

- Эй, парень! - крикнул один из них, - ты поосторожней тут маши своей железякой, тут тебе не того, понял?

- Это как? - растерялся Александр, - тут тебе не того, это чего???

- Да не слушай его, - вмешался в разговор воин со знаками различия сотника, - его цветочным горшком малость приглушило, вот он и несёт невесть что. Ты вот что, этериот, иди первым и руби их на шматки, у тебя здорово получается, а мы прикроем с боков и спины, идёт?

Александр кивнул, опустил забрало. Солдаты сразу встали за ним клином, таран двинулся к центру города. Впереди появились «покорные», в добротных доспехах, с большими круглыми щитами и кривыми саблями. Позади строя на целую голову возвышается воин с зелёным шарфом, обмотанным вокруг шлема. Он поднял руки к дымному нёбу и протяжно закричал. Александр не разобрал слов, услышал только в конце - аллах Акбар! Воины тотчас бросились вперёд, дико крича и размахивая оружием. Яростные лица, бешеные глаза - ни у кого Александр не прочёл в глазах страха или просто осторожности, всё рвались в бой и хотели победить или умереть.

Волна «покорных» с грохотом и лязгом железа столкнулась с клином ромеев, завязался ожесточённый бой. Ромеи сразу почувствовали, что на этот раз им встретились действительно воины, обученные, сильные и храбрые. Бой длился целый час, когда никто не хотел уступать. К «покорным» всё время подходило подкрепление, на место павших вставали новые воины. Но к ромеям тоже стала подходить помощь - разрозненные

подразделения и просто отставшие от своих солдаты двигались на шум схватки и вступали в сражение. Бой кипел с неослабевающей силой. Каменная мостовая залита кровью, она стекает вниз, собираясь в тонкие ручейки, разливается на ровном месте широкими лужами. Окружающие дома забрызгало кровью до окон второго этажа.

Александр давно уже стоял не на камнях мостовой, а на трупах по колено в крови. Собственный пот смешался с кровью, чужой и своей от мелких ран, вытекал из щелей в доспехах, заливал его и весь он выглядел, как подземный демон войны, омываемый кровью убитых им людей. Доспехи, ещё недавно сверкающие на солнце, теперь тускло горели кровавым и чёрным, куски человеческой плоти свисали лохмотьями, неведомо как застрявшими в сочленениях брони.

Но он по-прежнему был жив, ещё силён и длинный меч безжалостно рубил врагов. Бронированный клин ромеев медленно продвигался вперёд. Солдаты чуяли близкую победу, сражались с напором, не обращая внимания на раны. Осталось немного, но вот снова раздался протяжный клич, закончившийся знакомым аллах Акбар, в усталых воинов покорных словно вселились демоны. Арабы с яростью бросились в атаку, начали теснить ромеев. Александр почувствовал, что ещё немного и солдаты дрогнут, отступят на шаг, затем другой, а потом просто побегут.

- За мной! - глухо взревел его голос под шлемом. Перестал рубить, бросился вперёд, расталкивая малорослых арабов. Его целью был тот самый воин с зелёным шарфом на шлеме. Это он вселял силы в уставших воинов покорных и, если его не уничтожить, «покорные» победят, несмотря на то, что их меньше и они слабее.

Он проламывал толпу, за ним устремились те, кто услыхал команду. Несколько раз ударили по голове так, что загудело, видимо, палицей. Не глядя, отмахнулся кулаком в железной перчатке, в кого-то попал, захрустело. Больше ударов палицей не было, значит, попал в кого надо.

Наконец, отшвырнул последнего. Прямо перёд Александром стоит высокий, крепкий воин. В возрасте, широкое сухощавое лицо изрезано жёсткими складками. Окладистая седая борода закрывает пол лица, ниспадает на грудь. На голове остроконечный шлем, обёрнутый зелёным шарфом, одет в длинную, до колен, кольчужную рубашку. Воин закрылся круглым щитом, медленно вытащил из ножен кривую саблю таких размеров, что Александр внутренне ахнул - таких ещё не видел - сделал шаг навстречу, другой ...

Сражение остановилось само по себе. Воины образовали круг из щитов, в центре которого остались Александр и воин с зелёным шарфом. Схватка началась.

Александр сразу понял, что его противник делает ставку на ловкость и быстроту, пользуясь видимой неповоротливостью ромея в тяжёлых доспехах. Решил подыграть, но игра получилась очень опасной. Огромная сабля, в которую какой-то волшебный кузнец вбил не меньше пуда закалённой стали, рубила так, что имперские доспехи скрежетали, гнулись и кое-где порвались. Если бы не кольчуга, предусмотрительно надетая под панцирь, Александру пришёл бы конец. Ошеломлённый натиском и силой, он с трудом отбивал удары, уже не думая об игре. Противник напротив, видя, что победа близка, стал наседать и рубить так, что доспехи начали жалобно скрипеть и разваливаться на куски.

Несколько оглушающих ударов пришлось по шлему, Александр упал на одно колено. Он только отбивал удары наседающего противника и не всегда успешно. Последний удар был таков, что меч обессилено опустился, голова склонилась. Сквозь узкую щель забрала увидел тень врага. Тень шагнула ближе, две серые руки поднялись к верху, тень превратилась в клинообразный столб на двух ногах. Когда остриё столба на мгновение замерло, чтобы обрушиться сокрушающим ударом гигантской сабли, Александр со всей силы рубанул мечом наотмашь.

Лезвие молниеносно прочертило сверкающий полукруг, остро отточенный кончик меча рассёк кольчужную рубашку на поясе, кожаный ремень с ножнами, брюшину и через огромный разрез хлынул поток крови пополам с внутренностями.

Александр прыжком оказался на ногах. Никто ничего не успел сообразить, даже воин в зелёном шарфе ещё стоял с поднятой обеими руками саблей, на лице было написано чувство предвкушение победы. Повернулся к своим.

- Рубите всех! - скомандовал Александр. Снял шлем, кое-как отёр пот со лба железной перчаткой.

Первым опомнился сотник. Он невнятно заорал что-то и бросился на оторопевших «покорных», за ним остальные, тоже ничего не понимая, просто по инстинкту профессиональных солдат следовать за командиром.

Александр прекратил, наконец, бессмысленные попытки вытирать пот рукой в железной перчатке. Сорвал зелёный шарф с головы убитого, с наслаждением вытер едкую влагу, протёр шлем изнутри. Несколько секунд постоял, вдыхая свежий воздух с сильным запахом гари. Мелкий пепел немедленно усыпал непокрытую голову, прилипая к мокрым волосам, растворяясь и

стекая мутными струйками по лицу. Ещё раз вытер лицо, размазав грязь, отчего стал похож на неумелого трубочиста. Кулаком вправил сбитое ударом забрало, надел шлем. Пошёл на удаляющийся шум схватки, не глядя под ноги, перешагнул через убитого воина. Гигантская сабля так и осталась валяться на камнях мостовой.

Через десяток другой залитая кровью улица вывела на широкую площадь, на краю которой возвышается каменная стена цитадели. Всё получилось именно так, как и предполагал Александр. Солдаты, теперь уже его солдаты, растерянно топтались под стенами домов, не приближаясь к цитадели. С гребня стены лучники очень точно пускают стрелы, некоторые падают рядом, но уже на излёте, не причиняя никакого вреда.

Александр вышел вперёд. Снял шлем, чтобы лучше было видно, стал осматривать стены. Его заметили, сразу несколько стрел взвились в воздух. Бессильно упали под ноги, несколько раз подпрыгнули, как простые деревяшки, замерли.

- Что будем делать, командир? - негромко спросил подошедший сотник. К ним приблизились остальные, только четверо осталось под стеной дома, кое-как перевязывая раны.

Александр молча сжимал кулаки в железных перчатках. Он прекрасно понимал, что возле этих стен бой закончился. В них нет проломов, проделать их нечем. Стена цитадели из настоящего камня, не из глины и она выше раза в полтора городской. Повернул голову, искоса глянул. Позади него собралось около сотни воинов, всё они смотрели на него, словно ожидая чуда. Но чуда совершить он не в силах и уже собрался дать команду на отдых, как вдруг раздался звонкий стук копыт. Из-за угла дома выехал верхом стратиг Андрей, как всегда спокойный, чуть ли не сонный. За ним следует отряд личных телохранителей.

Пехота подалась в стороны, пропуская стратига. Андрей - без шлема, с непокрытой головой на глазах у противника - подъехал ближе.

- Прекрасная работа, этериот, - негромко произнёс он, - ваш отряд первым вышел к центру города, остальные всё ещё штурмуют окраины. Вы пронзили оборону покорных, словно раскалённый клинок кусок масла. Поздравляю с успехом! Что дальше?

- Взять цитадель, но, увы, стратиг, штурмовые лестницы остались у пролома, - огорчённо развёл руками Александр, - а без них нечего даже пытаться приблизиться к стенам.

- Вы правы, - согласился Андрей, - но у вас слишком мало людей для штурма, лестницы не помогут, а?

- У противника тоже. Его основные силы скованы боем на

окраинах, в цитадели только маленький гарнизон. Если ударить немедленно, крепость будет нашей, ручаюсь, - горячо возразил Александр, - но лестницы ... чёрт бы их побрал!

- Я не чёрт, - улыбнулся стратиг, - но я ... их побрал. Он обернулся, махнул рукой и изумлённый Александр увидел, как несколько десятков солдат торопливо тащат на плечах те самые лестницы, что так и не понадобились на городских стенах.

- Следуя за вами - остальные топтались на месте - я по дороге собирал солдат ... э-э... отставших и заблудившихся, - объяснил стратиг, - а что бы они не бездельничали, заставил тащить эти самые лестницы.

Воины, собранные Андреем, стояли понурые, бледные, словно обмазанные белой глиной. Вокруг с обнажёнными мечами телохранители стратига, у некоторых оружие в крови. Александр понял, что это дезертиры, трусы и просто мародёры, самовольно вышедшие из боя и рыскающие, кого ограбить.

Их судьба была решена - стратиг таких пачками отправлял на виселицу.

- Слушайте меня внимательно, негодяи, - обратился к ним Андрей, - сейчас вы под командой этериота Александра пойдёте на штурм цитадели. Ваш позор будет на вас до первой крови. Погибшие считаются героями, оставшиеся в живых - доблестными воинами, но храбрость должна быть подтверждена или двумя свидетелями, или ранением в грудь.

Стратиг повернулся к Александру, в глазах мелькнула едва заметная доброжелательность.

- Больше не буду вам мешать, этериот, - произнёс Андрей, подал коня назад.

- Каре! - скомандовал Александр, надевая шлем. Солдаты мигом построились в прямоугольник, закрылись щитами.

- Вперёд! - раздалась новая команда и стальная "черепаха" двинулась к крепости. Бывшие дезертиры тоже укрылись щитами, побежали вперёд ставить лестницы. На стенах слышится шум, в наступающих летят стрелы, камни, но огонь слаб - обороняющихся слишком мало.

Полдюжины лестниц почти одновременно падают на край, солдаты лезут наверх. Со стены стреляют, бросают копья, на камни упали первые убитые. Солдаты опередили Александра, он оказался на центральной лестнице не первым. Лёз вслед по шатким перилам, крепко цепляясь. Меч, что б не мешал, закинул за спину, зажал в зубах нож. Пришлось откинуть забрало и теперь смотрел в оба, что бы случайно не получить камнем в лоб. Пока вместо камня перёд лицом маячил внушительный зад карабкающегося выше солдата.

На участок прорыва стены сбежались арабы со всей цитадели. Штурмующим помогали лучники, расстреливающие снизу защитников крепости. Александр поднимался выше. Он не понимал, то ли передние уже рубятся на стене, то ли их сбросили, просто лёз и лёз. Наконец почувствовал, что край близок. На мгновение остановился, что бы посмотреть. В этот момент защитник, громадный толстый араб с длинными чёрными усами от уха до уха, высоко поднял обеими руками огромный камень и швырнул вниз. Булыжник смёл троих ромеев с лестницы, как соломенных кукол. Александр только успел спрыгнуть с перекладины, повиснув на руках, как всё трое пролетели мимо. Камень упал прямо на лестницу, пошёл с хряском ломать перекладины до самого низа, пока не грохнулся на камень мостовой.

Александр оглянулся - вниз уходят две длинные палки без перекладин, далёко внизу камни, если прыгать, поломаешь ноги. Вверх - пара шагов по уцелевшим поперечинам и он на стене, но там ждёт, ухмыляясь, усатый араб, в одной руке длинное копьё, чтоб удобнее было столкнуть, другой манит - давай, мол, чего там ...

Чувствуя, что теряет силы - раны и тяжёлые доспехи дают себя знать - по кошачьи изогнулся, слабеющее тело чудом оказалось на лестнице, зацепившись ногами за перекладину. Выхватывает нож, молниеносно бросает прямо в ухмыляющуюся рожу.

Через мгновение Александр оказывается на вершине стены. Выхватил меч, прижался спиной к проёму, за которым осталась изуродованная лестница. Краем уха услышал, как снизу что-то закричали ромеи, но тут же забыл – защитники цитадели бросились со всех сторон...

Он вертелся на всё стороны, рубил длинным мечом, стараясь достать за один замах как можно больше. Всё больше убитых валялось вокруг, всё больше раненых отползало прочь от схватки, но силы быстро убывали. Удары сыпались со всех сторон, пробивающие защиту, доспехи, остро жалящие грудь и руки. Он слабел с каждой минутой, уже не уклонялся от ударов, а просто отмахивался из последних сил. Упал на колени. На мгновение сознание прояснилось, стало стыдно, кое-как поднялся на одно колено. На большее сил уже не было.

Вдруг кто-то толкнул в спину, Александр упал. Встать не смог, вдобавок этот кто-то наступил на спину, некоторое время просто топтался на нём, словно он бесчувственная колода, потом спрыгнул. Александр завозился в луже крови, своей и чужой, глухо заревел, пытаясь встать. К немалому удивлению, удалось.

Снял искорёженный шлем. Ничего не видно, рукой убрал пропитанные кровью волосы с лица. Пальцы плохо слушались в изуродованной железной перчатке, зубами содрал. Ещё раз провёл по лицу ладонью, вытирая пот, огляделся.

Вокруг него валяются только трупы защитников цитадели, их много, вся каменная дорожка, проложенная по гребню стены, усыпана ими. С трудом повернулся, увидел, что справа и слева от него торчат вершины штурмовых лестниц. Он понял, что солдаты сдвинули всё лестницы сюда и бросились на штурм, пока он прикрывал их. Им удалось и теперь сражение переместилось со стен во внутренние помещения цитадели. Крепость взята ...

Медленно и неуверенно, словно дряхлый старик, побрёл со стены вниз, опираясь на меч, как на палку. При каждом движении зазубренные края пробитых доспехов больно впиваются в израненное тело. Расстегнуть застёжки, сбросить бесполезные железяки не было сил. Доковылял до лестницы, ведущей вниз, стал осторожно спускаться по ступенькам, цепляясь за стену. Добрался до выхода, вышел на площадку посредине цитадели. Вокруг никого, только мёртвые. Солнце обрушилось сверху, словно поток расплавленного свинца. Торопливо заковылял в тень от стены. Увидел распахнутую дверь, вошёл.

В полутёмном после дневного света помещении стоит старик в изорванной одежде. По комнате разбросаны вещи, тряпки, бумаги. Воздух наполнен знакомым аромат трав, снадобий, шибает в нос резкий аммиачный запах. Двое солдат увлечённо роются в распахнутом сундуке.

- Эй, военные! - негромко окликнул их Александр. Солдаты от неожиданности подпрыгнули, обернулись и выпучили глаза от удивления. Окровавленный, в изрубленных доспехах, Александр мгновение строго смотрел на солдат, без сил опустился на лавку. Потянул носом воздух, скривился.

- Ты лекарь? - спросил старика.

Тот кивнул.

- Эй, вы, хватит там копаться! - прикрикнул Александр на солдат, один из которых снова потянулся к сундуку, - живо пробежаться по крепости, собрать всех раненых и направить сюда. Ты по-гречески понимаешь? - обратился он к старику.

- Да, понимаю, - выговорил тот наконец, разводя руками, - не очень хорошо говорю, но понимаю всё.

- Ну вот и ладно, - облегчённо вздохнул Александр, - сейчас сюда начнут раненых приносить, всех, и ваших тоже, будешь лечить.

- Разве? - с сомнением в голосе произнёс старик, показывая взглядом на солдат. Те воровато переглядывались, не решаясь

уйти. Александр понял, что никаких раненых, тем более из арабов, они собирать не будут. От вспыхнувшей злости появились силы. Поднялся, опираясь на меч.

- Выполняйте приказ, солдаты! - крикнул Александр.

Те подло ухмылялись, переглядывались, но вдруг побелели, как мёл и словно окаменели.

- Выполнят, этериот, не сомневайтесь, - прозвучал знакомый вялый голос. В комнате на миг потемнело, в дверном проёме возникла фигура стратига Андрея. Он шагнул внутрь, приблизился к Александру. Тот попытался выпрямиться, но стратиг жестом остановил.

- Не надо, поберегите силы, а вы, ублюдки, - повернулся к застывшим от страха солдатам, - выполните приказ этериота, иначе я вас диким собакам живьём скормлю!

Мародёры словно испарились. Уже через несколько секунд послышались шаги - начали подходить первые раненые. Стратиг повернулся к Александру.

- Прекрасное решение, этериот, оказать срочную помощь раненым солдатам, - одобрительно произнёс Андрей, - только вот насчёт арабов ... ну, ладно, пусть лечат и их. Вы - победитель и я не вправе оспаривать ваши решения. Вы лекарь, как я слышал, - обратился он к старику, - верно?

- Да, - ответил заметно побледневший араб.

- Прекрасно, значит, здесь будет лазарет, где вы окажете всю возможную помощь раненым, спасая жизни имперских солдат ... и свою тоже. Начните с этериота, немедленно! - указал стратиг на теряющего сознание Александра.

Сквозь полудрёму Александр почувствовал, как дрожащими пальцами старик расстегнул застёжки доспехов, аккуратно снял, потом ему стал помогать кто-то ещё. Холодная, обжигающая вонючая мазь появилась на ранах, всё больше и больше, расползаясь по всему телу толстым холодным слоем. Ловкие руки наложили тугие повязки, вскоре он почувствовал себя плотно спелёнатым младенцем. Намазали лицо, укрыли чистым платком, оставив только отверстие для носа и рта. Кровавую пелену в глазах сменила тьма, он заснул...

Сознание возвратилось толчком, сразу, словно кто-то вытолкнул. Открыл глаза. Тело ноет от долгой неподвижности, спина вовсе пропала. Заворочался, стараясь приподняться. Почувствовал себя оживающей каменной статуей. Повязок уже нет, остатки целебной мази засохли и теперь сыпятся, будто затвердевшая грязь. Сёл, опираясь на локти. В голове зашумело, мир поплыл в глазах.

Замер, пережидая приступ слабости, потом осмотрелся. Он в

наглухо закрытой палатке, в ней никого. Рядом деревянный походный столик, на нём горшочки, склянки, куски ветоши и ваты. Осторожно, чтобы снова не закружилось в голове, встал. Понял, что голый, неумело закутался в покрывало. Распахнул полог, выглянул.

Как и ожидал, увидел пустой лагерь, только раненые лежат на солнышке или медленно прогуливаются. Очень яркий после полумрака палатки солнечный свет заставил зажмуриться, потекли слёзы. В голове опять опасно зашумело, навалилась слабость. Кое-как доковылял до лежанки, провалился в сон.

Поздно вечером, когда в палатке уже темно, его разбудили осторожные голоса. Разговаривали двое, одного Александр сразу узнал - Вард.

- Он уже вставал, не видишь что ли, - раздался его возмущённый голос, - лежит по-другому и вообще...

- Это не важно, вставал или нет, - занудно отвечал незнакомый собеседник, - он слаб и нуждается в покое.

- Ух ты, нудота такая, - зашипел Вард, - я ж не ямы копать заставлю его, просто поговорить о том, о сём и всё!

- Я не нудота, а врач, - невозмутимо возразил незнакомый голос, - на меня возложена ответственность за жизнь и здоровье господина Александра и, кстати, не вами. Выйдите из шатра, прошу вас!

Александр приоткрыл один глаз. Увидел, как разозлённый Вард возмущённо взмахнул руками, но спорить больше не стал и повернулся к выходу. Возле него стоит тот самый старик лекарь из цитадели, которому стратиг Андрей приказал лечить раненых. Лицо у старика сердитое, губы поджаты, руки сложёны на груди.

- Не надо спорить, - негромко сказал Александр, - благодаря вашей заботе, господин врачеватель, я неплохо себя чувствую и могу разговаривать. Пропустите, пожалуйста, его.

- Ага! - радостно заорал было Вард, но спохватился и уже тише произнёс: - Вот видите, он может разговаривать. Ну, так как?

- Хорошо, - согласился лекарь, - но никаких брожений и шатаний по лагерю, ваши раны ещё не заросли как следует и от неловкого движения откроется кровотечение.

- Конечно, конечно, - согласился довольный Вард, - я лично прослежу, что бы раненый лежал, как парализованный.

Старик подозрительно посмотрел, пожевал тонкими губами и с недовольным видом вышел.

- Вот чёрт старый, - заговорил Вард, - не пускал меня никак. Я уже по-всякому, даже грозился прибить лекаришку арабского, что смеет перечить имперскому офицеру, а он упёрся, чуть не в драку

лёз, а?

- Перестань, Вард, он хороший врач, - улыбнулся Александр, - меня порубили будь здоров, а я чую себя совсем целым, только слабость и всё, а отлёживался …

- Четверо суток бездыханным трупом, - сообщил Вар. - Тебя мазали мазью, обматывали, затем разматывали и снова мазали какой-то вонючей дрянью. Кроили острым кинжалом по живому, потом штопали нитками, как старые носки, мне чуть дурно не стало, когда увидел. Тебя собирали по кускам, а ты - всего ничего... Слушай, - зашептал Вард, - этот дед наверняка знается с потусторонней силой. Я видел других лекарей, ни один не мог так, как он.

- Да ну, брось. Я тоже разбираюсь во врачевании, ничего сверхъестественного он не делал, только вот чём мазал и поил, понять не могу, наверно, что-то местное, незнакомое.

- Вот, вот, незнакомое, - закивал Вард, - он не только тебя, он всех вылечил, даже самых безнадёжных на ноги поставил, у нас лежачих раненых почти не осталось, разве так бывает? Стратиг Андрей, когда узнал, разрешил ему беспрепятственно ходить по лагерю, оказывать помощь всём, даже твоим пленным из цитадели, ещё и охрану приставил, что б никто пальцем не тронул, а ты знаешь, как стратиг ненавидит арабов.

- Да, знаю... Минутку, ты сказал - мои пленные из цитадели, - удивлённо произнёс Александр, - я не захватывал никаких пленных.

- А-а, вот мы и подошли к самому главному, - засмеялся довольный Вард, - ты же главный герой битвы за Александрию! Пока полководцы стратига - и я тоже, - смущённо развёл руками Вард, - возились с обороной арабов на окраинах, ты со своим отрядом пронзил войско «покорных» насквозь и вышел к цитадели, главному очагу сопротивления и взял её стремительным штурмом! Ты настоящий герой, стратегически мыслящий, прирождённый полководец...

- Постой, постой, какой ещё полководец, - недовольно скривился Александр, перебивая торжественное повествование Варда, - я дрался наравне с солдатами, никаких отрядов у меня не было. Никто не давал мне права командовать подразделением, я всего лишь солдат.

- Не-ет, ты солдат личной гвардии императора, а это не просто так, - возразил Вард. - Стратигу всё про тебя доложили - и как ты бился первым, а солдаты после тебя трупы разгребали, и как в одиночку на стену забрался, а потом отбивался от всего гарнизона, пока внизу с лестницами копались - всё, всё ... И солдаты за тобой шли не принуждённые силой приказа, а как за

военным вождём, что ведёт к победе, вот так!

- Ну, разлил патоку с мёдом, - произнёс Александр. Попробовал отмахнуться, получилось не совсем удачно - боль в едва заживших ранах резанула так, что зубы стиснул.

- Ты слушай дальше, настоящая патока с мёдом будет сейчас, - хмыкнул Вард, - стратиг произвёл тебя в генералы, минуя всё промежуточные звания, у него есть такое право, только нужно, чтобы император утвердил, но за этим дело не станет, божественный Василий любит верных гвардейцев. Мне поручено стратигом Андреем, - в голосе Варда послышалась торжественность, - передать тебе это лично, как только ты придёшь в сознание.

- Да-а, дела, - вздохнул Александр, - ну, а причём тут мои пленные?

- Ну, как же, - удивился Вард, - Андрей помешан на субординации и дисциплине, никогда не отменяет приказы нижестоящих командиров, если только они не противоречат его собственным или императора. Ты приказал лечить всех и пленных тоже, вот Андрей и велел лекарю лечить только тех, что взяли в цитадели.

- А остальные?

- К остальным стратиг тоже проявил неслыханную доброту - приказал отпустить, предварительно выколов глаза, - ответил Вард.

- Это, по-твоему, доброта!? - поразился Александр.

- Тихо, тихо, генерал, - зашептал Вард, наклонившись, - у шатра тонкие стены. Да, это доброта, потому что божественный Василий именно так поступил с пятнадцатью тысячами болгар, когда взял их в плен в одном из сражений. Стратиг Андрей во всём следует примеру императора.

- А-а, ну, тогда конечно... - тихо пробормотал Александр, отворачиваясь к стене.

- Вот, вот... живы остались и ладно. И вообще, не надо было воевать с империей. Сидели бы дома, с жёнами и детьми в огороде ковырялись, зрение и сохранилось бы. А раз в драку полезли - получите и радуйтесь, что не убили, вот так! - произнёс Вард, вставая со стула. - Ладно, ты отдыхай, поправляйся и голову дурным не забивай. Будь здоров!

Вард вышел, а Александр долго ещё не спал. Он не мог себе представить, каково это - пятнадцать тысяч ослеплённых...

Молодой, сильный организм поправлялся быстро, уже через несколько дней Александр чувствовал себя вполне здоровым, только слабость ещё оставалась, но и она уменьшалась с каждым днём. Обратился к стратигу Андрею с просьбой отпустить его в

Константинополь и Андрей не возражал. Ему совершенно не был нужен столь удачливый воин, которого он вынужден был произвести в генералы. Теперь, похоже, уже жалел о сделанном.

Стратиг приказал выделить самый быстроходный дромон с лучшей командой, вручил Александру подробный донесение для императора и следующим утром корабль вышел из порта Александрии. Дромон стремительно пересёк Средиземное море, ни разу ни встретив кораблей арабов, вот уже показались белые стены Константинополя. За время скучного недолгого плавания Александр окончательно выздоровел и на каменные плиты константинопольской пристани сошёл сильный, крепкий молодой мужчина. Длинные светлые волосы выгорели под ярким южным солнцем, стали отливать золотом и только в одном месте, справа надо лбом, притаилась маленькая седая прядь, словно серебряная наградная лента.

Александр не захотел менять старые доспехи на новые. В походной мастерской кузнец отремонтировал старый панцирь, но придать ему вид нового не смог - слишком сильно был изрублен. На блестящей стальной поверхности рядом с золотыми насечками соседствовали тёмные шрамы грубо заваренных рваных дыр и порезов. Металлические наплечники пришлось перековать заново, добавить ещё защитных пластин, неровные швы выглядели страшно, словно шипы на лбу дракона. Шлем, красивый, сверкающий золотом и серебром, пришлось выбросить - кузнец только развёл руками, когда увидел искорёженный до неузнаваемости доспех. Вместо него Александр выбрал простой обруч закалённой стали, теперь узкая полоска металла плотно лежала на голове, удерживая густую гриву золотых волос. Защитные рукавицы, поножи и кольчугу купил новые.

На него сразу обратили внимание, едва сошёл на берёг. Таможенная стража, равдухи - городские жандармы и просто зеваки во всё глаза смотрели на высокого золотоволосого воина, но никто не посмел подойти и заговорить - золотой нагрудный знак высшего воинского отличия, вручённый Александру стратигом Андреем, доспехи личной гвардии императора останавливали любого. Всё качали головами, а стражники, всё бывшие солдаты императорской армии, понимающе переглядывались - следы от страшных ударов были только на нагрудных пластинах и ни одного на спине.

И только портовые девки чуть ли не бросались с восторженным визгом на шею герою, а женщины восхищённо смотрели вслед и презрительно поглядывали на своих гладких и сытых мужей, что бережно несли толстые животики и розовые лысины рядом с благоверными супругами. Их муженьки

пренебрежительно отмахивались, как бы случайно задевая за пузатые кошельки, туго набитые золотом. Жёны сникали под мелодичный перезвон монет и больше не смотрели на воина.

Александр подошёл к стоянке извозчиков, поправил заплечный мешок, в котором рядом с нехитрым походным добром хранилось донесение стратига Андрея божественному императору. Сёл в первую же коляску, коротко приказал:

- Во дворец.

Извозчик, молодой здоровый парень, дремавший на лавке, чуть приоткрыл один глаз, небрежно буркнул:

- Кому и конюшня дворец ... тебе какой?

- Им-пе-ра-тор-ский! - раздельно произнёс Александр, - и побыстрей, иначе ты у меня вместо лошади в упряжи побежишь.

Парняга, недавно перебравшийся из деревни в столицу, хам и наглец до предела, сразу выпрямился. Круглая рожа надулась злостью, глаза выпучились. Толстая, покрытая белёсыми волосками рука, сжала кнут. Замахнулся, резко поворачиваясь ... замер соляным столбом - в гортань упёрлось острое, как бритва, лезвие меча. Чуть-чуть пропороло кожу под кадыком, ранку неприятно защипало.

Всё разговоры и шум на стоянке как обрезало, наступила мёртвая тишина. Пальцы на рукояти разжались, кнут упал на камни. Александр отвёл меч, достал из поясного кармана золотую монету, вложил в потную ладонь парню. Пальцы рефлекторно сжались, словно щупальца спрута с добычей. Извозчик громко сглотнул, кадык дёрнулся туда-сюда.

- Уже едем, господин! - тонким голосом сообщил парень. Ловко подхватывает кнут и лошадь несётся во весь опор.

Коляска подкатила к дворцовым воротам через считанные минуты. Едва Александр ступил на каменные плиты, как извозчик свистнул, повозка стремительно укатила прочь, только воздух закрутило тугим жгутом. Повернулся к воротам, знакомые гвардейцы подмигнули, улыбнулись, старший едва заметно мотнул головой в блестящем шлеме - проходи! Пышный плюмаж из страусиных перьев колыхнулся и снова превратился в застывший огненно-красный куст на золоте.

Пересёк просторную дворцовую площадь, поднялся по мраморной, с золотыми перилами, лестнице. Гвардейцы на входе распахнули тяжёлые двери из морёного дуба, окованные золотом. Ступил в прохладный полумрак длинного дворцового коридора. Двери за спиной тихо закрылись. С полминуты простоял, привыкая к сумраку помещения.

С высоких сводчатых потолков через голубое стекло квадратных окон падает приглушённый солнечный свет

прозрачными столбами. Медленно кружатся мельчайшие частички пыли. Свет отражается от драгоценных камней в полу и стенах. Розовый мрамор искрится маленькими кружочками золота, их специально вставляли мастера строители.

С портретов на стенах на Александра строго смотрят правители прошлых времён. Лики героев и вельмож строгие, вопрошающие, но немного отрешённые - всё-таки они в прошлом! Вздохнул, решительно зашагал вперёд. Портреты знатных предков правителя плывут мимо, кованые железом солдатские сапоги звонко стучат по мраморным плитам пола, звон отскакивает, попадает на портреты, отчего кажется, что предки недовольно морщатся и смотрят ещё строже.

Александр усмехнулся про себя, настроение поднялось, пошёл прямо, на целый водопад солнечного света, что падает с прозрачного хрустального потолка перёд входом в покои императора. Возле громадных золотых дверей никого, но Александр знал, что охрана здесь скрытая, за ним наблюдают несколько пар глаз императорских гвардейцев, его сослуживцев.

Внезапно двери широко распахиваются. Навстречу выходят очень красивая девушка и сенатор Марцеллий. Девушка одета во что-то белое с красным, лёгкое и воздушное, Александр не разглядел. Чёрные волосы уложены в высокую причёску по последней Константинопольской моде, украшены золотыми нитями. С белой шеи на грудь спускается золотое ожерелье. Темно-карие глаза поднялись, на секунду замерли на лице незнакомого военного. Затем девушка с царственной грацией повернулась к сенатору, протянула руку. Марцеллий склонился, почтительно поцеловал кончики пальцев.

- Всего хорошего, принцесса Анна.

- Благодарю за поддержку моих предложений, сенатор, - тихо произнесла девушка, - и передайте от меня привет вашему сыну. Я рада, что Марк вернулся целым и невредимым.

Марцеллий ещё раз склонил голову. Девушка повернулась, глаза быстро пробежали по видавшим виды доспехам незнакомого гвардейца, скользнули по лицу. Александр сразу догадался, что это сестра императора Василия, принцесса Анна. Вытянулся во фронт, остро сожалея, что на нём порубанные доспехи, кое-как отремонтированные в походной кузнице. Принцесса прошла мимо и скрылась за поворотом коридора. Александр повернулся к Марцеллию.

Сенатора было не узнать. Обычно хмурый, насупленный, сейчас он светился радостью. Лицо, раньше сухое, вытянутое, словно у старой лошади, округлилось, порозовело. Неровный ёжик седых волос сменила пышная серебряная грива, тщательно

уложенная. Голову венчает высокая шапка из пурпура и золота. Длинное, до пола, одеяние тоже сплошь позолочено и укрыто по верху чёрным соболем и горностаем.

Александр от неожиданности оступился, словно запнулся на невидимой выемке в идеально ровном полу. Замер, не зная, что говорить.

- От всей души приветствую вас, Александр, о вашем прибытии уже известно и я вышел, чтобы лично встретить вас, - торжественно произнёс сенатор.

- Большое спасибо, господин Марцеллий, - ответил смущённый Александр, - но я не занимаю такого положения, что бы меня встречал сенатор империи ....

- Так займёте, - улыбнулся сенатор. - Вы оказали столь важные услуги дворцу и лично мне, что ваше возвышение вопрос ближайшего будущего! Идемте со мной, император сейчас размышляет после завтрака о большой политике империи, ваш доклад будет весьма и весьма кстати. Э-э, ... минутку, дорогой Александр, - остановился сенатор, - а вы знаете правила этикета? Хотя зачем я спрашиваю, конечно, нет! Ну, это не страшно для воина, а даже желательно, но! - сенатор сделал многозначительную паузу: - Как вы намерены обращаться к императору?

- Ну, - развёл руками Александр, - господин император ... нет?

- Конечно, нет! - взмахнул руками Марцеллий, отчего длинные, почти до пола, рукава, взметнулись вверх и опали. - Господа - это мы с вами, Александр, а император помазанник божий, он божественен! Именно так к нему и следует обращаться. Вы запоминайте, дорогой, что я вам говорю ....

Александр почему-то не испытывал никакого волнения, направляясь на встречу с владыкой полумира, императором Византии. Он вертел головой, с любопытством осматривая роспись стен и потолков, переходя вслед за сенатором из одного зала в другой. Длинные, узкие окна забраны цветным стеклом. Солнечный свет окрашивается в дивные цвета, разливается на мраморном полу удивительными разноцветными картинами. Стены залов расписаны изображениями мужчин и женщин, которых он совершенно не знал, невиданных зверей. Его поразило мастерство неизвестных художников, точность выписанных деталей, мелочей, яркость красок, а ведь заметно, что росписям не одна сотня лёт.

Вокруг раскинулся удивительный, сказочный мир, какой-то неземной и чистый, в котором нет грязи, пороков и воздух чист, как высоко в горах.

" Божественный, божественный ... - повторял про себя без конца, словно выстукивая некий мотив на маленьком барабане. - Ну да, конечно, божественный! - вдруг произнёс он мысленно, - только божественный человек может жить в таком дворце и всякий входящий должен осознавать это. Власть начинается ... "

- Власть начинается с поклонения, переходящего в преданность! - врывается в сознание голос сенатора.

- А? ... Что? ... - недоумённо произнёс Александр, останавливаясь.

- Великолепно! Я объясняю вам, как следует вести себя в присутствии императора, а вы не слушаете, размышляете вслух. Спуститесь, наконец, с небес на грешный мрамор! - саркастически произнёс Марцеллий.

- Простите, - смущённо ответил Александр, - вокруг так красиво.

Сенатор равнодушно мазнул взглядом по сторонам, потом обернулся к Александру. В глазах сановника мелькнула искра странного интереса.

- Вас привлекает искусство? ... Вы был в главном храме Константинополя? - неожиданно спросил Марцеллий.

- Нет, я сразу с корабля сюда, раньше как-то не пришлось побывать.

Сенатор мгновение молча смотрел на Александра, словно что-то обдумывая, потом произнёс:

- После аудиенции я обязательно отведу вас в храм.

- Спасибо, но я такая уж важная птица, чтобы сенатор империи водил меня на экскурсию, - растерянно и немного встревожено ответил Александр.

- Это не экскурсия, я хочу, что бы с вами побеседовал настоятель храма, - серьёзно ответил сенатор. Он не стал уточнять, что настоятель главного храма империи является также и главой православной церкви.

Миновали просторный зал. Вдоль стен стоят громадного роста гвардейцы личной охраны императора. Многих Александр знал лично, приветливо кивал. Гвардейцы стоят неподвижно, лиц не видно под опущенными забралами и никто не ответил даже малейшим движением на приветствие, но Александр не обижался - сам не раз так стоял на посту.

- Итак, - произнёс сенатор, когда они остановились перёд огромными дверями из драгоценного красного дерева. За ними выход на открытую террасу, где сейчас император. - Последнее - не вздумайте шутить. В разговоре с божественным Василием будьте предельно серьёзны. Власть, как я уже сказал, основывается на поклонении и уважении, а там, где шуточки,

власти - я говорю о настоящей власти, абсолютной! - нет.

Сенатор величественно кивает гвардейцам у входа. Руки в кованных рыцарских перчатках одновременно ложатся на золотые львиные головы, что служат дверными ручками, створки распахиваются. Гвардейцы замирают железными статуями. Сенатор, за ним Александр входят в покои императора, переходящие в огромную открытую террасу с великолепным видом на пролив.

Белый мрамор прохладно сверкает в полуденном солнце. По краям террасы в огромных золотых растут пальмы, соединённые между собой гибкими стеблями лиан. Среди крупных зелёных листьев прячутся розовые и жёлтые цветы, большие, круглые. Цветы и листья образовывают как бы естественную изгородь, прикрывая террасу от излишне яркого солнца. В центре разбрасывает воду мраморный фонтан, украшенный нефритовыми пластинами и драгоценными камнями огромных размеров. По всей террасе в беспорядке стоит несколько кресел и диванов, покрытых белым и красным шёлком. Самого императора не видно.

Несколько секунд сенатор и Александр неподвижно стояли возле входа на террасу. Из-за огромного куста роз выходит невысокий черноволосый человек в обычном хитоне, в сандалиях на босу ногу. В руках обычные садовые ножницы. К белому шёлку хитона прилипло несколько листочков, император небрежно смахивает на пол.

Подошёл ближе, вопросительно посмотрел на сенатора, потом на замершего Александра. Смотреть пришлось снизу вверх, так как Александр по военной привычке вытянулся во весь рост.

- Очень хорош, - негромко произнёс император звучным баритоном, - именно так я и представлял себе своего храброго гвардейца этериота. Разрешаю сесть, - указал рукой на кресла перёд фонтаном.

Василий садится в уголок дивана, положив руку на подлокотник. Александр невольно отметил, что на пальцах нет перстней, ни одного, нет браслетов, нет вообще каких либо украшений, которыми любят обвешиваться знатные и богатые. Даже запаха ароматической воды не чувствуется, хотя даже не очень состоятельные ромеи буквально обливаются ей.

Сенатор и Александр почтительно присаживаются на край кресел, при этом русич ухитрялся держаться прямо, так что и теперь он выше императора почти на голову.

- Итак, - произнёс Василий, проводя взглядом по доспехам Александра, - всё регалии, присвоенные вам стратигом, я утверждаю. Ваши подвиги мне известны, как и сам ход войны.

Александр вскочил, спохватившись, что до сих пор не вручил императору документы.

- Вот донесение стратига, божественный, я совсем забыл...

- Да ладно, - улыбнувшись, махнул рукой император, - сенатор, заберите... Мне докладывают часто и подробно обо всём, так что... Давайте решим с вами. Звание генерала является одним из высших в империи. Вы можете командовать легионами на фронте, имеете право возглавить тагму Константинопольской городской стражи или стать командиром моей личной гвардии. Наконец, можете быть придворным, должность найдётся. Выбирайте, генерал.

Александр вскочил, открыл и закрыл рот, развёл руками.

- Я не знаю... всё так быстро, а я вчерашний солдат...

- Да, наверно, вы правы, - задумчиво произнёс император, - что бы успешно командовать войсками, нужны не только храбрость и ум, но и опыт. Должность придворного хороша, но ... как бы это сказать ... паркет во дворце бывает скользок, можно сильно ушибиться, а то и вовсе не встать. По дворцовому паркету нужно долго учиться ходить. Впрочем, о придворной жизни вам лучше расскажет сенатор, у него бо-ольшой опыт по этой части.

Сенатор улыбнулся, почтительно наклонил голову. Император несколько мгновений изучающе смотрел в растерянное лицо русича, потом сказал:

- Мне кажется, вам стоит подумать. Возможно, сенатор Марцеллий даст вам дельный совет. Подумайте, ну, скажем, неделю, потом доложите своё решение сенатору. Я соглашусь с любым вашим выбором. Согласны?

- Да, император ... э-э ... божественный!

Василий отпустил его движением руки. Подождал, пока за Александром закроется дверь. Обернулся к Марцеллию.

- Ну что ж, неплохо. Но он - чистый лист.

- Это и нужно, - ответил сенатор, - вы, божественный, напишите на этом листе.

- Ну-ну, Марцеллий, не перебирайте с патокой, - усмехнулся Василий, - писать будете вы, а я всего лишь наблюдать.

Император подошёл к ограждению террасы. Сенатор неслышно остановился в полушаге. Прямо перёд ними раскинулся пролив. Неправдоподобно голубая вода сверкает в лучах солнца золотом и бриллиантами. Несколько кораблей, пересекающих пролив в разных направлениях, кажутся грязными щепками, случайно попавшими по чьему-то недосмотру на драгоценную поверхность воды. Пролив уходит вдаль, тонет в синей дымке, где море соединяется с нёбом, словно перетекает в него.

- Там Русь, - задумчиво произнёс Василий, глядя в синюю даль, - там живут странные люди, чём-то похожие на нас. Они воины и работяги, любят побездельничать и погулять, жестоки и очень добры одновременно. Что в нас общего, не пойму, но общее есть.

- Русичи строят города, пашут землю, - осторожно вступил в разговор Марцеллий, - они много и охотно учатся у нас, приглашают наших учителей. Их завоевания - это скорее познание новых пределов, чём просто грабёж.

- Когда-то один из этих "познавателей" взял штурмом Константинополь, - невесело усмехнулся Василий, - такое не удавалось ни арабам, ни болгарам, никому.

- Именно поэтому великая Русь, удерживаемая сильной рукой единого властителя, должна стать нашим союзником, - произнёс Марцеллий.

- Да, я слышал о ваших изысканиях в прошлом и прогнозах на будущее, сенатор, - сказал император, обернувшись на Марцеллия.

- Вы находите их ошибочными?

- Хотел бы, но, увы - похоже, что вы правы, - с тяжёлым вздохом ответил Василий, - я тоже изучал историю Рима, древней Греции и нашу. Вынужден признать, что ваши выводы близки к истине.

Марцеллий молчал. Василий смотрел в море, словно хотел найти там ответы на всё вопросы. Ветер играл чёрными волосами, поднимал петушиным гребнём, потом забрасывал назад или обрушивал на лицо. Император отвернулся, встал к ветру. Теперь густая чёрная грива упала на спину.

- Есть три главных опасности для империи, - заговорил Василий, - на юге арабы, на севере русичи, на северо-западе болгары. Слава Богу, в монолитные ряды мусульман удалось внести раскол и теперь сунниты убивают шиитов, а их всех убиваем мы. Война идёт с переменным успехом, но наше преимущество всё же чувствуется. Русь - страшный враг, но если ваш план удастся, угроза с севера будет устранена навсегда. Остаются болгары, вернее, булгары. Эти дьяволы покорили дунайских славян и теперь пытаются покорить нас. Именно эта угроза выходит на первый план и именно с булгарами нам придётся бороться долгие годы. С кочевниками, обуреваемыми страстью к убийствам и грабежу, договориться невозможно, понимают только силу оружия. Война в Болгарии будет продолжена.

- Как быть с Александром? - спросил Марцеллий.

- Ну, - пожал плечами Василий, - пусть походит по

Константинополю, посмотрит. Определить его при дворе мы всегда сможем, но, мне кажется, он сам не захочет - в нём жизнь бурлит, он молод и, вдобавок, не склонён к интригам. Этот русич должен пройти школу болгарской войны, возмужать, вырасти. Когда воспримет нашу культуру, станет ромеем по духу, только тогда будет пригоден для нашей цели - сделать Русь союзником.

- Я могу идти, божественный? - склонился Марцеллий.

- Можете, - разрешил император.

Марцеллий поклонился ещё раз, сделал два шага назад, только после этого повернулся к императору спиной, пошёл к дверям. Он уже взялся за ручку в виде головы льва, когда император неожиданно окликнул его:

- Задержитесь на минуту, сенатор!

Марцеллий немедленно повернулся к Василию, склонил голову.

- Чуть не забыл, - с усмешкой произнёс император, - ваши планы насчёт русича хороши, но они могут рухнуть в одночасье из-за одного маленького пустячка.

- Какого же, божественный? - спросил Марцеллий, удивлённо поднимая глаза.

- Женщина, сенатор, женщина! В Константинополе есть красавицы, убивающие наповал одним взглядом. Молодой герой, обласканный императором - желанный приз для многих. Неискушённый юноша станет лёгкой добычей для знатной семьи, желающей пристроить свою дочь при дворе.

- Вы как всегда правы, божественный, - склонился Марцеллий, - потому что смотрите глубже и видите дальше. Я приму меры.

Александр вышел от императора взволнованный и смущённый. Он не заметил, как пролетел всё залы. Остановился, только когда солнечный свет ударил по глазам, заставляя зажмуриться и отступить в тень портика. Отошёл от дверей в сторону, что бы солнце закрыло крышей, присел на прохладную спину мраморного льва.

А действительно, что выбирать? - задумался Александр. До сих пор он просто карабкался наверх, попутно спасая свою жизнь, брался за самые невыполнимые задания, потому что по другому ему, чужаку, не подняться. Но вот, добрался до вершины. И что дальше?

Он задал этот вопрос мысленно сам себе и улыбнулся его очевидной глупости. Как что? Да любой, что удачей или подлостью выбился из глуши и неизвестности, сразу начинает устраиваться на доходное место, ищет знакомств с нужными людьми, выбирает жену, так что б побогаче, покрасивше - по

возможности - и познатнее. Год, а то и два, пролетают в визитах нужным людям, покупках престижных вещей, домов, поисках знатной невесты и - вершина! - женитьба на богатой кикиморе.

А потом?

Александр вспомнил, как давно-давно, в детстве, донимал покойную маменьку вопросом, почему всё сказки заканчиваются свадьбой героя. А что дальше, спрашивал маленький Алекша, почему сказка не рассказывает? Маменька пожимала плечами, говорила, что дальше царевич жил поживал, добра наживал. Алекша не унимался, спрашивал ещё - а зачем, ведь он царевич, у него и так всё есть? Он не может сидеть сразу на двух стульях, кушать двумя ложками с двух тарелок, жить в трёх или четырёх домах одновременно. Овсяная каша с молоком в золотой тарелке такая же невкусная, как и в глиняной. А самоё главное, почему царевич бился со змеем, со злыми чародеями и колдунами до свадьбы, а как женился, так перестал. Что, чародеи стали добрыми, а змеи огнедышащие улетели в дальние края? Нет, они продолжают творить зло, но получается, что царевичу это уже всё равно, он ведь живёт и какое-то непонятное добро наживает.

Маменька начинала сердиться, уходила. Отец сидел на лавке, в углу, облокотившись на стену. Молчал, только иногда странно смотрел на сына, словно знал ответы на всё вопросы маленького человека, но отвечать не хотел.

Александр так ушёл в воспоминания, что не заметил, как приблизился Марцеллий. Сенатор подождал некоторое время, но, убедившись, что его не видят, решил напомнить о себе, сенаторе империи, солдату.

- Неужели выбор так мучителен, Александр?

Русич вздрогнул, резко вскочил и несколько мгновений непонимающе смотрел на Марцеллия. " Чего доброго, ещё спросит, кто я и по какому вопросу, - досадливо подумал сенатор, - впрочем, чего это я подхожу с общей меркой, он ведь не ромей."

- Итак, вы не успели выйти от императора, как уже начали думать над выбором? Ваше усердие в выполнении поручения императора похвально, но так ли уж сложён выбор? - произнёс Марцеллий, приглашая Александра - теперь уже почти высшего сановника империи - движением руки сесть в карету сенатора. Александр рассеянно кивнул, неуклюже влез в узкую дверцу, больно стукнувшись макушкой, потом неловко плюхнулся на оббитое красным бархатом сиденье.

- Так что вас мучает, генерал? - продолжал допытываться сенатор, удобно устраиваясь напротив.

Сбивчиво, повторяясь, Александр рассказал о своих сомнениях. Марцеллий внимательно выслушал, в холодных серых

глазах на мгновение вспыхнула искра радости, но тут же погасла.

- А почему вы считаете, что жениться вам предстоит именно на уродливой кикиморе? - спросил он. - Кстати, объясните, что такое кикимора?

- Ну ... хм ... это такое, - усмехнулся Александр, - э-э ... болотное страшилище женского рода, вот!

- Я так и думал, - после непродолжительной паузы произнёс сенатор. Отодвинул занавеску, выглянул на улицу. Некоторое время рассматривал прохожих, молчал.

- Но ведь вас никто не заставляет жениться, по крайней мере сию минуту, - повернулся сенатор к Александру, - и потом, не всё богатые женщины уродливы, далёко не всё. И уж вовсе не злодейки.

- Ну как же, - возразил Александр, - я читал в книгах, что у добрых девушек волосы цвета спелой пшеницы, голубые глаза, стройная фигура и вообще очень красивы, а у злодеек длинные чёрные волосы, глаза темно-коричневые или чёрные, они обязательно худые и хохочут, а добрые нежно смеются и голос звенит колокольчиком. Так написано в ваших ромейских книгах.

Марцеллий пристально посмотрел на доблестного воина, потом быстро опустил глаза, едва слышно прошептал:

- Иногда грамотность бывает излишней ...

Поднял голову, серьёзно сказал:

- Так и есть, мой друг ... как правило ... но бывают исключения. Как бы объяснить доходчиво... ну, если бы всё было так просто - добрые красивы, а злые нет, то люди давно бы уничтожили зло, правильнее сказать, носителей зла, остались бы только добрые. На самом деле всё не так. Зло и добро внешне ничем не отличаются друг от друга, наоборот, зло часто очень привлекательно внешне. Личина обманчива. Вам, вероятно, часто приходилось заниматься таким странным занятием, как собирание грибов. Если так, то вы знаете, что самые красивые грибы - ядовитые. Самые красивые и яркие змеи - смертельно опасны. Так и у нас. Конечно, это не значит, что всё уродки добры и хороши в душе, но так упрощённо к внешности подходить не стоит. Давайте сделаем так. Я поговорю с Марком, он познакомит вас с несколькими представительницами слабого пола, лучшими из тех, что есть в столице и заодно кое-что объяснит получше меня. Мои представления о женщинах уже устарели.

Вечером следующего дня в доме Александра появился Марк. Он критически осмотрел те порубанные доспехи, что надел генерал, громко хмыкнул, увидев длинный двуручный меч за спиной.

- Ты с драконом биться собрался? - тихо спросил он.

- А я знаю? ... как тут у вас надо ... этого, ну, одеваться к девицам.

Марк вздохнул, велел снять ненужные доспехи, убрать меч. Позвал прислугу и приказал немедленно отыскать парадную одежду, которую Александру прислали из дворца в подарок от императора. Слуги тотчас доставили всё требуемое. Марк удобно расположился на диване, приказал принести фруктов, свежевыжатого сока. Жестом хозяина магазина модной одежды указал на пёстрый ворох, предлагая надеть. Александр, босой и почти голый, не сдвинулся с места, только сердито посмотрел на кучу тряпья.

- Не знаю я... - озлобленно буркнул он.

Марк перевёл взгляд на прислугу, сдвинул брови. Вышколенный персонал тотчас сообразил, что требуется. Александр только вертел головой, наблюдая за одеванием. Когда он слишком низко наклонялся, что бы рассмотреть, чего ему там привязывают к ногам, его вежливо просили не шевелиться. Поспешно выпрямлялся, замирал. Процедура длилась несколько минут, в конце двое слуг принесли большое серебряное зеркало, поставили напротив.

- Вот теперь ты похож на человека, - удовлетворённо произнёс Марк. Он съел весь виноград и выпил апельсиновый сок. - Смотри в зеркало, - предложил он.

С блестящей полированной поверхности на Александра глядел он сам, только одетый чудно и неудобно. На нём длинная, до колен, квадратная рубаха без рукавов. По краям вышит вишнёвыми и золотыми нитками геометрический узор. Ромеи называют такие рубахи хитонами. Поверх хитона на плечи накинута лорика - длинный шёлковый шарф, тоже в темно-красных и золотых узорах. Края ниспадают на грудь и спину. Низ коричневых просторных штанов из тонкой парчи аккуратно обмотан лентами, завязан бантиком. На ноги надеты открытые сандалии.

Нетронутой оставили только голову. Когда слуга попытался надеть что-то из тонкой кожи с золотыми украшениями, Марк отрицательно мотнул головой. Длинные волосы только причесали, завязали вокруг головы узкий кожаный ремешок.

Александр осмотрел себя в зеркале, переступил с ноги на ногу. Неуверенно спросил:

- Ну, снять это я сумею, а как снова надеть, а?

- У тебя есть прислуга, генерал, - с усмешкой ответил Марк, - она всё сделает. А если нет, - повысил голос, - то из прислуги превратится в рабов на плантациях сахарного тростника. Тебе надо поменять управляющего. Не против, если я этим займусь?

- Ага... - рассеянно ответил Александр, всё ещё рассматривая себя в зеркале. У слуг, присутствующих при разговоре, вытянулись лица, кожа покрылась зелёными пятнами. У одного, самого солидного и важного на вид, внезапно ввалились щёки, словно он разом проглотил всё зубы. Кажется, это и был управляющий.

Марк бодро спрыгнул с дивана.

- Ну что ж, пожалуй, готов. Повозка подана? - спросил он, не обращаясь ни к кому.

- Да-а! - раздался блеющий голосок управляющего ниоткуда.

- Вот и хорошо. Сегодня городской глава делает вечер для столичной аристократии по поводу наших побед в Африке. Ты будешь самым желанным гостем. Ну, как?

- Согласен, - вздохнул Александр, - только ты от меня не отходи, а то я точно, что ни будь не так сделаю. Договорились?

Всю дорогу до дворца городского главы Александр беспокойно дёргался, шевелился, без конца поправлял сплетённый из шёлковых нитей пояс. Марку надоело, он спросил:

- Что ты терзаешь пояс, он так уж туго завязан?

- Да, понимаешь, - смущённо ответил покрасневший Александр, - он мне пупок натёр узлом. Нельзя его как-то по-другому завязать?

- Нет, - строго сказал в ответ Марк, - пояс - атрибут аристократического сословия и вещественный признак высокого положения. Он завязывается соответствующим образом и только спереди, а не там, куда тебе сейчас хочется сдвинуть его. Терпи, от натёртого пупка ещё никто не умирал.

Александр засопел, незаметно подложил ладонь под надоевшую верёвку, что б не тёрло, отвернулся в окошко.

Возница остановился точно против парадной лестницы. Марк вышел первым, за ним Александр. Увиденное великолепие заставило забыть его на время о проблемах с поясом. Широкая, саженей в пять, мраморная лестница поднимается круто в гору. По краям стоят рабы, одетые как античные герои древности, в вытянутых к темнеющему нёбу руках держат ярко пылающие факелы. Ступени усыпаны лепестками роз, но так, что бы посередине получилась тропка шириной как раз для двоих. На вершине лестницы, возле распахнутых настежь дверей, стоит сам управляющий Константинополем в парадном хитоне и приветливо смотрит на вновь прибывших. Он лично встречает высоких гостей.

Александр, чувствуя себя смешно и глупо в странном наряде, поплёлся за Марком вверх по лестнице. Терпеливо выслушал витиеватое приветствие, комплимент его героизму и стойкости,

проследовал дальше. Марк взял под руку и начал втолковывать:

- Как войдём в зал, вежливо улыбайся, слегка наклоняй голову, когда с тобой будут здороваться. Всё понимают, что ты воин, красивым оборотам речи не обучен, так что можешь молчать, это вполне приличествует твоему положению. Когда к тебе будут обращаться девушки, не отвечай конкретно, а так, туманно и неопределённо - возможно, наверно да, может быть и так далее...

- Может, лучше вовсе мычать, как бычку? - хмуро поинтересовался Александр.

- Мычать? Ну, это, конечно, будет оригинально, но чересчур экстравагантно, не стоит... да ладно, не сердись, я шучу! - засмеялся Марк, - просто среди приглашённых будут люди, что тебя ненавидят и они постараются сконфузить тебя при всех каким ни будь каверзным вопросом.

Александр едва не споткнулся о складку ковра от удивления.

- Ненавидят!? А за что?

- За то, что ты, не ромей, не аристократ, поднялся так высоко, - серьёзно ответил Марк, - зависть - основное свойство этих людей.

- Так какого чёрта мы сюда идём, Марк! - рассердился Александр, - ну их всех в ...

- Тихо, мы уже вошли ! - зашипел Марк, - если ты надумаешь остаться при дворе императора, то с ними тебе придётся общаться каждый день, так что привыкай.

Зал оказался просторным круглым помещением под открытым нёбом. Высокие колонны по краям, увитые гирляндами цветов, образовывают как бы ограду. Чёрный купол ночного нёба, усеянный яркими южными звёздами, начинается прямо от вершин колонн и уходит в бесконечность. Прохладный ветерок с пролива ласково гладит присутствующих, свежо и совсем не жарко.

Марк повёл Александра через весь зал поздороваться с женой городского управляющего, это было обязательно для всех, а потом уже можно проводить время как вздумается. Идя за Марком, Александр увидел, что всё присутствующие здесь мужчины одеты так же неудобно и вычурно, как он сам, но нисколько этим не огорчены и вообще, так здесь, похоже, всё одеваются. Повеселел, тихонько передвинул осточертевший узел ещё немного вбок и, улыбаясь, подошёл к жене градоначальника. Та оказалась совсем молодой женщиной, весёлой и милой. Они поговорили друг с другом, Александру удалось даже удачно пошутить над своей неуклюжестью и отпустить комплимент хозяйке, немного грубоватый, зато честный и это сразу расположило её к новенькому.

Тут подошли новые гости, Марк воспользовался этим, оттащил Александра в сторону.

- Ну, ты даёшь! Сказать такое о груди жёны градоначальника, это ж невозможно! - приглушённо заговорил Марк.

- А что, красивая грудь и женщина очень красивая, - удивился Александр, - я так и сказал, чего такого-то?

- Да, красивая, кто спорит, - согласился Марк, - но так прямо не говорят, надо так это ... э-э ... иносказательно, тонко намекнуть, понял?

- Тонко намекивать надо тем, у кого нет ничего, - отмахнулся Александр, - а когда такие выдающиеся достоинства, намёки излишни.

Марк сокрушённо покачал головой.

- Ну, военный, ты будешь гвоздём вечера....

Вдруг взгляд Александра, до этого бесцельно плывущий по замысловатому переплетению платьев и вычурных причёсок, замер.

- Ух ты! - только и сумел выговорить, не отрывая взгляда от кого-то.

Марк, не ожидая ничего хорошего, посмотрел. В нескольких шагах от них, опираясь одной рукой о колонну, другой поправляя локоны, стоит молоденькая девушка. Невысокая, с ладной фигуркой, она сразу запоминалась огромными, удивлённо раскрытыми глазами. Девушка ромейка, но разрез глаз восточный, чувствуется азиатская кровь. Вдобавок глаза с косинкой и эта деталь придаёт облику девушки удивительное обаяние. Она стоит совершенно одна и беспомощно оглядывается, словно ищет защитника. Одета очень дорого, со вкусом. Руки, шею, пышные волосы украшает огромное количество изящных золотых висюлек, в ушах серёжки с громадными бриллиантами. Золота и драгоценных камней так много, что отражённый свет рассыпается вокруг, как солнечные искры.

Марк перевёл взгляд на Александра. Тот надулся, напыжился, как петух перёд новенькой курицей, стал выше ростом, крупнее, лицо отвердело, превратилось в стальную маску мужества и отваги. Вот герой делает первый шаг навстречу неземной кр-расе ...

Марк воздел очи к нёбу, торопливо зашептал молитву. Если кто ни будь стоял рядом, то услышал бы начало странной молитвы: - "Господи, останови дурака! Он глуп и не ведает, что делает"... Прервался на полуслове, бросился за Александром.

Остановился в трёх шагах. Он не собирался вмешиваться, просто хотел посмотреть, что будет. Отец велел только наблюдать за Александром, вмешаться в разговор Марк имел право, если

жизни русича грозит опасность. Когда Марк услышал такое предостережение, то не поверил своим ушам:

- Отец, я признаю твою опытность и знание людей, но смертельная опасность от женщины на балу - это чересчур!

- Бал - это начало. А разве ты не поставил под удар свою жизнь, да и мою тоже, ради той, что стала тебе женой? - спросил тогда отец.

- Так это ж совсем другое дело!

- Не другое, а то же самоё, просто тебе повезло, что она вправду тебя любит. Наших гадюк ты знаешь.

И теперь Марк с интересом наблюдал, как простодушного парня облапошивает здешняя гадюка ...

Девица знала дело хорошо. Заметив краем глаза приближение молодого человека, стрельнула раскосыми глазками, в считанные мгновения определив: объект - что надо и сразу опустила взгляд. В руке ниоткуда появился веер, замахала быстро и нервно, изображая волнение.

Александр приблизился, смущённо произнёс:

- Сударыня, вы что-то потеряли? Я помогу найти.

Девица на секунду перестала трясти веером, видимо соображая, как ответить на неожиданное предложение, затем совершила классический женский манёвр - выстрелила глазами в угол, на нос, на предмет, то есть на Александра. Маленькую головку пришлось задрать так, что прелестный ротик наивно приоткрылся.

- Нет ... хи-хи ... э-э ... потерялся один человек, он обещал прийти, но обманул, теперь я совсем одна, не знаю, что и делать, я так боюсь, когда вокруг много незнакомых людей, ах! - защебетала тоненьким голоском.

Марк, незаметно пробравшийся за колонну, слушал и только головой качал.

- Ну, я здесь человек новый, сударыня, но вот мой друг, - мужественным голосом сказал Александр, оглядываясь, - он тут почти всех знает.

- Ах, причём здесь ваш друг, - закатила глазки девица, - нам и без него будет хор... поможете мне!

- Со мной интересней, Зинуля, - произнёс Марк, выходя из-за колонны. - Познакомься, Александр, это Зинаида, самая богатая невеста Константинополя и самая весёлая вдова. По совместительству.

Милое, обаятельное личико девицы некрасиво перекосило, словно лимон куснула.

- Привет, Марк, давно не виделись, - ответила она с рычанием в голосе, - что-то душно здесь, пройдусь.

Недовольно засеменила прочь, как гиена, у которой добыча выскользнула из пасти.

Александр растерянно посмотрел на ухмыляющегося Марка.

- Как это - весёлая вдова? Да ей не больше шестнадцати!

- Дорогой друг, - ответил Марк, беря Александра под руку. Вывел на балкон, жестом предложил сесть. - Зиночке не было четырнадцати, когда она вышла замуж первый раз за богатого работорговца. Стала младшей женой его гарема из трёх десятков очень красивых стерв. Где-то через месяц с небольшим жёны начали умирать или калечиться при странных обстоятельствах. Одна поскользнулась в бассейне и разбила голову, другая обварилась кипятком, третью укусила ядовитая змея, невесть как пробравшаяся в дом. Очень быстро Зиночка стала старшей женой - это в тринадцать лёт! - а потом и женолюбивый муженёк скончался в постели от полного истощения. Зиночка, к тому времени Зинаида, разогнала всех оставшихся жён вместе с детьми. Ей, по слухам, начальник охраны помог, распродала всё, купила дом в центре города. Золота появилось – немерено! Начала в рост давать здешним купцам, прибрала к рукам портовые бордели и цирк, в котором организует подпольные бои гладиаторов, разбогатела ещё больше. Кстати, тот бывший начальник охраны потом помер, съел что-то не то ...

По второму разу вышла замуж, когда ей исполнилось четырнадцать. Жил в Константинополе один старый козёл, очень знатный и богатый. Знатность досталась от предков, по наследству, а вот состояние приобрёл только к старости - недвижимостью спекулировал. Старик был чрезвычайно скуп, экономил на всём, но от жизни желал напоследок всё. Его многие хотели окрутить, но сбегали невесты очень быстро. Я не знаю, чего такого он хотел, но ни одна женщина не выдерживала, его даже портовые проститутки избегали, а уж они за хорошие деньги готовы даже с восставшими из могил спать.

Зинаиде до полного счастья не хватало только титула. Она предложила свои услуги старику в обмен на официальный брак и титул аристократки. Тот согласился. Уж не знаю, что там и как, только помню, что Зинка тогда ходила вся в синяках, мрачная и злая, как демон подземного мира. Её одно время только на носилках таскали, очень бережно и аккуратно, рабов специально отобрали.

Потом старик умер, очень быстро, месяца через два, как на Зинаиде женился. Она побыла в трауре дней восемь, не больше, потом ударилась в такие загулы, что весь город зашумел, до императора дошло. Её даже патриарх пытался увещевать, вызывал к себе. О чём беседовали, не знаю, но ... ха-ха ... патриаршая жена таких чертей святому отцу дала потом, что больше он с Зинкой не виделся.

Марк встал, со вкусом потянулся, широко разводя руки в стороны.

- Э-э-ах ... смотри, Александр, Зинка мастер на всё сто, не спорю, деньги, титул аристократки есть, всё по закону, но связываться с такой прорвой я бы не стал.

Александр, слушавший его с раскрытым ртом, спросил подозрительно:

- А ты откуда всё знаешь, а?

- Потому что я вырос здесь, - просто ответил Марк, - урождённых аристократов в Константинополе не так уж много. Мы всё друг друга знаем, сословие столичной знати невелико. Ты думаешь, почему я хотел с крокодилами остаться?

- Так не остался же, - хмыкнул Александр.

- Потому что девушку нашёл настоящую, свою, мне другие не нужны, я их в упор не вижу. Да и ты цицеронствовал умело.

- Цицерос ... чего-чего? - изумился Александр.

- Был такой оратор в Древнем Риме, по имени Цицерон. Уж так врал, так врал, но всё верили, потому что говорил красиво и очень убедительно... да ладно, не сердись, - засмеялся Марк, видя, что Александр начинает злиться, - я пошутил. Правильно ты говорил, нечего на том болоте делать.

- Да-а, а по виду и не скажешь... - со вздохом произнёс Александр, имея ввиду девушку, - вся такая фифочка нежная, прямо как цветочек полевой.

- Не верь, девки всегда врут и обманывают, всё-гда!

- И твоя жена тоже? - подначил Александр.

- Пытается, - дипломатично ответил Марк, - женская натура требует, но я пресекаю.

На следующее утро Александр стоял в приёмной сенатора Марцеллия. Секретарь беспрекословно пропустил его вне всякой очереди.

- Можете ничего не объяснять, - произнёс сенатор, отрывая взгляд от бумаг, - я по вашим глазам вижу, какое решение вы приняли. Попытаюсь сформулировать: придворная жизнь не для вас, обзаводиться семьёй рано, да и не с кем, и вообще, в столице скучно и тошно. Верно?

- Не совсем, но по сути да, - ответил Александр.

- Отлично, император и не ожидал другого.

Сенатор вышел из-за стола. Теперь, когда его сын и наследник вернулся, он изменился очень сильно. Раньше Марцеллий был похож на засохший куст полыни - серый, безжизненный, отпугивающий всех мрачным равнодушием. Теперь он прибавил в весе, налился силой, лицо подрумянилось. Говорит громко, уверенно, походка перестала быть шаркающей,

старческой.

- Итак, генерал, что вы знаете о войне с болгарами, - задал вопрос Александру, когда они оба присели на диван, - приходилось с ними сталкиваться?

- С дунайскими славянами нет, а булгар знаю. Обычные кочевники.

- Славянские племена, живущие по обоим берегам Дуная, на их стороне. Придётся воевать и с ними.

- Да, - согласился Александр, - но они оседлы, строят города, сеют хлеб. Кочевники бродяги, у них нет корней. Поэтому покорить славян не сложно, а с кочевниками труднее. Наши князья постоянно воюют с печенегами, а уничтожить не могут.

- Но вашему князю Святославу это удалось. Он полностью разгромил хазарский каганат, - возразил сенатор, - а хазары те же кочевники.

- Князь долго готовился к походу, - ответил Александр, - заручился поддержкой половцев, ну, что б не вмешивались, собирал припасы, особенно лошадей берёг. Кочевники, они сильны в конце лёта и начале осени, когда кони отъелись. В сёлах урожай собрали, часть продали, товару накупили. В каждом доме есть, что взять. Вот они и налетают. А вот весной, да после зимней бескормицы, когда половина лошадей пала, а оставшиеся едва ноги передвигают, степняков можно голыми руками брать. Святослав так и сделал. Он дружину на коней посадил, что холил и берёг всю зиму, отборным сеном кормил. Ударил, когда земля едва просохла. Лошадей у хазар не было, а пеший степняк ничто, пыль. Их чуть не палками забивали, как крыс.

Сенатор одобрительно улыбнулся.

- Вы верно мыслите, молодой человек. Божественный Василий внимательно изучил всё способы борьбы с кочевниками и пришёл к выводу, что тактика Святослава наиболее эффективна. Кстати, как, по-вашему, почему нынешний киевский князь не уничтожает подобным образом печенегов, ведь они сильно безобразничают на границах Руси?

Александр промолчал. Нахмурился, с болью в голосе произнёс:

- Мы больше друг с другом воюем. Князья, как собаки бешеные, грызутся, племя на племя натравливают. В этом беда, а степняки что? Вон, князь Владимир, расположил заставы на границе со степью. Мелкие ватаги пограничники сами перехватывают, а чуть только войско степное показалось, так сразу сигналы с заставы подают на одну, вторую и так аж до Киева. Дружина княжеская вышла навстречу, посекла в капусту и всё дела. А если не унимается какой хан степной, то в следующий

раз и стойбище его сожгут, а самого в рабство продадут. Да со степняками мы больше торгуем, чём дерёмся. Вот между собой ... эх! - махнул рукой Александр, отворачиваясь.

Сенатор несколько мгновений внимательно смотрел в лицо русича. Потом очень серьёзно спросил:

- Как вы думаете, Александр, в чём причина всех этих ... э-э ... княжеских ссор? Не кажется ли вам, что необходима консолидация власти в едином центре, объединении всей Руси под одной рукой?

- Что такое консолидиц ... консолидац? ... в общем, хрен его знает, чего это такое, - разозлился Александр, - только князишек наших всех надобно на цепь посадить, а на Руси царя поставить лютого, что б порядок везде навёл. Как у вас.

У сенатора заблестели глаза, он весь подался вперёд, внимательно слушая Александра. Осторожно поправил:

- Наш божественный император наместник Бога на земле, никто из людей его не ставил.

- У нас говорят - на богов надейся, а сам не плошай. Если император глуп и труслив, вам, ромеям, никакой бог не поможет, - мрачно усмехнулся Александр.

- Господь не допускает этого! - быстро сказал сенатор, меняясь в лице и нервно оглядываясь. Он вскочил, быстро заходил из угла в угол, беспокойно потирая руки.

- Не повышайте так голос, генерал, вы не на поле боя, - попросил Марцеллий, присаживаясь на край дивана, - говорите спокойно. Итак, вы считаете, что власть должна быть сосредоточена в едином на всю страну центре, верно?

- Ну, конечно, а как иначе? - удивился Александр.

- Так, как у вас, у русских, - съязвил сенатор, мстя за предположение, будто византийский император может быть глупым и трусливым.

- Да, пока у нас так, - мирно согласился Александр, - но ведь и вы не сразу стали умными. Да и сейчас... Вон, Рим-то пал под ударами Алариха!

- Я никогда не считал Запад умным, - отмахнулся сенатор, - они достигли многого, согласен, но в западной системе власти и государства был очень серьёзный просчёт. Какой именно, пока сам не знаю и, возможно, не узнаю никогда. Но мы, ромеи, хотя бы осознаём это и принимаем меры, что бы подобная участь не постигла и нашу страну. Именно поэтому Русь ... э-э ... - осёкся сенатор и замолчал.

- Что Русь? - спросил заинтересованный Александр.

- Вашу родину ждёт великое будущее, вот что я хотел сказать, - улыбнулся Марцеллий, - но это будущее надо делать сегодня. Но

давайте всё-таки о власти. Итак, власть должна принадлежать не великому князю, первому среди равных, а единому властелину - императору, так? Так. Но не кажется ли вам, что власть духовная тоже должна принадлежать одному единому Богу, а не какому-то главному среди множества богов. У вас такой бог называется, если не ошибаюсь, Перун?

- У кого Перун, у кого Сварог, - ответил Александр, - есть и другие. Каждый выбирает себе.

- От разброда в душе разброд в голове ... - задумчиво произнёс сенатор. - Вам необходимо встретиться с патриархом, Александр, - громко произнёс он, поднимаясь с дивана, - помните, я обещал вам показать храм святой Софии в Константинополе? Завтра утром быть у меня, генерал.

- Да я ...

- Это важно. Настолько важно, что на завтра я отменяю всё приёмы, а ко мне идут очень важные люди с государственными делами. Идите, генерал. До завтра!

Настало утро. Александр не решился поступить наперекор повеления сенатора, хотя и мог, потому в условленное время сёл в карету Марцеллия, ожидавшую перёд парадным крыльцом его собственного дома. Когда он подошёл и сенаторский лакей услужливо открыл дверцу, услыхал, как за спиной кто-то завистливо ахнул. В толпе зевак зашептались - как же, без пяти минут, как в люди вышел, а за ним уже сенаторскую карету присылают! Везёт же некоторым!!!

" Да пошли вы, придурки, - беззлобно подумал Александр, - если страшитесь задницу от кресла оторвать, то от жизни ничего и не получите. До самой смерти будете сидеть в тёплой луже, как лягушки, о море мечтать... И жёны у вас будут такие же толстые жабы, как и вы, и дети ваши будут глупыми головастиками! А вот моя жена ..."

Он облокотился о мягкую спинку сиденья, карета плавно покачнулась, трогаясь, Александр погрузился в мечты о том, какой будет его жена.

Так замечтался, что вздрогнул, когда дверца распахнулась, лакей почтительно предложил выходить. Спрыгнул, минуя ступеньки, прямо на камень мостовой. Карета тотчас укатила.

Прямо перёд ним высится громадный храм Святой Софии Константинопольской. Массивные стены уходят высоко в голубое нёбо, смыкаются золотым куполом. Сотни людей стоят и сидят вокруг храма, молятся, просят милостыню, отдыхают, потому что пришли издалёка. На карнизах, по краям крыши, в оконных проёмах сидят голуби, белые и голубые, много-много, словно души ушедших в иной мир собрались посмотреть на этот, в

котором когда-то жили сами.

- Господин Александр? - внезапно раздался густой бас прямо над ухом. От неожиданности Александр едва не подпрыгнул.

- Да! ... э-э ... какого чёрта так орать, а? - обернулся он.

Рядом стоит здоровенный монах, выше его на две головы и в плечах шире раза в полтора. Что бы увидеть лицо, пришлось поднять голову. Александр невольно шагнул назад.

- Простите, я не хотел отрывать вас от дум, - прогудело сверху. Лицо монаха, и так грустное, опечалилось ещё больше. Карие ромейские глаза опустились к земле, голова склонилась. Александр увидел, что монах ещё совсем не стар, так, не больше пятидесяти, просто седая борода, ввалившиеся от худобы щёки и заострённый нос делают старше.

- Мне велено встретить вас, проводить в покои. Владыко и господин Марцеллий ждут вас, - произнёс монах уже тише, делая приглашающий жест.

Пошли по широкой лестнице. К Александру сразу протянулись десятки рук нищих и убогих. Шквал голосов, просящих и требующих, жалующихся и плачущих обрушился со всех сторон. Вытянулся, плотно прижал руки, что бы никто случайно не коснулся его и так поднимался по ступеням вслед за монахом, как ожившая статуя. Тёплая вонь от давно немытых тел и гноящихся ран обволокла со всех сторон, не даёт дышать... Александр невольно ускорил шаг, почти обгоняя монаха. Поднял голову, прикрыл глаза, потом не выдержал, взбежал по лестнице, остановился на самом верху.

Монах, в длинной чёрной рясе, неспешно прошёл мимо, не отрывая глаз от пола. Александр последовал за ним. Прошли полутёмными коридорами, миновали несколько пустых залов, опять потянулся длинный коридор. Прохлада и чистый воздух вернули настроение Александру, испорченное было вначале.

Коридор закончился узким помещением с высокими сводчатыми потолками, в конце дверь, маленькая, полукруглая вверху. Монах подошёл, согнулся чуть не до пола, открыл её. Александр склонил голову, что бы не удариться, вошёл. За спиной тихонько щёлкнуло - монах осторожно закрыл дверь.

За массивным дубовым столом сидят двое. Одного Александр узнал сразу - сенатор, он с улыбкой поднялся с кресла, подошёл.

- Проходите, Александр, мы вас ждём. Это владыко Никифор, патриарх Константинопольский и всей империи.

Александр подошёл, почтительно поклонился. Не зная, как надо приветствовать высшего иерарха церкви, просто вытянулся во фронт, как при встрече с императором. Патриарх коротко склонил голову в ответ, указал рукой на пустое кресло. Сенатор

опустился на своё место и сказал:

- Как вам храм, понравился? Его строили лучшие зодчие империи долгие годы.

- Красивый дворец, настоящий дом бога, - осторожно произнёс Александр, - я не видел всего, меня провели какими-то коридорами, но то, что удалось увидеть, очень красиво и величественно.

- Вы совершенно правы, - сказал патриарх, до этого молча рассматривавший русича, - но строился храм для людей. Они приходят в храм говорить с Богом, они - прихожане. А на вашей родине есть храмы?

- Очень мало, больше капищ древних богов.

- Что это такое?

-Это ... - э-э ... ну ... - замялся Александр, не зная, как объяснить, что такое капище, - столбы такие, с головами Перуна, Велеса, Ярилы ... ещё там разные, потом жертвенные камни или колоды. Не знаю, что ещё, - махнул рукой.

- Вы, похоже, не часто присутствовали на совершении обрядов? - спросил патриарх. В пронзительно чёрных глазах вспыхнул огонёк интереса.

- Нет у меня влечения к такому. Матушка была жива, говорила, вроде как крестила меня, но так ли, не знаю, а спросить не у кого.

- Вот даже как, - задумчиво произнёс патриарх, - ну что ж, если к богомерзким обрядам влечения нет, значит, благодать божья коснулась вас. Вы крещены, не сомневайтесь.

Он быстро посмотрел на сенатора, тот кивнул.

- А как люди, верно ли служат этим ... богам?

- Да так, - усмехнулся Александр, - по большой нужде только обращаются, а молодёжь так и вовсе не хочет. Отцы заставляют обряды исполнять или князья. У нас ещё волхвы в князьях ходят, не везде, правда, в Киеве и других больших городах нет, а вот глухомани так. Да и больно уж кровавые они, обряды эти. То девку топить надо - самую ладную, не уродку какую! - то младенцев живьём на меже закапывать, что б границ племенных никто нарушать не смёл. Ну, когда печенегов полонённых режут или разбойников, то понятно, в назидание другим, а вот девок или малышню когда ... Да и не всегда помогает это. Волхвы говорят потом, что бог прогневался и жертву не принял.

- Вот как? Жизнь у невинного человека отняли, кровь пролили, а жертва не принята? И вы этому верите!? - поразился патриарх. - Подумай, Александр, если дают, что тебе не нужно или не хочешь ты от этого человека подарок принимать, ты ведь не возьмёшь, верно? А ваши боги отнимают жизнь, а взамен -

ничего. Это что ж за боги такие?

- Ну, не знаю я, - замялся Александр, - у нас всегда так было.

Его раздражало, что патриарх всё время упирает на слова "ваши боги".

- А что, - спросил он, - разве вашему богу не жертвуют? Вон храмище-то отгрохали, не с воздуха ж такой построили...

- Так ведь не на крови же! - удивлённо ответил патриарх, - храм строился на пожертвования, правильно, но добровольные, весь народ отдавал последнее и император тоже жертвовал немало, и аристократия. Храм не капище, это дом Бога, но это дом и для людей. Люди приходят в храмы говорить с Богом, это место чистое, светлое, даже грубые слова произносить здесь грешно. Да, храм святой Софии построен из гранита, мрамора, купол покрыт золотом, это безумно дорого, но дороговизна эта не от кичливости - смотрите, мол, как у нас богато! - нет. Храм символизирует отношения народа к Богу, заботу о бессмертной душе... Вы видели, сколько лачуг в Константинополе? Не всё ромеи живут во дворцах, но даже простые часовни сделаны добротно.

Александру стало неудобно, патриарх говорит правильно, но попытался возразить.

- А чего ж тогда ещё жертвуют? Я видел такие ящички в церквах для сбора денег.

В разговор вмешался сенатор.

- Ну-у, юноша, это совсем просто! Храм, как уже говорил патриарх, это дом, а дома надо иногда ремонтировать.

- И это тоже, - согласился владыка, - но главный смысл пожертвования в другом. Господь наш призывает делать доброе. Вроде бы всё просто, но удивительно - как сделать доброе дело почти никто не знает! Злое - пожалуйста, ударь по лицу старика или калеку, обидь слабого, беззащитного, да и мало ли что можно сделать плохого, всякий знает. А скажи человеку - сотвори добро и он в тупике! Ведь не дано нам возвращать молодость старикам, здоровье калекам, а быть защитниками слабых мы боимся. Вот и предлагает церковь жертвовать на богоугодные дела. Это легко, просто и не обременительно для кошелька, а на душе приятно.

Патриарх поднялся, прошёлся по комнате, взгляд скользнул по бумагам, в беспорядке разбросанным по столу. Снова сёл.

- Ну, да бог с ними, с пожертвованиями, - произнёс он, глядя в глаза Александру, - я хотел спросить вас о другом. Скажите, почему вы считаете их богами? Ну, Перуна, Велеса и других.

Александр молчал. Он не знал, что сказать. С детства слышал - боги, боги, привык к этому и никогда не задумывался, почему. Вроде так всегда было.

- Вас не обидел мой вопрос?

- Нет, - произнёс Александр, - я не знаю ответа. Ну, вот боги и всё.

- А не пытались разобраться, почему? Если позволите, давайте сделаем это вместе, сейчас.

- Хорошо, - согласился Александр, - но тогда давайте разбираться и с вашими богами.

- Конечно, с превеликим удовольствием, - согласился владыка. Он выпрямился, глаза заблестели, лицо стало решительным, как перёд сражением.

- Итак, возьмём, к примеру, Велеса. Начнём с того, что слово "велес" означает волос. Согласитесь, странное имя для бога.

- Ничего странного, - возразил Александр, - так его нарекли охотники и скотоводы, это их покровитель.

- А как тогда назвать покровителя рыбаков? - серьёзно спросил владыка, - имя означает суть называемого. Я знаю, что ваш верховный бог носит имя Род. От него пошли слова - родина, родить, народ и так далее. Но к нему мы вернёмся позже, продолжим с Велесом. Откуда он взялся? В далёком прошлом жили племена людей, промышлявших охотой. Ничего другого они не умели. Таких и сейчас много. И вот появился среди них один, самый удачливый. Больше всех приносил мяса, шкур, умёл добывать зверя всегда и везде. Никто так не умёл, только он. У него учились, ему подражали, но всё равно, так, как у него, не получалось. И вот стали тёмные, невежественные люди говорить, что он обладает сверхъестественной способностью повелевать зверьми, наделять его такими достоинствами, которых у него и в помине не было. Чём дальше, тем больше. А когда умер, так и вовсе врать стали всякие небылицы, ведь не проверишь.

Есть люди, которым от рождения даны умения что-то делать лучше других. Например, рисовать, играть на музыкальных инструментах. Они не боги, а наиболее удачные творения божьи. Вот и получается, что не бог Велес, а всего лишь человек, обожествлённый другими людьми. И волосом его прозвали наверно за то, что волосат был, как зверь лесной. Вы, может быть, видели таких, их в бродячих цирках за деньги показывают.

- А Перун, бог войны? - спросил Александр.

- Перун бог воинских дружин, а не войны, - со знанием дела возразил владыка, - сильный, смелый воин, всегда побеждавший в поединках. Воевал долго, успешно, учил других воевать. Талант такой великий был дарован ему, вот и прозвали богом после смерти. Не боги они, Александр, а обожествлённые люди, поклоняться их деревянным образам, это поклоняться идолам.

- А как же Род, верховный бог? Он тоже был человеком? В

личине белого сокола сидит на вершине Прадерева и наблюдает за миром! - защищался Александр.

- Нет, - мягко возразил патриарх, - Род не был человеком. Белый сокол, сидящий на вершине Прадерева - это символическое понимание вашими, прости, невежественными предками истинного Бога. Они знали, что он есть и выражали это знание в доступной их пониманию форме. Древние греки считали, что боги живут на горе Олимп. Эта гора в Греции, её вершина очень высока и недоступна и потому греки думали, что боги там, на верху, так как у них не было понятия о небесах. Люди всегда интуитивно чувствовали Бога, но познание стало возможным, когда Бог послал на землю своего сына. Это было почти тысячу лёт назад, когда людям явился Иисус Христос. С него и пошла христианская церковь и вера. Всё другие попытки донести истину провалились, да и эта трудно идёт.

- Отчего?

- Наверно, потому что жить по правде тяжело, - задумчиво ответил патриарх, - трудно человеку быть человеком. Да и зло противодействует. Оно ведь материально, это зло, активно сопротивляется добру. Был такой человек по имени Моисей. Бог избрал его, дал заповеди и приказал идти к людям говорить правду. Моисей и раньше это делал, и слушали его. Но он оставил людей ненадолго, разговаривал с Богом. А когда вернулся, то увидел, что люди сделали себе идола из золота, золотого тельца и поклоняются ему. Они забыли о Боге.

- Золотой телец - это золотой телёнок? - наивно спросил Александр.

- Нет. Слово телец означает тело. Просто тело неодушевлённого существа. Люди отлили из золота тело зверя и поклонились ему. Сами догадались или нет, не знаю, но подозреваю, что подсказали. Предмет поклонения должен нравиться. Сделай идола из камня, будет не то. А золото, самый бесполезный металл, имеет замечательное свойство не тускнеть. Его жёлтый блеск напоминает блеск солнца, потому дураки так любят украшать себя золотыми побрякушками, особенно этим грешат женщины. Обвешается какая дура висюльками и всё смотрят, ахают, дескать, как красиво и богато! Она стерва и гадина, но зато красива - глаз не оторвать.

Александру стало стыдно. Он вспомнил, как сам смотрел недавно на одну красавицу, обсыпанную золотом, что при этом думал.

- Моисей разгневался, приказал своим верным сторонникам убить тех, кто поклонился зверю. Таковых оказалось много, - патриарх вздохнул, замолчал.

- А что было дальше? - спросил Александр.

- Борьба за правду, - тихо ответил патриарх, - очень долгая и трудная, потому что бороться надо с теми, кому эта правда предназначена - с людьми, своими соплеменниками. Беда в том, что люди не хотят её знать. Правда невыносимо тяжела, никто не хочет жить по правде даже одного дня. Те, кто всё же делает это - живёт по правде, считают святыми уже при жизни. Только жизнь у них короткая, обрывается на плахе.

- А за что их казнят? И кто?- наивно спросил русич.

- Люди, те самые люди, которым они несут свет истины. Ты ведь слышал выражение - правда глаза колет? А такое - горькая правда? Вот за то, что колет и горчит, не даёт спать по ночам, потому что гложет стыд за содеянное … за это и казнят люто, безжалостно. Вы, молодой человек, Евангелие читали?

- Ну, так, иногда, - смутился Александр, - э-э, … учитель нам рассказывал об Иисусе Христе, вот.

- Этот человек жил почти тысячу лёт назад в Иерусалиме. Я сейчас не стану рассказывать о вере, что он создал, скажу о другом. Иисус ходил по земле, проповедовал добро, учил, как поступать по совести. Толпы почитателей и учеников собрались в городах, что бы послушать его. Он не призывал к свержению власти, не требовал власти себе, не звал людей мстить обидчикам. Никого не ограбил, не убил и призывал других не делать такое. Но вот удивительное дело - власть предержащие в Иудее его боялись! Боялись так, что обратились к римскому наместнику с требованием казнить немедленно. Наместник был удивлён странной просьбой, заинтересовался и затребовал дело себе. Долго разбирался, много раз беседовал с самим проповедником и не нашёл в его действиях и словах никакого преступления. Однако иудейские властители требовали казни, не соглашались ни на изгнание, ни на заточение в тюрьму - только казнь! Римлянин так и не понял, почему Иисуса надо казнить, но согласился - ему не нужны были волнения в Иудее - доложат в Рим, то да сё, ещё с должности снимут…

Вместе с этим человеком - повторяю, не совершившим никакого преступления! - казнили ещё двоих. Это были разбойники, убийцы и грабители, люди без совести, стыда и милосердия. Они творили такие злодеяния, что удивительно, как их вообще до суда довели, не уничтожили раньше.

Всех троих распяли. Это очень жестокая казнь. Живого человека распинают на перекладине, прибивают руки и ноги гвоздями. Потом перекладину устанавливают вертикально. Палит солнце, идёт холодный дождь, донимают насекомые - человек висит, прибитый гвоздями и медленно, очень медленно истекает

кровью. А какую боль он испытывает, вообще невозможно описать словами!

Страдания столь велики, что закон предписывал давать осуждённым на казнь так называемый " напиток забвения" - лёгкий наркотик, притупляющий боль и лишающий человека сознания. Разбойникам дали ...

Если проповедник просил пить, римский легионер давал ему губку, смоченную в уксусе. Когда солдатам надоело стоять на солнцепёке - караул устал - центурион ударил копьём, но не в сердце, нет! Ударил в печень, это смертельный удар, но очень болезненный, человек умирает от боли и не сразу.

Вот так убили того, кто всего лишь говорил правду, - продолжил рассказ патриарх. - Этот человек по имени Иисус Христос стал основателем истинной веры. Нашлись люди, что продолжили его дело и теперь христианство распространяется по всему миру. Я хочу, что бы и вы приобщились к нему.

- А как же мусульмане? - спросил Александр, - они верят в аллаха.

- Чушь, бесовщина, - строго ответил владыка, - ислам придуман через шестьсот лёт после Христа душевнобольным погонщиком ослов по имени Магомет. Это дикое учение предписывает приносить кровавые жертвы аллаху, резать бедных животных и издеваться над женщинами. Ислам совершенно непонятен нормальным людям, он распространён только среди тёмных дикарей востока. Проповедники внушают невежественным туземцам, что высшее счастье - это умереть в бою за пророка, погибший якобы сразу попадает в мусульманский рай, где его уже ждут, не дождутся десять тысяч девственниц! Это самая примитивная приманка для простаков. На неё ловятся только бедняки, нищие, простолюдины, жизнь у которых невыносима тяжела. Армии мусульман состоят из обманутых! Вы скоро сами в этом убедитесь, если, конечно, изберёте карьеру настоящего военного, а не придворного. Выбирать вам, но я бы посоветовал вам Болгарию. Внимание императора приковано к ней, он считает, что главная угроза империи исходит именно оттуда.

- Значит, так тому и быть, - согласился Александр, - поеду в Болгарию.

- Но не забывайте то, что я вам рассказал, - попросил патриарх, - у вас будет время обдумать мои слова и, я уверен, вы найдёте своё место в истинной вере.

Когда Александр вышел, сенатор спросил у патриарха:

- Ну что, святой отец, каково ваше мнение?

- Неплох, но уверенности у меня нет, - задумчиво ответил

патриарх, - ему нужен духовный наставник, вам не кажется?

- Согласен.

В сопровождении всё того же молчаливого здоровяка монаха Александр вышел на улицу. Неприметная маленькая дверь неслышно закрылась за спиной. Он вышел с другой стороны, где не сидели нищие и уроды, свежий ветер наполнил грудь внезапно, чуть не закашлялся. Солнце, ветер очистили душу от странного тягостного чувства, что появилось после беседы с патриархом. Вроде всё правильно он говорил, но что-то царапало изнутри, какая-то нестыковка была в словах. Что?

Ах, да! Слова о дикости ислама, над кем-то там издеваются, запрещают, не пускают... У Александра не было желания заниматься именно сейчас теологическими изысканиями, но в голове застрял вопрос - если всё так нехорошо, почему так много людей верит в ислам? И не только верит, а готовы до последней капли крови защищать его. Он знал, что империя терпит поражения от войск арабских мусульман одно за другим, и вовсе не потому, что они вооружены лучше или полководцы хороши. Успехи мусульман во многом объяснялись стойкостью их солдат. Их вера была так же крепка, как и у христиан.

Александр ещё на Руси слышал о племенах, исповедующих странные религии, дикие даже по сравнению с культом бога Ярилы. Он как-то видел обряд посвящения девушки в невесту перёд свадьбой ... Так лютых врагов казнят, а не замуж выдают! Такие культы, даже культики замыкаются в узком кругу умалишённых последователей и не распространяются далее. Всё великие русские князья, начиная с Рюрика, боролись с этим злом, а если переубедить верующих не удавалось, то их уничтожали целыми племенами.

"Наверно, не всё правильно в рассуждениях патриарха, но мне ли упрекать его, - подумал Александр, - он искренне верит во Христа, как и всё вокруг. А я? Всё сомневаюсь..."

Через три дня имперский дромон с генералом Александром на борту отчалил от пристани Константинополя. Вместе с ним отправился в путешествие и его духовник, тот самый монах, что встретил у входа в храм Святой Софии. Звали монаха отец Анатолий. Александру было как-то не по себе, когда он слышал, как команда говорила молодому мужчине - отец. Какой он отец, ему бы лёт тридцать добавить, вот тогда отец!

Но за короткое плавание незаметно привык и уже не обращал внимания. Только сам отцом не называл, говорил - Анатолий и всё. Монах не обижался. Он вообще ни на кого не обижался, всегда был спокоен и относился ко всём окружающим одинаково уважительно, не зависимо от положения.

Через сутки однообразного, скучного плавания, ближе к ночи, дромон вошёл в небольшую бухту. Из-за каменного мыса, очень похожего на клюв хищной птицы, показались огни факелов. Они ярко освещали деревянную пристань. Дромон осторожно ткнулся бортом в рогожные мешки с травой, что служили амортизаторами причальной платформы, брёвна недовольно заскрипели, пристань содрогнулась от тяжести прильнувшего к ней дромона.

Не дожидаясь, пока матросы закрепят причальные канаты и подадут трап, Александр прыгнул на дубовые доски причала. Вслед за ним шагнул монах Анатолий. Из темноты в круг рыжего света факела вынырнула щуплая фигура солдата в доспехах лёгкой пехоты. Связка дротиков, выглядывающая из-за плеча, подсказала Александру, что перёд ним аконтист - метатель дротиков. Солдат бросил быстрый взгляд на золотые знаки различия, заикаясь от волнения, громко произнёс:

- П-прошу в карету, г-генерал. Вас ждёт с-стратиг Михаил.

Александр кивнул, молча подошёл к повозке, сёл. Заметил, что монах стоит в стороне, удивлённо посмотрел на него.

- Не положено мне в колеснице для важных господ кататься, - ответил монах, - грех это.

Александр вздохнул, устало сказал:

- Не валяй дурака, Анатолий, садись. Или бегом побежишь за коляской? Я приказываю, так что на тебе греха не будет.

Монах нерешительно потоптался, осторожно сёл с краешку. Поджал ноги в громадных пыльных сапожищах под себя, дорожный мешок устроил на коленях.

К крепости подъехали быстро. Ожидая увидеть деревянный частокол, Александр очень удивился, когда увидел высокие каменные стены, уходящие в обе стороны от ворот и теряющиеся в темноте. Широкие дубовые створки медленно разошлись в стороны. Кони шагом вошли в освещаемый факелами коридор с низким каменным потолком, стали. Ворота за спиной так же неторопливо захлопнулись, послышалось глухое звяканье железных скоб, на которые стражники наложили обструганное бревно засова. Лишь после этого медленно распахнулись внутренние ворота, карета тронулась.

Против ожидания, внутри крепости вместо домов оказались палатки. Стратиг не стал утруждать себя жилищным строительством, справедливо полагая, что безопасность обеспечена, а остальное не его дело. Сам стратиг по-прежнему жил в солдатской палатке.

Когда Александр откинул полог и вошёл, Михаил отложил донесение, не дочитав до конца. Мгновение изучающе смотрел, потом с улыбкой произнёс:

- Приветствую, генерал. Рад, что не ошибся тогда, когда вы с Вардом появились тут впервые. Садитесь.

Александр осторожно присел на краешек складного походного стула.

- Итак, перейдём сразу к делу, - начал стратиг, - обстановка такова: войска булгарского хана Хусейна собраны здесь, в долине реки, - указал Михаил точку на карте. - Место выбрано отличное, с тыла обрывистый берёг реки, по бока каменистые холмы, укреплённые по гребню частоколом. Для десяти тысяч человек, что сейчас там расположены, тесновато, но зато почти полная безопасность - удары с флангов и тыла исключены. К Хусейну постоянно прибывает пополнение из покорённых славянских племён, по моим подсчётам, у него скоро будет более двух десятков тысяч хорошо подготовленных воинов.

Стратиг встал, швырнул свинцовую палочку, которой делал отметки на карте, на стол, нервно прошёлся по палатке.

- Это нарыв, который скоро лопнет и зальёт гноем всё вокруг, - произнёс стратиг, - хан ожидает со дня на день прибытия конницы под командой своего родного брата Язида. Конница кочевников страшное оружие. Всадники не носят тяжёлой брони, как наши катафракты, потому очень подвижны. Они налетают тучей, убивают всех подряд и отступают, если чувствуют серьёзное сопротивление. Отходят, выжидают, и снова налетают, когда их не ждут. Конница катафрактов ничего не может сделать, слишком тяжела и неповоротлива. Вынужден признать, что к войне с таким врагом мы не готовы. Наши солдаты готовились воевать с противником, равным по силе или даже сильнее, хорошо вооружённым и организованным, а здесь просто банды разбойников, появляющиеся ниоткуда. Доспехов почти никаких, если не считать сделанных из бычьей или лошадиной кожи накидок с нашитыми снаружи конскими копытами. Плетёные щиты, бараньи малахаи - всё! У них нет походных мастерских, продовольственных складов, только простейшие переносные кузницы для мелкого ремонта оружия. Даже лошадей не подковывают. Дунайские славяне, с которыми мы воевали раньше, куда более цивилизованы, это были достойные противники. Пока наши попытки разбить войска пацинаков успеха не имели, - с тяжёлым вздохом заключил стратиг.

Александр, внимательно слушавший Михаила, внезапно улыбнулся.

- Вам смешно? - удивлённо поднял брови стратиг.

- У нас на Руси кочевников зовут печенегами, по-вашему, пацинаки. А крыс у нас называют пацюками. Похоже, правда?

- Похоже, - согласился Михаил, - их так же много и так же

трудно уничтожить.

- Но можно, надо только не дать объединиться в большую стаю, - ответил Александр, - укреплённый лагерь необходимо взять как можно быстрее, там наверняка сосредоточены запасы продовольствия и оружия. Скоро зима. Конница в таких условиях может действовать только при наличии запасов провизии.

- Верно, - хмуро согласился Михаил, - но у меня солдат почти вдвое меньше, чём у хана, а через неделю будет втрое. Я ожидал подкреплений, не менее двух легионов солдат, а вместо них прислали, простите, только вас.

- Возникли серьёзные проблемы в Африке, войска отправлены туда.

- А здесь получается, проблем нет, так думают в Константинополе, да? - взорвался стратиг, - к какому дураку в руки попадали мои донесения, хотел бы я знать!

- Вся империя и лично император считают вас военным гением, стратиг Михаил, - почтительно произнёс Александр, - видимо, поэтому император не уделяет так много внимания войне на Балканах.

- М-да, генерал, в вас сразу чувствуется дворцовая служба, - усмехнулся стратиг, - за комплимент спасибо. Но всё-таки, как вы мыслите решить проблему?

- Бездействовать, ждать помощи из империи - верная гибель. Необходимо брать укрепление в ближайшее время штурмом, не считаясь ни с каким риском.

- Согласен. Как именно?

Александр поднялся со стула, подошёл к карте.

- Разрешите?

- Да, конечно, - кивнул стратиг.

С минуту Александр рассматривал карту, задал несколько уточняющих вопросов, потом решительно произнёс:

- На подготовку штурма нужно не более суток. За это время изготовить лестницы, отобрать наиболее подготовленных солдат числом до двух тысяч. Скрытно подойти к лагерю, внезапно атаковать на рассвете, лучше в плохую погоду, когда дождь, холод и ветер.

Стратиг с непроницаемым лицом выслушал, не говоря ни слова сёл. Походное кресло жалобно заскрипело, из широкой груди стратига вырвался тяжёлый выдох. Пламя светильника испуганно шарахнулось, согнулось в три погибели и едва не погасло.

- Как бы вас не обидеть... - задумчиво сказал Михаил, - император присвоил вам высокое звание за воинский подвиг, но подвиг не делает ... э-э ... Послушайте, Александр, давным-давно

выведено такое правило - соотношение сил наступающих и обороняющихся должно быть не мене три к одному. В крепости больше десяти тысяч солдат, то есть получается два к пяти. При этом вы даже не упомянули о стенобитных машинах. Ваш план хорош для ... самоубийства.

- Внезапный штурм малым числом - единственный выход из создавшейся ситуации. Обеспечить скрытность большому войску невозможно. Тогда штурм превратится в осаду и затянётся на неопределённое время, которого у нас нет. Примите мой план, стратиг, другого всё равно не будет, - тихо произнёс Александр, - эти две тысячи поведу на штурм я.

- Ценю вашу храбрость, генерал, но шансы на успех равны нулю.

- Нет, шанс на успех есть, а вот если подойдёт конница Язида, тогда точно конец. Итак, стратиг, вы согласны на моё предложение?

Михаил наигранно бодро отбарабанил пальцами дробь по крышке стола.

- Да!

С рассветом закипела работа. Михаил приказал изготовить как можно больше лестниц, так выше вероятность, что кому-то удастся подняться на стену, а дальше решают секунды - или защитникам крепости удастся уничтожить горстку храбрецов, или им на помощь поднимутся другие и тогда захват крепости вопрос нескольких часов или даже минут.

Удалось отобрать только полторы тысячи человек, но это были самые бесшабашные и отчаянные, у которых или грудь в крестах, или голова в кустах. Стратиг пообещал добровольцам, что в случае успеха каждый унесёт из крепости столько, сколько сможет поднять - золота, драгоценностей или просто барахла, всё равно, кто что сумеет взять. Строй довольно загудел, солдаты заулыбались. Никто в этот момент не думал, что они всё могут погибнуть.

Поскольку совершить скрытный марш было невозможно, придумали хитрость. Утром следующего дня всё войско ромеев вышло из укреплённого лагеря и направилось в сторону предполагаемого появления конницы кочевников. Маршрут движения составили так, что войско прошло в непосредственной близости от крепости хана Берендея.

Булгары всполошились, когда дозорные на стенах сообщили о громадном облаке пыли, что медленно приближается. Хан поднял по тревоге всех, на стенах в считанные минуты стало так тесно, что большая часть воинов осталась внизу.

Верх крепости засверкал от начищенного железа доспехов,

словно спина великанского змея, разлёгшегося на стене, гребень ощетинился иглами копий. В начавшейся давке даже придавили несколько человек, кое-где вспыхнули драки.

Но пылевое облако прошло мимо. Хан приказал выслать конный дозор. Через несколько часов конники возвратились и доложили, что войско ромеев прошло дальше, в сторону широкой долины между горами, через которую вот-вот должна подойти конница, а ещё позже вернулся остальной дозор. Сотник, старший дозора, доложил, что ромеи стали лагерем, окапываются, ставят частоколы, засеки. Одним словом, готовятся отразить наступление конницы.

Сотник не знал, что полторы тысячи солдат с генералом Александром незаметно отстали от основного войска и под прикрытием пылевой завесы, которую создавали конные повозки с привязанными к ним ветками деревьев, отошли в степь. Неподалёку от крепости булгар ровную, как мостовую Константинополя, степь изуродовали неглубокие овраги. Когда-то проливные дожди смыли верхний слой почвы, но земля быстро залечила раны, затянула их травой, кустарником и если смотреть издалёка, то кажется, что степь в этом месте такая же ровная, как и везде.

Конный дозор шёл за войском ромеев в плотном строю, готовый в любой момент принять бой или рассыпаться по степи, если силы противника будут слишком велики. Никто и не думал осматривать степь. Полторы тысячи ромеев лежали, не шевелясь и не дыша, почти под копытами лошадей дозора, а рядом, в глубокой балке были сложёны сотни штурмовых лестниц, успели только слегка замаскировать их травой.

Александр лежал в ложбинке, засыпанный землёй и травяным мусором. В степи ни ветерка, солнца палит, как с ума сошло. Даже в лёгких доспехах он чувствовал себя, словно яйцо, запекаемое в раскалённых угольях. Мерзкий, липкий пот волнами течет по спине, ногам, с головы на лицо вовсе лилось, будто на макушке горячий ключ забил.

Кое-как, в полглаза, поминутно смаргивая грязную пелену, наблюдал через щёлочку в мусоре, как кочевники неторопливо проехали мимо, вглядываясь в степь. Всё, как один закрывались от солнца ладонями, привставали на стременах. Александр молился, что бы ни один не посмотрел под ноги.

Громкое топанье раздалось прямо над головой. На ладонь от лица ударило о землю копыто, другое, потом длинный конский хвост со свистом рассёк воздушное пекло, жёсткий пучок волос хлестнул по затылку. Удар получился внезапным, сильным, подбородок припечатало к земле, зубы щёлкнули, как у

проголодавшегося волка. Нестерпимая боль от прикушенного языка пробила до пяток. Что бы не заорать, Александр стиснул зубами край рогожи. Рот наполнился кислой дрянью, нос забило мусором. Сжался изо всех сил и только когда почувствовал, что вот-вот лопнет, тихонечко выдохнул.

Простому степному конячке вздумалось опорожнить живот. Тёплые, липкие конские каштаны один за другим посыпались из-под хвоста, как из рога изобилия, а потом хлынул настоящий водопад.

Что там падает сверху, Александр не понял, но когда вонючий поток обрушился на голову, спину, залил лицо, острый запах конской мочи лишил последней возможности дышать, он не выдержал. Тело импульсивно сжалось в комок, ноги резко выпрямились. Рогожа, трава, земля - всё разлетелось в стороны. Александр смахнул рукой шлем - забрало залепило мерзкой, вонючей жижей, ничего не видно. Быстро провёл ладонью по лицу, стирая пот. Приготовился к короткому жестокому бою. Мизинец защемило между налобником и забралом ...

На вытянутую руку от лица дрогнул и поплыл, удаляясь, конский круп. Длинный, чёрный хвост безостановочно молотит воздух, отгоняя слепней, всадник, стоя на стременах, смотрит вдаль. Впереди, шагах в двадцати, конный отряд на рысях уходит в степь. Отставший сёл в седло, ткнул каблуками сапог в конские бока, свистнул. Конь рванулся вскачь, в воздух взлетели комья сухой земли, трава. Через мгновение конный отряд скрылся вдали, высокая густая трава закрыла всадников, только пучки конских волос на навершиях шлемов - бунчуки - ещё виднелись какое-то время, потом и они пропали.

Тяжёлый шлем соскользнул с пальца, упал. Край забрала задел камешек, звон железа в тишине раздался, как удар главного колокола на храме Святой Софии в Константинополе. Александр вздрогнул, невольно опустил глаза, непонимающе уставился на собственный шлем - чего там звенит-то так?

Рядом зашевелился заросший травой холмик, приподнялся. Тонкий слой дёрна разошёлся, показалась голова отца Анатолия. Всегда невозмутимый, на этот раз он выглядел вовсе каменным. Встряхнулся, как пёс после купания, лопатообразная ладонь смахнула травинки с бороды и усов.

Александр молча смотрел на него, слипшаяся прядь светлых волос свалилась на лоб, закрыла левый глаз.

- Тут недалёко ключ есть, - произнёс монах, покашливая в кулак, - попить можно, ещё чего там...

Весь остаток дня отряд Александра провёл на солнцепёке. Солдаты выбрались из укрытий, сбились в плотную кучу на дне

балки. Несмотря на изнуряющую жару, снимать доспехи Александр не разрешил, да солдаты и сами понимали, что нельзя. Подняли широкие прямоугольные щиты, защищаясь от солнца.

Ближе к вечеру пекло стало невыносимым. Ветер совсем пропал, прожжённый воздух стал тягучим, вязким и тяжёлым. Дышать трудно. Кажется, что выдыхаемое из лёгких никуда не улетает, остаётся на месте, его снова вдыхаешь и выдыхаешь. Некоторые солдаты теряли сознание, у многих кружилась голова, появилась слабость.

Когда раскалённая добела круглая болванка коснулась края горизонта, протянулись первые робкие тени, легче не стало. Белый свет словно налился свинцовой тяжестью, а иссушающий жар шёл теперь от земли.

Александр с трудом поднял тяжёлую, будто камень, голову. Солдаты сидели и лежали так, словно перёд смертью - руки безвольно сброшены на землю, головы опустили на грудь, или наоборот, откинули назад, рты полуоткрыты, глаза страшно закатились.

- Анатолий, - хриплым шёпотом позвал Александр, - ты жив?

Монах медленно, как великую тяжесть, поднял голову. Печальные карие глаза остекленели, прожилки налились кровью. Белое, как бумага, лицо, мучительно долго поворачиваясь, обратилось на голос.

- Что за дела творятся на белом свете, а? - прохрипел Александр, - объясни, учёный человек.

- Гроза будет вот-вот, - скрипуче отозвался монах, едва шевеля бескровными губами, - буря, ураган великий... Хляби небесные разверзнутся, ледяной водой зальёт ... от грома оглохнем, от молний ослепнем... уже слышу поступь...

У Александра не осталось сил ответить или удивиться необыкновенному предсказанию. Молча, медленно переставляя дрожащие руки, пополз по склону наверх, как умирающая черепаха. Тяжёлый, плотный, как овсяной кисель, воздух расступается неохотно. Когда бесконечный подъём кончился, встал на колени. Трудно, словно смертельно больной, выпрямил согнутую спину. Глаза привычно сузились, ожидая ослепляющего солнечного света, но вместо него в лицо безглазо заглянула тьма.

Александр мгновение неверяще смотрел в чёрное ничто, потом сморгнул, протёр глаза дрожащей рукой. Тьма не исчезла. Изумлённо повертел головой и увидел, что от края до края вдоль линии горизонта темно-синяя лава залила две трети нёба и земли. Вокруг тихо, ни ветерка и в этой мёртвой тиши темнота неотвратимо наползает на мир. Внезапно чёрную завесь рассекла рваная белая полоса, словно клинок дамасской стали. Внизу,

возле самой земли, молния превратилась в когтистую лапу, что вонзилась в горизонт и исчезла.

Холод - не холодный ветер! - а именно потусторонний бесплотный холод прикоснулся к лицу, рукам и пропал, будто некто огромный глянул на мгновение мёрзлым глазом. Неподвижный, тяжёлый воздух вдруг стал свежеть, наливаться странным запахом, будто вдруг весна настает.

Александр несколько раз глубоко вдохнул, взор очистился, голова заработала чётко, ясно, одурь и сонливость разом пропали. Руки, ноги наполнилось силой, мышцы вздулись по всему телу, требуя работы.

Рывком поднялся с колен, встряхнулся. Почувствовал, как мгновенно высохшие волосы поднялись дыбом, как у разъярённого зверя, по ним пробежали синие искры, раздался треск.

Повернулся к оврагу, вскричал:

- Всём встать, приготовиться к бою!

Оглядел поднимающихся солдат, громко добавил:

- Крысиная цитадель к полуночи будет нашей!!!

В застылой тиши его голос громом прогремел. Словно эхо, издалёка отозвался тяжкий грохот далёкой пока ещё грозы. От грома всё очнулись, солдаты вскакивали, машинально хватали оружие, бежали за лестницами. Раздались команды сотников и десятников, топот трёх тысяч ног сотряс землю.

Через считанные минуты полторы тысячи солдат с оружием наготове выстроились изогнутой, как буйволиные рога, линией. Замерли, словно волчья стая. Непроглядная темнота залила всё вокруг. Порыв ледяного ветра дохнул в железные спины, первые капли дождя упали на плечи.

Впереди, на расстоянии полёта стрелы, возвышаются крепостные стены. Их почти не видно, только угадываются в мрачной мгле. Ни один факел не освещает, ни один огонёк, даже звёзды не светят, нёбо заволокли чёрные тучи. Приготовившиеся к штурму чувствовали стены, а не видели.

Александр стоит в первой шеренге строя, как простой солдат.

- В атаку! - раздался его голос

- В атаку, в атаку ... - подхватили голоса сотников, волчья стая штурмующих бросается к стенам, словно боевой единый организм.

В это мгновение гигантский столб ослепляющего света бьёт по вершине холма слева от крепости. Громко трещит раздираемая земля, раздаётся страшное шипение, треск, словно чудовищный змей выползает из подземного мира. В тёмную высь взлетают куски белого огня, будто огромные капли раскалённого добела

металла. Деревянное покрытие стены в месте соединения с холмом, вспыхнуло рыжей шапкой пламени, словно туда плеснули греческим огнём.

И тут тяжко грянул гром, будто скала сорвалась с небес на землю. Мир затрясло, как в лихорадке, разрывающий на куски всё живое гул захлестнул ночь. Оглушительный грохот обрушился на крепость, стены задрожали, высохшая глина посыпалась из щелей. Редкие часовые, что стояли в укромных от непогоды местах, свалились на пол, как при землетрясении. С тёмных, будто смертный грех, небес, хлынул поток ледяного дождя.

Сто шагов преодолели за одно мгновение, без яростных криков и подбадривающих воплей. Сотни лестниц прочертили полукруг в воздухе, перекладины одновременно ударили в гребень стены и замерли. Часто-часто задрожали - по ним стремглав бегут солдаты. Щиты заброшены за спину, мечи и топоры в ножнах, только руки и ноги мелькают в раздираемой молниями тьме и мокрые, скользкие лестничные перекладины исчезают внизу.

Александр - генерал! - едва ли не первым спрыгнул на стену, справа и слева появились солдаты его отряда, мечи, щиты мгновенно оказались в руках. Насторожились, готовые к бою. Раздалось несколько вскриков - это зарубили часовых. Солдаты переглядывались, недоумевая - а где противник? Где жестокий кровавый бой за каждый метр стены, когда ты один, а против тебя десяток?

- Дрыхнет берендеево воинство, - громко произнёс Александр, первым понявший, в чём дело. - Дождичка испужалися вояки ... да-а... Слушайте всё! - крикнул он, - идём дальше, дома и склады не жечь, они наши и императора. Берендеево войско истребить. Вперёд!

Пехота с довольным рёвом бросилась со стены в город. Солдаты со свистом и улюлюканьем врывались в постройки, резали всех подряд и грабили, но ничего не поджигали, точно выполняя приказ. Да и едва ли бы что загорелось - ливень только усилился, по узким улочкам несутся целые потоки воды и грязи. Но никто из солдат Александра и он сам не заметили холода и сырости. Жарко и весело!

Никого не надо гнать в атаку, увлекать собственным примером. Александр подхватил валяющийся на мокрой земле щит на всякий случай, с обнажённым мечом пошёл вперёд. Сбоку, словно тень, идёт монах Анатолий, в кольчуге поверх рясы, в шлеме и со щитом. В руке гигантский мясницкий топор, которым туши быков разделывают. Александр глянул, головой покачал - с таким топором с трудом управляется мясник двумя руками, а

этот одной держит, как прутик, только что лопухи не сбивает...

Укрепление хана Берендея имело форму бочки - широкое посредине и сужающееся на концах. Солдаты Александра прошли по крепости, как чума, никого не оставляя в живых. Проходы между домами завалены трупами, вода почернела от крови. Почти всё убитые, как заметил Александр, без оружия и брони - их били полусонными, растерянными, как свиней на бойне.

Идущий рядом монах беспрестанно крестится, бормочет. Александр прислушался. " Господи, прими души заблудшие и прости им грехи вольные и невольные... Господи, прими души..."

Внезапно впереди раздались яростные крики, зазвенело оружие. Александр поспешил туда.

Маленький отряд, не больше сотни, прижатый к каменному склону горы, которой оканчивалась крепость, отчаянно сражался с ромеями. Всё воины рослые, щиты огромные, почти в рост, у каждого длинная кривая сабля. Отряд арабской гвардии выстроился полукругом, укрылся за щитами и отбивал всё атаки. Одна за другой волны атакующих разбивались, ромеи отступали, оставляя убитых. Наконец, солдатам надоела нелепая драка с малой кучкой противника. Они разобрали сарай, в обороняющихся полетели брёвна, камни, в воздухе засвистели дротики и стрелы.

Однако в отряде противника не растерялись. Раздалась команда на непонятном языке, щиты разом поднялись, строй воинов стал удивительно похож на ту самую "римскую черепаху", что успешно применялась ромеями. Атака снова закончилась ничем.

К Александру подбежал молоденький десятник, радостно доложил:

- Господин генерал, дом хана взят, его телохранители убиты, хан тоже!

Александр недовольно скривился.

- Напрасно так с Берендеем, поторопились... Лучше бы живьём!

- Так он сам на меч кинулся, - развёл руки десятник, - мы пока с его охраной рубились, он на коленях стоял, молился. Встал, книгу зелёную поцеловал и на меч бросился, что из стены торчал. Видно, заранее туда рукоятью воткнул.

Из рассечённой брови натекла крупная капля крови, десятник торопливо смахнул, размазал по лицу.

- Ладно, - вздохнул Александр, - пусть башку принесут, скажи там ...

Десятник кивнул, убежал.

Тём временем бой в конце крепости продолжался, но как-то

вяло. Обороняющиеся не могли вырваться из окружения, а солдатам Александра, и так победителям, не хотелось понапрасну калечиться.

- Анатолий, - позвал монаха, - я тебе, как особе духовного звания, приказывать не могу, потому попрошу - собери мне всех командиров сюда, а я пока с этими разберусь, - попросил Александр, кивая в сторону последних защитников крепости.

Подошёл ближе, поднял руку, крикнул:

- Всём встать, убрать оружие!

Ромеи тотчас построились в шеренгу, ровная линия белых щитов с красным крестом посередине вытянулась от края до края, словно стеной преграждая путь отступления. Двое солдат подошли к Александру, стали с боков, прикрывая своими щитами.

- Пусть старший выйдет из строя, я буду говорить с ним! - громко сказал по-арабски Александр, поднимая забрало шлема.

Он ожидал, что шеренга зелёных щитов разомкнётся и командир выйдет из глубины строя. Вместо этого из неподвижного строя арабской гвардии сделал шаг воин первого ряда. Одним ловким движением бросил саблю в ножны, лёгкой походкой направился к нему, остановился в пяти шагах. По бокам тоже стали гвардейцы с зелёными щитами.

Доспехами ни чём не отличался от остальных, только властный, твёрдый взгляд говорил о том, что это не простой воин. Конический шлем обёрнут по нижнему краю зелёной тканью, конец свисает через плечо на грудь. Александр знал, это означает что-то важное у мусульман, но что именно, не запомнил, когда его друг, Вард Фока, делился с ним знанием арабских обычаев.

- Я генерал армии императора Василия, Александр, - произнёс он, - хан Берендей убит, крепость пала. Вы - её последние защитники. Ваша доблесть очевидна и не нуждается в доказательстве. Предлагаю прекратить ненужное сопротивление.

- Я - первый воин моего рода, меня зовут Сейфулла. Предпочитаю смерть в бою и не опозорю себя и род пленом, - вскинул подбородок арабский военачальник, - воины моего племени думают так же.

- Плена не будет, - ответил Александр, - я отпускаю вас. Уйдёте с оружием, остальное имущество оставите. А лично вас я попрошу об одном одолжении.

- У нас нет другого имущества, кроме оружия, - оскорблённо ответил араб. Потом удивлённо спросил:

- О каком одолжении вы говорите?

- Вы отправитесь отсюда в ставку хана Язида и расскажете ему обо всём, что здесь произошло, - просто сказал Александр. - Это всё, что я хочу от вас.

Он заметил, что к их разговору внимательно прислушиваются с обеих сторон, особенно арабы, некоторые чуть опустили щиты, вытянули шеи, что б лучше слышать.

Воин с зелёным шарфом вокруг шлема сделал несколько шагов, подошёл ближе. Солдаты по бокам Александра, сразу напряглись, чуть сдвинули щиты. Ладони легли на рукояти мечей.

- Ты не ромей? - спросил араб.

- Я русский на службе императора Василия, - ответил Александр, - это что-то меняет?

- Нет, но теперь понятно, почему ты отпускаешь меня с оружием. Хорошо, - чуть склонил голову араб, - я выполню твою просьбу.

- Расступитесь, эти люди свободны, - крикнул Александр, поворачиваясь к строю солдат, - я отпускаю их!

Он наблюдал, как отряд арабов дошёл до крепостных ворот. Они закрылись, едва последний воин с зелёным щитом шагнул за пределы крепости. Подошёл к стене разрушенного дома, пинком кованого сапога придвинул деревянный чурбак, сёл. Несколько минут наслаждался внезапной тишиной, тёплым ветерком, особенно приятным после сырой, холодной ночи. От прогревающейся земли поднимается пар.

Внезапно раздались крики, женские и детские, плач. Александр повернулся. Из дома напротив, трое солдат вытащили женщину. Ей в платье вцепилось сразу четверо детей, кричат. Женщина отбивается, но справиться с тремя здоровыми мужиками не может. Разозлённые солдаты отшвырнули в разные стороны детишек, один закинул женщину на плечо, как мешок с соломой, другой сжал руки, что бы не отбивалась. Третий скачет вокруг, как козёл. Поторапливает, что б короче возились.

Из-за дома появился монах Анатолий. Александр, привыкший к тому, что монах всегда невозмутим, поразился резкой перемене. Он остановился, смиренно согнутая спина выпрямилась, бледное лицо налилось кровью. Широкая грудь, всегда казавшаяся впалой из-за просторной рубахи, вздулась грудами мышц, кольчуга затрещала в плечах. Огромный топор, мирно лежащий на плече, как у дровосека, поднялся вверх и в сторону, для удара. Низкий, медвежий рёв разорвал тишину:

- Отпустите женщину, нехристи!!!

Солдаты, рослые, крепкие, мужики косая сажень в плечах, опасливо посмотрели на рассвирепевшего монаха. Тот, что скакал козлом, удивлённо произнёс:

- Ты чего сердишься, монашек? Мы ж ничего такого не делаем, всё как обычно... Раз, два ... э-э ... ну, три и всё!

Оглянулся на остальных, ища поддержки. Те не успели ничего сказать, как монах опять взревел нечеловеческим голосом:

- Отпустите, нехристи, не то в землю вобью!

Солдат небрежно сбросил с плеча живую добычу. Женщина по-кошачьи ловко упала на четвереньки, быстро забежала в дом, сгребая по пути детей.

Обозлённые солдаты стали полукругом. Несколько мгновений противники смотрели друг на друга, оценивали. Здоровяки солдаты, в толстой броне, с длинными мечами всё же не решались напасть. Монах выше любого из них больше, чём на полторы головы, шире в плечах и тяжелей. Всё знали, что он дрался в бою за крепость наравне со всеми, быстр и точён. Огромный топор бил одинаково смертоносно, что лезвием, что обухом, любая броня разлеталась на куски. Убить такого одним ударом никак не получится, а вот ему раз махнуть - и всё, сразу троим конец.

- Ну ладно, монашек, ладно, - примиряюще произнёс один из солдат, убрал меч, показал пустые руки, - Бог с ней, бабой-то. Мы так, по привычке, она ведь страшненькая, кривенькая, думали радость доставим ей, убогой, а она, дура, не поняла, орать стала ...

- Убирайтесь! - рявкнул монах.

- Идём, идём, не гневайся ... Богом обиженный, - ответил солдат, торопливо проскакивая под гигантским топором, всё ещё поднятым для удара. Остальные прошмыгнули следом.

Анатолий опустил топор. Спина привычно согнулась. Загребая сапогами грязь, подошёл к Александру, сёл рядом.

- Собрал я кентархов. В избе Берендея сидят, тебя ждут, не дождутся, - угрюмо доложил он.

- Спасибо. А ты чего на солдатешек накинулся? Они ведь и вправду ничего особенного не делали. Так бывает всегда в захваченных городах - убивают, берут добычу. А женщины - они всегда принадлежат победителю. И по жизни так. На войне именно они - главная добыча. На что простому вояке золото? Всё равно обменяет на тех же женщин.

Монах молчит, мрачно смотрит в сырую землю. Пальцы сжались до хруста, на скулах желваки ходили туда-сюда, будто мыши под простынёй забегали.

- Я ведь и не монах вовсе. И не отец Анатолий, - внезапно сказал он с болью в охрипшем голосе, - послушник я, монашества не достоин... Когда-то тоже вот так, - кивнул в сторону солдат, - на стены крепостные лазил да в чистом поле всяких, которые с кривыми саблями, от макушки до задницы на две половинки валил. В гвардейской тагме служил, в схоле императора. Денег

было немерено, любая девка моя и никто слово поперёк не смёл сказать, бил в рыло без базаров. А когда надоело по бабам да ихним рогатым мужьям морды бить, перевёлся в пограничье. Простым солдатом. За одну летнюю кампанию до командира тысячи дошёл, мог бы и дальше, да дворянства нет. Ну, это не помеха, наш император вояк удачливых любит, за воинские подвиги дворянство сразу присваивает.

Монах замолчал, отвернулся. Порыв утреннего ветра принёс запах дыма, глаза защипало, но зато перебило тяжёлую вонь крови и человеческих внутренностей, от которой кол в горле уже стоит.

- Ну-ну, а дальше что? - спросил Александр.

- А дальше... - махнул рукой монах, голос дрогнул, - как-то в осень в засаду попали мы. Окружили мою сотню со всех сторон арабы. Бились долго, в плен сдаваться никто не хотел, да нам и не предлагали. Почуял я в одном месте слабину, то ли молодёжь зелёная там стояла, то ли просто хлипкие на дух, только стала в этом месте оборона продавливаться. Ну, нажали мы клином, раненых я в середину строя поставил, ветеранов тыл закрывать, а сам в голову, меня щитами с боков закрыли и начал я двумя мечами рубить всех подряд, не оглядываясь. Кровищи арабской на меня много пролилось. Когда поле передо мной очистилось, пришлось шлем скинуть, забрало заклинило. Оглянулся - а вокруг никого! Нет моих солдат. Только арабы полукругом стоят, смотрят. Ну, понял я, что всё погибли, а последними те двое, что спину мне закрывали. Пока стоял да глазами хлопал, подкрались сзади, верёвки накинули.

Монах тяжело вздохнул.

- Связали, просунули палку через верёвку, между двух коней повесили и повезли в крепость себе. Казнить хотят прилюдно, понял я. Стал Богу молиться, готовиться к смерти непростой. Ну, привезли, развязали, смотрю - на площади в центре крепости кольев штук пять торчит, на них люди нанизаны, один ещё стонал тихонько, жив был. Рядом целая связка новых кольев свалена. Понял я, что и меня на палку насадят, как жука на спичку, потом в землю воткнут и оставят на солнышке греться.

Собрались всё, галдят, руками машут, а я весь, с головы до пяток, в крови ихних солдат, даже ещё не везде высохла. Начали камни швырять в меня. Тут пришёл начальник, весь в золоте, на шлеме перья зелёные и с ним старик бородатый, священник басурманский. Стал священник что-то нашёптывать воину в золоте, тот башкой трясёт, не соглашается. Старик тогда книгу достал зелёную. Я думал, сейчас по морде даст, а он раскрыл, что-то прочитал и снова книгу спрятал.

Воин в золоте махнул рукой, притащили старика какого-то, из одежды на нём только тряпка грязная, сам худющий, а воняло от него... Солдаты, что тащили, сразу побежали руки мыть. Басурмане, они чистоту любят. Подошли ко мне, развязали и говорит этот, что начальник - убей его, тогда жив останешься. Глянул я на старика - ну чего там убивать-то, оплеуху дай, он дух испустит. Решил, что смеются надо мной. Хотел в лицо плюнуть гаду, а он говорит - ты доблестный воин, мы уважаем храбрость и решили сохранить тебе жизнь, только ты вот этого старикашку прибей и всё.

Монах на мгновение умолк, словно споткнулся, трудно, будто непомерную тяжесть в гору тащит.

- Я обрадовался, даже не поверил, что так вот просто от смерти на колу спасусь, переспросил, а он говорит, слово даю, что не казним. Священник ихний рядом стоит, бородищей козлиной трясёт, подтверждает, значит. Ладно, говорю, согласен. Давайте меч, снесу башку этому нищему. А про себя думаю, одним уродом меньше будет, таких оборванцев возле любого храма десятка два сидит, не убудет... Я - воин, самый нужный человек в империи, не зря император так любит нас. Ну ... взял я меч, а старик услыхал, о чём разговор, встал на колени и молиться начал. Слышу я, как он бормочет: "Прости, господи, раба своего неразумного, не ведает он, что творит. Я простил его и ты не гневайся..."

Во, думаю, зараза какая, оно меня прощает! Это меня, первого бойца пограничья... Ну, срубил голову старику. Тот, что в золоте с зелёным пером, похлопал по плечу, гавкнул по-своему. Смотрю, ещё ведут, троих. Смотрят на меня исподлобья, как волки. Тот, с пером, говорит, что это трое ромеев видели, как ты священника казнил, теперь и их заруби. Тут я разозлился, его убить хотел, да меня повалили, меч отняли, связали. Бросили в яму и этих троих туда же. Не буду говорить, какими словами они меня обзывали. Обиделся я сильно. Ах, думаю, так вы меня за старикашку какого-то, ну, что с того, что священник? А ... - голос монаха прервался, - а в яму-то меня без верёвок опустили, а тех троих связанных. Вот когда обозлился я до полного беспамятства, тогда кинулся на них, связанных. Что дальше было, не помню, очнулся утром, когда в лицо водой плеснули. Смотрю, а всё трое задушены. Вытащили меня из ямы, поставили возле мёртвых. А вокруг два десятка солдат наших, в плен взятых. Всё на меня смотрят. Тут появляется тот, что старика велел зарубить и громко так объявляет, что если они не отрекутся от веры во Христа и не примут ислама, то отдаст их палачу из ямы на расправу и показывает на меня. Тут в глазах почернело, в голове гром гремит, ничего не вижу, не слышу. Когда просветление

наступило, увидел я плаху с топором, рядом солдат стоит на коленях. Голос сверху раздаётся, того, что с пером, - иди, говорит, руби головы неверным, а не будешь, так мы и тебя и их отпустим, повеселимся. И ... пошёл я. Нарубил целую кучу.

Вот так и стал я палачом. Каждый день в крепость пленных приводили. Тех, что новую веру принимали, в войско брали, а остальных мне. Так и работал, пока однажды не удалось убежать. Праздник у них был какой-то, наелись мяса бараньего, потом молились, песни пели, гуляли. Я подхватился и убежал. Ну, вернулся к своим, опять простым солдатом стал. Объяснил, что ранило меня сильно, в кустах отлёживался, потому так долго не возвращался. Мне поверили. Дальше служба пошла, как обычно - походы, бои. Тысячу, в которую меня определили, перебросили в другое место. А потом узнал я, что взяли ту крепость, весь гарнизон перебили.

Монах замолк, с силой потёр лицо ладонями, как будто вытирал невидимую грязь, зачем-то взглянул в нёбо, где в просветах туч показывалось, быстро исчезали голубые пятна небес.

- Да, - сказал, словно очнулся, - прошла неделя, ещё и ещё, а потом заметил, что меч мой от крови не оттирается. Почищу после боя, как положено, уберу в ножны. Как занятия начинаются или смотр строевой командир проводит, достану его, а он в крови, аж капает! Ну, вытру быстро, уберу. Вытащу - снова в крови. Ночью поднялся, достал - кровь капает, как будто только что в крови искупал. Ножны поменял ... дурак какой! ... всё одно... Только вот кровь ту никто, кроме меня, не видел. А по ночам стали приходить те, кого я убивал. Придут и стоят молча, смотрят ... много их приходило. Потом и днём стали являться. Стоят в сторонке и смотрят, смотрят... Не выдержал я, побежал к священнику каяться. Он меня выслушал молча, только отодвинулся сразу как-то так, будто смердит от меня. Отвернулся, молчит... Я спрашиваю, что делать-то мне? А он отвечает - бросай службу, иди в монастырь, грехи замаливать и выгнал из храма. Так вот я и стал послушником.

- Ну и как, - спросил Александр, кашляя от клуба дыма, что ветром прямо в лицо швырнуло, - помогли молитвы?

- Целый год в пещере сидел, каждый день молился, - ответил монах. - Под храмом святой Софии Константинопольской подземелье есть, выкопал там нору и жил в ней, возле мощей святых. Когда убиенные мной перестали приходить, на белый свет вышел. Послушником стал, за всю чёрную работу брался, ничем не брезговал. Ну, вот ... так ... - наклонился, стал краем рясы оттирать грязь с сапога, - не монах я, а послушник ещё.

- Ну, а со мной чего отправился, - спросил Александр, - послушание, что ль такое?

Анатолий нахмурился, стал тереть голенище сильнее.

- Патриарх послал ... с глаз долой, - буркнул он.

- Как это? - удивился Александр.

- Да так вот, - ответил Анатолий. Выпрямился, потянулся, так что в спине хрустнуло, сплюнул. - Пожаловались на меня братья во Христе. Я ведь когда из пещеры вышел, поселился с другими послушниками, там, в храме келий достаточно. Ну, живу по Писанию, послушание своё исправно выполняю. А братия то вина притащит в трапезную, то девок приволокут для непотребства всякого... Ну, я раз сказал, два - не понимают... Как-то раз и вовсе содомский грех учинили. Тут не стерпел я и, помолясь усердно Богу, мордасы набил братиям. Те жаловаться побежали, что разбойник я и драчун, ну, я другое говорю... Словом, то да сё, до патриарха дошло. Святой отец по справедливости поступил - разогнал всю братию по дальним монастырям, а мне сказал с тобой идти, наставлять, смотреть, что б в искушение не впал, да и мне себя соблюсти в подобии святым отцам.

- Так ты следить за мной приставлен, так?

- Господь следит за нами, - строго ответил монах, - а я, червь ничтожный, только волю его исполняю по мере возможной. Я слежу не за тобой, а за душой твоей, что б не замарал ты её. Грязь пополам с кровью соскрести трудно ... Ты иди, давай, сотники заждались, похвастать хотят подвигами своими.

К вечеру, когда солнце наполовину опустилось за горизонт, на взмыленном коне прискакал стратиг Михаил, один, без обычной свиты. Стражники сразу узнали его, быстро распахнули ворота, конь стратига стремительно ворвался в крепость.

Александр только что отдал последние распоряжения. Едва вышел на крыльцо, как раздался торопливый перестук копыт, взмыленный конь коротко заржал, остановился перёд ним. В лицо пахнуло мощным запахом конского пота, тёплом горячего тела. Стратиг спрыгнул с коня, не глядя швырнул повод подбежавшему солдату. Неплотно подогнанные доспехи коротко звякнули. Резким движением головы стратиг отбросил прядь волос, широко улыбнулся.

- Прекрасная работа, генерал! Я, признаться, не верил ... - громко произнёс он.

- Почему вы один, стратиг, - встревожено перебил его Александр, - была стычка с болгарами? Я немедленно пошлю людей ...

- Не надо никого посылать, стычки с болгарами не было, - рассмеялся Михаил, - степь пуста, как город после чумы.

Кочевников и след простыл, как весть о вашей победе дошла до них.

- Что-то больно быстро, - удивился Александр, - и дня не прошло.

- Так вы же отправили гонцов едва ли не сотню во главе с Сейфуллой, генерал, - с заметной ноткой недовольства произнёс Михаил, - вы блестяще справились с заданием, но вот этого делать не следовало бы. Сейфулла очень умён, удачлив, таких противников отпускать не следует.

Александр развёл руками.

- Я вынужден был поступить так, иначе хан Язид, уверенный в прочном тыле, мог отдать приказ о немедленном наступлении. Лучшего гонца, чём Сейфулла, невозможно и найти. Зато теперь Язид трижды подумает, стоит ли наступать, когда вот-вот холода.

- Конные дозоры доложили, что огромное облако пыли медленно уходит на северо-восток, - сказал стратиг, входя в дом, - сведения предварительны, их надо ещё проверять, но, похоже, что Язид уходит. Ваше решение отпустить Сейфуллу неверно, но ... победителей не судят!

Гремя подкованными сапогами, стратиг с грохотом прошагал по доскам короткого коридора, словно ожившая железная статуя. Входя в комнату, зацепил бронированным плечом за косяк. Доски громко затрещали. Не обратил внимания, прошёл к столу, сёл. Александру показалось, что дубовый стул ещё больше подогнул и без того кривые ножки, жалобно скрипнул.

- Итак! - стратиг положил мускулистые волосатые руки в стальных перчатках на стол. От полированной поверхности железных налокотников отразилось заходящее солнце, рыжее пятно метнулось на потолок. - Обсудим наши дальнейшие действия.

Александр присел на край стула.

- Слушаю вас.

- Считаю, что с захватом этой крепости зимняя кампания практически закончена. Мелкие стычки будут, но они не повлияют на общую картину. Ваша победа - главная, война почти закончена. Разумеется, император не обойдёт вас вниманием, я лично позабочусь об этом. Но, пока не наступили зимние холода, необходимо закрепить успех - занять ряд городов в предгорье и тем самым создать сплошную линию крепостей по северной границе империи. Вот эти города.

Стратиг развернул громадную, на весь стол, карту, края по привычке придавил шлемом и перчатками. На свободный угол Александр положил свой шлем.

- Вот, - провёл чёрту пальцем по карте, - вот эти два города,

расположены как раз на выходе из ущелий, пересекающих Северные горы. Именно по ним толпы жадных завоевателей лезут в империю. Взяв крепости, мы заткнём дыры в варварский мир. Эту задачу я поручаю вам. Обеспечу всём необходимым - людьми, оружием, деньгами для подкупа, стенобитными машинами, всём, что понадобиться.

Стратиг испытующе взглянул в глаза.

- Справитесь?

- Неужели вы думаете, что отвечу - нет, - хитро сощурился Александр.

- Нисколько. Уверен, что вы уже знаете, как их взять, - ответил стратиг, облокачиваясь на спинку стула, - ваше "да" простая формальность, как формальность бумаги о назначении вас ипостратигом, то есть моим первым заместителем. Отныне вам принадлежит вся власть на северо-западе империи в моё отсутствие. Приказ будет отправлен на подпись императору сегодня же ночью посыльным дромоном.

- Как-то чересчур быстро всё, - растерянно произнёс Александр, взъерошивая волосы на затылке, - только недавно простым этериотом был.

- Быстрота вынужденная, господин бывший этериот, - усмехаясь, ответил Михаил. - Самая большая беда империи состоит в том, что слишком много дураков развелось повсюду. Их может быть много там, внизу, - махнул он рукой, - а на вершине власти дуракам делать нечего. Но их развелось столько, что шагу нельзя ступить, что бы не вляпаться в чью-то дурость. Слава Богу, страх смерти заставляет их держаться подальше от войны, но даже здесь, у меня, их хватает, а что твориться в Константинополе? Не то что умный, даже просто неглупый и честный человек на вес золота! Эх, да что говорить, вы сами служили при дворе, видели. Бедный император, мне просто жаль его.

Михаил встал, прошёлся по комнате. Удары железных подков смешались с жалобным хрустом досок, что трещали и выгибались под ногами стратига.

- Я знаю императора Василия давно, - стал рассказывать он, - в молодости любил роскошь, носил самую дорогую и модную одежду, на каждом пальце по огромному перстню, золотые украшения на руках, шее, на голове! Знал, что будет императором, его называли красиво так - принц регент. Собирал вокруг себя поэтов, литераторов, художников. Покровительствовал искусствам. В людях больше всего ценил изящество, утончённый вкус и чувство прекрасного. Балы, карнавалы, любовные интриги и приключения расцвели при нём

пышными цветами и он был главным участником. Красиво, - усмехнулся Михаил, - просто сказочно...

Отец умер. Василию вручили скипетр и державу. Как император, он стал ежедневно получать доклады о настоящем положении дел в империи. Реальность оказалось страшной. Враги, кочевники, северные варвары, арабы - наступали со всех сторон. Империя теряла одну провинцию за другой, армия разваливалась на глазах, чиновники воровали открыто. Никто ни за что не хотел отвечать, аристократия желала только развлечений, простолюдины требовали хлеба и зрелищ. И всё, всё ждали, что император даст им то, что они хотят. Тяжесть проблем была так велика, что постепенно он забыл о балах, развлечениях, прогнал всех любовниц.

Выехал в действующую армию, ужаснулся - дезертирство достигло размеров эпидемии чумы, в полках оставалось по две-три сотни солдат, остальные были только на бумаге. Офицеры открыто торговали военным имуществом, пьянствовали, выдавали тайны за стакан вина, пьяные проститутки толпами шлялись по военным городкам.

У императора была только сотня преданных лично ему этериотов, больше ничего. В первом же легионе, который он проверил, приказал повесить всех офицеров вместе с командиром, кроме одного. Простой сотник вместе с двумя десятками солдат с оружием в руках защитил от пьяных мародёров штандарт легиона, денежный ящик с солдатским жалованием и знаки отличия, которыми был награждён легион. Этериоты помогли уничтожить мародёров. Сотник стал командиром легиона, его солдаты офицерами. Набрали солдат из местных славян, особенно много было из Руси. Император сам стал во главе легиона. Он издал указ, в котором повелел немедленно приступить к исполнению воинских обязанностей всём солдатам и офицерам северных провинций. За невыполнение - смертная казнь.

В армии осталось ещё немало честных людей, они приняли указ. Но не везде прошло гладко, в некоторых легионах начались мятежи. В каждый легион был послан этериот с полномочиями от самого императора - казнить и миловать по своему усмотрению любого, кто посмеет не подчиниться указу. Молодой император не принимал компромиссных решений. Или казнил, или награждал. Происхождение и прошлые заслуги во внимание не принимались. Тот, самый первый легион, который возглавил сам Василий, огнём и мечом прошёл по северным провинциям, подавляя мятежи.

За месяц с небольшим навёл порядок. Кто сумел, удрал в

свои поместья, спрятался у высокопоставленных родственников. Константинополь наполнился беглыми пьяницами, бездельниками и предателями. Недовольные составили заговор, готовились свергнуть законного императора, но Василий опередил. Он заключил мир с болгарским царём, не буду здесь говорить, чего это стоило ему, и отправился в поход на столицу. Легионы мятежников сдавались без боя на милость императору, принимали присягу на верность. Никто не дерзнул в Константинополе оказать вооружённое сопротивление Василию. По всей империи прокатилась волна казней, судили и вешали предателей, казнокрадов и взяточников. В великой стране восстановился порядок и законность.

А потом начались суровые будни. Империю надо было не только укреплять, но отстраивать и расширять. Василий забросил украшения, от золота отворачивался, его повседневной одеждой стали солдатские кожаные доспехи. Жил в палатке, ел из одного котла с солдатами, а в бой шёл в первом ряду. Стал императором воином, а не изнеженным любителем искусств и парфюмерии.

Главным врагом империи стали болгары. Арабы раскололись на суннитов и шиитов, дрались между собой, а вот болгары, покорённые кочевниками с востока, стали всё больше и больше беспокоить. Отдельные мелкие набеги превратились в мощные удары многотысячных армий.

Не сразу, но и здесь военный гений Василия проявил себя. Он разгромил армии болгар, уничтожил самые сильные крепости и надолго обезопасил северные и западные границы империи. Народ прозвал его Василий Булгарооктон - болгаробойца.

Но время идёт и дураки снова пришли во власть. В империи сейчас относительно спокойно и потому нет причин для казней, а дурость, должен вам сказать, лечится только усекновением головы и никак иначе. Умных и честных мало, они не могут уследить за всём.

Стратиг перестал ходить из угла в угол, сёл.

- Беда ещё вот какая, - произнёс он, глядя на Александра, - дурь заразна. Был человек умён, честен, глядишь - воровать стал, глупости всякие творить. Но замечено, что если знает он, что за глупость наказан будет жестоко, то глупеет много позднее. Мой вам совет - строго и точно выполняйте приказы императора, ни на шаг не отступайте от его указов и никто в этом мире ничего не сможет вам сделать. Боже вас упаси проявить собственную волю, инициативу. Победителей, конечно, не судят, но всё же, всё же... А теперь ступайте отдыхать, завтра отправляемся обратно к себе, будем думать, как эти городишки забрать. Доброй ночи.

Города стояли на выходах из ущелий, пересекающих горную

гряду насквозь. Они возникли, как перевалочные пункты, где останавливались купеческие караваны, потому в каждом городе были обширные площади, занятые складскими домами. Постепенно народы, жившие по ту сторону гор поняли, что набегами можно добыть больше, чём торговлей. Особенно, если предложить нечего.

Очередная волна кочевников нахлынула и остановилась, в который раз исчезая среди плодородных долин. Рабочих рук прибавилось, а ремёсел не стало больше. И тогда толпы грабителей и воров хлынули в богатую Восточно-Римскую империю, рассчитывая хорошо поживиться за счёт трудолюбивых ромеев. Однако империя потому и империя, что умеет защищать своё достояние. Дисциплинированные, хорошо обученные и вооружённые регулярные войска ромеев разбили банды грабителей, пленных продали в рабство или отправили на галеры.

Однако жестокий урок не пошёл впрок сыновьям и вот новые стада любителей лёгкой наживы хлынули в узкие горловины ущелий. Их разбили. Так повторялось снова и снова, натиск усиливался, а империя слабела под грузом внутренних проблем - то кризис власти, то неурожайный год, то всё вместе.

Города постепенно превращались в разбойничьи крепости.

На совещании у стратига решили не рисковать понапрасну солдатскими жизнями, тем более, что время не торопило. На предложение сдаться защитники крепостей не ответили. Оба города были блокированы, затем подтащили стенобитные машины и осада первой крепости началась. День и ночь мощные баллисты швыряли гранитные глыбы. По приказу Александра - ипостратига - были мобилизованы всё владельцы лошадей с повозками. Вереница телег с камнями протянулась лентой от каменоломен, где трудились тысячи рабов, до позиций баллист. Обстрел длился три дня, не прекращаясь ни на минуту. Лопнувшие от небывалой нагрузки натяжные ремни тут же заменялись на новые, заранее приготовленные. Солдатские команды менялись три раза в сутки, их штат увеличили вдвое и всё равно люди выбивались из сил, без отдыха таская тяжелённые глыбы в ковши камнемётов.

Александр применил невиданный ранее приём психологической войны. Он приказал ежедневно специально назначенному писарю очень подробно записывать всё разрушения, причинённые обстреливаемому городу. Затем описание отвозили ко второй крепости и перебрасывали через стену. Мало того, краткое содержания этой летописи разрушения выкрикивали с осадных башен через железные рупоры, так что бы всё жители города слышали, что происходит у соседей и что тоже самоё будет и у них.

К полудню третьего дня осаждаемая крепость выглядела так, словно пережила разрушительное землетрясение вместе с ураганом. Стены высотой десять метров превратились в кучи строительного мусора. Всё дома, что ранее находились под защитой крепостных стен, превратились в щебень. Улицы исчезли под крошевом камней и дерева.

Погода стояла не по-осеннему тёплая, безветренная. Облако густой, непроницаемой пыли неподвижно висело в воздухе, словно грозовая туча, свалившаяся с небес. Ни единой живой души не видно. Город, погребённый под тысячами камней, перестал существовать.

На такой результат никто не рассчитывал. Александр верхом подъехал к развалинам, привстал на стремена, пытаясь хоть что ни будь разглядеть в пыли. Сквозь непроницаемую пелену не видно ничего, ни один звук не доносится. Досадливо махнул рукой, дал шпоры, конь осторожно переступил каменную россыпь и рысью пошёл прочь.

Вернувшись, Александр приказал одному полку из шести, что готовились к штурму, осмотреть развалины. Остальным

совершить марш под стены второй крепости.

- Командир! - позвал ипостратиг тысячника, - смотри, осторожнее там, в развалинах. Как бы солдаты не ушиблись.

Раздался дружный хохот - окружающие оценили шутку.

Рано утром следующего дня жители второго города с ужасом наблюдали, как на расстоянии полёта стрелы от крепости ромеи устанавливают огромные камнемёты. Словно доисторические чудовища на деревянных колёсах, с громким скрипом, лязгом металлических частей, под рёв запряжённых в упряжки быков они медленно разворачивались в сторону городских стен. Оскаленные пасти ковшей тупо уставились на людей, собравшихся на стене. Женщины тихо плакали, прижимая детей, мужчины зло вертели в руках круглые смешные щиты из дерева. Некоторые пускали стрелы в ромеев, что суетились возле баллист. Солдаты предусмотрительно надели поверх брони на спину щиты, большие, прямоугольные, белого цвета с красным крестом посредине. Стрелы тыкались в железо щитов, сыпались на землю. Солдаты, занятые работой, равнодушно наступали на них, не обращая внимания на треск под ногами.

Наступила ночь. Работа кипела при свете смоляных факелов. Казалось, что в лагере ромеев никто не спит. Воздух разрывался от рёва быков, топота копыт, криков людей и животных. Облако непроницаемой пыли закрыло ромейский лагерь. После полуночи измученные, расстроенные люди покинули стены, остались только редкие часовые. Не отрываясь, смотрели они на бесчисленные огни костров, что тускло светили сквозь завесу пыли. Шум в лагере не стихал, к нему прибавился грохот сбрасываемых с телег камней. Пустые повозки разворачивались, уезжали обратно, гремя и лязгая на ухабах.

Погружённые в мрачные думы о завтрашнем дне, часовые не заметили, как сразу в нескольких местах на стену полетели верёвки с крючьями на конце. Ловкие люди в серой, неприметной одежде, сливающейся с цветом камня, быстро взобрались наверх. Раздалось несколько придушенных криков, глухо загудели стальные тросы арбалетов. Пробитые насквозь стражи на башнях молча свалились на камни. Серые люди тенями заскользили вниз, бесшумно убивая всех встречных.

Снаружи к тёмным крепостным стенам без единого звука приблизились колонны солдат. Обмотанные тряпками концы штурмовых лестниц бесшумно легли на край стены. Солдаты торопливо полезли наверх, не вытаскивая мечей, что б не мешали. Серая людская масса заполнила верх стены, поползла вниз. Там вспыхивали и гасли короткие злые схватки и вот уже вся стена занята. Через считанные минуты после тихого штурма

центральные ворота с душераздирающим скрипом медленно раскрылись. Громадная колонна солдат, в каждой шеренге по восемь человек, чёрной рекой потекла в спящий город, расползаясь по кривым улочкам щупальцами спрута.

Всё происходило молча. Какой-то петух вдруг громко захлопал крыльями, силясь взлететь повыше. Кое-как забрался на конёк крыши и что было сил заорал своё ку-ка-ре-ку!

Петушиный вопль послужил запалом, что взорвал ночную тишину. Рёв тысяч солдатских глоток в мгновение ока уничтожил безмолвие. Вспыхнули факелы, освещая нервным рыжим огнём улицы и дома, от них загорелись крыши. Звон разбиваемых окон, треск вышибаемых дверей, вопли - словно штормовая волна захлестнула город...

С рассветом всё кончилось. В городе не осталось ни одного целого здания, ни одного живого человека. Дома и склады разграбили, подожгли. Солдаты, нагружённые добычей так, что ноги подгибались, с проклятиями выбирались из горящих развалин...

Северные провинции империи окутал туман, темно-серые тучи закрыли нёбо. Холодные дожди сменились снегом, земля отвердела, воздух стал прозрачен и остр, как нож. Наступила зима и вместе с ней короткий, до вёсны, мир.

Александр, обласканный стратигом, получивший всё возможные награды и подарки, отправился в Константинополь. Дворцовая шушера встретила его, как античного героя, победившего злых богов. Эти дряни в человеческом облике зубами скрежетали за его спиной от зависти, но в лицо улыбались - к этому выскочке благоволил император. Всячески заискивали, льстили, дарили подарки, подсовывали половозрелых дочерей, красивых и не очень. Жёны сами вешались на шею, а мужья давали им советы, как покрепче зацепиться и за какое место.

Послушник Анатолий куда-то запропастился, незаметно исчез, но Александр не очень-то и огорчился, а по правде так и вовсе не заметил. Ему быстро надоели нравоучительные истории отца Анатолия, бесконечные рассказы о житии святых мучеников. Особенно доставали цитирования Экклезиаста. Вдобавок ко всему, послушник Анатолий не обладал красноречием, говорил коряво, запинаясь и заикаясь. Слушая его, Александр только улыбался, отворачиваясь или тихо злился, ожидая окончания очередного косноязычного повествования.

Зима прошла, как один нескончаемый праздник. Пиры, скачки, охота, состязания в стрельбе из лука, бросании копья или турниры - везде Александр был лучшим. Иногда смутно удивлялся, неужели так он хорош, а ромеи плохи? За что ни

возьмётся, всё получается лучше других. И женщины почему-то предпочитали именно его. Он уже забыл, когда спал последний раз один. Каждое утро, просыпаясь, обнаруживал женскую голову у себя на подушке. Тёмные, светлые, рыжие, с длинными волосами или короткими, менялись с необыкновенной быстротой и однажды, когда количество выпитого превысило всё мыслимые пределы, ему стало казаться, что у женщин лиц вообще нет. Есть только затылки в кудряшках, более менее светлых или тёмных, а лиц - нет!

Закончились рождественские праздники. Один, в роскошном загородном доме, Александр жил уже который месяц. Правильнее сказать, не один, а в постоянном окружении "друзей" и "подруг". Сегодня посреди ночи на него на краткий миг словно снизошло просветление или, наоборот, помутнение рассудка. Внезапно проснулся, пинками разбудил слуг, приказал запереть всё двери и никого не пускать. Когда слуги дрожащими голосами попросили уточнить, кого именно, аж зарычал - ни-ко-го! Уехал в неизвестном направлении и всё!

Вернулся в спальню величиной с конюшню, сплошь уставленную деревянными ящиками всевозможных размеров, расцветок и форм - мебель называется, сёл напротив громадного, в полстены, зеркала. В драгоценном куске плоского хрусталя, покрытого с другой стороны толстым слоем серебра, отразился он сам: мутные от беспробудного пьянства глаза, один открыт, другой только наполовину, серо-жёлтые волосы торчат во всё стороны, словно застыли в ужасе. Лицо, плоское, невыразительное, складки под глазами, рот как-то перекосился, будто у старика паралитика.

Взгляд опускается ниже. Бросается в глаза нагло выпирающий круглый живот с идиотски торчащим пупком, как писька младенца. Когда-то выпуклая от железных мышц грудь скрылась в волнах подкожного жира. Руки, по-бабьи мягкие и толстые, бессильно висят вдоль живота, словно использованные не по назначению мужские половые органы и оттого ни на что более не способные.

- Жаба ... - глядя на отражение в зеркале, произнёс Александр. В горле больно запершило, будто кошка когтистой лапой провела, сухо закашлял, сплюнул.

- Ж-жаба! - снова произнёс он, с ненавистью глядя на себя. Вскочил, дико закричал, схватившись за голову, словно она разрывается, а он пытается удержать рвущиеся половинки. Зашатался, упал на колени, потом стал на четвереньки. Зарычал, быстро оглянулся, как дикий зверь. Глаза на миг остановились на длинном двуручном мече, том самом, что когда-то нашёл на

берегу моря. Он незаметно стоял в изголовье кровати, на расстоянии вытянутой руки от подушки. Александр горько усмехнулся - ещё не забыл воинские привычки.

Бросился к мечу. Сверкающая полоса отточенной стали холодно сверкнула над головой. Коротко взвизгнул распоротый воздух. Подушка взорвалась пуховым вулканом, рассечённая пополам. Ещё взмах и кривоногий ночной столик красного дерева, что день и ночь источал экзотический аромат дальней неведомой страны, превратился в кучку деревяшек. Не останавливаясь, обрушил удар на следующую вещь, то ли сундук, то ли секретер, потом дальше ...

В считанные минуты спальня приобрела вид дровяного склада, где поработали пьяные до безумия дровосеки. Когда мутная пелена ярости спала с глаз, Александр подошёл к зеркалу. Его отражение не изменилось, он был всё таким же по-лягушачьи обрюзглым, но где-то далёко в глубине зеркала на краткий миг показался и пропал тот, прежний Александр.

- Ага, - хрипло произнёс нынешний, - понятно...

Подбежал к двери, пинком распахнул. По всему коридору, на полу застыли стоящие на коленях согнутые фигурки слуг. Они сбежались на грохот в спальне хозяина и теперь покорно ждали своей участи. Взбешённый непонятно от чего хозяин мог запросто зарубить всех, искалечить или выгнать на улицу. Ведь они не слуги, они просто рабы. Их можно даже кушать на завтрак или ужин по одному и никто не осудит за это. Рабы!

Александр с шумом выдохнул горячий воздух, меч непроизвольно пошёл вниз, звонко дотронулся кончиком лезвия мрамора пола, дёрнулся вверх. Медленно стекают тёмные капли, падают на белые мраморные плиты, растекаются лужицей - видно, разрубил винный ящик. И чёрт с ним...

- Вот что, - сказал тихо, почти вяло, - приказываю завесить тряпками всё зеркала в доме. Всё, поняли? Прежнего хозяина больше нет. А теперь идите спать.

До утра сидел у окна, тупо глядя на медленно светлеющее нёбо. Когда непроглядная тьма перешла в глубокую синеву и холодный рассветный ветер ледяными пальцами зашершавил кожу острыми пупырышками, поднялся, разыскал походную форму ромейского офицера, оделся. Забросил меч за спину.

Он медленно шёл по длинному коридору дома, что принадлежал ему как подарок императора. Картины, барельефы на мраморных стенах не мигая смотрели на него. Безглазые статую античных богов презрительно глядели в пустоту и казалось, что уголки мраморных губ брезгливо опускаются, как только он приближается. Подковы солдатских сапог нагло гремят

в ответ по полированным плитам. Многочисленные зеркала, в которые Александр любил как бы невзначай взглянуть, когда проходил мимо, тщательно завешены прислугой. С перепугу рабы укрыли чёрным вообще всё, в чём мог отразиться их хозяин и владелец.

Александр горько усмехнулся. Проходя мимо позолоченной статуи голой нимфы, не удержался, смачно харкнул в похотливо улыбающееся лицо. Сбежал по лестнице, кованые сапоги прозвенели весёлой дробью по мраморным ступеням, словно вражеские стрелы, что градом сыпятся с нёба на броню, пнул входную дверь и светлеющий мир распахнулся навстречу.

Он был готов к долгому ожиданию аудиенции у императора, но Василий принял его сразу, как только доложили. Оглянулся, поворачиваясь в пол-оборота, скупо улыбнулся:

- Ну, наконец-то ... Я уж думал, что не увижу прежнего Александра.

- Я только начал возвращаться, - ответил Александр, - но мне нужна помощь, ваше величество.

- Разумеется, вы её получите. Разведка тайной канцелярии докладывает, что болгары никак не успокоятся, снова готовятся к войне. Вам надлежит отправиться на Балканы, проверить состояние войск, подготовить и, не ожидая нападения болгар, начать упреждающие боевые действия.

Василий подошёл к разложенной на столе карте, медленно провёл рукой, словно сгребая невидимый мусор, сжал кулак.

- Конечно, лучше всего истребить подлое племя, так что б и памяти от них не осталось, да не получится. Приказываю убивать как можно больше, всех подряд, малейшее проявление жалости карать смертью!

- Так и будет, - склонил голову Александр.

Переход по холодному зимнему морю занял почти неделю вместо ожидаемых трёх дней. Дромон немилосердно трепал шторм, начавшийся сразу, как только белые стены Константинополя скрыл горизонт. С севера потянуло могильным холодом, злой борей завыл, засвистел снастями, парус растерянно хлопнул, полотняная грудь опала, поползла вниз, а потом выгнулась в обратную сторону. Матросы сноровисто убрали ненужный парус, сели за вёсла.

Медленно, словно на похоронах, дромон полз вперёд, перебираясь с волны на волну. Они методично били в носовой таран, каждый раз взрываясь тучей маленьких холодных брызг, которые встречный ветер злорадно швырял на палубу. Матросы скоро промокли с ног до головы и кожаные плащи не помогли. Опытный капитан приказал открыть бочку с крепким вином и

каждый час поить матросов, а на закуску давать свиное сало с мясом. Пьяные и сытые матросы играючи ворочали длинными тяжёлыми вёслами, так что те трещали и прогибались. Дромон упорно карабкался по горбатой воде и только когда начинало темнеть, капитан приказывал подойти к берегу. Плыть ночью, в абсолютной холодной тьме никто не хотел.

От постоянной качки, сырости и холода можно было одуреть. Что бы не сбеситься от безделья и непрерывного качания Александр охотно садился за весло. Он грёб, не замечая усталости, горящих от непривычной работы ладоней и ломоты в спине. Если в начале плавания он едва терпел боль, то уже через день она ослабела, сморщилась и только изредка напоминала о себе острыми уколами, всё реже и реже. Пил вино наравне с матросами, с удовольствием ел сало и мясо. Чувствовал, как с каждым днём из него уходит прежняя расслабленность, тело наливается силой, жёсткостью, даже голос стал другим - громким, отрывистым, а не таким, как раньше, бархатистым, переливчатым, с нотками томной усталости, словно у распаренной бабы после бани, тьфу!

Матросы, всё как на подбор здоровенные, жилистые, злые, вначале посмеивались над чудачеством столичного вельможи, от которого на версту разило душистой водой и притираниями. После шести дней трудного перехода они уже не смеялись. От вельможи пахло крепким мужским потом, розовое лицо заросло жёсткой щетиной, скулы обветрило. Лицо отвердело, взгляд стал острым, прицельным, как у воина. Дряблое тело, покрывающееся от лёгкого ветерка мелкими пупырышками, теперь блестело от пота, как отполированная сталь, спина и грудь бугрились мышцами, выпуклый животик провалился, на его месте теперь была плоскость, расчерченная ровными квадратиками мышц, словно шахматная доска. Длинные руки перевило канатами жил, они стали больше похожи на грубо оструганные вёсла, чём на руки. Бёдра сузились и больше не сотрясались при ходьбе, как студень на блюде.

Когда дромон только-только коснулся боком причальной стенки, Александр легко спрыгнул с палубы на доски причала, махнул рукой на прощание и бодро зашагал по грязной дороге к виднеющейся на горизонте крепости. Там его ожидал стратиг Михаил.

Капитан имперского дромона отдал последние команды на швартовку. Спустился по скользкой от воды лестнице с мостика. Подошёл боцман, он же старший абордажной команды. Лицо исполосовано шрамами, один глаз закрыт чёрной повязкой, спросил:

- Слышь, капитан, что за фрукт с нами шёл, а? Сначала вроде девки в штанах был, весь такой розовый, мяконький, у меня кое-кто посматривать стал на него, а воняло духами - фу, аж голова болела. Потом на вёсла сёл, грёб как чёрт морской, в рыло дал одному, другому - тем самым, что посматривали... Теперь вон какой гвоздь корабельный!

Капитан обернулся вслед уходящему, непроизвольно опёрся рукой на просмолённый канат, ругнулся.

- Чёрт, какого тут ... - раздражённо сплюнул сквозь зубы, но не в воду - дурная примета! - а на землю. - Слыхал я, большой человек он, вроде как ипостратиг, царь, бог и воинский начальник, второй после Михаила здесь, на севере.

- Вона как! - удивился боцман. - Ого, целый генерал веслом загребал возле меня! Да-а, я его матюгами крыл ... э-э ... подбадривал, а он ни разу не окрысился? Я думал, солдат простой.

- А может он и хотел в солдатской шкуре побыть? Примерился, каково простым-то служить ... да матюгов твоих послушал, запоминал небось ... ха-ха ... а теперь ... ха-ха ... взбодрит!

- Точняк, капитан, - согласился боцман, - ты прямо как в лужу смотришь. Пехота за зиму жирок нагуляла, отоспалась, отъелась, теперь потыкать рылами в грязь - самоё то, что б служба мёдом не казалась.

- Рад, дорогой друг, очень рад, - отрывисто произнёс Михаил при встрече, - вы к нам надолго?

- Пока война не кончится, - улыбнулся в ответ Александр.

- Тогда навсегда, - тоже улыбнулся Михаил, - садитесь к столу, сейчас поужинаем, а потом я введу вас в курс дела.

Ужин всесильного стратига был просто нищенским по сравнению с теми пирами, что закатывали столичные офицеры даже среднего звена. Состоял из обыкновенной курицы, зажаренной целиком на вертеле и большой глиняной кружки холодной воды.

Александр с удовольствием отпил громадный глоток ключевой воды, достал нож размером в локоть и одним ударом расчекрыжил раскалённую курицу пополам. Простая глиняная тарелка жалобно тренькнула и развалилась. Запах прожаренного со специями мяса вырвался наружу, горячей волной захлестнул, закрутил, завертел ... Голодный, как медведь после зимней спячки, Александр едва не зарычал от жадности. Схватил половинку, с хрустом выдрал ногу, проглотил, схватил остальное и молниеносно сожрал чуть не целиком с костями. Перечный жар опалил гортань, слёзы навернулись. Залпом выпил воду, немного

полегчало.

Поднял глаза. Стратиг сидит напротив, держит двумя пальчиками куриную ножку, аккуратно обёрнутую белой салфеткой.

- Вот чёрт, - усмехаясь, сказал Михаил, - я думал, ко мне столичная штучка приедет, боялся опозориться грубыми манерами. Вы, оказывается, умеете вести себя за столом. Эй, там... Принести красного вина, аджики, чёрного хлеба. Что ни будь ещё? - обратился к Александру.

- Ещё курицу, лучше гуся, - ответил тот, доедая вторую половину.

- О, да! Простите, я должен был сам догадаться.

Утром стратиг представил нового командующего офицерам, солдатам, после чего Александр отправился в инспекционную поездку. В дороге, утомительной и опасной, прошла неделя. По возвращении на военном совете было решено начать подготовку к летнему наступлению немедленно. По плану, составленному Александром ещё в дороге и утверждённому стратигом, войскам надлежало приступить к обучению, не ожидая сухой погоды, чего раньше никогда не было. Отныне в любую погоду со всеми проводилась тренировка в полной боевой выкладке. Александр поставил в строй всех, даже маркитантов, мотивирую тем, что и они могут оказаться в гуще сражения в любой момент. От занятий освобождались только лежачие больные. Те, кто мог двигаться, обозначали противника на поле боя.

В канцелярию стратига посыпались жалобы. В войсках служило немало отпрысков аристократических семей из Константинополя. Большая часть только числилась, а на самом деле были дома. Александр приказал доставить всех, при отказе пригрозил доложить императору, а тот в таких случаях немедленно отдавал виновного под суд и тогда потомственному аристократу могли и голову срубить.

На всех письменных жалобах стратиг писал резолюцию - генералу Александру разобраться в соответствии с законами империи. И тот разбирался - треть жалобщиков была разжалована в солдаты в полном соответствии с военным кодексом Юстиниана в толковании ныне здравствующего императора Василия. Жалобы прекратились.

Михаил поднялся на стену крепости, прошёл до ближайшей башни, по лестнице вышел на площадку под крышей. Перёд ним раскинулось бескрайнее поле. Гладкая, без единого деревца, равнина сплошь занята войсками. Большие, в несколько тысяч, и маленькие, в сотню человек, фаланги пехоты передвигались по полю, как шипастые железные черепахи, с грохотом сталкивались,

расходились. Одни быстро перестраивались в круг, другие становились клином или подковой. В ещё по-весеннему прохладном воздухе стоит непрерывный гул от тысяч марширующих ног, сотен голосов офицеров. Так было ежедневно, с перерывом на обед. Принимали пищу в поле, на земле. Александр запретил кушать в палатках, за столами. Каждая сотня готовила себе обед на походных котлах, её потом раздавали солдатам и офицерам в котелки. Занятие шли с раннего утра до позднего вечера, на шестой день недели разыгрывалось учебное сражение. Ромейское войско делилось пополам, одна часть наступала, другая оборонялась. Специально для учебных сражений Александр приказал каждому воину изготовить деревянное оружие.

Сражались всерьёз. Солдаты лупили друг друга деревянными палками со всей силы, так что потом кузнецам ремонтникам приходилось выправлять мятые доспехи. Синяки, шишки, кровавые ссадины были у всех. Иногда, разозлённые неудачной схваткой, брались за мечи и тогда начиналось настоящее побоище. Что бы хоть как-то избежать потерь при таких драках, а лучше пресекать их в самом начале, Александр вынужден был организовать из наиболее подготовленных и сильных солдат особый отряд военной полиции. Они следили за порядком в лагере и на учебном поле, их требованиям обязаны были подчиняться всё. Любое неисполнение каралось сразу и жестоко - провинившегося рубили мечами. Офицеров арестовывали, отправляли на разбор к Александру, а от него в крепостной карцер, на хлеб и воду.

Стратиг не вмешивался. Он был старым воякой и хорошо понимал - чём больше пота проливает солдат в учении, тем меньше крови прольётся в сражении. Мало того, он настаивал на ещё более жёстком режиме обучения, но об этом никто не знал - свои требования стратиг излагал только Александру. Для всех остальных он старался казаться добродушным, немного по-солдатски грубоватым дяденькой, который изо всех сил сдерживает жёсткого и безжалостного генерала Александра, столичного выскочку. Такая игра в злого и доброго давала отличный результат - и Михаил, и Александр были прекрасно осведомлены о настроении солдат и офицеров.

Кроме того, императорские соглядатаи, коих в избытке было в приграничной армии, регулярно отправляли доносы в столицу, где описывали всё, что знали и видели. Император был очень доволен. Василию было совершенно всё равно, где и как обедают солдаты. Главное - армия напряжённо готовиться к летней кампании против болгар.

Вскоре час "х" наступил. Лазутчики, которых стратиг буквально стадами посылал вызнавать всё, что творится у болгарского царя, донесли, что один из вождей кочевников, выходец из волжской Булгарии, собрал под свои родовые знаки всех желающих пограбить. Насильно согнал в войско местных славян, невзирая на то, что скоро сев, в деревнях каждый работник на счёту.

Хан собирался обойти крепости ромеев и неожиданно напасть на богатые купеческие поселения на берегу моря. На военном совете, состоящим из Михаила и Александра, решено было не ожидать выступления болгар, а самим выйти навстречу.

Александр попросил сутки на подготовку. Солдатам спешно отремонтировали снаряжение, побитое в учебных боях, пополнили походные запасы продовольствия. Для быстроты передвижения Александр приказал собрать всё повозки в округе. Солдат сажали так плотно, что лошади могли двигаться только шагом. Даже немногочисленной коннице приказано было посадить пехотинцев по одному к каждому всаднику.

Войско ромеев вышло не на рассвете, как было принято, а ночью. Строго настрого запретили разводить костры, громко разговаривать и вообще шуметь. Уходили молча.

Марш длился два дня без перерыва. Лошади валились от усталости, солдаты тихо роптали, но Александр продолжал вести людей вперёд и лишь когда передовые дозоры вышли на рубеж плоских холмов, где предстояло дать бой кочевникам, генерал дал короткий отдых. Он знал, почему следовало так торопиться. Кочевники обладали одним очень серьёзным преимуществом перёд имперской армией - подвижностью. Слабо вооружённое, недисциплинированное войско булгар было на конях. Обозов в поход никогда не брали, жили за счёт грабежа местного населения. Этим достигалась необыкновенная подвижность и быстрота. Александру было необходимо перерезать путь, по которому двигались кочевники. Если опоздать - конница уйдёт в степь, рассеется и неповоротливое войско ромеев ничего не сможет сделать.

Дозоры докладывали, что горизонт чист, пыли, которая выдаёт передвижение больших конных масс, не видно. Александр слёз с коня впервые за двое суток, сёл на траву. Подбежал вестовой, хотел было спросить что-то - Александр отмахнулся. До позиций осталось несколько вёрст, к ночи его солдаты займут их. Он посидел ещё немного, поднялся, свистом подозвал коня. Во всём теле чувствовалась избыточная сила, словно не было трудного марша, волнения, что булгары прознали про ромеев и ушли раньше, что он уже опоздал. С места, будто сам кочевник,

вспрыгнул в седло, не касаясь стремян. Обернулся к свите, махнул рукой. Тотчас конные посыльные бросились в разные стороны, поднимать людей.

Едва рассвело, Александр был на ногах. Его разбудил посыльный передового дозора. Старший доложил, что лагерь булгар полон людей, войско ещё даже не выступило, но вот-вот поход начнётся.

Генерал улыбнулся, едва раздвигая уголки плотно сжатых губ. Глаз на мгновение широко раскрылись, холодные, жестокие, как у степного волка и тут же сузились. Взглянул на посыльного. Тот стоял, держась рукой за центральный шест шатра, что бы не свалиться от усталости. Он почти сутки скакал без остановки, перепрыгивая с одного коня на другого на полном скаку. Коней загнал едва не до смерти, на них теперь только воду возить и то по не многу, сам чуть живой.

- Молодец, солдат, - скупо похвалил Александр, - иди, отдыхай до вечера, потом обратно. Награды будут, когда победим.

Быстрота на марше принесла первые плоды. Хорошо отдохнувшие солдаты принялись без спешки строить деревянные заграждения, углублять и расширять маленькие овраги, вымоины. На кустах и деревьях обрубали ветки, что бы оставалась палка с острыми кольями, рядом втыкали ещё. Так получалась полоса заграждений, сначала одна, затем вторая. Каждый ромейские пехотинец обязан носить при себе так называемые терибулы - железные шипастые шары. Их разбрасывали перёд строем пехотной фаланги. Лошади противника наступали на них, ранили ноги, начинали беспорядочно метаться по полю, стремясь избавиться от всадников. Подобная тактика была достаточно эффективной только если терибулов много, поэтому каждый солдат носил с собой не менее двух дюжин.

Третью линию обороны составили повозки, которые вдобавок ещё и связали верёвками. Склоны холмов подрыли, что бы кони противника не могли пройти. На плоских вершинах Александр хотел поставить немногочисленную конницу. Таким образом, получалась западня. Кочевники должны были ударить в центр и завязнуть в обороне пехотных фаланг, после чего конница наносит фланговые удары и сражение выиграно.

Хотя времени оставалось ещё немало, Александр торопил - войско кочевников очень мобильно, дозоры могут просто не уследить или не успеть вовремя доложить, тогда внезапный удар по неподготовленной обороне, прорыв и ищи ветра в поле. Его опасения оправдались.

Работы подходили к концу, солдатам разрешили отдохнуть

после обеда. Александр лежал на свёрнутом в тюк полотнище своего походного шатра, как раздался грохот копыт. Конь коротко заржал прямо над головой. Александр вскочил, выхватил меч, намереваясь ударить.

- Остановитесь, генерал, у меня срочное сообщение вам! - крикнул всадник. Конь поднялся на дыбы, попятился назад, передние копыта замелькали в воздухе.

- Тьфу, чёрт незаметный ... - выругался Александр, опуская меч, - что там у тебя?

- Болгары идут, - торопливо выпалил посыльный, - на горизонте облако пыли, приближается!

- Уверен? - переспросил Александр, - может, стадо коз или коров пастухи гонят.

- У коров рога не сверкают железом. Всё наши конные разъезды возвращаются, - уверенно ответил всадник.

- Ладно, ступай... Ну, - обратился он к подбежавшей свите. Хотел было обозвать болванами за то, что посыльный так внезапно появился и никто его не остановил, но не стал, устали всё, - по местам. Мы хорошо поработали, хотя успели не всё. К бою!

В лагере ромеев взревели сигнальные трубы.

Когда передовая сотня булгар приблизилась к ложбине, воины увидели строй солдат, неровный, вытянутый в обе стороны, так что фланги упираются в пологие склоны. На холмах неподвижно стоит ромейская конница, худшая в мире. В толпе воинов послышались смешки, выкрики, кто-то громко испортил воздух, вокруг довольно заржали люди и кони. Командир сотни, молодой булгарин, выехал вперёд. Не слезая с лошади, ловко скрестил ноги под собой, как будто на ковре сидит, а не в седле. Во рту торчит соломинка, челюсти медленно движутся, пережёвывая кончик. Правой рукой поглаживает узкую чёрную бородку клинышком.

Тёмные глаза внимательно осмотрели поле, но ничего подозрительного не увидели. Ромеи по своему обыкновению тупо стали в тройную линию, как всегда рассчитывая отразить атаку конницы длинными копьями, упёртыми в землю. Затем ромейские конники, что в седле как следует сидеть не умеют, со смешными криками кинутся во фланговую атаку.

Сотник выплюнул травинку, презрительно харкнул ещё раз.

- Эй, кто ни будь там! - крикнул, не оборачиваясь, - слетайте к хану, скажите, что ромейские дураки приготовили шеи для наших арканов. Я могу сам выдрать хвосты этим петушкам, но может быть, хан изволит взглянуть на них неощипанных.

Воины буквально согнулись в сёдлах от смеха. От хохота

лошади заволновались, стали перебирать копытами, встряхивать гривами. Один из ветеранов, давясь от смеха, послал самого молодого воина в сотне, почти подростка, навстречу основному войску, доложить хану. Пацан умчался, со всех сил нахлёстывая коня - торопился потешить вождя.

Воины отсмеялись. Кто-то затянул песню, некоторые достали сабли, начали демонстративно точить, поглядывая на ромеев. Другие доставали из седельных сумок кожаные мешки для сбора всяких драгоценных безделушек, золотых монет и наконечников для стрел. Несколько удальцов подъехали ближе, в руках появились короткие степные луки. Такое оружие не отличается хорошей убойностью, но оно удобно для стрельбы на скаку. Пустили несколько стрел. Острое железо с силой ударило в бело-красные щиты, бессильно свалилось на траву. Строй солдат не шелохнулся. Выстрелы повторились, один лучник, наглея, подскакал ближе, пустил стрелу. Подъехал ещё, шагов на двадцать. Не торопясь, тщательно прицелился. Плетёная жила тетивы с едва слышным скрипом натянулась почти до уха. Ещё мгновение и стрела сорвётся в смертоносный полёт...

В неподвижном строю ромейской пехоты мелькнула рука в латной перчатке, воздух рассекло тихим свистом и короткий дротик пробивает лучника насквозь. Всадника отбросило назад, он завалился на спину, одна нога выпала из стремени и тело нелепо повисло. Лошадь равнодушно затрясла головой, отгоняя кусачих насекомых, неторопливо побрела обратно, ближе к подругам в стаде. Мёртвое тело тащится по земле, от тяжести лошадь чуть перекашивает на бок.

Воины недовольно закричали, требуя немедленно атаковать наглецов, что посмели защищаться от их стрел, но сотник властно поднял руку, требуя тишины. Опустил ноги в стремена, внимательно вгляделся в строй ромеев. Солдаты стоят твёрдо, частокол длинных копий недвижим, словно крепостная стена. Он не видел лиц ромеев, слишком далёко, но почувствовал уверенность. Любой человек волнуется перёд боем, это же смертельная схватка. Только сумасшедшие не боятся смерти, а те, что бахвалятся бесстрашием, просто врут.

Солдаты действительно не боялись, он чувствовал. Они спокойно ждали начала сражения, как будто это посевная или сенокос. Какой-то неприятный холодок появился под ложечкой, стал расползаться в груди. Что-то тут не то...

Сотник не успел ничего сказать или сделать, за спиной раздался нарастающий грохот тысяч копыт, земля мелко задрожала. Обернулся - приближается основная часть булгарского войска, десятки тысяч воинов. Сомнения, опасения разом

испарились, он с облегчением вздохнул, махнул рукой, давая знак приготовиться к атаке.

Булгарская конница на рысях подошла на расстояние четверти километра до строя ромеев, перешла в галоп и вот уже вся огромная конная масса несётся во весь опор на слабенькую фалангу ромейской пехоты. Мгновение до сокрушающего удара вдруг превратилось в бесконечность. Для всех, вступающих в бой, время потекло быстрее и удивительно! - медленнее. Словно раздвоённым сознанием каждый понимал, что вот-вот столкнёмся, мы погибнем, но это не важно, важен именно этот момент перехода от жизни к смерти...

Так думали всё - те, кто летел в атаку, и те, кто ожидал её.

Время не замедлилось, нет. Это жизнь потекла быстрее, чём обычно. Потому что вот-вот оборвётся.

Когда до столкновения остались считанные метры, длинные копья разом опустились, но не навстречу противнику, а назад. Солдаты повернулись спинами к налетающей коннице, строй сдвоился, то есть солдаты зашли за спину друг другу и ... со всех ног бросились бежать! Передние ряды конников, что видели это, восторженно закричали, предвкушая скорую победу, но крики смолкли - глазам открылась сплошная линия тяжёлых возов, что стоят вплотную друг к другу. Солдаты пробежали в узкие проходы - ни один не замешкался! - и вместо проклятых ромеишек, которых булгары собрались изрубить в капусту, перёд ними оказались простые крестьянские телеги.

Никто уже не успевал остановиться, оставалось только попытаться перепрыгнуть неожиданное препятствие, но каждый с холодком в душе понимал - вряд ли, слишком высоки борта, а лошади под ними самые обычные, не арабские скакуны.

Смолкли крики. Вал из людей и коней с тяжким грохотом приблизился, ударил, словно приливная волна. Колёса с треском подломились, телеги поволокло по земле, некоторые встали на бок, потом перевернулись. Напор живой массы был страшен. Люди и кони смешались в чудовищную живую материю, которая, словно вулканическая магма, течет по земле, всё поглощая. Телеги, частоколы, ямы с кольями на дне залило этой магмой. Потрясённые увиденным ромеи невольно попятились назад. Фаланга пехоты отступала, медленно, шаг за шагом, пока не была остановлена командирами. Солдаты опустили копья, закрылись щитами, приготовились встретить атаку тех, что ещё живы.

Александр наблюдал за сражением с холма. Рядом расположился конный отряд, который должен ударить в последний, решающий момент битвы. Хорошо видно, как пехота умело провела манёвр по уходу от прямого удара конницы и

скрылась за линией возов. Очень сложно выполнить такой манёвр, да ещё в самый последний момент, но бесконечные изнурительные занятия, после которых солдаты ног не чуяли и проклинали всё на свете, особенно того, кто всё это придумал, дали результат - пехота буквально просочилась сквозь линию заграждений и удар булгарской конницы пришёлся по телегам.

Всём стало не по себе, и солдатам и офицерам, когда на их глазах живые превращались в кровавое месиво. Людей и животных живьём перемешало в страшной мясорубке. С переломанными костями, ногами, руками и спинами, живые существа дико кричали, придавленные сверху такими же умирающими. По ним торопливо карабкались другие, спеша на встречу со смертью. Кони последних рядов не скакали, шли шагом, по колена проваливаясь в кровавый фарш. Через овраги, до верха заваленные людьми и животными, перебирались пешком. Коней вели на поводу, они не хотели, упирались, их тащили изо всех сил, пока сами люди не проваливались едва не по пояс в живое.

Две трети наступающих погибло или покалечилось в страшной давке на линии заграждений. Те, что сумели выбраться из кровавого месива, представляли разрозненную толпу потрясённых и измученных людей. Оставшиеся в живых командиры стали собирать воинов в какое-то подобие строя. Растерянные, обессиленные от всего увиденного люди начали сбиваться в кучки, многие потерянно разбредались по полю, просто не понимая, что произошло.

Воздух потемнел от пыли, тяжёлый запах раздавленных тел давил на лёгкие, мешал вдохнуть полной грудью. Из массы живых и мёртвых ещё слышались крики, стоны и было непонятно, люди это или лошади...

Когда Александр увидел, что булгарские воины начинают кое-как собираться в строй, поднял руку в латной перчатке, на мгновение задержал и резко опустил. Громко взревели сигнальные трубы, над притихшим полем раздались команды и бело-красная фаланга двинулась вперёд. Несколько тысяч человек маршируют в ногу, фаланга идёт как одно живое существо, конные отряды по бокам образуют окончания подковообразного строя.

Последовало несколько разрозненных атак, булгары в отчаянии бросались на выставленные копья и гибли. Ровный строй бронированной пехоты словно гигантский каток подминал под себя всё живое на поле боя. Остатки булгар постепенно сбились в кучу и толпа, недавно бывшая строем, отступала и отступала, пока не упёрлась в ту кровавую кашу, что осталась от

конницы после удара по заграждениям.

Что бы спастись, булгары стали карабкаться на горы трупов, бросая оружие и доспехи. Люди, потерявшие головы от страха и потрясения, лезли по мёртвым и живым, цепляясь руками за торчащие сломанные кости, пробитые головы. Куски мяса с тихим омерзительным треском отрывались от ещё тёплых трупов, люди валились вниз. Кровь не успевала впитываться в землю, собиралась в большие лужи, в эти лужи сверху падали люди и брызги взлетали до хмурых облаков.

Александр вынужден был приказать фаланге остановиться. Конные отряды бросились вперёд, обошли завал и ударили с боков, как и планировалось. Отдав распоряжение перестроить пехоту в колонны и выдвинуться вперёд, Александр поскакал вместе с конницей. Через несколько сотен шагов в тревоге остановился. Оказалось, что значительная часть булгар успела остановиться и теперь перёд малочисленной ромейской конницей стоит войско, в несколько раз превосходившее её в численности.

Александр колебался мгновение. Отступать некуда - позади вал из трупов на собственных заграждениях, пехотная фаланга только перестраивается, что бы обойти, потом будет опять строиться. Прямо перёд ним - враг, превосходящий его по силам в несколько раз. Ну и что? Этот враг растерян, в страхе не знает, что делать, ему кажется, что его уже победили. Эта растерянность продлится мгновения, потом опытные воины успокоятся, придут в себя и тогда ему, Александру и его солдатам конец.

Александр выхватил меч, встал на стремена, обернулся.

- Солдаты! Враг растерян, он боится! - крикнул он изо всех сил, - вперёд, ещё немного и мы победим!

Так получилось, что именно в этот момент наступила тишина, когда противники, внезапно оказавшиеся лицом к лицу, растерянно смотрели друг на друга. Голос Александра громом прогремел над полем, его услышали всё, и свои и чужие. Ромеи, дисциплинированные и опытные солдаты, без колебаний бросились в атаку вслед за командиром. Александр только услышал приглушённый грохот множества копыт за спиной. Его догнали и он оказался в нечеловечески ровном конном строю щитов и копий. Ещё мгновение, успел только выставить щит, как две массы людей и коней столкнулись.

Сила, уверенность в победе, помноженные на скорость смели первые ряды булгар. Ромейская конная фаланга врезалась в толпу растерянных кочевников, словно скала сорвалась с обрыва и, как волны от удара по воде разбегаются во всё стороны, полетели волны страха. Шум от столкновения, звон оружия и крики услыхали всё. Никто не знал истинного количества ромеев, но всё

поняли - они не боятся. Растерянность переросла в страх, кочевники один за другим стали разбегаться.

Те, кто принял удар конной фаланги, ещё пытались сражаться. Ромеи бились молча, словно считали ниже своего достоинства выкрикивать угрозы, как обычно бывает в сражении. Даже ромейские кони не ржали, а молча грызли степных лошадок, как волки и отчаянно лягались.

И булгары сдались. Началось медленное отступление. Шаг, затем другой, потом кто-то не выдерживал, бросался бегом прочь, за ним другие и вскоре отступление превратилось в повальное бегство. Страх имеет свойство передаваться от человека к человеку и чём больше вокруг боящихся, тем труднее не поддаться. Страх растёт, усиливается, в определённый момент словно прорывает некую плотину и тогда начинается паника. Обезумевшие от ужаса люди мечутся, кричат, хватают всё подряд, бросают и бегут, бегут кто куда...

Так получилось и здесь. Булгар охватил панический ужас, воины бросились наутёк, бросая оружие, срывая на скаку броню, что бы легче скакать. Огромное поле покрылось сплошной массой бегущих в панике людей, а за ними гнались малочисленные отряды конных ромеев, удивлённо и весело.

Когда западная половина нёба порозовела, сражение закончилось. Всё поле усеяно убитыми и ранеными, между ними бродят солдаты, собирая трофеи. Ромеев среди убитых почти не было, как и раненых. Убитых полтора десятка, ещё столько же легко покалеченных и всё. Когда Александру доложили, он не поверил, приказал проверить. Проверили - всё так. Раненые были на ногах, никто не лежал в окровавленных повязках, не стонал. Наоборот, смеялись, весело рассказывая, где и как поцарапался.

Победа была полной.

Потом были ещё бои, сражения, новые победы. К середине лёта основные силы кочевников были полностью разгромлены, разрозненные отряды всё ещё кочевали по северо-западным провинциям империи, но это были обычные бандитские шайки, с которыми легко справлялись ромейские гарнизоны. Угроза серьёзного вторжения была ликвидирована.

Авторитет Александра в войсках стал почти абсолютным. Воины буквально боготворили своего генерала, который умёл побеждать почти не теряя людей. Всё распоряжения Александра выполнялись беспрекословно, дисциплина и подчинение были полными.

Стратиг Михаил отнёсся к такому положению на удивление спокойно. Он совершенно равнодушно смотрел на стремительный взлёт карьеры своего подчинённого и совсем не боялся, что тот

займёт его место. Нашлось немало негодяев, что стали настраивать его против Александра, а того, наоборот, подговаривать чуть ли не к заговору против стратига.

Если Михаил отмахивался от нашёптываний, то Александр не обладал такой выдержкой. Однажды, когда интриганы достали, приказал арестовать всех говорунов, посадить в яму. Александр, будучи достаточно хорошо знакомым с обычаями ромеев, собственноручно написал донос императору о возможном заговоре против божественной особы. Заговорщиками назвал тех, что сидели в яме. Через десять дней из Константинополя пришёл ответ из канцелярии императора. В письме выражалась благодарность за своевременное разоблачение преступников и предлагалось самому решить их судьбу. Александр тут же приказал отрубить всём головы.

Стратиг долго хохотал, когда доложили о происшедшем. Он хорошо знал, почему Александр не станет гнаться за властью - она не нужна ему. Ещё при первой встрече Михаилу бросилось в глаза полное равнодушие русского к чинам и званиям. Он каждый раз удивлённо поднимал брови, когда слышал подобострастные рассуждения о наградах, чинах, должностях. Откровенно смешило стремление окружающих добиться внимания начальства. Стратигу понравилось, что этот варвар разговаривал с ним, наместником императора спокойно, без подобострастия, с обыкновенным человеческим уважением. А когда Михаил узнал, что Александр, так высоко поднявшийся в Константинополе, всё бросил и уехал, то окончательно поверил, что этому русичу глубоко плевать на чины.

Александр действительно не желал занять место стратига и стать почти неограниченным властелином северо-западных провинций, но он учитывал нравы ромеев. В каждом докладе стратигу он подчёркивал, что победы достигнуты благодаря руководству Михаила. Тот читал, посмеивался и отправлял доклады императору с приписками, в которых подчёркивал, что победы достигнуты благодаря мудрым указаниям императора Василия. Так делали всё в империи, это было нормой и даже правилом хорошего тона.

Так прошла осень, потом зима. С наступлением вёсны ромеи стали готовиться к новой войне с болгарами и, как только земля подсохла, армия выступила. Император Василий, для которого болгары и всё связанное с ними было глубоко ненавистно, приказал начать новую войну, цель которой - сжечь как можно больше болгарских городов, как можно больше убить болгар. В приказе на начало кампании недвусмысленно предписывалось - уничтожать всех, кто говорит на болгарском языке. Малолетних

детей следовало отправлять вглубь империи в специальные лагеря, в которых из малолетних болгар делали стопроцентных ромеев.

Подобная практика была очень широко распространена тогда, да и много позже с успехом применялась теми, кто в конце концов уничтожил Восточно-Римскую империю - турками. Элитные войска турок, янычары, будут комплектоваться отуреченными славянами.

Империя вступала в новую войну. Южная Европа в который раз становилась театром военных действий.

В армии Александра было много священнослужителей. Их роль очень велика, без участия священника не начинали ни одно мероприятие. Духовник Александра, отец Анатолий, давно покинул его, ещё когда Александр вернулся в Константинополь. Как-то незаметно исчез, пропал, а Александр не обратил внимания. В то время его интересовали совершенно другие дела, не духовные. Но судьба ещё раз свела их вместе.

Как-то раз, когда очередное сражения с болгарами закончилось победой ромеев, Александр со свитой посыльных, телохранителей и просто подхалимов, которые всегда толкутся возле сильного человека, объезжал поле битвы. Раньше он никогда так не делал, но сегодня непонятно почему выехал в поле.

Далёко впереди, на пределе видимости, темнеет полоска леса. В нём скрылись остатки болгарского войска. Преследовать не стали - Александр хорошо знал, что такое дремучий лес и как в нём воевать. Огромное поле, пересечённое в нескольких местах неглубокими оврагами, усыпано убитыми. Ромеи уже собрали своих, оставались только болгары.

Трупы лежали в самых разных положениях - на спине, на груди, некоторые сидели, прислонившись к воткнутому в землю мечу или копью. Всё убиты ударом в грудь или голову. Ран на спине ни у кого. Это значило, что каждый сражался до последнего и пал в битве, а не удирая с поля боя. Убитые страшно порублены, глубокие раны от ромейских мечей рассекали тела едва не пополам, головы разбиты так, что мозги вытекли с кровью и застыли грязными серыми комками, словно маленькие сугробы талого снега.

Там и тут валяются отрубленные руки, ноги и везде кровь, густая, коричневая, как кофейная гуща. Вбитая в землю трава залита этой страшной гущей, кое-где уже схватившаяся коркой. Запах бойни, густой, тяжёлый, заполнил всё поле, будто вода в половодье.

Конь под Александром часто тряс гривой, фыркал и заметно

нервничал. Ступал очень осторожно, обходя трупы. Возле мёртвых лошадей начинал дрожать, шёл стороной и не слушал поводьев.

Тучи воронья кружатся над страшным полем, от непрерывного счастливого карканья звенит в ушах. По земле тут и там шныряют юркие тени. Это лисицы и волки спешат покушать свежего человеческого мяса. Оно скоро протухнет, будет не то.

В ушах звенело не только от вороньего карканья. Сопровождающие наперебой, взахлёб говорили и говорили о великом полководческом таланте Александра, гениальном предвидении и точных расчётах. Само собой, незримое руководство божественного императора Василия сыграло первую роль, он точно угадал, кого поставить во главе ромейского войска, но Александр - военный гений, несомненно...

Александр, не скрываясь, морщился, отворачивался. Руки чесались от желания дать по голове болтунам, но приходится терпеть.

Его внимание привлекло какое-то движение на поле. Удивился - неужели есть живые! - посмотрел внимательнее, даже привстал на стремена.

Далёко впереди два человека в странном одеянии до земли, очень похожие на священнослужителей, медленно идут по полю, иногда наклоняются, что-то делают, потом идут дальше. Александр знал, что команды сборщиков трофеев уже прошли, разве какие запоздалые мародёры ищут добычи?

Лёгонько ткнул шпорами в конские бока, потянул повод в сторону. Конь послушно направился к людям, высоко задирая голову - запах крови не так чувствуется. Сопровождающая свита двинулась следом. Хор подхалимов и блюдолизов не умолкает.

- Заткнитесь! - рявкнул Александр, не оборачиваясь. Голоса за спиной как обрезало. Подъехал ближе. Один из двух неизвестных встал во весь рост, обернулся и Александр сразу узнал. Это бывший духовный наставник, тот самый послушник по имени Анатолий.

- Здравствуй, отец Анатолий, - холодно произнёс Александр, хмуро глядя с высоты конской спины, - дела у тебя какие здесь или просто гуляешь?

Сзади угодливо засмеялись.

Послушник обернулся, поднял голову. Неторопливо поднёс ладонь к лицу, словно прикрылся от солнца. Скорбно взглянул в глаза.

- Здравствуй, сиятельный Александр, - печально сказал Анатолий. - Разве поле брани с место для прогулок? Я с братом ищу живых, что бы помощь оказать. А что делаешь здесь ты?

- Смотрю... - начал было высокомерно отвечать Александр, но вдруг запнулся. А действительно, что? Сражение выиграно, солдаты собрали добычу, войско пьянствует, доклад стратигу Михаилу отправлен гонцом. Доносы императору от соглядатаев тоже.

- Смотрю на победу, монах, - ответил генерал, небрежно опираясь на луку сёдла, - империя побеждает своих врагов!

- Я не монах, - тихим голосом поправил Анатолий, - послушник я, монашеского чина ещё не достиг.

Он печально взглянул в глаза Александру, едва слышно произнёс:

- Империя побеждает врагов, которых плодит сама.

Александр смешался, не нашёл, что ответить. Зато из-за спины раздались возмущённые выкрики - блюдолизы обладают исключительно тонким слухом!

- Да как ты смеешь, оборванец! Ты даже монахом быть не достоин, а обсуждаешь деяния божественного императора? Да тебя четвертовать мало, собака!

Генеральская свита гавкала на разные голоса, точно стая шакалов.

- Тихо! - поднял руку Александр, - этот человек будет наказан за дерзость, но сначала я желаю поговорить с ним. Вы всё, - обернулся к свите, - отправляйтесь в лагерь.

Всадники послушно стали разворачивать коней. Всём уже давно надоело дышать кровавыми испарениями, трястись в жёстком седле. Куда лучше пировать в шатре в компании друзей и доступных подруг, которых понаехало видимо невидимо.

Разноцветное облако страусиных перьев на сверкающих шлемах колыхнулось, словно под порывом ветра. Золотые и серебряные украшения доспехов ослепительно блеснули на солнце, многочисленные драгоценные камни залпом отстрелили солнечные зайчики во всё стороны, негромко зазвенело оружие, конская сбруя - кавалькада всадников развернулась, направилась в сторону лагеря. Сначала медленно, будто неохотно - что подумает генерал! - потом быстрее и вот уже кони скачут во весь опор прочь от кровавого поля, где травы не видно под трупами.

- Разве у тебя есть брат? - спросил Александр, едва свита удалилась.

- Брат в едином Боге, - ответил Анатолий, показывая глазами на спутника, который, совершенно не обращая внимания на окружающих, продолжал осматривать убитых. Показалось, что один ещё жив. Склонился над раненым, достал тряпки, кувшин с водой, принялся обрабатывать рану, перевязывать.

- Какой ещё единый Бог? - удивился Александр, - раньше ты

говорил о братьях во Христе.

- То когда было, - тихо ответил послушник, - теперь я мыслю иначе. Как-то встретил одного прохожего. Разговорились. Оказался он мусульманином. Ну, я было воспылал... прибить хотел поганого. Уже замахнулся посохом. В голову целил, чтоб сразу мозги в стороны. Гляжу, а он стоит смирно и смотрит на меня так, как будто жалко ему меня. Я посох опустил - ладно, думаю, успею ещё. Стал дальше разговаривать. Долго это было, он по-гречески плохо понимает, а я по-арабски туго. Кое-как разобрался. Оказывается, он дервиш. Так арабы называют бродячих мудрецов.

- Какая мудрость может быть у бродяги? - усмехаясь, перебил Александр, - мудрость в храмах, у учёных людей. А этот небось и двух букв не напишет, только туману напускает. Видал я таких мудрецов.

- Не скажи, генерал. Я вот Священное писание только немного знаю, а он свой Коран наизусть знает.

- И как ты это определил, если арабского не знаешь? - ехидно поинтересовался Александр.

- Я ж говорю, разобрался. Он у меня по-гречески выучился, а я у него по-арабски понимать стал. Не всё, конечно, но мудрость мыслей записанных видно. Он такой же человек, как я или ты, мыслим мы одинаково. Долго мы с ним спорили, обсуждали всякое, чуть до драки не дошло. И понял я, что всё мы под одним Богом ходим, только разговариваем с ним на разных языках. Мы кланяемся кресту да иконам, они священной Каабе на востоке. И то и другое есть только обозначения Бога. И вот что удивило меня более всего - их Бог тоже не велит убивать, красть, прелюбодействовать, поклоняться идолам. Их Бог такой же, как наш. Только говорит он на другом языке. И это правильно. Ведь когда рухнула башня Вавилонская и люди заговорили на разных языках, не мог Бог говорить со всеми одинаково. С каждым народом Бог разговаривает на его языке, а мы, глупые, думаем, что это другой бог, неправильный. И каждый народ по-своему говорит с Богом. Ведь мы даже одеваемся по-разному, хотя живём на одной земле. Кушаем один хлеб, но печём его всяк по-своему. Вот так и Бога мы видим не одинаково, а он-то один! Смотрит с небес, как мы, дураки, друг дружку режем, огорчается. Ждёт, когда поумнеем.

- Так, так, - усмехнулся Александр, - ну, а вы двое, раз не убиваете друг друга, самые умные, верно?

- Да, - серьёзно ответил Анатолий, - поверь, генерал, что бы не убить, надо куда больше силы и мужества, чём для убийства. Ты посмотри вокруг - всё убивают. Учатся убивать с малолетства,

только этому. Как много вокруг убийц и как мало врачевателей! Господь даёт жизнь людям, отнимают они её сами. Только сначала у себя, у близких, а потом уж у врагов. А враги ли?

- Ну-у, пошло, поехало... - скривился Александр. Он выпрямился в седле, пренебрежительно отмахнулся, - ты, монах, какую-то ерунду заумную несёшь, чушь полную! Жизнь борьба, пока борешься - живёшь, как только прекратишь отбиваться, так тебя и сожрут со всеми потрохами. Лучше признайся честно, что боишься жизни, потому и уходишь от неё.

На краткий миг в глазах Анатолия мелькнул гнев, но тут же погас. Совершенно спокойно, даже как-то сонно он произнёс:

- Разве помогать людям, всём, независимо от положения, это уход? Делать добро и учить добру - это уход?

- Смотри, доброделатель, как бы тебя не прибили за первым же поворотом те, кого ты добру учить станешь, - презрительно сказал Александр, - послушают-послушают, да и дадут по башке.

- Не дадут, - мягко возразил Анатолий, - с меня нечего взять. Я бос, одет в тряпьё. У меня нет ничего, что привлекает грабителей. Даже что бы съесть, резать не станут - тощий слишком. Я пройду везде и никто меня не тронет. Тебе не понять, генерал, но поверь на слово, полное отсутствие собственности даёт полную свободу. И мудрость. Отныне я не послушник, не монах, а юрод. Юродивых не обижают.

- Ну да, чего ж обижать того, кого Бог и так обидел. Дервиш и юродивый - хороша компания! Ладно, монах ...э-э... юрод Анатолий, ступай своей дорогой.

- Бог тебе судья, генерал, - поклонился Анатолий до земли.

Отъехав несколько шагов, Александр оглянулся. Анатолий вместе с новым знакомым поднимали с земли раненого болгарина. Отнесли в сторонку, стали промывать раны, накладывать повязки. Мусульманин и христианин пытались сохранить жизнь язычнику.

Через несколько дней из Константинополя пришёл указ императора. Василий Булгарооктон приказывал Александру в кратчайший срок взять столицу Болгарии город Царецевец.

Приказ был настолько важен, что его доставил Александру сам стратиг Михаил. Ответственность за успех операции возлагалась и на него, хотя указ предписывал Михаилу лишь обеспечить всём необходимым войска под командованием Александра. Всё знали, как болезненно относится император к неудачам на болгарском фронте. Он мог простить ошибки полководцу в сражении с арабами, но был беспощаден с теми, кто ошибался с болгарами. Карал жестоко и быстро.

- Вот, генерал, - произнёс Михаил, усаживаясь в скрипучее

походное кресло, - ознакомьтесь с указом императора.

Тяжёлая рука в латной перчатке с грохотом опустилась на доски стола. Железные пальцы разжались, свёрнутый в трубку пергамент выкатился на середину.

Стратиг только что прибыл, преодолев весь путь верхом. Карет он не переносил и пользовался ими только когда требовалось по этикету - например, при встрече императора. Содрал латные нарукавники, швырнул в угол, на сундук. Большим пальцем ловко отстегнул застёжку шлема, снял, аккуратно поставил шероховатую поверхность стола. Полированная сталь тускло блеснула из-под толстого слоя пыли. Плюмаж из белых страусиных перьев был серо-коричневым. Перья колыхнулись, пыль посыпалась, превратилась в маленькое облачко.

Жёсткое лицо скривилось, Михаил встал, недовольно рявкнул в раскрытый полог палатки. Тотчас ворвался адъютант, помог осторожно, что б не напылить, снять панцирь. Схватил в охапку доспехи, латные рукавицы и тут же убежал приводить их в порядок.

Стратиг с удовольствием потянулся, даже на цыпочки поднялся. Суставы громко хрустнули.

- Эх, хорошо бы сейчас пробежаться сотню шагов с конём на плечах, размяться хоть немножечко, а? Как считаете, генерал?

- Разделяю ваше мнение, стратиг, но с конём на плечах будет трудно прочесть указ императора, - улыбнулся Александр.

- Ха-ха ... вы правы ... ха-ха... чёрт!...читать и вправду трудно, - грохочуще засмеялся Михаил.

Александр развернул бумагу, глаза быстро пробежали по строчкам. Слухи о грядущем наступлении ходили давно. Положение болгар было хуже не куда - основная часть войск была разгромлена, воины из местных славян разошлись по домам или прятались в лесах, не желая воевать на стороне кочевников. К сражению с ромеями болгары были не готовы. Александр это хорошо понимал и требовал от стратига разрешения на захват оставшихся болгарских городов. Михаил соглашался, но для масштабной войны нужен указ императора. Его ждали со дня на день и вот он получен.

Стратиг отсмеялся, откинулся на спинку кресла. Кресло возмущённо завизжало, грозя развалиться.

- Итак, генерал, что скажете по поводу предстоящего наступления? Вы ведь его уже продумали, верно? - спросил Михаил.

- Да что говорить, стратиг, - развёл руками Александр, - пойду и возьму этот городишко, вот и всё.

- Вот так просто пойдёте и возьмёте? Едва ли, - засомневался стратиг, - крепость хороша, да болгары будут драться до последнего. Неужели никакой хитрости не придумали?

- Хитрость - удел слабых, - отмахнулся Александр, - мы достаточно сильны, что бы не хитрить. Город будет взять лобовым штурмом. Сначала отработают камнемёты, потом на то, что останется от стен, пойдёт пехота и город наш.

Михаил задумчиво побарабанил пальцами по столу, посмотрел через распахнутый полог шатра на многочисленные палатки солдат. Вдали, за тренировочным полем, громадной фалангой выстроились большие стенобитные камнемёты. Издалёка они похожи на гигантских скорпионов, изготовившихся к смертельному удару ядовитым хвостом.

Повернулся к Александру, кивнул.

- Вы правы, генерал, нечего выкручиваться перёд болгарами. Врежьте им по-солдатски и всё дела.

Первой на марш вышла конница. Конные полки должны подойти к городу полукольцом, уничтожая по дороге всё небольшие отряды противника, крупные соединения оттеснить к крепости. Вслед за конницей двинулось основное войско. Пешие полки ромеев состояли из тяжеловооружённой пехоты. Повозок мало, на них сложили длинные фаланговые копья, съестные припасы на сутки. Дальше предполагалось, что солдаты сами будут кормить себя за счёт местного населения. По войскам отдан приказ - уничтожать всё города и сёла.

Марширующая пехота растянулась на километры. Вдоль дорого стояла сплошная полоса пожарищ. Солдаты сжигали всё - дома, сады, урожай на полях. Жителей убивали или угоняли в рабство. Никакого серьёзного сопротивления ромеи не встретили. Через десять дней непрерывного марша ромеи вышли к стенам крепости, оставив за собой широкую полосу выжженной земли.

Генерал Александр ехал в середине войска. От многочисленных пожаров воздух был серым. Мелкая пыль пополам с пеплом мутным покрывалом лежит на земле толстым слоем. От малейшего прикосновения она поднимается, зависает над землёй. Слабый ветер, что время от времени пролетает над степью, не в силах разогнать её. Что бы не дышать грязью, Александр едет в стороне от солдатской колонны.

Горизонт затянут дымом. Ветер, едва ощутимый, медленно тащит куда-то огромное облако пепла и пыли. Копыта генеральского коня, размером с обеденную тарелку, мерно бьют в твёрдую землю и она каждый раз взрывается пыльным облачком. Белый конь давно уже не белый, а грязно-серый. Александр завернулся в дорожный плащ с головой, оставил только узкую

щёлочку для глаз. Под плотной тканью невыносимо жарко, душно. Пыль противно хрустит на зубах, пот разъедает глаза. По спине, под стальным панцирем горячий поток льёт водопадом.

Раздражённый донельзя, Александр отшвырнул плащ. Услужливый, как лакей, адьютант ловко подхватил грязную горячую ткань, быстро сложил, убрал в сумку.

Без плаща намного лучше. Александр расстегнул застёжку, снял шлем. Длинные, цвета свежей соломы волосы, мокрые от пота, рухнули на плечи. Пыль щедро запорошила их, волосы потускнели. Вытер лицо, только грязь размазал, сплюнул чёрным комком. Без железа на голове ещё легче.

Подал коня правее, подальше от дороги. Воздух немного очистился от пыли, зато добавилось пепла.

Монотонный гул от тысяч солдатских ног внезапно прервало громкое хлопанье крыльев, недовольное карканье. Стая воронья взмыла в воздух, стала по пологой спирали тяжело подниматься в нагретое нёбо. Александр невольно обернулся.

Недалёко лежат трупы. По сохранившимся клочьям одежды он понял, что это славяне, местные жители. Мужчины, женщины, дети. Порублены страшно, почти на куски. Лиц не разглядеть, вороны расклевали до костей. Нет глаз, носов, губ, вместо них черно-коричневые провалы. Нет лиц, есть оскаленные черепа. Рядом на земле сидят - именно сидят, а не стоят! - обожравшиеся до предела вороны. От жары клювы полуоткрыты, крылья опущены до земли. Стая тех, что ещё не объелись человечины, медленно кружит в воздухе, ожидая когда живые - пока живые! - люди отъедут подальше, чтобы продолжить пиршество.

Мерзкий запах разлагающейся плоти, словно гигантский трупный червяк, прополз в лёгкие, заполнил их. Подул ветерок, новая смердящая волна окатила с ног до головы. Тошнота подступила к горлу, Александр поспешно задержал дыхание, отвернулся. Непроизвольно ткнул шпорами конские бока. Конь неуклюже скакнул вперёд, фыркнул, затряс гривой, зашагал быстрее. Ему тоже не нравился запах.

Это привычная картина любой войны. Всё, кто хоть раз был на ней, видел такое много раз. Но почему-то сейчас вид убитых людей резанул по сердцу, как ножом. Александру захотелось вновь завернуться в дорожный плащ с головой. И не оставлять узкой щёлочки для глаз.

За что убили этих людей? Ни за что. Оказались на пути войска. Попались на глаза, потому и убили. Они даже не сопротивлялись. Это не враг, не противник. Просто люди, что жили на этой земле. Жители.

" Их убили по твоему приказу, - вдруг подумал Александр о

себе, как о постороннем человеке, - они не причинили тебе никакого вреда. И твоим солдатам тоже. А ты их убил".

" Таков закон войны", - ответил сам себе.

" Не ври, законов войны не бывает. То, что ты называешь законом войны, на самом деле, оправдание убийства и придумано самими убийцами. Закон поединка - да, это понятно. Правила боя - тоже. Но по какому закону убивают безоружных? Назови хоть одну причину, по которой надо убивать людей, которые ничего не замышляют против тебя".

" Они кормят кочевников, дают им крышу над головой. Многие идут в войско "

" Ерунда, кочевники сами отбирают у них еду, занимает дома на ночлег. Молодых парней силой заставляют служить".

" Ну, а как же тогда? - растерялся Александр от вопроса самому себе, - я должен что-то делать ...

" Ты здесь никому ничего не должен, - прозвучало в голове, - ты здесь вообще чужой. Ведь не родину защищаешь, а службу исполняешь. Прояви хоть раз милосердие к людям, может и воевать не понадобится".

Над головой раздалось сдавленное прерывистое карканье, резкое, неожиданное. Александр вздрогнул, невольно поднял глаза. Прямо над головой дерутся две вороны. Одна, меньше размером, хотела отнять у более крупной человеческий глаз на жилке. Конец жилки зажат у вороны в клюве, она болтала головой, что бы не отдать добычу и одновременно пыталась проглотить глаз. Получилось неудачно, старая ворона вроде как подавилась глазом, а молодая ещё и долбит клювом по голове, выбивает глаз обратно...

Александр закрыл глаза, опустил голову. Сиплое карканье не утихает, мерзкие крики словно тупым ножом режут. Пришпорил коня, направился ближе к колонне солдат.

Город был сдан после короткой осады. Александр не стал отдавать приказ о бомбардировке из камнемётов и последующем штурме. Когда осадные машины были готовы начать обстрел, приказал отправить парламентёров с предложением сдаться. Защитники города не поверили. Парламентёр вернулся с предложением от хана Курума, который стоял во главе обороны, встретиться и поговорить.

Хан Курум, много и успешно воевавший с ромеями, понимал, что в этот раз он скорее всего проиграет - ромейское войско очень сильно, дисциплинировано, а ему ждать помощи неоткуда, так что штурм закончится победой ромеев.

Хану было глубоко плевать на город и жителей, он хотел сохранить своё войско. Без воинов он уже не хан, а так, пустое

место. Курум соглашался на сдачу Царевца, но только при определённых условиях. Предложил встретиться на следующее утро возле главных ворот один на один.

Александр отпустил посланника. Сёл в походное кресло, задумался. Чего хочет Курум, понятно - отпустить вместе с ним его воинов и с оружием. Но вот нужно ли это ему, ромейскому полководцу Александру? Он не зря приказал своей коннице ускоренным маршем идти вперёд, уничтожая мелкие отряды болгар, а крупные оттеснять вглубь. Теперь город переполнен воинами, лошадьми, жителями окрестных сёл. Вроде неплохо для обороны, но такое количество людей не прокормишь долго, так что ромеям вовсе не обязательно штурмовать крепость. Можно просто побыть под стенами две, три недели и начнётся голод. Потом обстрел из камнемётов, короткий злой штурм и город взят. Он, генерал Александр, одержит очередную, очень важную победу, после которой можно вернуться в Константинополь и претендовать на высокую должность при дворе. Кстати, сколько солдат погибнет при штурме, скорее всего никто и не спросит.

Конечно, в сдавшемся городе неизбежно начнутся грабежи и убийства, но это ничто по сравнению с тем, что творится в захваченном городе. Тогда начинается массовая резня, солдаты убивают и грабят всех подряд. Удержать их невозможно, да этого никто и не делает, потому что именно так поступают победители по закону войны.

Он выпрямился в кресле, с силой потёр ладонями лицо. Жёсткая кожа с твёрдыми, словно камни, мозолями, едва не оцарапала, лицо покраснело, защипало. Отбросил рукой полог шатра, вышел наружу.

Прямо перёд ним, на равнине раскинулся лагерь. Тысячи солдатских шатров заполонили степь гигантскими квадратами, словно шахматная доска для великанов. Каждый такой квадрат - маленькие военный городок в сотню с лишним шатров для полка тяжеловооружённой пехоты. Горят костры походных кухонь, из передвижных кузниц доносится непрерывный звон - спешно ремонтируют доспехи, делают новые.

В стороне от лагеря проложена полевая дорога. Запряжённые в повозки огромные волы медленно тащат разобранные стенобитные машины. Большую их часть уже установили вдоль стен, ещё немного времени и поставят последние. Возле каждого камнемёта высятся кучи булыжника, самый малый размером с конскую голову.

В центре, напротив главных ворот, возвышается громадная стрела гигантского камнемёта. Чудовище размером с трёхэтажный дом швыряет глыбы гранита величиной с быка на

расстояние в два полёта стрелы. Монстр настолько силён, что натяжные ремни, сплетённые из бычьих жил, толщиной в две руки, рвутся после двух-трёх выстрелов. Их приходится заменять новыми, что лежат рядом. Аккуратно свёрнутые кольцами, они кажутся гигантскими спящими змеями из страшной сказки.

Один точный выстрел из такого камнемёта вышибает дубовые ворота, обшитые полосами железа. Громадные тяжёлые створки, которые открываются дюжиной здоровенных стражников, разлетаются в щепки, а кусок скалы летит дальше, всё сметая на пути.

Город не устоит против мощи империи, но империи не нужны развалины.

Ранним утром, когда туман превращается в росу и неподвижная трава сверкает, словно усыпана бриллиантами, Александр и Курум встретились напротив главных ворот. За спиной хана возвышались каменные стены Царевца, загораживая половину светлеющего нёба. По гребню сверкают шлемы защитников, лучи встающего солнца отстреливаются сверкающими искрами от наконечников копий.

Позади Александра в тающей пелене утреннего тумана высоко в нёбо вздыбились стрелы стенобитных машин, словно мачты кораблей, неведомо как пришедшие сюда из далёкого моря. Только каждая мачта такого корабля оканчивается широким ковшом. Каждый защитник крепости их видит и понимает - они вот-вот опустятся, примут смертоносный груз и швырнут на город. Защиты от них нет.

Переговоры закончились быстро. Александр согласился отпустить Курума вместе с воинами, но при условии, что хан оставит в городе свой обоз. Курум недовольно скривился - в обозе богатая добыча, награбленная воинами раньше. Жалко за просто так отдавать ромеям честно - по мнению Курума - заработанное, но, немного подумав, согласился. Болгария страна богатая, награбит ещё. Взамен Александр дал слово не разрушать город, не убивать жителей.

Позвали градоначальника. Узнав об условиях сдачи, он недоверчиво покачал головой.

Сдерживая раздражение, Александр пояснил, что ему нужна крепость, а не развалины, которые потом надо отстраивать. Всём жителям необходимо сдать всё имеющееся у них оружие, порядок в городе и безопасность населения будет поддерживать ромейский гарнизон.

Городской голова тряс бородой, вздыхал, зло зыркал на Курума, несостоявшегося защитника города, и в конце концов согласился.

К вечеру в Царевце уже был расквартирован полк тяжёлой пехоты. Солдаты взяли под охрану продовольственные склады, патрулировали улицы. Конница кочевников ушла из города ещё утром, оставив всё обозы. Александр приказал раздать солдатам содержимое обоза и наградить каждого дополнительно за счёт городской казны. Это вызвало недовольство горожан, но зато предотвратило грабежи, неизбежные в захваченном городе и недовольство утихло.

Александр выполнил приказ императора, не потеряв ни одного солдата. Стратиг Михаил молча выслушал доклад генерала. По его лицу было видно, что он очень доволен, но с поздравлениями, как это было раньше, в этот раз не спешил.

- Вы абсолютно точно исполнили всё, что предписывал указ божественного императора Василия, генерал, - медленно, словно взвешивая каждое слово, произнёс стратиг, барабаня пальцами по столу, - крепость цела, солдатские жизни сохранены. Но боюсь, вы совершили ошибку. Вас вызывают в Константинополь.

- И в чём я виновен? - удивился Александр.

- Передо мной - ни в чём, - твёрдо ответил Михаил, - но, возможно, у императора есть к вам вопросы. Будьте очень осторожны, когда прибудете в столицу и не совершайте опрометчивых поступков.

Смысл последней фразы Александр понял, когда на пристани Константинополя его встретил офицер императорской гвардии - схолы, с сотней до зубов вооружённых гвардейцев. Всё чистокровные ромеи. Гвардейский офицер предложил сдать оружие. Александр пожал плечами, неторопливо потянул громадный двуручный меч, который по старой привычке этериота носил за спиной. Сотник невольно отпрянул, солдаты без команды сдвинули широкие щиты. Александр физически почувствовал, как мгновенно сгустилось напряжение. Замер с наполовину вытащенным мечом, рука, покрытая буграми мышц, остановилась.

" Да они боятся меня! - вдруг дошло до него, - и сильно боятся, будто я чудище какое..." Осторожно, опасаясь, что кто ни будь с перепуга метнёт копьё, потянул за рукоять. Длинное, широкое лезвие двуручного меча, носить который имели право только личные телохранители императора, медленно, словно змей из норы, выползло на свет божий. И солдаты, и многочисленные зеваки, которых полным полно в порту, как зачарованные смотрели на появляющуюся полосу стали. Когда меч окончательно вышел из ножен и оказался в руках офицера, по толпе едва слышно прошелестел вздох облегчения - такое страшное оружие редко кому приходилось видеть.

Лицо сотника побагровело от усилия, но постарался не подать вида, что тяжело. С трудом удерживая меч одной рукой, как можно небрежнее кивнул солдату, что бы тот забрал его.

Гвардеец подхватил меч на две руки, как падающее бревно. Офицер покашлял в кулак, прочищая горло от внезапной хрипоты, но заговорить не решился, чтобы не дать петуха. Жестом предложил Александру следовать за ним.

Получилось так, что Александр шёл почти через весь город с эскортом императорской гвардии. Это выглядело как торжественный вход триумфатора, никому даже в голову не пришло, что на самом деле это конвой. Горожане почтительно расступались перёд блестящей процессией, по быстро собравшейся толпе пошли разговоры, кто-то закричал, захлопал в ладоши, остальные подхватили и вот уже вся немалая толпа радостными криками приветствовала героя, победителя проклятых болгар, врагов государства и императора Василия.

Среди горожан оказалось несколько десятков бывших солдат Александра, это они узнали и подняли шум, приветствуя своего командира.

Тяжёлый двуручный меч Александра солдат несёт на обеих руках, подложив под него свёрнутый плащ, что бы не давил так сильно. Утомился, ему стал помогать второй.

В итоге получилось так - первым торжественно шагает офицер, за ним двое здоровенных гвардейцев несут на вытянутых руках, покрытых роскошным плащом императорской гвардии, громадный меч, а за ними идёт Александр - голова прямо, подбородок вздёрнут, позолоченный шлем на локте правой руки. Замыкает процессию сотня чётко марширующих императорских гвардейцев.

Очень скоро конвою пришлось пробираться через громадную толпу народа. Всё кричат, приветствуют Александра, из толпы летят букеты цветов, падают на солдат, на Александра.

Сотник растерялся. Сначала он решил, что толпа сбежалась посмотреть на него и нарядных гвардейцев. Надулся, как петух, развернул плечи пошире, но быстро понял, что он тут ни при чём. Хотел было объяснить людям, что охраняет опасного государственного преступника, но какое там! Его никто не слушал.

Солдаты, хмурые, напряжённо ожидающие внезапного нападения сообщников с целью освобождения злодея, тоже ничего не поняли, растерянно завертели головами, в строю пошли разговоры. Гвардейцы удивлённо оглядывались, незаметно от командира начали расспрашивать горожан. Им объяснили, кто идёт с ними. После этого недоумение только усилилось.

Когда на строй солдат дождём посыпались цветы, гвардейцы вовсе растерялись. Вдобавок раскованные девицы, которых в Константинополе было очень много, с визгом и хихиканьем начали обнимать, самые незакомплексованные полезли целовать. Железный строй императорской гвардии окончательно нарушился.

Офицер оглянулся и обомлел - за ним идёт разноцветная толпа народа, а не строй солдат. У каждого гвардейца на шее висит девушка, рядом идут ещё, с нёба сыпется настоящий цветочный дождь. Вся мостовая под ногами засыпана лепестками. И посреди этого карнавала спокойно шагает тот, кого во дворце считают опасным государственным преступником, во всяком случае именно так объяснили офицеру, а он своим солдатам.

Сотнику не оставалось ничего другого, как махнуть рукой на всё происходящее - охраняемый спокойно идёт в середине строя и не делает ни малейших попыток сбежать. К нему подбежали девушки, стали тормошить, хихикать, чего-то быстро говорить...

Стражники на воротах дворца услышали шум. Он рос, приближался и солдаты на всякий случай доложили по начальству. Когда ликующая толпа горожан высыпала на площадь, к воротам сбежалась вся дворцовая стража. Солдаты в полном доспехе, при оружии, как для боя, торопливо заняли места на гребне стены, стали в ряд перёд воротами. Прибежал начальник дворцовой стражи, командир иноземной гвардии - этериарх. В полном составе подошла схола - полк гвардии, комплектуемый только ромеями, выходцами из знатных семей. Подтянулся полк гоплитов, тяжеловооружённой пехоты с длинными, около пяти метров, копьями. Такими отражают атаку бронированной конницы неприятеля. Громыхая железом, гоплиты торопливо построились в каре, готовые по команде разом опустить копья и отразить нападение. Дворцовая челядь, прислуга, придворные и вельможи прибежали на стены, стали бесцеремонно расталкивать солдат, что бы лучше видеть происходящее.

Радостная толпа горожан приняла выстроенные перёд дворцом войска за парадный расчёт для торжественной встречи. Крики усилились, из толпы донеслось - да здравствует император! слава Василию! Словно по волшебству, откуда ни возьмись, появились торговцы сладостями, вином. Десятки человек молниеносно напились, над площадью понеслись разудалые песни о непобедимых солдатах империи под мудрым предводительством императора. Даже цыгане неизвестно откуда материализовались, застучали в бубны, запели.

Площадь перёд дворцом за считанные мгновения

превратилась в место праздника и карнавала. Солдаты, приготовившиеся отражать нападение, обалдело наблюдали, как мирные горожане гуляют и веселятся. Никто даже и не думает нападать. В строю пошли разговоры, смешки, некоторые гвардейцы незаметно от командиров успели приложиться к кувшинчикам с вином и теперь стояли очень довольные и улыбающиеся. Остальные завистливо наблюдали.

В ровных рядах приготовившихся отражать атаку солдат замелькали юркие фигурки мальчишек, разносчиков вина. Такую атаку императорская гвардия отразить не могла. Кувшинчики с вином пошли гулять по рукам и вскоре от железных рядов гвардии повеял запах, как от винного погреба.

Когда кавардак и непонимание в солдатских головах достигли наивысшей точки, а вельможи и челядь на стене откровенно хохотали, появился император. Смех как обрезало, зеваки стали исчезать, солдаты вытянулись, застыли качающимися столбами.

Василий быстро прошёл по стене, легко вспрыгнул в промежуток между зубцами, окинул взглядом бурлящую гулянием площадь.

Ему было достаточно мгновения, что бы понять, в чём дело. Повернулся, спрыгнул на дорожку. Всё, кто был в тот момент рядом, заметили, как зашевелились губы императора - он тихо-тихо произнёс несколько энергичных фраз, оборвал себя на полуслове, перекрестился. Поманил пальцем ближайшего придворного. Тот, от счастья, что его заметил император, бросился без памяти, но запутался в полах длинной одежды. Шлёпнулся в пыль, как ком сырого белья.

Василий прошептал ещё одну энергичную фразу, на мгновение поднял глаза к нёбу. Вельможа каким-то чудом сумел вскочить, будто ванька-встанька. Быстро-быстро перебирая руками, задрал полы, словно женщина, собирающаяся переходить реку вброд, подбежал. Император на выдохе бросил сквозь зубы несколько слов, придворный исчез.

На мраморных ступенях дворца Василия ожидал Марцеллий. Император взглянул на него. Умный, опытный сенатор с поклоном произнёс:

- Прибыл по вашему повелению, государь. Позвольте мне выйти к народу.

Император устало кивнул:

- Не сомневаюсь, что вы всё сделаете наилучшим образом.

Сенатор приказал немедленно убрать войска с площади, что было выполнено очень быстро - генералы всерьёз опасались, что ещё немного и гвардейцы упьются вусмерть. Затем велел

выкатить из дворцовых подвалов ещё бочек с вином, разослать гонцов во всё районы столицы, собрать всех бродячих артистов, что только есть в городе и доставить на дворцовую площадь веселить народ.

Когда всё распоряжения были отданы, обратился к сотнику, который привёл Александра:

- Кентарх, прикажите отдать меч генералу. Вы и ваши солдаты отлично выполнили задачу, теперь свободны.

Офицер велел вернуть оружие Александру, торопливо повёл отряд пьяных гвардейцев в казарму.

Марцеллий молча наблюдал, как могучая рука Александра легко забрасывает двуручный меч в ножны за спиной. Вся в буграх от мышц, она только слегка затвердела от усилия. Сенатор помимо воли представил, с какой силой такая ручища ударит. По коже пробежал лёгкий морозец.

- Здравствуйте, Александр, с приездом, - негромко сказал Марцеллий, - вы изменились.

- Доброго дня вам, сенатор, - ответил Александр, поправляя перевязь с мечом, - изменился я или нет, вам виднее. Вы тоже тут ... гм ... сатурналии празднуете.

Марцеллий скривился.

- Мы не отмечаем языческие празднества, тем более такие, как сатурналии. То, чему вы были свидетелем, просто ... э-э ... недоразумение.

- Но это просто недоразумение спасло мне жизнь, так?

- Вы проницательны. Для военного это излишне, - попробовал пошутить сенатор.

- Зато чрезвычайно полезно для здоровья, - не поддержал шутки Александр. - Итак, в чём меня обвиняют?

- Как много вокруг народу, - задумчиво произнёс сенатор, - всё такие любознательные... Идемте ко мне в кабинет, по дороге расскажу.

Однако за весь путь Марцеллий не проронил ни слова. Александр тоже помалкивал. Оба знали, каким отличным слухом обладают здешние стены.

Молча шли длинными коридорами дворца. Многочисленные стражи возвышались железными статуями, резко контрастируя блеском начищенной стали с нежными полотнищами гобеленов и ковров, которыми сплошь увешаны стены. Портреты знатных царедворцев, полководцев и героев прошлого надменно взирали с высоты на невысокого, худощавого сенатора, что семенил рядом с закованным в броню воином, от которого прямо пахло степью, пожарами, калёным железом. Взирали и как-то незаметно сникали, словно краски тускнели, а сами герои становились

меньше ростом.

Попадавшие навстречу придворные шарахались испуганно, низко кланялись и сенатор вовсе не был уверен, что кланяются именно ему.

Миновали последний зал, короткий коридор. Знакомый секретарь испуганно вскочил, увидев сенатора вместе с Александром. Выпучил глаза, кинулся открывать двери, словно от пожара спасался. Высокие створки, вырезанные из целого куска морёного дуба каждая, распахнулись, будто из картона. Секретарь замер рядышком в низком поклоне. Александру так захотелось дать кулаком по тщательно уложенной причёске, аж ладони зачесались. Едва сдержался.

Сенатор повёл рукой в сторону кресла, предлагая садиться. Александр одним движением снял перевязь с мечом, повесил на изящную вешалку в виде оленьих рогов из дорогого красного дерева. Рога заметно перекосило.

Осторожно поставил тяжёлый шлем на стол, сёл.

- Сварите кофе, - велел секретарю сенатор, - генерал, вы как?

Александр кивнул.

- Значит, два. И не забудьте сливки.

Когда исходящие паром фарфоровые чашки появились на столе, сенатор негромко сказал, ни к кому не обращаясь:

- Отлично пахнет! И где только Андрей нашёл такой ароматный кофе?

- Что? - не понял Александр.

- Я говорю, где только стратиг Андрей сумел найти такое кофе в Африке. Оно на вес золота, даже дороже, а он его мешками присылает с каждым почтовым дромоном. Ладно... Итак, генерал, ваше дело вот в чём.

Как вы знаете, император глубоко и искренне ненавидит болгар. Он одержим идеей уничтожения этого народа. Я вам рассказывал, что в молодости Василий был весёлым, жизнелюбивым молодым человеком. Он любил красивых женщин, красивую одежду. Его пальцы были унизаны перстнями, шею украшали золотые цепи и кулоны, даже сбруя лошадей была в золоте и серебре, а коллекции драгоценностей и украшений Василия завидовали всё в Константинополе. Он был радостен и беззаботен, этот будущий властелин полумира. Однажды отец послал его с братьями в действующую армию на северную границу империи поучаствовать в сражениях, набраться военного опыта - это необходимо будущему императору. Тогда шла очередная война с варварами. Орды грабителей вторглись в начале лёта, как обычно. Стратиг приграничного фема не сумел вовремя подготовить войска к нападению варваров. Мы

отступали. Случилось так, что Василий с братьями оказался в небольшом городке, осаждённом болгарами. Они знали, что в городе находятся члены императорской семьи и стремились во что бы то ни стало захватить его. Нашим войскам не удалось пробиться на помощь к осаждённым. Два дня непрерывного штурма, горы трупов ... Город пал. Обозлённые упорным сопротивлением гарнизона болгары люто казнили всех, кто ещё оставался в живых. Братьев Василия сожгли на медленном огне. Ему чудом удалось спастись. Никто не знает, как он выбрался из уничтоженного города, как незамеченным прошёл через расположение болгар и добрался до наших войск. Сам Василий никогда этого не рассказывал.

С тех пор он стал совершенно другим. Забросил компанию старых друзей, забыл о развлечениях и удовольствиях. Одеваться начал просто, строго, почти по-солдатски. Не переносит никаких украшений на одежде, к золоту не прикасается, словно оно заразно. Всё его помыслы направлены на то, чтобы уничтожать болгар и вообще всех варваров. Начал всё время проводить в армии, в столице бывать урывками. Его образ жизни стал совсем солдатским, он спал и ел на голой земле в любую погоду.

Армия души в нём не чаяла, за него горой стояли всё военные. Наверно, именно поэтому его приход к власти был абсолютно спокойным. Никто в империи не рискнул оспаривать его право на трон, а таких, как правило, всегда хватает.

Именно благодаря усилиям императора Василия мы стали одерживать победы над болгарами, одну за другой. Страшная угроза с севера была устранена и сейчас болгары опасны для империи не более, чём всё остальные варвары. Но всё-таки опасны! Война продолжается. Вы очень хорошо показали себя в борьбе против врагов империи, но ваша последняя победа ... Она, как бы это сказать, ... э-э ... двойственна. Вы взяли Царевец, но отпустили хана Курума с воинами. Этого делать не следовало.

- Император в своём указе не уточнял, как именно следует брать Царевец, - возразил Александр, - приказал взять и всё.

- Верно, - согласился сенатор, - но следует всегда читать между строк, генерал. Вас никто бы не осудил, если Царевец был стёрт с лица земли вместе с жителями.

- А сколько моих солдат убили бы при штурме?

- Ну-у, генерал, вы ещё о слезинках невинных деток скажите, о кошечках и собачках... Разве об этом надо думать? Политика вещь жестокая и опасная.

- Я просто выполнил приказ. Не хватало только ещё в политике путаться, - Александр допил горячий кофе, раздражённо отодвинул чашку. Фарфор жалобно зазвенел.

- Рассуждение солдата, но не полководца, генерал! - строго произнёс Марцеллий.

- Я всё ещё полководец? - удивился Александр.

- Увы, очень похоже, что нет, - вздохнул сенатор, - но и солдатом остаться не получится. Да и вообще ... Чёрт возьми, речь идёт о вашей жизни или я совсем не знаю Василия!

Александр усмехнулся.

- Я не так хорошо знаю императора, но и мне так кажется.

Сенатор решительно встал, прошёлся по комнате из угла в угол, остановился напротив Александра.

- Вот что, генерал, вы многое сделали для меня, я ваш должник. Пришло время вернуть долг. Вам следует побыть у меня несколько дней. За это время я сумею решить проблему. Правда, ещё не знаю, как, но вашу жизнь сохраню.

Через полчаса Александр ехал в закрытой карете к северным городским воротам. За ними, в пяти вёрстах от Константинополя, находится загородный дворец сенатора.

Попасть к императору Марцеллию удалось только через два дня. Василий упорно отказывался принять сенатора, несмотря на его настойчивые попытки. Придворные даже начали посмеиваться, пошли разговоры, что влиятельный Марцеллий угодил в опалу, некоторые даже называли возможных преемников.

Сам сенатор был спокоен. Он хорошо знал Василия и потому понимал причину, по которой его не желают видеть. Жизнь научила Василия никогда не судить на ходу. Император знал, что быстрые решения, принятые сгоряча, почти всегда ошибочны. Разумеется, ему доложили, что генерал Александр живёт в доме сенатора, а не сидит в камере дворцовой тюрьмы, но нисколько не переживал по этому поводу. Генерал нарушил волю императора, но он не был его личным врагом.

Приглашение на приём сенатору вручил посыльный этериот - солдат иноземной гвардии императора, самой привилегированной части ромейской армии, комплектовавшейся почти исключительно из русичей. Ещё брали варягов, бывших викингов. Жалование и льготы простого этериота были такими же, как у армейского генерала. Золотоволосый русич, верзила под два метра ростом, с румянцем во всё круглое лицо, почтительно склоняясь, протянул послание. Сенатор невольно отметил, что даже в поклоне голова русича выше его на локоть, если не больше. Среди урождённых ромеев таких давно уже нет". Надо будет напомнить начальнику гвардии, - рассеянно подумал Марцеллий, разрывая пакет, - что бы почаще отпускал своих орлов в город. А императору ещё раз доложить о пользе

смешанных браков".

Сенатор прочёл письмо, усмехнулся - ему предлагалось прибыть во дворец после полудня. Верные друзья уже сообщили, что с утра у императора будет патриарх, так что о чём пойдёт беседа, Марцеллий примерно догадывался.

Он ещё раз взглянул на гиганта этериота. Гвардеец вытянулся по стойке смирно, замер, как железная статуя. Даже в прохладном полумраке гостиной доспехи горят огнём, позолоченный шлем с откинутым забралом похож на вершину крепостной башни. Ослепительно белые перья на навершии шлема едва не касаются потолка, а они в доме сенатора были высокими.

" Империю должны считать своей и защищать не только такие люди, но и народы, - совершенно ясно понял Марцеллий, - вот об этом надо говорить с императором и в этом необходимо убедить его".

Василий принял Марцеллия как обычно, на балконе дворца, что выходит в залив. Пологий склон холма, заросший изумрудной травой, медленно спускается к воде. Когда-то это был просто берёг, усыпанный камнями, изрезанный оврагами и ямами, образующимися после проливных дождей. Склон был похож на дряблую кожу столетней старухи. Василию нравилось проводить время на балконе, любуясь морем и закатами. Бывало, что приходилось и рассветы встречать. Контраст красоты и хаоса надоел. Он приказал засыпать ямы, вбить в землю булыжники, натаскать чернозёма и засадить травой. Полторы тысячи пленных арабов круглые сутки трудились в течение недели и склон холма волшебно преобразился. Получилось очень красиво. Но Василий был не только ценителем прекрасных ландшафтов. По его тайному приказу по всему склону соорудили хитроумные ловушки для непрошенных гостей и только сам любознательный император знал, как они работают и где располагаются.

Смертельно опасное поле вытянулось в длину и ширину ровно настолько, что бы ни один, даже самый искусный лучник не мог достать стрелой до императорского балкона.

Ловушки довольно часто приходилось устанавливать заново - любопытные козы забредали пощипать травы. Проходили несколько шагов и падали замертво, пробитые насквозь отравленными стрелами или разорванные на части.

Не дай Бог, если коза сумеет невредимой пройти чуть дальше или вовсе забрести на середину склона - немедленная и жестокая смерть ожидала мастера, изготовившего ловушки...

Заслышав мягкие шаги за спиной, Василий повернулся.

- Здравствуйте, сенатор, - негромко произнёс, глядя на склонившегося Марцеллия, - сегодня прекрасный день, не правда

ли?

- Да, государь, - ответил сенатор, - погода превосходна.

Проницательный Василий сразу уловил интонацию:

- Но не так хороши наши дела, верно?

Марцеллий выпрямился, ровным голосом произнёс:

- В столь огромной стране, как ваша, всегда может происходить что-то не так. Трудно углядеть за всём.

- Экий дипломат, - поморщился Василий, - оставьте вы это - что-то не так ... Я ценю вас за ум, на должности лизоблюдов у меня назначены другие. Итак, вам уже известно, что утром я разговаривал с патриархом и наверняка догадываетесь, о чём. Я считаю так потому, что рассуждения патриарха удивительно похожи на ваши. Ну, те, что вы излагали мне раньше по поводу варваров. Вы с патриархом сговорились?

- Никакого сговора нет, государь. Есть логика событий и она неизбежно приводит к тому, что мнения двух разумных людей совпадают.

- Садитесь, - спохватился Василий, - я не предложил вам сесть, простите. И сам торчу посреди балкона на солнце.

Они сели в тени раскидистой пальмы, что произрастала из громадной мраморной кадки. При этом император облокотился на обшитую красным бархатом спинку, а сенатор аккуратно сёл ровно на треть лавки, спину выпрямил, локти положил на столешницу.

Василий налил холодной минеральной воды в чашку из цветного стёкла, отпил.

- Я хочу услышать ваше мнение сенатор о сегодняшнем положении страны и будущем, - произнёс он.

- Позвольте, я встану, государь, мне трудно разговаривать сидя, - попросил Марцеллий.

Василий пожал плечами, кивнул.

- Наше положение блестяще - враги уничтожены или отброшены, на ближайшие годы нам не грозит большая война или нашествие. Но такого - увы - нельзя сказать о будущем. Я проанализировал наше прошлое, настоящее и пришёл к печальному выводу. Территория страны сокращается с каждым десятилетием, сокращается и население. А натиск варваров с востока и севера усиливается, на юге идёт постоянная война с арабами. Так не может продолжаться бесконечно, государь, когда-то империя не выдержит и рухнет, как Западная Римская ...

- Что вы предлагаете? - перебил Василий.

- Победить варваров нельзя. Эту проблему вообще невозможно решить военным путём. В каждой варварской семье по десятку детей, их жёны только и делают, что рожают. Военные

потери немедленно восполняются, на место убитых воинов встают новые и так без конца. Ромейки рожать не хотят, ромеи не желают воевать. Даже ремесленники в основном состоят из эмигрантов. Ромеи хотят только торговать и больше ничего. Это уже сейчас опасно, а в будущем и вовсе погубит нас. Невозможно заставить ромеек рожать каждый год, как женщин варварских племён.

Чтобы защитить державу, надо варваров сделать ромеями. Окружающие нас народы должны стремиться не завоёвывать нас, а приобщатся к нашей культуре, стать одними из нас, стать ромеями. Только так Восточно-Римская империя может выжить и победить. Для этого необходимо относиться к соседним народам как к равным, торговать на выгодных условиях, показывать им, особенно правящей верхушке, преимущества жизни ромеев, прививать культуру и, самоё главное, веру. Империя может состоять из разных народов, но единоверцев. Допустимо существование только малых племён с другой верой, не оказывающих сколь ни будь заметного влияния на другие народы. Дабы поддерживать национальную гордость и самоуважение этих племён, их представителей допустимо назначать на высокие должности в армии и государственном аппарате империи. Занимать высшие должности могут только те, кто неоднократно доказал свою преданность империи в самых сложных обстоятельствах, рискуя жизнью ради страны.

- Например, генерал Александр, - усмехнулся Василий.

- И он тоже, - серьёзно ответил сенатор, - у вас на службе много славян и варягов и они преданы вам… С вашего позволения, я продолжу. В идеале вдоль границ империи должны располагаться дружественные страны. Сильные, жизнеспособные, в которых христианство будет государственной идеологией. Для этой цели подходят русские и болгары. Именно эти народы должны создать союзные нам государственные образования. И это должны быть не какие-то вассальные княжества, нет. Именно государства с сильной центральной властью, небольшие империи, младшие сёстры Восточной Римской империи.

- Это вы не чересчур? - поморщился Василий, - особенно насчёт болгар.

- Увы, государь, вынужден так говорить. На западе земли обрываются великим океаном, на юге, за Средиземным морем лежит огромный континент, заселённый арабами только тонкой полоской вдоль берега. Дальше начинается великая пустыня. Земли на севере и востоке не исследованы. Они бескрайни, заселены неведомыми народами. Именно из тех земель выплёскиваются волны завоевателей, что уже уничтожили

Западную Римскую империю. Нам нужен защитный вал, стена на пути этих народов и русичи с болгарами подходят для этой цели лучше всего.

Сенатор замолчал. Василий отпил ещё глоток минеральной воды, задумчиво покрутил чашку, будто разглядывая узор. По солдатской привычке вылил остатки на голову, довольно фыркнул, тряхнул чёрными волосами.

- Чёрт его знает, сенатор, может быть вы и правы. По поводу Руси я соглашусь - она далёко, за морем, степью и лесами. Пусть строят княжество ...э-э ... государство. Но вот по поводу болгар - тут совсем другое дело.

- Государь, я говорю о длительном, на годы и десятилетия, процессе. Бить их всех надо и как следует бить. Но не только мечом и огнём, а и словом Божьим.

- Да-да, - усмехнулся Василий, - патриарх рассказал мне о вашей идее. Он её поддерживает.

- А вы?

- Обращение язычников в истинную веру дело святое. Тут я полностью на вашей стороне. Что же касается всего остального - посмотрим. Идея создания славянских государств вдоль границ цивилизации заманчива.

- Государь, я хотел бы решить ещё один вопрос, частный. Генерал Александр в настоящее время находится в моём загородном поместье. Этот человек много сделал для империи и вас. Он заслуживает снисхождения.

Василий налил полную чашку воды, снова опрокинул на себя. Холодные потоки залили лицо, хлынули за ворот.

- Эх, хорошо... Ещё большие заслуги он имеет перёд вами, верно? - усмехнулся император. - Я знаю, как много он сделал для вас лично. Ну что ж... По сути дела, он точно выполнил мой указ и при этом сохранил сотни жизней солдат, а новые солдаты обошлись бы мне очень не дёшево. Но всё же мог бы и порезать тысячу, другую болгар, мог бы... Ну, ничего, - ухмыльнулся Василий, - в следующий раз... Ладно, Александр не будет казнён, но вы же понимаете, сенатор, что о возвращении не может быть и речи. Придумайте что ни будь.

- Я отправлю Александра обратно в Русь. В порту достаточно кораблей русских купцов.